АЛЕКСАНДР БОЛЬНЫХ

Самое кровавое поражение Черчилля

Дарданеллы 1915:

Александр Больных

Дарданеллы 1915: Самое кровавое поражение Черчилля

Москва
«Яуза»
«Эксмо»
2014

УДК 355/359
ББК 68
Б 79

Оформление серии П.Волкова

В оформлении переплета использована иллюстрация художника А. Заикина

Редакция выражает благодарность Ф.Лисицину за помощь в подготовке книги

Больных А.Г.

Б 79 Дарданеллы 1915: Самое кровавое поражение Черчилля – М.: Яуза: ЭКСМО: 2014. – 160 с.: ил.

ISBN 978-5-699-68984-2

Первая книга о Дарданелльской катастрофе 1915 года, основанная не только на британских, французских, немецких, русских, но и на турецких источниках. Всё о самом кровавом и позорном поражении Черчилля и провале первого стратегического десанта в истории.

С юности склонный к опасным авантюрам и напрочь лишенный военного таланта, сэр Уинстон в марте 1915-го вознамерился одним ударом выбить Турцию из войны, с боем прорвавшись через Дарданеллы к Константинополю и заставив «османов» капитулировать. Но отвратительно спланированная и бездарно проведенная операция завершилась трагедией – всего за день англо-французский флот потерял на минах и под огнем береговых батарей три броненосца, еще несколько кораблей получили серьезные повреждения и спаслись лишь чудом. Еще худшей бойней обернулся десант на полуостров Галлиполи, где наступление также захлебнулось, и союзники положили в позиционной мясорубке 150 тысяч человек с нулевым результатом. Этот провал был тем более унизительным, что в зоне высадки турки не имели даже пулеметов, а косили наступающих из многоствольных картечниц, в других армиях давно снятых с вооружения. Последней каплей стала гибель еще трех броненосцев, потопленных немецкой подлодкой и турецким миноносцем, и провал второго десанта в бухте Сувла, после чего было решено эвакуировать галлиполийские плацдармы.

Эта книга восстанавливает все обстоятельства крупнейшей военной катастрофы в британской истории и самого постыдного фиаско в карьере Черчилля, после которого он вынужден был уйти в отставку с поста Первого Лорда Адмиралтейства (военно-морского министра). Коллекционное издание на мелованной бумаге высшего качества иллюстрировано сотнями редких карт, схем и фотографий.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-68984-2

© Больных А.Г., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

«Потери? А почему я вообще должен думать о потерях?» **4**
Средиземное море — бегство «Гебена» **7**
Проливы — кризис **21**
Дарданеллы — предыстория **29**
Галлиполи — война и политика **50**
Дарданеллы — катастрофа **55**
Галлиполи — кровавые берега **68**
Галлиполи — плацдармы **83**
Мраморное море — подводные лодки **94**
Проливы — война в воздухе **107**
Галлиполи — позиционный тупик **114**
Галлиполи — последняя попытка **123**
Галлиполи — эвакуация **134**
Дарданеллы — последний выход «Гебена» **140**
Приложение 1 ..... **151**
Библиография **159**

«Потери? А почему я вообще должен думать о потерях?»

Биографы Уинстона Черчилля не любят рассказывать о промахах и ошибках, которых этот незаурядный человек совершил достаточно много. Особенно дорого обходилось Великобритании неуемное желание сэра Уинстона покомандовать на поле боя. Сразу на память приходят такие эпизоды, как греческая авантюра весной 1941 года, гибель британских линкоров в декабре 1941 года возле Сингапура, провальное вторжение на Додеканезские острова в 1943 году. Но все эти поражения, которые дорого обошлись британской армии и флоту, меркнут перед операцией, которую затеял Черчилль в начале 1915 года — попыткой прорваться через Дарданеллы и нанести решительное поражение Турции.

В этот период Черчилль занимал пост Первого Лорда Адмиралтейства, то есть морского министра. В разгар Первой мировой войны, когда положение Антанты выглядело несколько сомнительным после серии болезненных поражений, он предложил нанести удар во фланг Центральным Державам и вывести из войны самое слабое их звено — Оттоманскую империю. Все военное руководство Великобритании выступило против этой авантюры. Ни Первый Морской Лорд (главнокомандующий британским флотом) адмирал Фишер, ни военный министр фельдмаршал Китченер не поддержали Черчилля. Однако сэр Уинстон всегда отличался редкостной энергией и напором, и под его давлением они капитулировали. Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что Фишер довольно быстро одумался и превратился в противника операции, но было уже поздно.

Как политическая фигура именно Черчилль инициировал эту операцию, но мало того, он принялся вмешиваться и в дела чисто военные. В результате неудачная операция очень быстро превратилась в настоящую катастрофу, точнее, следом за катастрофой флота в проливе Дарданеллы последовала трагедия армии на полуострове Галлиполи. Сложно вспомнить вторую такую битву, в которой гибель многих кораблей и тысяч солдат принесла бы абсолютно нулевой результат.

Уинстон Черчилль Первый Лорд Адмиралтейства среди британских военных 1914 г.

Однако генералы и адмиралы, командовавшие в районе боев, продемонстрировали такую же некомпетентность, как и политическое руководство. Некомпетентность на всех уровнях и во всех звеньях — вот характерная черта Дарданелльской операции. Генералы, как выяснилось, совершенно не понимали природы современной войны, прочно застряв в золотых временах королевы Виктории. Адмиралы постоянно проявляли слабость и нерешительность, ничем не напоминая железных флотоводцев эпохи Нельсона. Впрочем, как мы еще увидим, младшие офицеры проявили себя ничуть не лучше. Впрочем, объяснение этого лежит на поверхности. Кстати, в 1914 году средний возраст командира батальона в британской армии достиг 50 лет! В других армиях в таком возрасте дивизиями командуют, если не корпусами, так чего вы хотите от старичков? 250 тысяч убитых и раненых, 6 потопленных броненосцев — вот итоги авантюры, которую затеял Уинстон Черчилль.

Очень часто пишут, что неудачи Красной Армии летом 1941 года были обусловлены неподготовленностью командного состава. Да, во многом это справедливо. Однако, если вы желаете увидеть **эталонный** пример некомпетентности и неадекватности командования, вам следует изучить историю Дарданелльской операции 1915 года. Такие персонажи, как адмиралы Беркли Милн и Сэквилл Карден, генералы Иен Гамильтон, Эйлмер Хантер-Уэстон, Фредерик Стопфорд, навсегда вписали свои имена в военную историю Британской империи, только вот не на те страницы, о которых мечтают юные лейтенанты.

Британский историк Робин Ниланс написал толстую книгу «Генералы Великой войны», в которой попытался хоть как-то оправдать британских генералов, «отличившихся» на полях Первой мировой. Общее мнение о них было таким: большинство генералов было черствыми, бездушными, неумными, жестокими аристократами, которые отсиживались вдали от передовой в уютных замках, наливались шотландским виски и гнали на вражеские пулеметы миллионы солдат, которые гибли в бесплодных атаках, повторявшихся до самого конца войны. Апофеозом таких атак стал первый день Битвы на Сомме 1 июля 1916 года, когда британская армия потеряла 57470 человек, в том числе 19240 человек убитыми. «Потери? А почему я вообще должен думать о потерях?!» — изрек ранее генерал-майор Хантер-Уэстон, командовавший 29-й дивизией на полуострове Галлиполи, в ответ на упрек генерала Гамильтона. Во время бойни на Сомме Хантер-Уэстон уже в звании генерал-лейтенанта командовал VIII корпусом, который понес самые большие потери, вообще ничего не добившись. Мы сталкиваемся с интересным случаем: книга оказывается умнее автора, повествование вырывается из рук, историческая правда оказывается сильнее авторского замысла. В результате Ниланс доказывает именно то, что хотел опровергнуть,

Битвы на Западном фронте. Сомма — атака пехоты (вверху) и ее обычный результат (справа)

недаром последняя глава его работы называется «Приговор генералам». Но неспроста он не стал рассматривать бои на полуострове Галлиполи, ведь во Франции британская армия хоть чего-то, но добилась, в Дарданеллах результат был удручающим: потери и ничего более.

Хотя есть какая-то высшая справедливость в том, что только британская армия в Первую мировую войну потеряла двух фельдмаршалов. В ноябре 1914 года лорд Робертс отправился инспектировать войска на фронте во Франции и подхватил воспаление легких, от которого не сумел оправиться. В июне 1916 года военный министр Китченер погиб на крейсере «Хэмпшир», который подорвался на мине и затонул практически со всей командой.

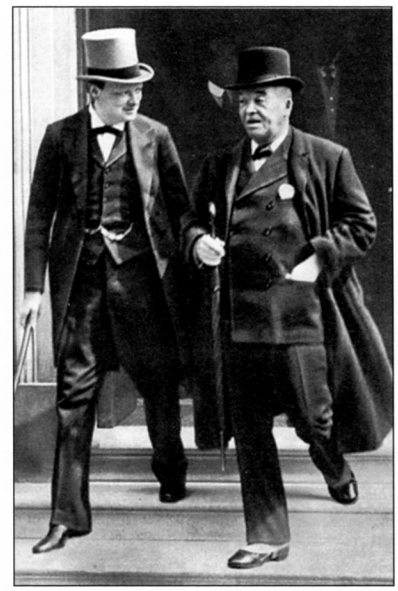
Неважно показал себя в этой операции и Королевский Флот. Увы, он тоже показал свою полную неготовность к новой войне. К некомпетентности и нерешительности здесь примешалась изрядная доля самоуверенности и разгильдяйства. Адмиралы полагали, что слава «Владычицы морей» сама по себе принесет им победу, увы... Можно было сколь угодно долго рассуждать о том, что «мины являются оружием слабого», но в результате это оружие нанесло самому сильному в мире флоту тяжелые потери. Единственным утешением для британских адмиралов было то, что они потеряли в Дарданеллах 6 броненосцев, которые были

Полуостров Гелиболу (Галлиполи) и пролив Дарданеллы, вид со спутника

кораблями второй линии, во многом утратившими боевую ценность. Но при этом «Буве» и «Оушн» унесли на дно почти всю свою команду, на каждом из них за считаные минуты погибли более 500 человек. Да и общие потери оказались очень внушительными.

* * *

Историю Дарданелльской операции часто начинают рассказывать с 1807 года, когда эскадра британского адмирала Дакуорта прошла через Дарданеллы и появилась перед Константинополем. Англичане намеревались продемонстрировать туркам свою силу и заставить их выполнить определенные требования. По пути Дакуорт уничтожил небольшую турецкую эскадру и, казалось, мог рассчитывать на успех. Но вместо жестких ультиматумов, подкрепленных пушечными залпами, британские дипломаты затеяли бессмысленную затяжную говорильню, закончившуюся ничем. В результате адмиралу пришлось уходить, причем во второй раз прорыв через Дарданеллы стоил ему заметно дороже. Хорошо еще, что он не задержался в Мраморном море еще на пару недель, иначе турки просто перетопили бы его корабли, а так англичане отделались повреждениями и серьезными потерями в людях.



Первый Лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль и адмирал Дж. Фишер

Но вот что интересно, русские историки, с удовольствием рассказывая об этой неудаче Королевского Флота, старательно забывают о причинах операции, а они очень любопытны. Дело в том, что в это время на континенте бушевала очередная война, развязанная Наполеоном. Она развивалась неблагоприятно для противников Франции, несмотря на знаменитый Трафальгар, а тут еще Турция стараниями французского посла генерала Себастиани объявила войну России. Англичанам это было крайне невыгодно, так как они хотели сохранить своего самого сильного союзника в борьбе против Наполеона, вот тогда и была предпринята эта экспедиция. Увы, она закончилась неудачей, а Россия подписала с Францией Тильзитский мирный договор, во многом осложнивший положение Англии.

В 1915 году события повторились. Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обратился к англичанам с просьбой предпринять какие-нибудь операции против турок, чтобы облегчить положение русских войск на Кавказе. Остальное за него додумал Уинстон Черчилль, за инициативы которого британские армия и флот не раз платили большой кровью. Он решил, что если Королевский Флот снова прорвется к Константинополю, то Турции не останется ничего иного, кроме как капитулировать. Эту инициативу без всякого энтузиазма встретили военный министр фельдмаршал Китченер и главнокомандующий Королевским Флотом адмирал Фишер. Но Черчилль сумел их убедить, тем более, что сначала участие сухопутных войск не предполагалось вообще, а флот должен был отправить в Дарданеллы только старые корабли, которым нашлось хоть какое-то применение.

В результате началась операция, которую можно характеризовать так: с самого начала и до самого конца все делалось недостаточными силами, неправильно и не вовремя. Операция была начата с опозданием, а завершилась преждевременно, и что было хуже, сказать сложно. Десятки тысяч погибших, потопленные корабли, тяжелейшие последствия, как политические, так и военные — вот был результат этой авантюры.

Как все это выглядело, легко себе представить, если посмотреть австралийский фильм «Галлиполи», тяжелый, кровавый, но правдивый. В чем-то он похож на наш фильм «Иди и смотри» — та же самая военная правда без прикрас и ретуши. В Великобритании его не показывают. В Соединенном Королевстве, разумеется, нет и не может быть цензуры, вот просто не показывают эту ленту — и все. Она, между прочим, посвящена совершенно конкретным событиям, происходившим в начале августа 1915 года на плацдарме, занятом австралийским корпусом, так называемой «Битве за Перевал», когда, чтобы продвинуть позиции на 100 метров по приказу английского генерала, погибли 2000 австралийцев.

Вот об этой кампании, обо всех ее сражениях на суше и на море, и рассказывает наша книга.

Первая Дарданелльская операция британского флота 1807. Адмирал сэр Джон Дакуорт прорывается через пролив Дарданеллы
Картина Филиппа Джеймса де Лютербурга

Средиземное море — бегство «Гебена»

Неудачной попытке Королевского Флота прорваться через Дарданеллы предшествовал другой эпизод, во многом определивший дальнейший ход войны на Средиземном и Черном морях. Эскадра адмирала Сушона, состоящая из линейного и легкого крейсеров, сумела без особых проблем пересечь всю восточную часть Средиземного моря от Сицилии до Дарданелл, благополучно ускользнув от французского и английского флотов, имевших огромное превосходство в силах.

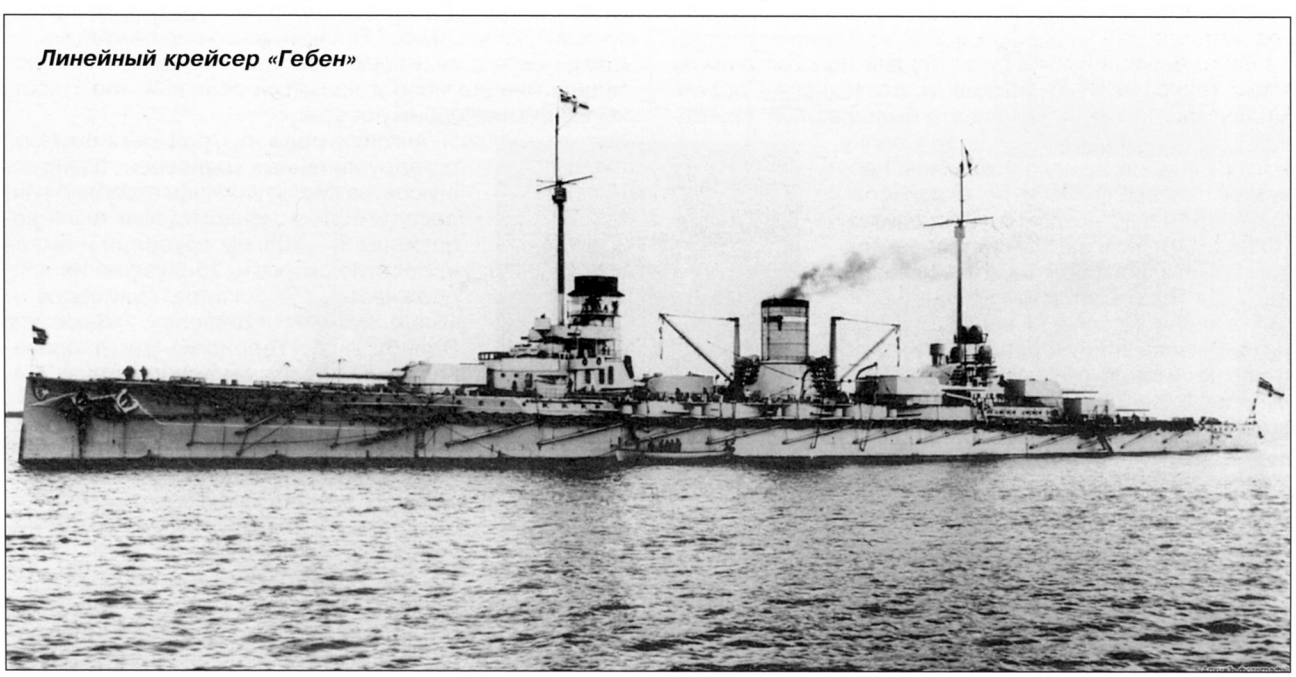
Вообще-то этот эпизод практически во всех исторических работах назван гораздо более эффектно — прорыв «Гебена» и «Бреслау». Но при слове «прорыв» перед глазами невольно возникают поднятые стеньговые флаги, бешеная стрельба с обоих бортов, кипящий носовой бурун, шлейф густого черного дыма, стелющийся за кормой... И лихорадочное, напряженное ожидание: кто же первым попадет в цель? Преследуемый всадит снаряд под ватерлинию догоняющему, и тот будет вынужден сбавить ход, чтобы под напором воды не затрещали переборки, или догоняющий вобьет противнику снаряд в машинное отделение, и несчастная жертва остановится, окутавшись облаками пара... Однако при ближайшем рассмотрении эпизод, которым открывается война на Средиземном море, больше напоминает унылую прогулку сонных осенних мух по оконному стеклу. Туда, сюда, вправо, влево... Не спеша, вперевалочку, с остановками и раздумьями. А самое главное — бессмысленно и бесцельно, по крайней мере, для одной из сторон.

Вопрос о бегстве «Гебена» стал одним из самых обсуждаемых и в историографии, и особенно в популярной литературе. Упражняются в толковании виртуальной истории все, кому только не лень. Не обошли стороной сей вопрос и русские историки, благо нас проблема «Гебена» касалась впрямую. Очень рекомендую прочитать прекрасную повесть Бориса Лавренева «Стратегическая ошибка».

Вообще-то напрашиваются аналогии с другой знаменитой операцией немецкого флота — прорывом «Шарнхорста» и «Гнейзенау» через Ла-Манш в феврале 1942 года, но эта аналогия чисто внешняя. События первых дней войны резко отличаются от того, что происходит позднее. Да и выглядит операция «Церберус» гораздо эффектней, чем практически беспрепятственное бегство «Гебена» и «Бреслау». Зато последствия их по значимости тоже противоположны. Да, разумеется, англичанам больше не грозил прорыв «Шарнхорста» и «Гнейзенау» в Атлантику, но в 1942 году такая попытка выглядела уже более чем сомнительной. Появление «Шарнхорста» в Норвегии по сути не изменило стратегическую обстановку в Арктике. Зато приход «Гебена» в Турцию, сначала выглядевший почти безобидным, вскоре перевернул вверх дном всю ситуацию на Среднем Востоке. Именно он привел к вступлению Турции в войну, а потом вынудил англичан начать Дарданелльскую операцию, завершившуюся тяжелым поражением и колоссальными потерями. Наиболее эффектную характеристику этому эпизоду дал лауреат Нобелевской премии по литературе сэр Уинстон Черчилль: «Ни один корабль в истории с тех пор, как появился компас, не принес людям столько крови, страданий и разрушений».

Интересно, что некоторые английские историки называют «Гебен» причиной Великой Октябрьской революции и всех последующих пертурбаций в мировой истории. Дескать, линейный крейсер пришел в Константинополь, Турция объявила войну Антанте, закрылись черноморские проливы, нарушились поставки

Линейный крейсер «Гебен»



оружия и боеприпасов русской армии, Восточный фронт рухнул, Россия вышла из войны, большевики воспользовались хаосом и захватили власть. Такая вот логическая цепочка. И во всем виноват «Гебен»!

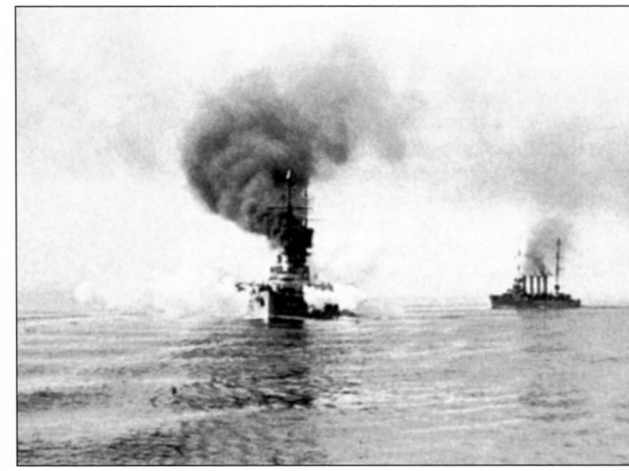
* * *

История эта началась в 1912 году во время Первой балканской войны. Турция была наголову разбита коалицией балканских стран (Болгария, Сербия и Греция), падение Константинополя казалось вопросом дней, и тогда великий визирь обратился к основным европейским державам с просьбой прислать эскадру для защиты турецкой столицы. Страны, подписавшие в конце прошлого века Берлинский трактат, такую эскадру прислали. Император Вильгельм II неожиданно оказался провидцем и отправил в Средиземное море 2 новейших корабля — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», хотя можно было ограничиться каким-нибудь броненосным крейсером, который не ослаблял германский флот на его главном театре — Северном море. Командующим Средиземноморской дивизией 23 октября 1913 года был назначен контр-адмирал Вильгельм Сушон, известный среди коллег под прозвищем «дипломат».

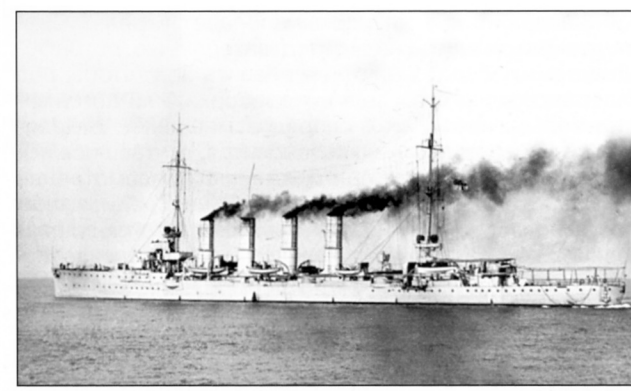
Весной 1914 года «Гебен» совершил ряд походов, его машины требовали ремонта, также необходима была очистка днища. По утверждению германского историка Германа Лорея, «Гебен» мог надежно держать не более 14 узлов и лишь на короткое время развивал 20 узлов. Поэтому после убийства австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, которое произошло в Сараеве 28 июня, линейный крейсер был спешно отправлен в австрийскую военно-морскую базу Пола для ремонта. Полностью отремонтировать машины не удалось, но все-таки теперь «Гебен» мог развить до 24 узлов.

На совещании в марте 1914 года Сушон и командующий австрийским флотом адмирал Антон Гаус решили, что главной задачей морских сил Центральных Держав на Средиземном море является предотвращение перевозки французских войск из Алжира в метрополию. При выполнении этой задачи немцам должны были помогать австрийские и итальянские легкие крейсера и эсминцы. Но все это было реально при одном маленьком условии — если в войну вступит Италия, однако итальянцы проявили благоразумие и не стали спешить, временно сохранив нейтралитет. Поэтому, на всякий случай, вспомним, как развивались события в начале августа 1914 года. 1 августа Германия объявила войну России, 3 августа Германия объявила войну Франции, 4 августа Великобритания объявила войну Германии, 6 августа Австрия объявила войну России, 11 августа Франция объявила войну Австрии и 12 августа Великобритания объявила войну Австрии. Уже один этот разнобой способен изрядно запутать ситуацию и поставить в тупик любого адмирала, привыкшего к простым решениям: вот враг, вот пушка — пли!

Поэтому не следует удивляться полнейшему разброду, который царил в

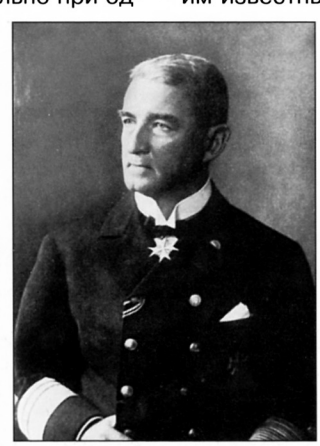


Средиземноморская дивизия ВМФ Германии



Легкий крейсер «Бреслау», вид на 1914 г.

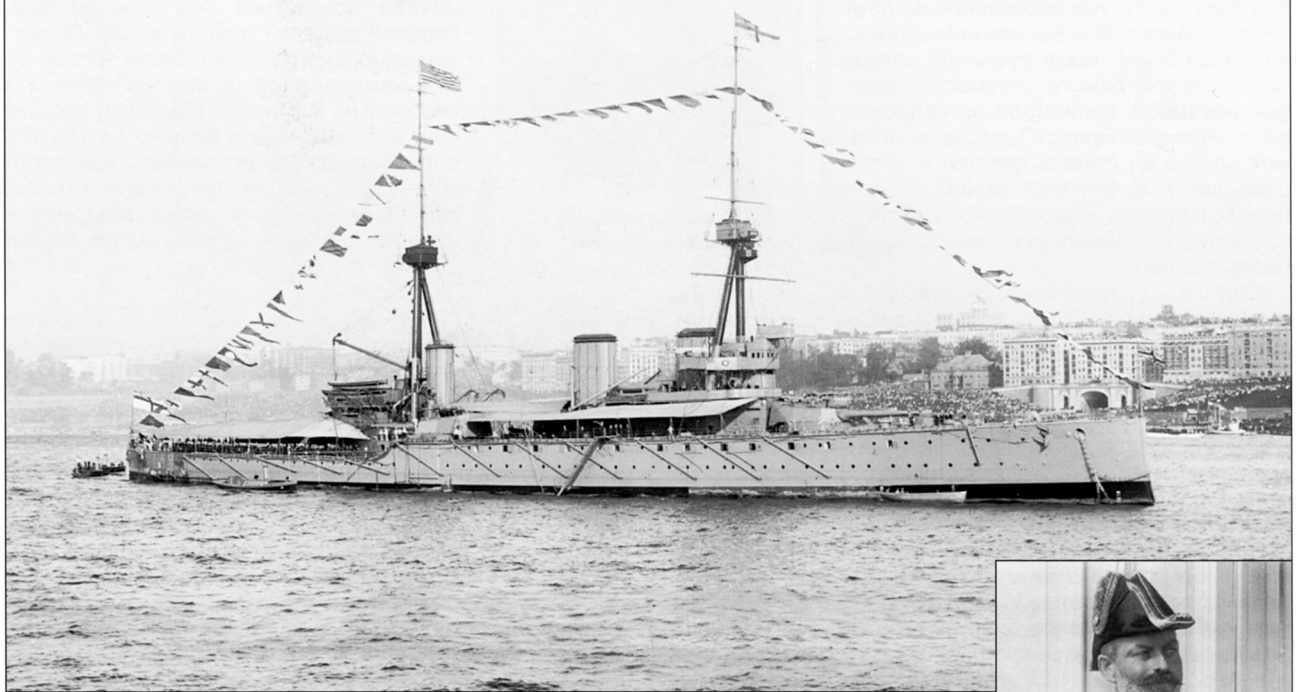
стане союзников, причем собственные политики делали все возможное и невозможное, чтобы сбить с толку своих же военных. Впрочем, сами военные тоже показали себя с нелучшей стороны. Немцы все-таки обладали инициативой в принятии решений, что давало им известные преимущества.



Контр-адмирал Вильгельм Антон Сушон, командующий Средиземноморской дивизии

Англия имела на Средиземном море эскадру линейных крейсеров, базирующуюся на Мальту. «Инфлексибл», «Индефетигебл» и «Индомитебл» были вооружены 8 — 305-мм орудиями и имели проектную скорость 25,5 узлов. Их поддерживала 1-я эскадра крейсеров — «Блэк Принс», «Дифенс», «Дьюк оф Эдинбург» и «Уорриор». Эти 4 броненосных крейсера были вооружены 234-мм, 190-мм и 152-мм орудиями, но не могли ходить быстрее 23 узлов. Кроме них на Средиземном море Британия имела 4 легких крейсера типа «Таун» (152-мм орудия; скорость 25,5 узла) и флотилию эсминцев. Этими силами командовал адмирал сэр Арчибальд Беркли Милн, имевший твердую репутацию паркетного адмирала. Он добился своего звания и поста лестью, но никак не профессиональными качествами. И в

«Инфлексибл» — представитель первой серии первого поколения британских линейных крейсеров. Снимок сделан во время визита корабля в Нью-Йорк в 1909 г.



Главнокомандующий Средиземноморским флотом сэр Арчибальд Беркли Милн

«Индефетигебл» — головной корабль второй серии британских линейных крейсеров, внешний вид на конец 1911 г.

ходе дальнейших событий Милн продемонстрировал полнейшую безынициативность и непредусмотрительность. В 1912 году Фишер писал Черчиллю: «Назначив сэра Беркли Милна, вы предали флот. Ведь вам отлично известно, что он совершенно не способен быть командиром эскадры, однако вы дали ему этот пост». Несдержанный на язык Первый Морской Лорд ненавидел Милна и еще 5 лет назад публично назвал его «гадюкой самого гнусного толка». 1-й эскадрой крейсеров командовал контр-адмирал Эрнест Трубридж, потомок одного из лучших капитанов Нельсона, который считался одним из лучших адмиралов Королевского Флота, как вскоре выяснилось, совершенно неоправданно.

Командующий французским Средиземноморским флотом вице-адмирал Огюстин Эмманюэль Юбер Гастон Мари Буэ де Лапейрер

Справедливости ради укажем, что стратегическая ситуация на Средиземном море сложилась крайне запутанная. Французы имели 3 дредноута, из которых 2 пока еще не были полностью боеспособны, и 10 броненосцев под командованием адмирала Буэ де Лапейрера. Им противостояли 3 австрийских дредноута и 3 броненосца. Если к австрийским кораблям добавятся 2 итальянских дредноута и 6 броненосцев, то шансы соединенной англо-французской эскадры станут довольно сомнительными. Впрочем, у британского главнокомандующего на Средиземноморье хватало забот и кроме борьбы с итальянскими и австрийскими дредноутами. Как говорил еще Наполеон: «Главный вопрос: кто владеет Константинополем?» За влияние на султана Мехмед-Решада V соперничали многие державы, Британия послала военно-морскую миссию под руководством контр-адмирала Артура Лимпуса для обучения турецких моряков. Германия отправила свою миссию под командой генерала Лимана фон Сандерса для обучения турецкой армии.

Безусловно, большинство ошибок совершили англичане, но справедливости ради следует сказать, что первыми начали ошибаться все-таки не они. Главной задачей французского Средиземноморского флота было обеспечение немедленной перевозки войск XIX корпуса из Алжира в Марсель, причем еще до войны было решено не тратить время попусту и отправлять транспорты поодиночке, не формируя конвои. Но это решение не предусматривало наличия «Гебена»! В результате де Лапейрер растерялся, но точно так же растерялись и деятели в Париже. 2 августа состоялось совещание, на котором военный министр Мессими усомнился в возможностях флота, зато морской министр Готье наоборот предложил немедленно атаковать немецкие корабли. После жаркой перепалки с руганью Готье подал в отставку, всего за день до начала войны... Только 4 августа появился новый министр Оганье, зато на два решающих дня французский флот оказался обезглавлен.

Вечером 2 августа де Лапейрер, находившийся на борту своего флагманского дредноута «Курбе» в Тулоне, получил сообщение из Бизерты, что перехвачены радиопереговоры немецких кораблей. Адмирал немедленно отправил в Бизерту и Алжир приказ приостановить вся перевозки. Так как французский флот стоял в портах, не готовый к походу, это означало задержку прибытия XIX корпуса во Францию минимум на два дня.

Линейный корабль «Курбе» – флагман группы В французского Средиземноморского флота

«Дидро» – флагман группы А французского Средиземноморского флота

Лишь в 01.30 де Лапейрер получил сообщение из Парижа, что немецкие корабли стоят в Мессине.

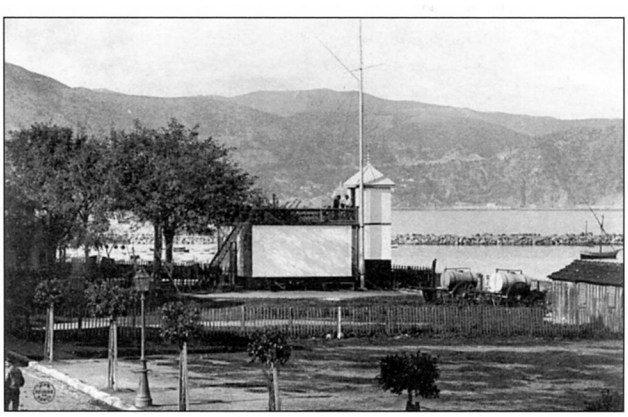
Действительно, «Гебен» и «Бреслау» 2 августа прибыли в Мессину, но никаких австрийских или итальянских кораблей там не нашли. Более того, итальянцы не дали немцам ни угля, ни провизии. Единственное, что смог сделать Сушон — принять уголь с германского парохода «Генерал», предусмотрительно вызванного в Мессину. 2 августа Адмиралштаб сообщил Сушону, что начаты военные действия против России, и война с Францией стала неизбежной. Сушон самостоятельно решил нанести удар по алжирским портам Бон и Филиппвилль. В ночь со 2 на 3 августа германские корабли покинули Мессину.

3 августа главные силы французского флота вышли из Тулона. Группой А командовал вице-адмирал Шошпра. Она состояла из броненосцев «Дидро» (флагман), «Дантон», «Кондорсе», «Вольтер», «Мирабо» и «Верньо», 4 броненосных крейсеров и 12 миноносцев. Эти корабли должны были следовать в Филиппвилль. Сам Лапейрер командовал группой В, которая состояла из дредноута «Курбе», броненосцев «Верите», «Демократи», «Жюстис», «Патри» и «Республик», 3 броненосных крейсеров и 12 миноносцев. Лапейрер направился в Алжир. Группа С, которой командовал контр-адмирал Гепратт, состояла из старых броненосцев «Жоригиберри», «Сюффрен», «Сен-Луи», «Голуа» и 4 миноносцев, она получила приказ следовать в Оран. При этом французы никуда не спешили и держали скорость не более 12 узлов.

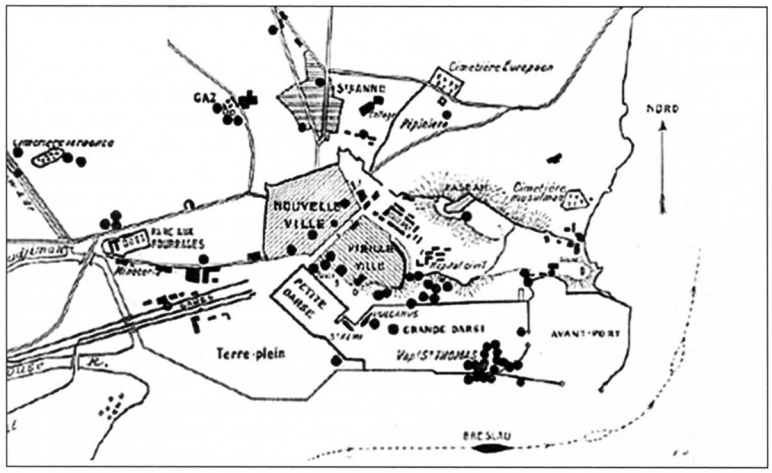
Как Сушон намеревался атаковать французские транспорты при наличии таких сил прикрытия, остается неясным, вероятно, он верил в мифическое превосходство дредноута над любым количеством броненосцев. Хотя именно его встречи с русским Черноморским флотом показали всю ошибочность такого мнения. В результате германский адмирал, решив добиться мелкого тактического успеха, поставил свои корабли в опасное положение.

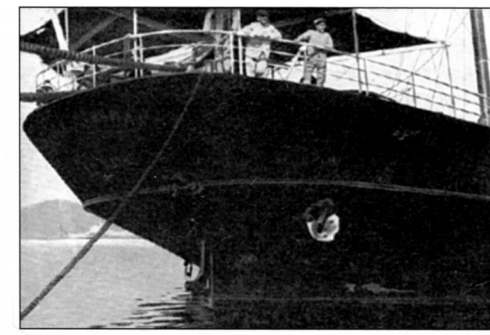
Как мы уже упоминали, политики делали все возможное, чтобы осложнить задачу военных. И в 01.10 де Лапейрер получил странную директиву из Парижа: «Правительство совершенно уверено, что ваша бдительность обеспечит всю возможную сохранность войсковых транспортов. Но, соглашаясь с мнением военного министерства, мы решили, что конвои не следует формировать. Все транспорты должны выходить в назначенное время самостоятельно с максимальной скоростью».

А вскоре после этого пришла другая радиограмма, которая заставила порадоваться, что распоряжение правительства не было исполнено. На рассвете 4 августа германский линейный крейсер появился у Филиппвилля, а его спутник — у Бона. С 06.08 до 06.18 линейный крейсер обстреливал порт из 150-мм орудий, выпустив 43 снаряда. В это же время «Бреслау» выпустил 60 снарядов по Бону. По мнению немцев,



Филиппвиль, лоцманская станция – одна из целей обстрела «Гебеном». Довоенная фотография





Слева: схема обстрела порта Бон крейсером «Бреслау». Черными точками отмечены места падения снарядов
Вверху: пароход «Святой Томас», пораженный 105-мм снарядом с «Бреслау»

они нанесли серьезный ущерб портовым сооружениям и задержали отправку французских войск, хотя на самом деле это было не так. После обстрела немецкие корабли ушли на запад. Лапейрер приказал группе А как можно скорее перехватить «Гебен» и навязать ему бой, однако скорость эскадры была ограничена 15 узлами, больше не позволяли развить текущие котлы «Мирабо», проблемы с машинами имел и миноносец «Карабиньер». Диспозиция французов была такова, что если бы де Лапейрер начал энергичную погоню, немцы почти наверняка были бы перехвачены одной из групп. Однако он совершил грубейшую ошибку, привязав весь флот к самому тихоходному кораблю («Мирабо»).

В результате, хотя примерно в 06.30 наблюдатели на мысе Кап де Фер заметили дымы, движущиеся на **восток**, и сообщили об этом, что-то делать было уже поздно. Эта радиограмма была получена на «Курбе» в 09.15, и адмирал решил не обращать на нее внимания. С этого момента французский флот можно было списать со счета. Поэтому хотя 5 августа де Лапейрер и сформировал группу D из «Курбе» и броненосцев «Кондорсе» и «Верньо», это уже не имело никакого значения. Единственное, чем мог похвастаться французский адмирал, так это тем, что все 48000 солдат и 11800 лошадей, пусть и с опозданием, благополучно добрались до Франции.

Ах, если бы только не злосчастные котлы... Кстати, тщательный анализ прокладок немцев и французов показывает, что Сушон рисковал налететь на самый неприятный из возможных вариантов, ближе всего к немцам оказалась группа В во главе с дредноутом «Курбе». Впрочем, история не знает сослагательного наклонения.

Завершив обстрел, немецкие корабли соединились, чтобы продолжить свой путь. Утром 4 августа Сушон получил радиограмму из Берлина: «Заключен союз с Турцией. «Гебену» и «Бреслау» немедленно следовать в Константинополь».

Адмирал не знал, что, отдавая этот приказ, Тирпиц немного опережал события: интриги германского посла в Константинополе фон Вангенгейма еще не возымели полного результата, и Энвер-паша не был до конца убежден, что союз с Германией — в интересах младотурков, которые почти полностью управляли страной. Однако эти тонкости мало беспокоили адмирала, ведь чтобы совершить предложенный переход, его кораблям следовало сначала заправить бункера, поэтому Сушон решил снова зайти в Мессину.

* * *

Теперь посмотрим, что в это время делал прославленный Королевский Флот. Основная часть сил Милна находилась в Александрии. Трубридж в это время находился в Дураццо на своем флагмане «Дифенс» вместе с одним эсминцем. Однако вечером 27 июля Адмиралтейство передало: «Европейская политическая ситуация делает войну вполне возможной. Будьте готовы преследовать корабли возможных противников. Возвращайтесь на Мальту на обычной скорости и оставайтесь там со всеми кораблями, завершая бункеровку».

Эта телеграмма вернула Милна из Александрии в Ла-Валетту, где он 30 июля получил новое распоряжение: «Позиция Италии не определена. Чрезвычайно важно, чтобы ваша эскадра не вступала в серьезные бои с австрийцами, пока итальянцы не сделают это же. Вашей первой задачей является помощь французам в перевозке их Африканской армии путем конвоирования. Если возможно, навязывайте бой отдельным германским кораблям, особенно «Гебену», который может помешать перевозкам. На этой стадии не вступайте в бой с превосходящими силами. Скорость вашей эскадры вполне достаточна для выбора подходящего момента. Будьте сдержанны поначалу, мы надеемся позднее усилить Средиземноморский флот». Милн начал не спеша приводить свои корабли в состояние боеготовности, что было сделано к вечеру 1 августа. Ему было известно, что в это время «Гебен» и «Бреслау» принимают уголь в Бриндизи, а вот о том, что они чуть позже перешли в Мессину, он уже не знал.

1 августа во второй половине дня Милн получил новый приказ: «Гебен» должны преследовать два линейных крейсера. Подходы к Адриатике должны охраняться крейсерами и эсминцами. Сами оставайтесь возле Мальты. Считается, что Италия останется нейтральной, но в этом нет полной уверенности». После этого адмирал Милн отправил легкий крейсер «Чатам» наблюдать за Мессинским проливом, а после наступления темноты Трубридж вышел в море и направился в Отрантский пролив, караулить вход в Адриатику. Он

имел 3 своих броненосных крейсера из 4, легкий крейсер «Глостер» и 8 эсминцев. Но, что самое главное, с ним шли линейные крейсера «Индомитебл» и «Индефетигебл».

В этот же день, но уже вечером, Адмиралтейство предложило Милну по возможности согласовать свои действия с французами, на что адмирал, продолжавший жить по законам мирного времени, ответил, что у него нет подходящих шифров, а потому, что он должен делать? Дождавшись **через сутки** соответствующей директивы, он попытался связаться с де Лапейрером, который только что вышел из Тулона, но безрезультатно. Поэтому вечером 3 августа Милн отправил легкий крейсер «Дублин» в Бизерту с **письмом**, где предлагал сотрудничество.

Когда вечером 2 августа «Чатам» и эскадра Трубриджа вышли в назначенные районы, Милн в очередной раз запросил Лондон: что ему делать? В ответ пришла телеграмма, составленная лично Черчиллем: «Следует наблюдать за входом в Адриатику, но «Гебен» — ваша главная цель. Следуйте за ним и следите, куда бы он ни пошел. Будьте готовы действовать в случае объявления войны, которое кажется вероятным и скорым».

Но англичане никуда не спешили. Утром 3 августа «Чатам» наведался в Мессину и никого там не застал, немцы ушли еще 6 часов назад. Когда Милн сообщил Трубриджу, что немцы ушли из Мессины на запад, уже тот запросил: караулить ли дальше Адриатику? И тут Милн показал себя, что он паркетный адмирал, и никакой иной, отправив идеальный ответ бюрократа. «Да, но «Гебен» все равно ваша главная забота». Дескать, решайте сами, что делать, а я умываю руки. Растерявшийся Трубридж передал: «Должен ли я послать линейные крейсера на запад от Сицилии?» Ответ: «Ничего не делайте до получения надежных сведений о «Гебене». Лишь позднее Милн приказал оставить в Отрантском проливе «Глостер» вместе с 8 миноносцами и, взяв тяжелые корабли, следовать на запад вдоль южного берега Сицилии. При некоторой доле удачи можно было зажать «Гебен» в клещи между английским и французским флотами.

Но у адмирала Милна оказались семь пятниц на неделе. Еще через несколько часов он приказывает Трубриджу вместе с броненосными крейсерами отправиться в Отрантский пролив, оставив линейные крейсера на прежнем курсе. «Чатам» получил приказ присоединиться к эскадре Трубриджа. Флагман Милна линейный крейсер «Инфлексибл», легкий крейсер «Веймут» и 4 эсминца оставались на Мальте в качестве резерва.

И тут снова вмешался Лондон. Когда «Чатам» сообщил, что в Мессине никого нет, в Адмиралтействе отсутствие сведений о кораблях Сушона вызвало серьезную тревогу. Было решено, что они могут попытаться прорваться в Атлантику, и Милну приказали отправить «Индомитебл» и «Индефетигебл» в Гибралтар. «Индомитебл» (капитан 1 ранга Кеннеди) и «Индефетигебл» (капитан 1 ранга Сойерби) увеличили скорость до 22 узлов. Это уже было похоже на погоню.

Здесь удача впервые улыбнулась англичанам. В 09.32 наблюдатель «Индомитебла» заметил справа по носу легкий крейсер, идущий на восток полным ходом, а через пару минут другой наблюдатель увидел слева по носу линейный крейсер, который также шел на восток. Когда немецкие корабли были точно опознаны, в 09.46 Кеннеди отправил радиограмму об этом Милну. Но ведь Англия еще не воевала! Поэтому единственное, что сделал Милн — приказал крейсеру «Дублин» идти из Бизерты на соединение с линейными крейсерами. Одновременно он передал в Адмиралтейство, что «Гебен» обнаружен, но забыл (**?!**) сообщить, что немцы идут на восток.

В результате английские корабли разошлись с «Гебеном» на контркурсах на расстоянии всего 8000 ярдов. Британия и Германия не воевали, и орудия были развернуты на ноль. Капитан 1 ранга Кеннеди, командир «Индомитебла», командовавший соединением, воздержался от обычного салюта адмиральскому флагу, хотя такое нарушение международных обычаев могло быть превратно истолковано. Он знал свой долг: линейные крейсера развернулись и начали преследование, держась поодаль на каждой раковине на расстоянии примерно 10000 ярдов. Немецкий легкий крейсер немедленно увеличил скорость и ушел на север. Эта новость восхитила Черчилля. «Отлично. Держим их. Война неизбежна», — передал он Милну. Более того, воинственная натура сэра Уинстона сказалась, и он передал приказ: «Если «Гебен» атакует французские транспорты, вы дадите ему бой, но перед этим вы должны сделать недвусмысленное предупреждение».

Позднее Черчилль написал, больше поддавшись чувствам, чем желанию воспроизвести детали: «Весь долгий летний вечер три огромных корабля, преследуемый и преследователи, вспарывали прозрачную воду Средиземного моря, храня тягостное, напряженное молчание. В любой момент «Гебен» мог быть сокрушен огнем 16 — 305-мм орудий, выпускавших втрое больше металла, чем он сам. В Адмиралтействе мы испытывали муки Тантала. Около пяти часов вечера Первый Морской Лорд принц Луи Баттенберг заметил,

Британские корабли преследуют «Гебен» и «Бреслау» *(Бундесархив)*

Справа: адмирал флота сэр Джон Дональд Келли – в 1914-м был командиром крейсера «Дублин». Предложил открыть огонь по немецким кораблям до официального объявления войны в ходе «большой погони за «Гебеном»

Легкий крейсер «Дублин»

что до темноты еще достаточно времени, чтобы потопить «Гебен».

Все это было красиво, однако правительство категорически запретило любые действия до истечения срока ультиматума — полночь по Гринвичу, и в 14.04 Адмиралтейство по радио специально подтвердило этот запрет всем кораблям в Средиземном море. В это же время прибыл «Дублин», и капитан 1 ранга Кеннеди, командовавший отрядом, приказал ему держаться на правом траверзе «Гебена», но за пределами досягаемости немецких орудий.

«Я не мог промолвить и слова», — завершает Черчилль, потому что кабинет не разрешил бы никаких действий до истечения в полночь срока ультиматума Германии. Адмиралтейство еще за 2 часа до предъявления ультиматума Германии настаивало на разрешении атаковать «Гебен», если он нападет на французские порты. Когда пришло известие об обстреле Бона, такое разрешение было дано, но Милн получил его только в 17.00. Приказ, контрприказ, контрконтрприказ. Это бардак, сухо заметил в свое время Наполеон.

Но теперь возникли сомнения: удастся ли не упустить «Гебен»? Пока что он поддерживал скорость 22,5 узла, временами развивая 24, несмотря на неисправности в котлах, которые так и не удалось устранить. Британские линейные крейсера не выдерживали этой гонки. Они давно не были в доке и имели кочегарные команды, укомплектованные по штатам мирного времени, то есть уменьшенные. К 17.00 немецкий линейный крейсер уже был едва различим с «Индомитебла», хотя «Индефетигебл» и «Дублин» не отставали. Ну и чисто английская специфика, Кеннеди отметил в бортжурнале «Команда имеет пить чай. «Индефетигебл» делает это после нас». Файв-о-клок, какие тут погони? Традиция, господа!

В результате к 17.35 Сушон так оторвался от преследователей, что сначала «Индомитебл» потерял его, а вскоре и «Индефетигебл». Более быстроходному «Дублину» удавалось продержаться на хвосте у немцев еще 2 часа. Командир «Дублина» запросил разрешение открыть огонь по «Бреслау», но получил отказ. Поднялся легкий туман, и немцы окончательно пропали, когда корабли находились у северо-западной оконечности Сицилии.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Известный британский историк Вильсон рассказывает, что «Гебен» после ремонта в Поле мог развить скорость на 2 узла больше, чем показал на испытаниях, то есть 30 узлов. В то же время, дескать, британские линейные крейсера не могли дать более 22 узлов. Но как при этом Кеннеди удерживался на хвосте Сушона целых 5 часов? Ведь за это время «Гебен» должен был оторваться на целых 40 миль!

Предполагая, что германские корабли должны вернуться в Адриатику, Кеннеди должен был двигаться на восток и закрыть своими линейными крейсерами северный вход в Мессинский пролив. Однако он получил известие, что Италия покинула Тройственный союз и объявила о своем нейтралитете. Она запретила кораблям воюющих держав подходить на расстояние менее 6 миль к своим берегам, Уайтхолл потребовал соблюдать этот запрет. В результате оставшиеся ни с чем преследователи соединились с «Инфлексиблом» и легкими крейсерами «Чатам» и «Веймут» **чуть западнее** от Сицилии. Милн решил патрулировать там, чтобы помешать Сушону атаковать транспорты, перевозящие французские войска. Британский командующий, однако, допускал, что германцы будут гораздо меньше уважать итальянский нейтралитет, и приказал Трубриджу отделить легкий крейсер «Глостер» капитана 1 ранга Говарда Келли для наблюдения за южным входом в Мессинский пролив. В результате, когда «Глостер» 5 августа в 04.00 подошел к южному входу в пролив, «Бреслау» вошел в него с севера.

Сушон получил серьезное преимущество: германский морской атташе в Риме передал: «Несмотря на участие в Союзе, Италия останется нейтральной, но флотское командование не одобряет этого и расположено дружески к нам». Поэтому он не колебался, когда 5 августа в 5.00 повел свои корабли в Мессину. Итальянские власти не помешали ему заправляться с немецких угольщиков до 17.00, когда Сушон снисходительно согласился учесть международные правила, запрещающие кораблям воюющих стран оставаться в нейтральном порту более 24 часов. При этом он вел отсчет времени не с момента захода корабля в порт, а с момента получения ноты итальянских властей. С такой интерпретацией «дружески настроенные» итальянцы не спорили, поэтому «Гебен» и «Бреслау» оставались в Мессине 36 часов, до 17.00 6 августа. «Гебен» принял 1580 тонн угля, а «Бреслау» — 495 тонн. Кроме того, они пополнили команды моряками с угольщиков.

Тем временем и англичане занялись пополнением запасов. Милн отправил «Индомитебл» вместе с 3 эсминцами в Бизерту. «Дублин» после дозаправки на Мальте должен был присоединиться к эскадре Трубриджа. «Глостер», подойдя к Мессине, обнаружил стоящий там «Бреслау» и сообщил адмиралу. Милн принял оригинальное решение: со всеми кораблями он

отправился к Бизерте, предварительно проинформировав об этом де Лапейрера, и лишь утром повернул обратно к Сицилии. Все это время «Индомитебл» торчал в Бизерте, союзники никак не могли договориться, можно ли ему там принимать уголь.

Зато германскому адмиралу пришлось столкнуться с более серьезной проблемой, чем бункеровка. Фон Вангенгейм выступил категорически против попыток фон Тирпица склонить Энвер-пашу на сторону Германии путем посылки военных кораблей в турецкие воды. Этого оказалось достаточно, чтобы Адмиралштаб передал Сушону: «По политическим соображениям переход в Константинополь невозможен. Вы должны следовать в Полу или в Атлантику». Но оставались необоснованные подозрения, что Австро-Венгрия, которая сделала все для создания кризиса, поставившего мир на грань войны, последует примеру Италии и останется нейтральной. Поэтому распоряжение было немного изменено: окончательное решение должен был принять сам Сушон, причем подразумевалось самое простое решение — Адриатика. Сушон туда не собирался, но на всякий случай передал 5 августа по радио в Полу адмиралу Гаусу: «Настойчиво прошу вас как можно скорее выручить «Гебен» и «Бреслау», находящиеся в Мессине. Английские крейсера держатся возле Мессины, французских кораблей здесь нет. Когда можно ждать вашего прихода в район Мессины, чтобы выйти вам навстречу?»

6 августа германский морской атташе телеграфировал из Вены, что австрийцы отказываются помогать, так как думают, что помощь опоздает. Хотя была сформирована эскадра, чтобы прикрыть прорыв германских кораблей в Адриатику, выходить в Средиземное море австрийцы не собирались.

И здесь Милн после серии мелких промахов совершил первую **грубую** ошибку. У него было достаточно сил, чтобы блокировать оба выхода из пролива, так как он мог вызвать корабли Трубриджа. Однако британский адмирал упрямо не желал отказаться от мысли, что Сушон направится в Гибралтар. Поэтому он так и остался торчать у северо-западной оконечности Сицилии, оставив лишь «Глостер» караулить восточный маршрут.

Сушон должен был выкручиваться самостоятельно, и вряд ли можно найти более удачный пример предоставления свободы выбора. Германский адмирал был уверен, что Австрия не изменит Тройственному союзу, и не видел смысла усиливать ее маленький флот, запертый в Адриатике. Он просчитал, что превратить Турцию в союзника более выгодно, чем попытаться нанести удар по французским конвоям в Средиземном море или по торговле союзников в Адриатике. Поэтому Сушон потребовал выслать угольщики в заранее оговоренные точки на своем маршруте в Константинополь. И в 17.10 «Глостер» передал радиограмму, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы: «Гебен» вышел из Мессинского пролива и направляется на восток»! Угольщик «Генерал» вышел из Мессины на 2 часа позже «Гебена» и самостоятельно двинулся через все Средиземное море. В пути он получил приказание адмирала идти не к острову Санторин, а в Смирну, куда благополучно прибыл во второй половине дня 9 августа.

Можно было ожидать, что немецкие корабли вскоре попадут на прицелы британских линейных крейсеров, ожидающих за горизонтом. Увы, британские линейные крейсера уже не могли перехватить немцев. Милн писал: «Первейшей моей заботой была защита французских транспортов от германских крейсеров. Я знал, что они имеют преимущество в ходе перед нашими линейными крейсерами не менее 3 узлов, и потому был вынужден занять положение, при котором можно было бы отрезать «Гебен», если он пойдет на запад». Милн, очевидно, полагал, что 1 дредноута и 15 броненосцев недостаточно для защиты транспортов от «Гебена». Если бы британский адмирал поменьше думал о французских транспортах и наладил нормальное взаимодействие с де Лапейрером, немцев ждали серьезные проблемы. Но в итоге спасаться пришлось уже «Глостеру».

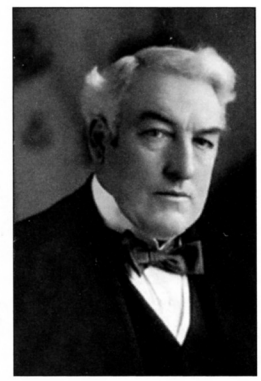
«Глостер» неотступно преследовал немцев, постоянно донося об их курсе, хотя ему пришлось увеличить скорость до 23 узлов. Он держался на расстоянии от 16000 до 18000 ярдов от «Гебена», чтобы свести риск к минимуму. Британский крейсер начал терять противника на фоне берега, поэтому Говард Келли решил зайти между берегом и германскими кораблями, чтобы лучше видеть их. Это было крайне рискованно, так как противник мог прижать его к берегу и уничтожить. Однако «Глостер» проскочил позади немцев, и в 19.00 Келли снова их обнаружил. Однако немцы начали отрываться, Келли пришлось снова увеличить ход, теперь до 26 узлов. Внезапно «Бреслау» повернул на восток, словно намеревался атаковать его. Кстати, немцы принимали «Глостер» (2 — 152-мм и 10 — 102-мм орудий) за гораздо более сильный «Веймут» (8 — 152-мм орудий). Крейсера разошлись на расстоянии около 4000 ярдов, не сделав ни одного выстрела. «Глостер» снова сел на хвост «Гебену», который шел со скоростью от 17 до 21 узла. Но вскоре после 21.00 немцы изменили курс, и в 21.46 «Глостер» отправил в эфир вторую бомбу: «Срочно. «Гебен» повернул на юг».

Тем временем Милн еще раз доказал, что он бюрократ, но не адмирал. Когда пришла радиограмма «Глостера», он находился примерно на траверзе Палермо и решил повернуть **на запад**, чтобы обойти **вокруг** Сицилии. При этом он не счел возможным даже увеличить скорость, и его корабли шли, словно в мирное время, делая не более 15 узлов. Поэтому, когда 6 августа в 10.00 пришло разрешение Адмиралтейства проходить через итальянские территориальные воды, это уже не имело никакого значения.

В результате лишь 1-я эскадра крейсеров и флотилия эсминцев находились между Сушоном и его целью. Вдобавок «Дублин» вместе с 2 эсминцами 6 августа в 02.00 покинул Мальту и пошел на соединение с Трубриджем. Милн, видимо, полагал, что 4 броненосных и 2 легких крейсера вместе с 10 миноносцами сумеют преградить «Гебену» путь в Адриатику. О попытке прорыва на восток Милн по-прежнему не думал.

Но теперь настала очередь Трубриджа ошибаться. Так как сначала германский адмирал взял курс на Адриатику, Трубридж предположил, что он направляется в Полу. Поэтому английская эскадра, находившаяся возле Корфу, двинулась на север, чтобы перехватить германцев. Английский адмирал так и не понял, что неправильно оценил ситуацию, более того, когда Говард Келли сообщил, что «Гебен» и «Бреслау» идут к Матапану, он решил, что это ложный маневр.

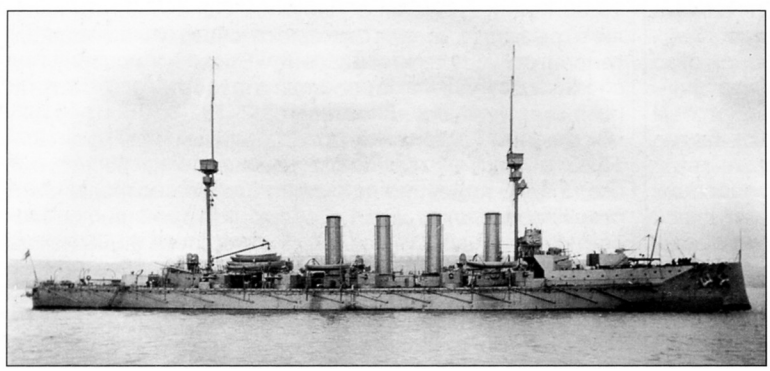
Однако не все еще было потеряно, так как в игру вступил старший брат Келли, командовавший «Дублином». Вместе с эсминцами «Бигль» и «Бульдог» он оказался в очень выгодной позиции и вполне мог атаковать немцев торпедами, используя свет луны, что в 20.30 и приказал сделать Милн. Правда, эти эсминцы имели всего по два 533-мм торпедных аппарата, поэтому в успех атаки верится с трудом. Впрочем, Джона Келли не остановило ни это, ни даже то, что на «Бигле» вышел из строя один котел. Эсминец окутался паром, но все-таки держал скорость. В 23.45 он приказал сыграть боевую тревогу, а вскоре после полуночи с мостика «Дублина» слева по курсу заметили дым. Англичане решили, что это «Бреслау», и Келли выполнил несколько поворотов, чтобы оказаться на темной стороне горизонта. В 02.10 он повернул на северо-запад, ожидая в ближайшее время увидеть «Гебен» впереди себя, но... В 02.35 был замечен дым по правому борту уже за кормой. Келли никак не мог решить, кто же это: «Гебен» или «Глостер». В общем, из хорошей задумки ничего не получилось. «Черт побери, мы пропустили их!» — рявкнул Джон Келли, перед тем, как повернуть на обратный курс.



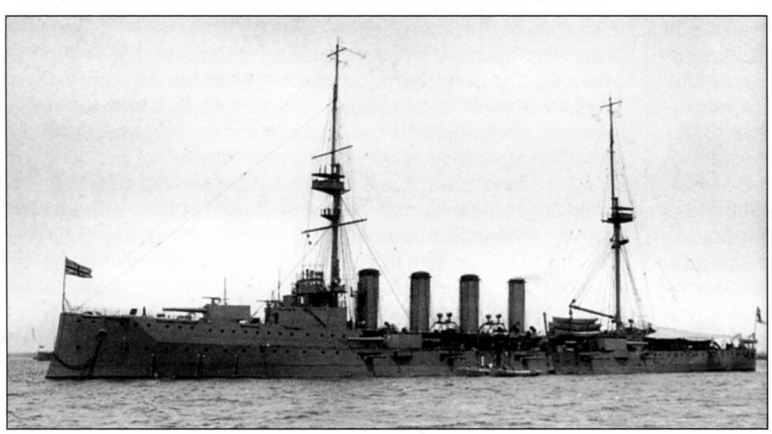
Контр-адмирал сэр Эрнест Чарльз Томас Трубридж (снимок 1911 г.)

Впрочем, еще оставалась 1-я эскадра крейсеров контр-адмирала Трубриджа. Но там тоже все шло наперекосяк. Как мы уже говорили, сначала он пошел на север, надеясь перехватить немцев, если они пойдут в Адриатику. Встреча предполагалась к северу от Корфу примерно в 03.00, причем относительно узкий пролив лишил бы «Гебен» свободы маневра. Только в полночь Трубридж сообразил, что его провели, и приказал поворачивать на юг. Он рассчитывал успеть перехватить немцев, но теперь это могло произойти только после рассвета. Нехватка угля на эсминцах помешала выслать их вперед. К сожалению, до «часа Х» оставалось слишком много времени.

Итак, одному линейному крейсеру с 10 — 280-мм 12 — 150-мм противостояли 4 броненосных крейсера «Дифенс», «Блэк Принс», «Уорриор» и «Дьюк оф Эдинбург». Они имели в общей сложности 22 — 234-мм, 14 — 190-мм и 20 — 152-мм орудий. Скажем прямо, ситуация не слишком радужная для англичан, но до выяснения шансов дело не дошло.



Вверху: броненосный крейсер «Дифенс» – последний броненосный крейсер Британии. Флагман контр-адмирала Трубриджа. В «охоте» на «Гебена» приняли участие представители трех последних серий броненосных крейсеров Великобритании. Обладая сходной с линейными крейсерами первого поколения бронезащитой (фактически тот же 152-мм пояс) они уступали им и в скорости и в мощи артиллерийского вооружения.
Внизу: броненосный крейсер «Дюк оф Эдинбург»

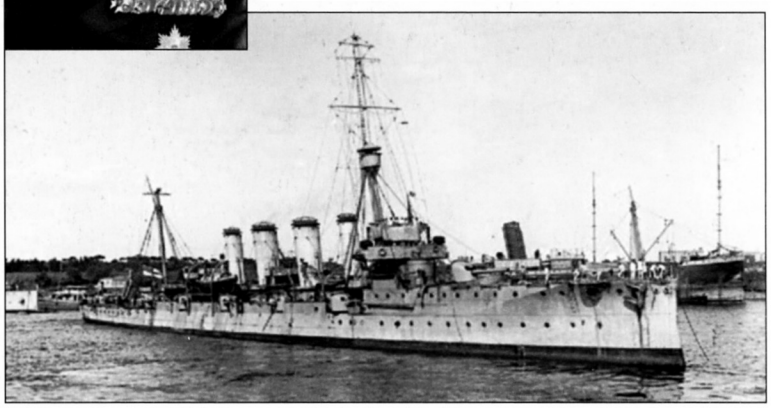


В 01.45 к адмиралу, дремавшему в штурманской рубке, пришел командир «Дифенса» капитан 1 ранга Фосетт Рэй. Он спросил, что намерен сделать адмирал, намерен ли он атаковать «Гебен», так как следует сообщить кораблям эскадры. «Да», — ответил адмирал и объяснил свое невыполнение приказа Адмиралтейства «не вступать в бой с превосходящими силами» так: «Я знаю, что поступаю неправильно, но не могу опозорить имя Средиземноморской эскадры». Он продиктовал приказ, который следовало передать по эскадре: «Я намерен пересечь курс «Гебена» примерно в 06.00 по местному времени и дать ему бой, если получится. Будьте готовы перестроиться из строя фронта в кильватер, если потребуется. Если мы не сумеем перехватить его, я намерен отойти к Занте, чтобы избежать боя на дальней дистанции».

Еще через 45 минут Рэй снова пришел в штурманскую рубку. «В чем дело?» — спросил адмирал. «Мне это не нравится», — сказал Рэй. «Мне тоже», — согласился адмирал. Тогда Рэй произнес: «Я не вижу, что мы можем сделать, сэр. «Гебен» может кружить вокруг нас, держа эскадру под обстрелом, а сам находясь вне пределов досягаемости наших орудий. Это будет самоубийство эскадры». «Вы уверены, что мы не сможем подойти на дальность выстрела наших орудий?» «Нет. Но мы можем еще спросить штурмана». «Я не могу отвернуть, подумайте о моей чести», — заявил Трубридж. «Что может изменить ваша честь в сложившейся ситуации, сэр? На карту поставлено благополучие нашей страны», — убеждал Рэй.

Справа: адмирал сэр Вильям Арчибальд Говард Келли, в 1914-м командовал легким крейсером «Глостер». Младший брат командира «Дублина» Джона Келли.

Внизу: легкий крейсер «Глостер», представитель первой группы крейсеров класса «Таун», в отличие от более поздних кораблей были вооружены всего двумя 152-мм орудиями и 10-ю малополезными в бою с крупными кораблями 102-мм орудиями. Единственный из участников «Большой погони» которому удалось хотя бы пострелять по противнику



Это был довод, определивший судьбы целых наций, хотя связывать судьбу Великобритании с судьбой 4 устаревших броненосных крейсеров было слишком смело. Через 10 минут, в 02.55, когда 1-я эскадра крейсеров находилась возле Занте и в 70 милях от «Гебена», Трубридж прекратил преследование. Рэй так прокомментировал его решение: «Это самый отважный поступок в вашей жизни». Но адмирал плакал, уже наполовину осознав, что позволил убедить себя совершить самую страшную ошибку в своей жизни.

Однако оставался еще «Глостер», который неутомимо преследовал врага. На рассвете 7 августа Говард Келли предпочел увеличить дистанцию примерно до 15 миль, чтобы не попасть под случайный залп «Гебена». В 04.52 он радировал Милну, что продолжает преследование. Вообще-то это была пощечина двум адмиралам. Одинокий легкий крейсер делал то, на что оказались неспособны 3 линейных, 4 броненосных и 2 легких крейсера!

Дальше — больше. Днем Говард Келли принял отважное решение навязать бой «Бреслау», чтобы притормозить бегство «Гебена». Он плюнул на приказ Милна, требовавший «держаться за кормой и избегать столкновений». Вот его рапорт:

«7 августа в 13.00 по местному времени между Сапиенцей и Матапаном «Бреслау» настолько отстал от «Гебена», что было важно либо заставить его подтянуться обратно, либо вынудить «Гебен» повернуть, иначе он мог скрыться из вида. С этой целью в 13.35 открыл огонь из носового 152-мм орудия «Глостера» с дистанции 11500 ярдов по «Бреслау», который находился в 2 румбах слева по носу «Глостера». «Бреслау» ответил двумя пристрелочными выстрелами из орудий правого борта, а затем дал залп. Под огнем «Бреслау» «Глостер» увеличил ход до полного и повернул на 10 румбов влево, приведя «Бреслау» на правую раковину. Дистанция сначала сократилась до 10000 ярдов, но потом начала быстро увеличиваться. Нам показалось, что «Бреслау» стреляет отлично, весь залп ложился вдоль борта «Глостера», ни один снаряд не давал перелет более 30 ярдов. «Глостер» в это время стрелял правым бортом и из обоих 152-мм орудий. После начала стрельбы «Гебен» повернул на 16 румбов, чтобы присоединиться к «Бреслау». В 13.50 прекратил огонь, так как дистанция стала слишком велика. «Глостер» лег на прежний курс, чтобы преследовать противника, который теперь был достаточно близко, чтобы поддерживать контакт».

Уточним итоги боя. «Гебен» не стрелял, хотя Келли ошибочно заявил об этом. «Глостер» выпустил 18 — 152-мм и 14 — 102-мм снарядов, «Бреслау» израсходовал 73 — 105-мм снаряда. Английский корабль остался невредим, в поясную броню немецкого крейсера попал один снаряд, но все повреждения ограничились содранной краской.

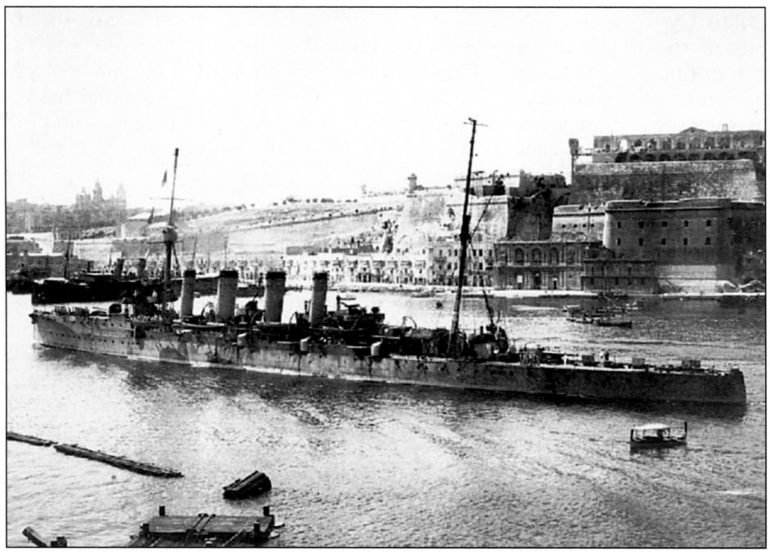
Чуть позднее Келли снова сделал вид, что ему неизвестен запрет Милна заходить к востоку от мыса Матапан, если это не позволяют запасы угля. Но, к величайшему своему разочарованию, в 15.40 капитану «Глостера» все-таки пришлось прекратить преследование, так как топлива действительно оставалось мало.

* * *

А чем в это время занимался сэр Беркли Гебен? Он в этом время заправлял углем свои корабли на Мальте. Так как для погони за немцами требовался буквально каждый узел, Милн потребовал, чтобы бункера заполнили до отказа. Но с другой стороны, когда 8 августа в 00.30 его 3 линейных крейсера вместе с «Веймутом» вышли с Мальты, они двинулись в сторону Эгейского моря со скоростью всего лишь 14 узлов. Вдобавок бардак в Адмиралтействе продолжался. Один из клерков, вернувшись с ленча, увидел на конторке соседа пачку телеграмм, подготовленных для отправки. Предположив, что их случайно позабыли, клерк отправил все. Одна из телеграмм была циркулярной: «Начать боевые действия против Австрии».

Милн послушно повернул свои корабли на север, чтобы усилить отряд Трубриджа, блокирующий Адриатику. Никто из британских адмиралов не подумал: а зачем, собственно, австрийцам пытаться вырваться оттуда? Что они забыли в Средиземном море? Лишь в 15.00 Милн получил радиограмму: «Радиограмма о начале военных действий против Австрии аннулирована». Однако Милн не был бы Милном, если бы, получив прямой приказ, не начал его уточнять. В 16.35 он радирует: «Должен ли я понимать, что приказ Адмиралтейства о начале военных действий против Австрии отменен?» Ответ пришел еще через час: «В ответ на вашу 407. Да».

Вы полагаете, что на этом все закончилось? Как бы не так! Еще через полчаса прилетает новая радиограмма: «В отношении отмены телеграммы, извещающей о начале войны с Австрией. Ситуация критическая». Теперь вы можете себе ясно представить ту обстановку



сумасшедшего дома, в которой началась Первая мировая война. Никто не понимал, что происходит, и что следует делать, события полностью вырвались из-под контроля людей и развивались сами собой.

Можно только пожалеть Милна, на которого обрушился ворох столь противоречивых директив. Но, с другой стороны, для того адмиралам и дают золотые эполеты, чтобы они принимали самостоятельные решения и брали на себя ответственность. Вы полагаете, что Джервис, Нельсон, Каннингхэм, Вайэн тоже стали бы растерянно метаться из стороны в сторону, жалобно вопрошая Лондон: а что же нам делать? В результате Милн принял решение, казавшееся ему очень мудрым: не делать ничего вообще. Лишь 9 августа он получил приказ из Лондона: «Войны с Австрией нет. Продолжайте преследование «Гебена», который 7 августа прошел мыс Матапан курсом на северо-восток». Какое «преследуйте»?! К это времени Милн отставал от Сушона уже более чем на двое суток. Тем не менее он бесцельно слонялся по морю, пока 11 августа в 09.30 не получил с Мальты радиограмму: «Получена информация из Дарданелл, что «Гебен» и «Бреслау» прибыли туда 10 августа в 20.30. вам следует установить блокаду Дарданелл, но при этом опасайтесь мин». Разумеется, Милн решил уточнить: «Должен ли я понимать, что доступ в Дарданеллы запрещен всем кораблям или только немецким? Если будет установлена формальная блокада, последует ли официальное заявление правительства?» Теперь вы понимаете, почему Фишер именно так отозвался об адмирале Милне?

В общем, адмиралу оставались лишь постараться второй раз не выпустить «Гебен». Формально эту процедуру выполнил легкий крейсер «Веймут» (капитан 1 ранга Д. Черч), который вечером 11 августа подошел к Дарданеллам. Его встретили 2 турецких миноносца, попросивших лечь в дрейф. Черч согласился, но турки ограничились формальными приветствиями, пока «Веймут» дрейфовал к берегу. Когда до него оставалась всего миля, форты дали два предупредительных выстрела холостыми. Черч приказал расчетам стать к орудиям, одновременно сигналом запросив лоцмана. На это с берега последовал ответ: «Невозможно». Крейсер остался караулить пролив, отойдя подальше. На следующий день снова появился турецкий миноносец, и армейский лейтенант, прибыв на борт британского корабля на ломаном английском сообщил, что немецкие корабли находятся в Константинополе и куплены турецким правительством. Черч попытался получить разрешение войти в Дарданеллы, но ему отказали.

* * *

А сейчас самое время выяснить, как все это выглядело с немецкой стороны, но здесь описание будет довольно кратким. Например, первым не слишком понятным поступком адмирала Сушона является заход в Мессину 2 августа для бункеровки. В этот день «Гебен» принял всего 173 тонны угля, а «Бреслау» — 200 тонн. Стоило ли это риска? Какие у немцев были гарантии, что англичане будут действовать столь пассивно, как это произошло позднее?

Второй сомнительный момент, это обстрел Бона и Филиппвиля. Командир «Бреслау» утверждал, что нанес повреждения 3 пароходам и береговым сооружениям, но это было чистое хвастовство. «Гебен» рисковал серьезнее, так как по нему открыла ответный огонь 240-мм береговая батарея*. Однако обошлось.

При встрече с британскими линейными крейсерами Сушон приказал сыграть боевую тревогу и зарядить орудия главного калибра. Старший артиллерист занял место в посту управления огнем. Чего стоило немцам оторваться от англичан, рассказывает капитан цур зее Аккерман: «Увеличили скорость для того, чтобы не позволить англичанам приблизиться. Чтобы добиться этого, пришлось отправить в бункера полную боевую вахту, поэтому вести бой мне пришлось бы только со сменной вахтой, иначе скорость упала бы с 24 до 15 узлов». Вот они, недостатки угольных котлов! Все свободные люди, в том числе офицеры, были отправлены вниз, чтобы помогать кочегарам у топок и в бункерах. Работать пришлось даже радиотелеграфистам, которым по штату положено беречь руки.

Когда корабли возвращались в Мессину, сгоряча еще раз объявили боевую тревогу, но замеченные миноносцы оказались итальянскими. Кстати, заправка углем проводилась вне порта, на рейде, где эскадру ждали «Генерал» и еще 4 немецких судна. Вахту несли по расписанию военного времени, то есть матросам после 4 часов на боевых постах предстояли 4 часа «отдыха» на погрузке угля. Особую пикантность ситуации придает то, что часть угля «Бреслау» принял с **британского** парохода «Уилстер». Объяснение было потрясающим: груз был заранее закуплен немецкой фирмой, и то, что к этому времени началась война, ничего не означало. Контракт следует исполнять!

Во время стоянки в Мессине произошло еще одно важное событие, которое часто не упоминается. В результате обмена телеграммами между Берлином, Веной и Мессиной выяснилось, что помощи со стороны

* (по некоторым данным батарея форта Эль Кантара состояла из 2х 19-см (194-мм) орудий.

австрийского флота ждать не приходится. Далее Сушон мог полагаться только на самого себя. Более того, из Берлина сообщили: «Заход в Константинополь пока невозможен по политическим причинам», что отражало колебания турецкого руководства. Британский посол в Константинополе сэр Луис Малле предупреждал, что Оттоманская империя все больше склоняется на сторону Германии. Дело в том, что германский посол в Константинополе фон Вангенгейм убедил турецкого военного министра честолюбивого Энвер-пашу (ему было всего 33 года) передать армию под командование энергичного немецкого генерала Лимана фон Сандерса. Но окончательное решение не было принято. И все-таки Сушон самостоятельно принял решение прорываться на восток, интернирование в итальянском порту выглядело уж совсем позорно.

Сушон назначил угольщикам три возможные места встречи в Эгейском море, так как без дозаправки переход в Константинополь вряд ли удался бы, и покинул Мессину. Сам переход мы уже описывали, интересно, что командир «Бреслау» фрегаттен-капитан Кеттнер в своем дневнике сожалеет, что не попытался вечером 7 августа атаковать «Глостер». Немцы видели ночью проскочивший мимо «Дублин» и его миноносцы, но не выдали себя. Интересно, что во время перестрелки с «Глостером» сначала Кеттнер решил, что это броненосный крейсер «Дифенс», и разобрался лишь потом! Немцы даже начали подумывать, как им избавиться от назойливого преследователя. Сушон предложил спрятать «Гебен» за каким-нибудь мысом, примерно в районе острова Цериго, чтобы застигнуть англичан врасплох. Но Говард Келли предвидел нечто подобное, а главное — на «Глостере» подходил к концу уголь, и он отказался от преследования, сняв с Сушона хотя бы одну головную боль.

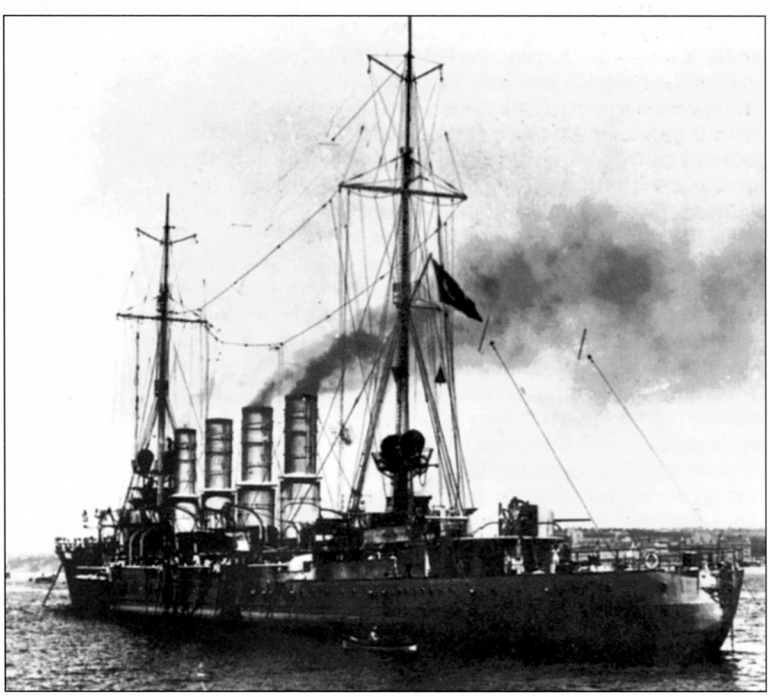
Теперь перед Сушоном замаячила другая проблема, та самая, что помешала Говарду Келли — уголь. Требовалось найти укромное место и погрузить уголь. В этом качестве была выбрана бухта на восточном берегу островка Денуса, который найти на карте не так просто. Скажем только, что он находится чуть восточнее гораздо более крупного острова Наксос, известного залежами черного наждака, в группе Киклад. В ночь на 9 августа «Бреслау» встретился с угольщиком «Богадор», замаскированным под греческое судно «Полимитис». Кстати, упоминавшийся ранее «Генерал» также превратился в голландское судно компании «Роттердам-Ллойд». Когда «Гебен» прибыл в указанную бухту, у него оставалось всего 860 тонн угля — всего четверть нормального запаса. Вскоре подошел «Бреслау», но «Богадор» появился только в 14.35. Началась лихорадочная работа, хотя за 12 часов линейный крейсер сумел принять только 450 тонн угля, а «Бреслау» — 120 тонн.

Утром 10 августа в 04.45 немецкие корабли снялись с якоря и пошли на север. Дело в том, что радиопереговоры английских кораблей становились все громче. И действительно, как раз в этот день линейные крейсера Милна вошли в Эгейское море, и стало ясно: не задержись они для бункеровки на Мальте, либо не отреагируй на ложную тревогу, они захватили бы «Гебен» и «Бреслау» у Денусы. Естественно, при одном условии — знать, где именно находятся немцы, обшаривать все Киклады, которые насчитывают больше 200 островов, никаких кораблей не хватит. А ведь в Эгейском море есть и другие архипелаги. В любом случае Милн серьезно опоздал. Когда в полдень 11 августа он находился в 40 милях к северу от этого острова, то получил разочаровывающее известие, что корабли Сушона еще накануне вошли в Дарданеллы.

Кстати, этому предшествовала долгая закулисная дипломатическая борьба, во многом предопределившая дальнейшие события, о чем мы еще поговорим. Дело в том, что еще 8 августа Сушон отправил радиограмму капитан-лейтенанту Хансу Хуманну, возглавлявшему немецкий «этап Константинополь»: «По военным соображениям исключительно важно атаковать противника **в Черном море**. Сделайте все, что в ваших силах, чтобы я мог пройти Узости с разрешения турецкого правительства, если необходимо — без официального одобрения. Немедленно радируйте».

И все-таки Сушон сомневался. Последняя радиограмма из Берлина гласила: «Чрезвычайно важно, чтобы «Гебен» как можно скорее вошел в Дарданеллы». За ней последовала радиограмма от Хуманна, которую 10 августа в 13.00 ретранслировал все тот же «Генерал»: «Входите, требуйте капитуляции крепости и берите на борт лоцмана для прохождения минных полей».

Поэтому Сушон подходил к мысу Хеллес с дурными предчувствиями, корабли были подготовлены к бою. Он остановил эскадру в 5 милях от пролива, но стрельба с фортов так и не началась. Прожектором он



«Бреслау» вскоре после передачи турецкому флоту, август 1914 г.

«Гебен», уже как «Явуз» под турецким флагом. У борта стоит торпедная канонерская лодка «Берк-и Шефкет». Сентябрь 1914 г.

потребовал: «Немедленно пришлите лоцмана». Вскоре к огромному облегчению немецкого адмирала подошел турецкий миноносец, который провел немцев через Узости в Мраморное море. В 19.35 германские корабли стали на якорь возле Чанака, где Сушон получил поздравительную телеграмму турецкого военного министра Энвер-паши. После наступления темноты в Дарданеллы проскочил и удачливый «Генерал».

Вот после этого плохо стало уже туркам, им предстояло объяснять, что делают немецкие корабли в турецких портах. Турецкое правительство заседало круглые сутки, но так и не смогло решиться на какие-то определенные действия. Зато Сушон после консультаций с генералом Лиманом фон Сандерсом 12 августа сообщил в Берлин, что намерен совершить вылазку в Черное море. При этом, однако, он писал: «Чтобы успокоить общественное мнение. Турецкое правительство заявило, уведомив германское правительство, что «Гебен» и «Бреслау» проданы Турции. По политическим соображениям необходимо развеять эти слухи. Разумеется, корабли остаются немецкими».

Вот здесь чутье все-таки изменило Сушону, берлинские дипломаты видели ситуацию иначе. Хотя при этом 14 августа Берлин передал: «Утверждаем предложенную операцию в Черном море с согласия или даже против воли Турции». На следующий день Сушон встретился с морским министром Турции Джемаль-пашой и предложил ему выслать английскую морскую миссию во главе с адмиралом Лимпусом. Джемаль согласился, и тогда Сушон приказал передать, чтобы там подняли турецкий флаг, но при этом оставили немецкий адмиральский флаг. Линейный крейсер получил название «Султан Явуз Селим» в честь султана Селима I Грозного (Yavuz Sultan Selim). «Бреслау» превратили в «Мидилли» — турецкое название города Митилена на острове Лесбос.

16 августа немецкие корабли вышли в Мраморное море, и там на борт «Гебена» прибыл Джемаль-паша. На мачту взлетел его штандарт, и состоялась официальная церемония передачи кораблей турецкому флоту. Однако команды на них остались немецкими, что и привело к дальнейшим трениям с англичанами. Самые главные события были еще впереди.

Проливы — кризис

Как ни странно, когда «Гебен» вошел в Дарданеллы, в британском Адмиралтействе испытали облегчение, с души свалился тяжелый камень, больше ничто не угрожало британскому господству на Средиземном море, а французы могли спокойно заняться перевозкой войск из Северной Африки, ничего не опасаясь. Их Лордства нарисовали себе приятную картину трусливого бегства и последующего бесславного интернирования немецких кораблей. Премьер-министр Асквит бодро заявил: «Мы потребуем, чтобы «Гебен» был укомплектован турками вместо немцев, а они не смогут на нем плавать». Британский официоз «Нэйвал энд милитари рекорд» писал: «С тех пор, как строятся корабли, ни одно военное событие не было столь неожиданным, как бегство «Гебена» и его маленького спутника «Бреслау». При одном виде легкого крейсера «Глостер» германские корабли удрали под прикрытие Дарданелл. Чем бы ни кончилась война, это событие навсегда останется непонятным. Маловероятно, чтобы германский Морской Генеральный Штаб выступил, наконец, с разъяснениями и признался германскому народу в бесславном жребии, выпавшем на долю обоих кораблей в Средиземном море». Но многие думали иначе, министр иностранных дел Великобритании сэр Эдвард Грей телеграфировал в Каир: «Это означает, что Турция присоединилась к Германии и, возможно, бросится на Египет».

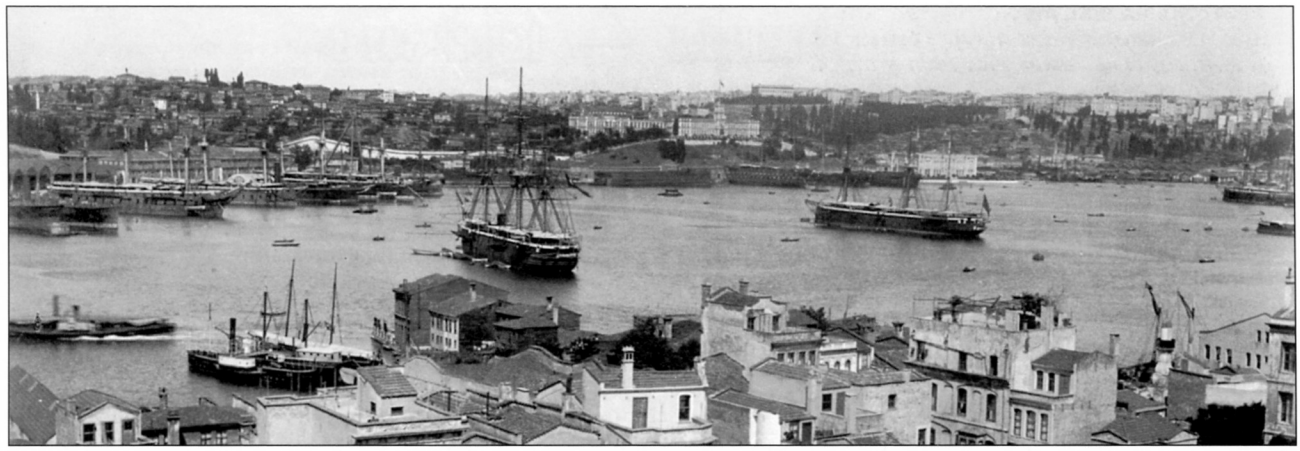
Поэтому, несмотря на общее благодушное настроение, все-таки кое-какие меры были приняты. 18 августа командующий Средиземноморским флотом адмирал сэр Беркли Милн был отозван в Англию. Он рассчитывал на теплое местечко в кресле коменданта военно-морской базы в Норе, однако в действительности события пошли иначе. Отбиваясь от критики, обрушившейся на него со всех сторон, Милн утверждал, что его главной задачей была защита французских войсковых транспортов, тогдашний Первый Морской Лорд адмирал Баттенберг его поддержал. Действительно, транспорты не были атакованы, но ведь немцы даже и не пытались это сделать! В провале попыток перехватить «Гебен» Милн обвинил Адмиралтейство, которое не обеспечило его необходимой информацией, и адмирала Трубриджа, который не сумел атаковать немцев. В свое оправдание он привел целых 6 телеграмм Адмиралтейства, мешавших ему преследовать «Гебен». Воистину, кто хочет — ищет способ, кто не хочет — ищет повод! В результате следственная комиссия 30 августа объявила: «Распоряжения адмирала Милна и расположение сил, принятое им по отношению к германским крейсерам «Гебен» и «Бреслау», тщательно проверены Адмиралтейством, в результате чего Их Лордства во всех отношениях одобрили принятые меры». Когда Милн прибыл в Лондон, Черчилль и Баттенберг были вполне удовлетворены его объяснениями, в результате Милн ушел в отпуск, совершенно уверенный, что, как и было обещано в июле, он станет командующим военно-морской базой в Норе.

Но имелись и другие мнения, престарелый адмирал Фишер, которому еще предстояло сменить Баттенберга, открыто обвинял «гадюку Милна» в неспособности помешать бегству немцев и переименовал сэра Беркли Милна в сэра Беркли Гебена, который нанес непоправимый ущерб военно-морскому престижу Англии. «Лично я расстрелял бы сэра Беркли Милна за «Гебен», — писал Фишер. Ключевым моментом считалась даже не сама погоня, а то, что Милн выпустил «Гебен» из Мессины. На приказ Адмиралтейства не приближаться на 6 миль к побережью Италии Фишер отреагировал в свойственном ему стиле: «К черту международные законы!» Адмирал Битти писал жене: «Знать, что именно флот в первую очередь повинен в этом провале, для меня просто страдание».

Однако все поменялось, когда 30 октября 1914 года Фишер стал Первым Морским Лордом и получил возможность свести счеты с «сэром Беркли Гебеном». Он написал Черчиллю: «Разумеется, его нужно немедленно снять! Разумеется, его ни в коем случае нельзя назначать командующим в Норе после такой вопиющей бездарности! Мы должны сохранить Нор для Джеллико, когда тот вернется с одной рукой!!!» В результате Черчилль, не утруждая себя какими-либо объяснениями, 19 ноября сообщил Милну, что он не получит вожделенного назначения. Милна перевели на половинное жалование, а в 1919 году отправили в отставку.

Исмаил Энвер (Энвер Паша) – член триумвирата (вместе с Талаат-пашой и Джамаль-пашой) фактически руководившем Турцией в 1913-1918 годах. Военный министр, заместитель Верховного Главнокомандующего

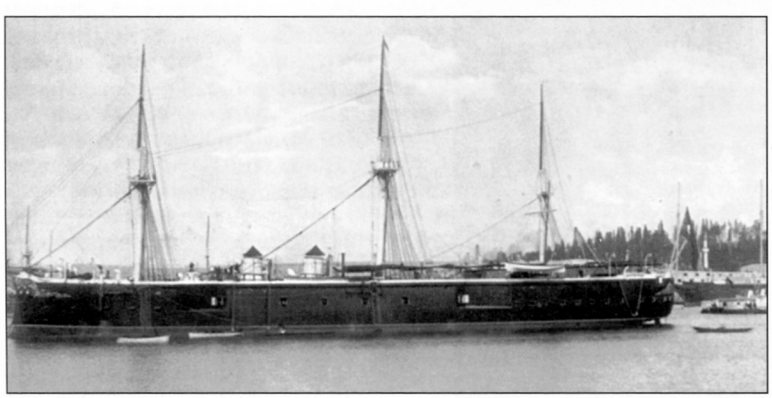
Надо сказать, что турки сами были изрядно напуганы таким поворотом событий, далеко не все министры разделяли воинственные взгляды Энвера. Сначала было предложено разоружить корабли, «хотя бы формально и для приличия». Но после нервных переговоров была оформлена «продажа» кораблей Турции и 16 августа на них был поднят турецкий флаг, хотя команды остались немецкими. Британский посол попытался протестовать, он даже потребовал, чтобы немецкие команды были высажены на берег и отправлены в Германию. На это Энвер издевательски ответил, что лучшие турецкие моряки находятся в Англии, ожидая возвращения на родину, а потому сделать ничего нельзя. В общем, жаловаться было не на кого, эту яму выкопал Уинстон Черчилль. Но здесь нам следует вернуться немного назад.



Турецкие броненосцы в стамбульском Арсенале, бухта Золотой Рог, 80-е гг. XIX века

История современного турецкого флота началась в 1876 году, когда был свергнут султан Абдул-Азиз. К власти пришел Абдул-Хамид II, к имени которого довольно часто и вполне заслуженно добавляли эпитет «Кровавый». Новый падишах относился к флоту довольно сложно. Стальные исполины, вооруженные чудовищными орудиями, вызывали у него восхищение, но в то же время он всегда помнил, что флот активно участвовал в восстании против Абдул-Азиза. Поэтому Абдул-Хамид выбрал довольно оригинальный способ строительства флота. Он решил строить новые корабли, не увеличивая численности личного состава. Как тут не вспомнить прелестную армейскую поговорку советских времен: «Лучше сто танков на ответственном хранении, чем один отличник боевой и политической в подчинении». И Абдул-Хамид благополучно сдал флот на ответственное хранение. Корабли мирно ржавели на якорях в бухте Золотой Рог, не помышляя о выходах даже в Мраморное море.

В 1890 году султан принял амбициозную программу развития флота, в нее были включены 2 французских броненосца типа «Гош», крейсера и миноносцы. Однако программа не была выполнена. Даже столкновение с Грецией из-за Крита в 1897 году не привело к улучшению дел. Турецкий флот в море не выходил, громогласно объявленная блокада Крита оказалась пустым звуком. Побывавшие на турецких кораблях иностранные наблюдатели констатировали, что они **полностью** небоеспособны. Орудия проржавели до того, что не работали ни подъемные механизмы, ни накатники. А на броненосце «Азизие» орудия вообще оказались без замков.

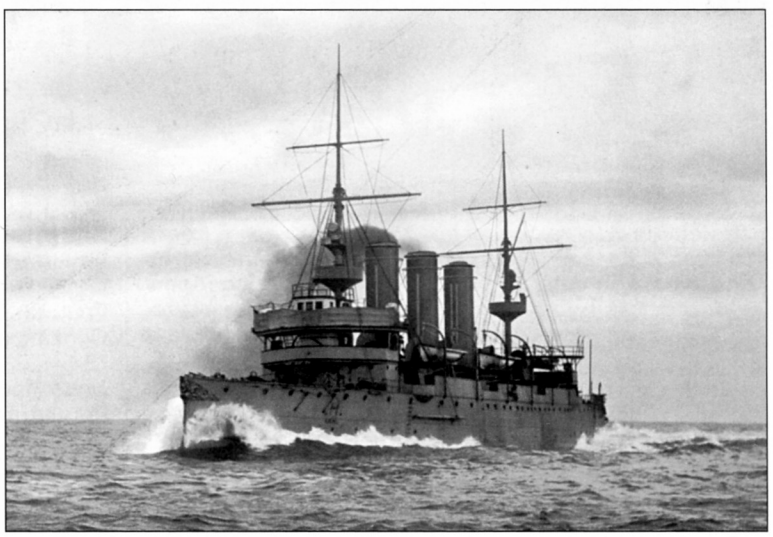


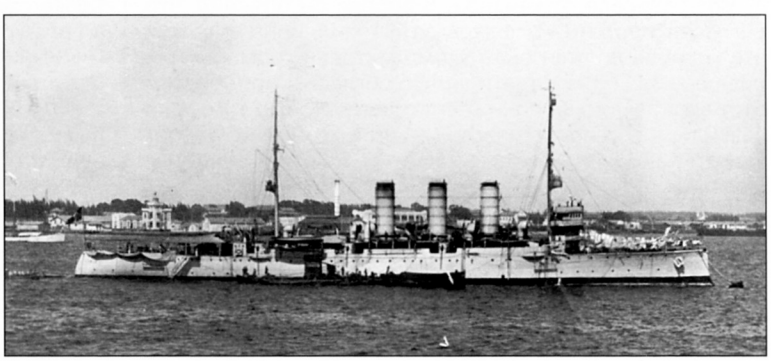
В этом же году турецкое правительство начало переговоры с рядом фирм о строительстве новых кораблей. Однако состояние турецких финансов было настолько плачевным, что Крупп и Армстронг предпочли дипломатично уклониться от подписания контрактов. Все закончилось тем, что в Италию на верфь Ансальдо были отправлены для перестройки броненосцы «Месудие» и «Ассар-и Тевфик».

Европейские, и не только европейские, державы вдруг заинтересовались проблемами армян в Оттоманской империи. Причем этот интерес носил довольно специфический характер. Ни погромы, ни убийства никого не волновали. Но вдруг просвещенные и культурные нации начали одна за другой требовать возмещения за собственность своих граждан, уничтоженную во время погромов. Абдул-Хамид предпочел завуалировать эти выплаты. Именно так был заключен контракт с Ан-

После модернизации на верфи Ансальдо древний турецкий броненосец «Месудие» (вверху) приобрел довольно современный внешний вид (внизу)

Несмотря на внешнее сходство, крейсера «Меджидие» (вверху), «Хамидие» (в центре) и «Драма» (вступил в строй итальянского флота как «Либиа», внизу)



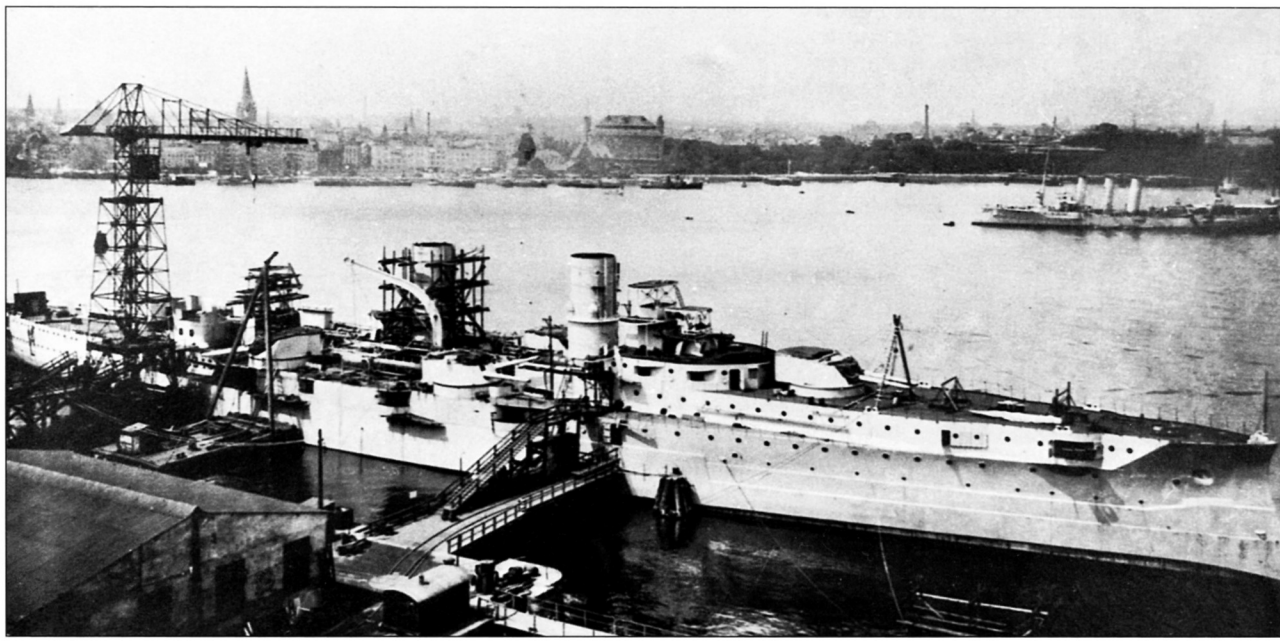


сальдо. В мае 1900 года был с фирмой Крампа (той самой, которая строила «Варяг») подписан контракт на строительство бронепалубного крейсера «Меджидие», о чем турки впоследствии долго жалели. Корабль был построен безобразно. Он отличался отвратительной остойчивостью, а германские инженеры, осмотревшие его в 1914 году, обнаружили массу грубейших ошибок проектировщиков (расположение котлов, угольных бункеров и так далее). Зато построенный Армстронгом крейсер «Хамидие» оказался одним из лучших кораблей турецкого флота и прослужил 40 лет. Эти крейсера, несмотря на их потрясающее внешнее сходство, ни в коем случае нельзя считать однотипными. «Драма», третий крейсер этого класса, заказанный Ансальдо, был конфискован итальянцами еще до начала итало-турецкой войны за неуплату.

Но в 1908—1909 годах в Турции произошла революция. Младотурки вынудили Абдул-Хамида отречься, на престол сел Мехмет-Решад V. И тогда события понеслись галопом. 18 сентября 1908 года в Стамбул прибыл адмирал сэр Дуглас Гэмбл, который возглавил британскую военно-морскую миссию с января 1909 по февраль 1910 года. Гэмбл провел ряд реформ, хотя, разумеется, не мог за пару месяцев всерьез исправить положение. Например, на яхте-авизо «Исхание» из 35 человек команды 13 являлись офицерами. При этом часть из них, исправно получая жалование, так и не удосужилась ни разу побывать на корабле. В мае 1909 года турецкий флот впервые за 20 лет вышел в Мраморное море на учения, за которыми в сентябре последовали маневры в Средиземном море. Гэмбл представил в правительство план создания флота в составе 7 линкоров, 3 броненосных и 3 легких крейсеров, 20 эсминцев и 34 подводных лодок.

Но совершенно неожиданно турки вероломно подставили ножку англичанам. 10 декабря 1909 года в Константинополе прошли переговоры между германским военным атташе майором фон Штремпле и великим визирем Осман-пашой. Визирь заявил, что Турция желает приобрести броненосный крейсер и несколько эсминцев, чтобы ликвидировать отставание от греков. Как мы уже говорили, переговоры в Англии завершились ничем, поэтому визирь сказал: «Если Германия продаст один из строящихся броненосных крейсеров, то Оттоманская империя высоко это оценит». Фон Штремпле немедленно сообщил об этом в Берлин.

30 января адмирал фон Тирпиц согласился продать туркам строящиеся на верфи Шихау эсминцы S-165 — S-168. Вопрос о приобретении броненосного или даже линейного крейсера оказался не столь простым. 24 января государственный секретарь по иностранным делам фон Шён неосторожно сообщил туркам, что Германия может передать им «Блюхер». Он действовал без согласия командования флота, но моряки все-таки согласились, что «Блюхер» можно продать за 44 миллиона марок, чтобы заказать вместо него новый корабль. Кроме того, немцы ждали, что турки и впредь будут заказывать новые корабли на германских верфях. Но Крупп предупредил, что не следует слишком доверять турецким посулам, слишком пуста была каз-



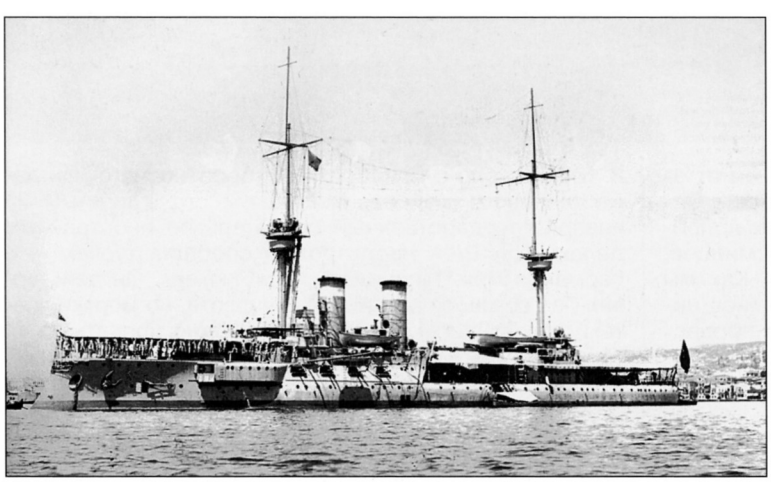
Немецкий броненосный крейсер «Блюхер» в достройке. В начале 1910 г. он чуть было не перешел под турецкий флаг, но из-за финансовых проблем морякам Турции пришлось удовольствоваться двумя старыми броненосцами (внизу)

на Оттоманской империи. И все-таки возникла идея продать туркам за те же деньги достраивающийся на верфи «Блом и Фосс» в Гамбурге линейный крейсер «Фон дер Танн». Преимущества этого варианта заключались в том, что новый корабль можно было начать строить без разрешения рейхстага.

Все зависело от кайзера. 8 апреля он объявил, что согласен продать «Блюхер» за 44 миллиона марок и что корабль должен быть укомплектован германскими офицерами. Турки ответили, что согласны приобрести этот корабль, но за пониженную цену. Кроме того, они заявили, что условие размещать **все** заказы на строительство новых кораблей **только** в Германии — неприемлемо.

21 июня прошла новая встреча германских и турецких представителей в Константинополе. Турки очень сильно хотели перехватить строящийся в Ливорно для Греции броненосный крейсер «Георгиос Аверофф». Сорвалось. В отчаянии турки обратились напрямую к фирмам «Крупп» и «Блом и Фосс». Последняя предложила продать недостроенный «Мольтке». На корабле не хватало кормовых башен, которые немцы обязались доставить в Константинополь и смонтировать там. Но даже недостроенный «Мольтке» был много сильнее «Авероффа» (6 орудий 280 мм против 4 орудий 234 мм, скорость 25 узлов против 22 узлов). Было также предложено продать им только что заложенный в Гамбурге новый линейный крейсер, пока еще безымянный. Он числился просто под литерой «Н». Это был будущий «Гебен»!

Но 15 июля Тирпиц прекратил все разговоры о продаже линейных крейсеров и предложил туркам устаревшие броненосцы типа «Бранденбург» по 10 миллионов марок за корабль. 25 июля германский посол в Турции сообщил, что выбраны «Курфюрст Фридрих Вильгельм» и «Вейссенбург», имеющие броню из никелевой стали. На остальных 2 кораблях стояла менее прочная броня компаунд.



5 августа был подписан договор о покупке броненосцев. 25 миллионов марок за 2 броненосца и 4 эсминца были частично собраны по подписке, частично переведены Дойче Банком со счетов свергнутого Абдул-Хамида. Оскорбленный Гэмбл, узнав о переговорах, подал в отставку, но в мае 1910 года его сменил другой британский адмирал — Хью Пигот Уильямс. Более того, британское правительство официально гарантировало Турции, что заказы на строительство новых кораблей в Англии «будут выполняться под надзором Адмиралтейства и с гаран-

тией британского правительства за безукоризненное выполнение, а также за артиллерию кораблей». Однако англо-немецкие споры продолжались, и морской министр решил назначить «независимого и ответственного турецкого офицера, который примет командование флотом в случае войны». Поэтому 2 января 1911 года полковник Тахир-бей становится заместителем командующего флотом. Следует отметить, что в то время турецкие армейские и флотские звания звучали совершенно одинаково, поэтому было бы справедливо говорить «полковник флота». Уильямс, который в это время находился в Лондоне, подал в отставку.

После этого в турецком морском министерстве больше не было британских офицеров. Турки предложили было Гэмблу вернуться, однако он отказался, и 6 июня 1912 года в Стамбул прибыл немецкий адмирал Артур Лимпус. Однако после начала Первой мировой войны и прибытия адмирала Сушона он вернулся в Германию. Морской министр Джемаль-паша писал в своих мемуарах: «Я чувствую себя морально обязанным подчеркнуть еще раз, что адмирал Лимпус, его офицеры и все британские инженеры и офицеры, которые работали на восстановлении верфи в Золотом Роге, честно исполняли свои обязанности».

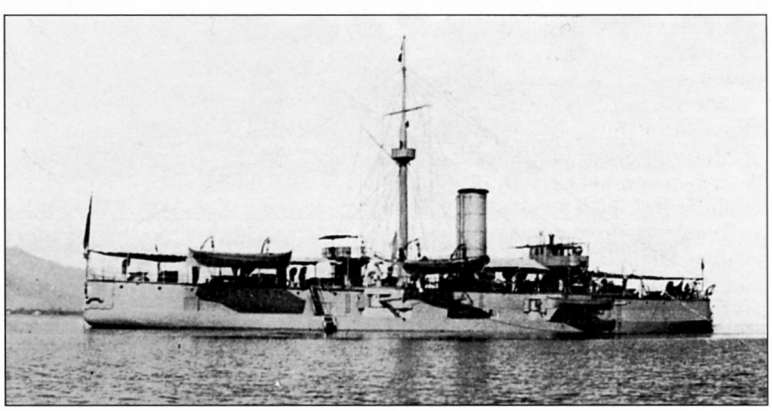
В 1911 году турецкое правительство решило заказать 2 линейных корабля. Не успела Россия как-то отреагировать на эту новость, как турецкий парламент решил, что этого слишком мало. Турция должна быть сильной не только на Черном море, но и в Эгейском. В результате было решено в течение ближайших 6 месяцев заказать еще один линкор, а через 2 года — целую серию из 3 линкоров, вооруженных 343-мм орудиями. Кроме предусмотренных бюджетом средств для строительства флота, было решено конфисковать драгоценности и вклады свергнутого султана Абдул-Хамида. В начале апреля 1911 года был подписан контракт с британскими фирмами Армстронг и Виккерс. 1 августа 1911 года на верфи Виккерса был заложен линкор «Мехмед Решад V», позднее переименованный в «Решадие». Свой первый линкор Турция должна была получить в апреле 1913 года.

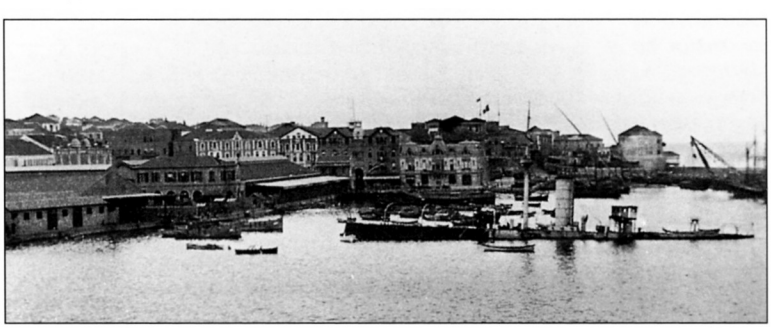
Но события показали, что турецкое правительство переоценивало возможности своих моряков. Даже старые броненосцы оказались слишком сложными для турок. В самое короткое время они довели аккуратные немецкие корабли до самого плачевного состояния. Те еле ползали, не в силах развить более 8 узлов! Что сотворили бы турки с «Мольтке», например, трудно даже представить.

Такое развитие событий вызвало крайнюю озабоченность русского правительства. Ведь вожделенные проливы уходили буквально из-под носа. Попытка воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств провалилась. Когда осенью 1911 года началась итало-турецкая война, русские попытались перекупить строящиеся линкоры. Фирмы-строители опасались, что платежи прекратятся, и поддержали инициативу русских. Но Турция наотрез отказалась передать свои линкоры кому-либо, и уж тем более России. Несмотря на войну, платежи поступали в срок. Более того, турки заказали несколько малых кораблей во Франции и Германии. Не слишком энергичный адмирал Уильямс был заменен адмиралом Артуром Лимпусом. Самое большое «сражение» итало-турецкой войны произошло 24 января 1912 года в гавани Бейрута. Итальянские броненосные крейсера «Джузеппе Гарибальди» и «Франческо Феруччио» потопили артиллерией и торпедами старый броненосец «Авниллах».

Но не успела Турция развязаться с одной войной, как была немедленно вовлечена в новую. В октябре 1912 года вспыхнула Первая балканская война между Болгарией, Сербией и Грецией с одной стороны и Оттоманской империей. Финансовое положение Турции было близко к полной катастрофе. Тогда британское правительство гарантировало Виккерсу, что приобретет корабль, если Турция от него откажется, поэтому постройка «Решадие» продолжалась, хотя Турция не потратила ни гроша. Эта же война подтолкнула Турцию к более энергичным действиям по усилению флота.

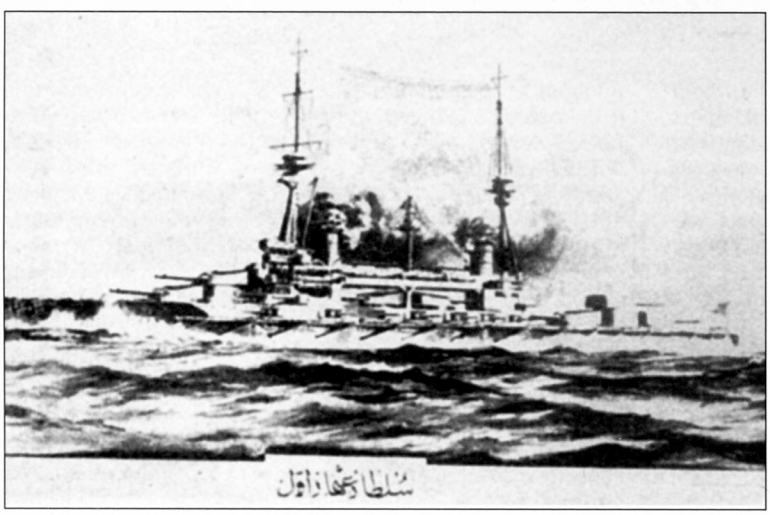
16 декабря 1912 года у выхода из Дарданелл произошло столкновение турецкого и греческого флотов. В состав турецкой эскадры входили броненосцы «Барбарос Хайреддин», «Тургут Рейс», «Месудие», «Ассари Тевфик», крейсер «Меджидие» и миноносец «Сиврихисар». Греческую эскадру возглавлял броненосный крейсер «Георгиос Аверофф», за ним шли броненосцы «Спецай», «Гидра», «Псара». В 09.40 турки открыли огонь с дистанции 50 кабельтов. Но в 09.45 «Аве-





Турецкий броненосец «Авниллах» (вверху) был потоплен двумя итальянскими крейсерами в гавани Бейрута 24 января 1912 г. (внизу)

Греческий флот, снимок 1912 г. На первом плане – миноносцы, второй ряд составляют истребители, на заднем плане видны главные силы флота: броненосный крейсер «Аверофф» (слева) и три броненосца типа «Гидра»



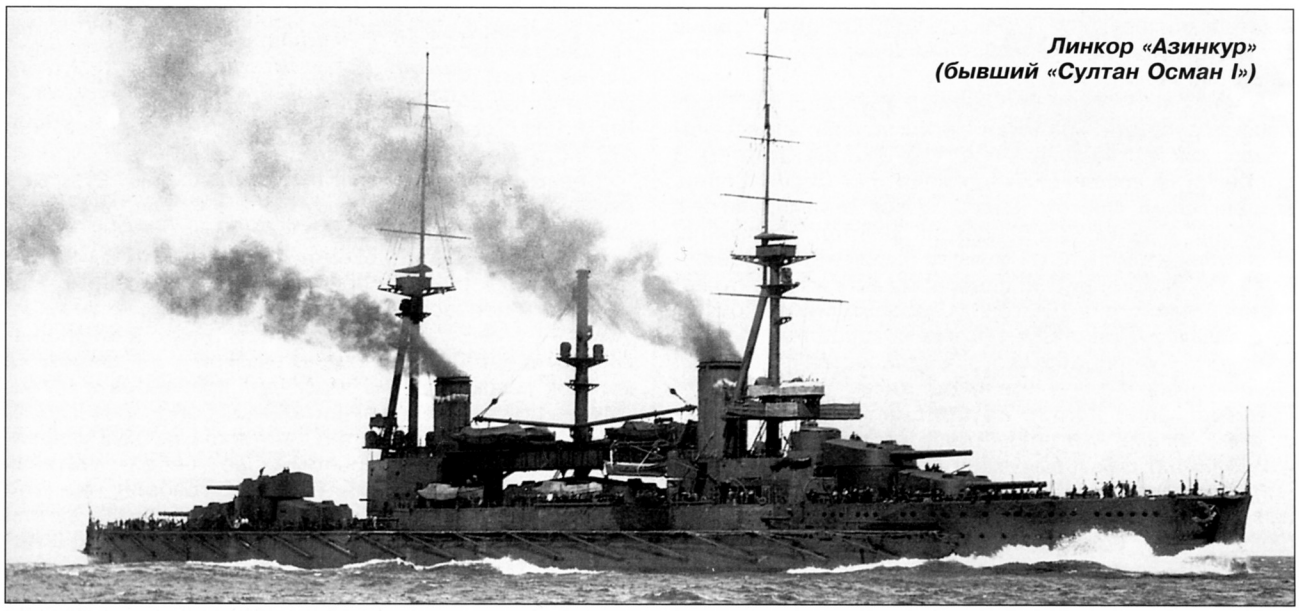
Турецкая открытка, изображающая будущее пополнение турецкого флота – линкор «Султан Осман I»

Линкор «Султан Осман I» в достройке

рофф» прошел под носом турецкой эскадры, и турецкие броненосцы попали под перекрестный огонь. Попытки турок маневрировать привели к хаосу, их строй рассыпался. В 09.55 «Барбарос Хайреддин» получил попадание в корму, осколками были выведены из строя несколько котлов. Имелись попадания в надстройки «Тургут Рейса» и «Месудие». В 10.17 перестрелка прекратилась, и турецкий флот направился к мысу Хеллес. Турки потеряли 18 человек убитыми и 40 ранеными. Итоги боя оказались неутешительными для них, так как турецкая эскадра формально превосходила противника. Однако в очередной раз подтвердилась старая истина: флот это нечто большее, чем простая сумма кораблей и моряков.

После этого Турция начала переговоры с Бразилией о покупке 2 линкоров, чтобы сразу получить готовые корабли. В результате в декабре 1913 года Бразилия продала Турции линкор «Рио-де-Жанейро», который получил название «Султан Осман-и-Эввел». Турция начала переговоры с Аргентиной о покупке строящихся в США линкоров «Морено» и «Ривадавиа». Несмотря на отказ аргентинцев, турки трижды повторяли свою просьбу. Такая настойчивость объяснялась просто — эти корабли были уже почти готовы, и не нужно было ждать 4 года. Перед Россией встала неприятная перспектива полностью потерять свои позиции на Черном море, о проливах уже речь не шла. Русский посол в США получил указание перекупить линкоры, предложив на 7 миллионов рублей больше, чем Турция. Но Аргентина в конце концов отказалась продавать корабли. Тогда Турция заказала у Армстронга почти однотипный «Решадие» линкор «Фатих Султан Мехмед».

При этом турецкое правительство не собиралось ограничиваться только линкорами. 24 февраля на заседании правящей партии «Иттихат ве Тераки» (Единение и Прогресс) было решено спешно заказать 2 крейсера, 20 эсминцев и 2 подводные лодки. При содействии английских фирм было решено начать строительство в бухте Золотой Рог мощного судостроительного завода. 19 ноября был подписан договор между турецким правительством и группой английских компаний. Турецкое правительство передавало специально созданной компании территорию и оборудование своего адмиралтейства. Финан-



Линкор «Азинкур»
(бывший «Султан Осман I»)

сировал строительство синдикат английских банков. За это турки гарантировали, что все заказы на новые корабли будут передавать только этой компании. Уже через год должно было начаться строительство эсминцев, через 2,5 года — крейсеров. Через 12 лет новая верфь должна была строить корабли любых классов. После этого господство на Черном море должно было перейти в руки Турции.

Однако строительство шло медленнее, чем надеялись турки. Интересно, что 3 сентября 1913 года, когда был спущен на воду «Решадие», его крестила Наиле-ханум, дочь турецкого посла в Лондоне Тевфик-паши. Она разбила о форштевень бутылку розовой воды (правоверным запрещено пить вино!).

8 января 1914 года в Ньюкасл прибыл будущий командир «Султана Османа» полковник Рауф-бей с группой офицеров. Он был разочарован медленным ходом работ, вдобавок на линкоре не были установлены зенитные орудия, о чем он 4 февраля написал морскому министру, настаивая на переговорах с Армстронгом по этому вопросу.

27 июля 1914 года в Ньюкасл прибыли 500 турецких моряков, которые должны были принять у строителей «Султана Османа». Рауф-бей наметил поднятие турецкого флага на линкоре на утро 2 августа, несмотря на ряд недоделок. Спасли русских англо-германские противоречия и начало Первой мировой войны — вечером 1 августа на верфи появились британские солдаты, которые захватили корабль. 2 августа Великобритания официально конфисковала этот линкор, и он вошел в состав Королевского Флота под названием «Азинкур». Этот поступок выглядит довольно странно, если Англия хотела удержать Турцию на своей стороне. Или Адмиралтейство было настолько уверено, что турки выступят на стороне Германии в будущей войне? Это так и осталось тайной. Единственное, что можно сказать с уверенностью: если конфискация «Решадие» еще выглядела оправданной, то зачем Черчиллю потребовался «Султан Осман»? Ведь британский флот к этому времени окончательно отказался от дредноутов с 305-мм орудиями и перешел к супердредноутам с 343-мм орудиями. И теперь ему оставалось лишь оправдываться: «Мы не могли обойтись без этих двух прекрасных кораблей». В Турции это решение назвали дерзким, вызывающим и явно мошенническим. Энвер-паша заявил, что это просто предательство. 22 августа Рауф-бей и его матросы покинули Англию.

23 сентября адмирал Сушон стал главнокомандующим турецким флотом, однако Турция пока оставалась нейтральной. Черноморские проливы оставались открытыми, и морская торговля продолжалась, Британия по-прежнему импортировала русское зерно. Но это не могло продолжаться бесконечно. В конце сентября британские корабли, караулящие пролив, остановили турецкий миноносец с немецким офицером на борту и вернули его назад. Немцы (заметьте, немцы, не турки!) отреагировали незамедлительно. Генерал Вебер, советник при турецком Генеральном штабе, своей властью закрыл проливы, даже не проинформировав турецкие власти, заперев в Черном море почти 200 транспортов союзников. Англии пришлось лихорадочно искать замену русскому зерну и начать закупки в Северной Америке. Адмирал фон Узедом приказал погасить маяки в проливах и начать ставить минные заграждения. Ситуация резко обострилась, но в то же время турки совсем не рвались ввязываться в войну с сомнительным исходом.

* * *

И вот здесь в Лондоне полыхнуло! Если адмирал Милн отделался легким испугом, на второго виновника событий, адмирала Трубриджа, обрушились карающие громы и молнии. Еще 9 сентября ему приказали возвращаться в Англию, чтобы дать объяснения следственному комитету, заседание которого состоялось 22 сентября. Трубридж рассчитывал если не на полное, то хотя бы на частичное оправдание, но рассмотрение его дела затянулось, и накалившаяся обстановка, несомненно, повлияла на решение следственной комиссии. В результате 1 октября он получил письмо,

в котором извещался, что его вызывают на заседание военного суда. Вот так Court of Inquiry превратился в Court-Martial.

5 ноября на борту броненосца «Бульварк» в Портленде Трубридж предстал перед судом, в котором председательствовал адмирал сэр Джордж Эгертон. В состав суда вошли вице-адмирал сэр Сесил Берни, командующий Флотом Канала, 3 контр-адмирала и 4 капитана 1 ранга. Председатель зачитал обвинение: «Действия упомянутого офицера рассматриваются согласно Морскому дисциплинарному акту в том, что августа седьмого дня 1914 он по небрежению или ошибке отказался продолжить погоню за кораблем Его германского императорского величества «Гебен», считавшегося в это время вражеским».

Негодование против Трубриджа разгорелось настолько сильно, что обвинитель, контр-адмирал Сидней Фримантл, был вынужден отбиваться от требований Адмиралтейства переквалифицировать обвинения из «небрежения долгом» в «постыдную трусость». «Ни одно из его объяснений <нежелания навязать «Гебену» бой> не может быть принято. Эффективная дальность стрельбы 280-мм и 234-мм орудий отличаются не слишком сильно. Германский корабль является гораздо более крупной мишенью, чем противостоящие ему 4 английских корабля. Превосходство в скорости одиночного корабля можно нейтрализовать правильной тактической диспозицией 4 кораблей. Бегство «Гебена» остается самым позорным эпизодом войны», — написал Баттенберг на его рапорте. Черчилль с ним согласился. В результате Фримантл отметил два ключевых момента: Трубридж имел четкий приказ, в котором «Гебен» определялся как его главная цель; он не был «превосходящим по силе соединением».

Милн, вызванный в качестве свидетеля, заявил, что Трубридж не должен был прекращать погоню. Однако Трубридж ответил, что 2 августа во время встречи на Мальте он сказал Милну: «Я считаю линейный крейсер превосходящим меня по силе соединением», на что получил ответ: «Этот вопрос не возникает, так как вы получаете «Индомитебл» и «Индефетигебл». При этом Милн вывернулся, заявив, что не помнит этого разговора. Правда, имелась телеграмма Адмиралтейства от 2 августа, в которой говорилось: «Гебен» должны преследовать 2 линейных крейсера». С учетом этого Трубридж сообщил своим капитанам, что не будет вступать в бой с «Гебеном», так как тот имеет заметное превосходство, если не будет иметь поддержки линейных крейсеров. Он считал, что либо Милн сам будет преследовать «Гебен», либо пришлет линейные крейсера. Вступать в бой с «превосходящими силами» Трубридж не собирался, так как имел приказ Милна от 4 августа.

И все-таки на заседании суда было сделано все, чтобы доказать, что «Гебен» являлся «превосходящими силами». У линейного крейсера и скорость была выше, и орудия более дальнобойные... С этим невозможно спорить, но **насколько** выше и **насколько** дальнобойнее? Договорились до того, что эффективная дальность действия орудий «Гебена» больше, чем максимальная дальность стрельбы «Дифенса». В результате пяти дней споров и взаимных обвинений был подготовлен приговор из 13 пунктов. Впрочем, о самом главном преимуществе «Гебена» тогда не говорили. Дело в том, что даже если бы крейсера Трубриджа и сумели его обстрелять, толстая броня немецкого корабля делала его совершенно неуязвимым для 234-мм, а тем более для 190-мм английских снарядов. Про это, кстати, часто забывают даже сегодня.

Первые 9 пунктов излагали установленные факты, а резолютивная часть заключалась в последних четырех. Пункт 10 оправдывал обвиняемого в том, что он продолжал караулить вход в Адриатику, чтобы не допустить появления австрийского флота, который мог помешать перевозкам французских войск из Алжира. Пункт 11 утверждал, что в соответствии с инструкциями Адмиралтейства и радиограммой от 4 августа, в которой говорилось: «1-я эскадра крейсеров и «Глостер» не должны вести решительный бой с превосходящими силами», суд считает, что в конкретных условиях дневного боя в открытом море «Гебен» считался превосходящими силами. Пункт 12 говорил, что хотя можно было навязать бой «Гебену» у мыса Малеа или в проливе Черви, но имея приказ охранять вход в Адриатику, Трубридж был прав, отказавшись от преследования, так как не было никакой возможности выделить ему подкрепление. Пункт 13: «Поэтому суд считает, что все обвинения, выдвинутые против обвиняемого, не доказаны и считает его с честью оправданным».

В результате виноватым оказалось Адмиралтейство, дававшее путаные и неточные инструкции. Совет Адмиралтейства возмутился, и Третий Морской Лорд адмирал Тюдор заявил, что Трубриджу дважды указали, что его главная цель — «Гебен», после чего должно было стать совершенно ясно, что Адмиралтейство не считает линейный крейсер «превосходящими силами», и Трубридж должен дать бой «Гебену». Тюдор утверждал, что «Гебен» никак не мог уничтожить эскадру Трубриджа, ведя бой на дальних дистанциях. Процент попаданий будет слишком мал, и германский корабль просто расстреляет весь боезапас. Второй Морской Лорд адмирал Гамильтон заметил, что если Трубридж полагал преследование «Гебена» несовместимым с охраной входа в Адриатику, он должен был запросить указаний Милна. И хотя Совет не пошел так далеко, чтобы отвергнуть приговор и потребовать отставки Трубриджа, тому пришлось-таки проглотить горькую пилюлю — больше он в море не выходил. Его тоже перевели на половинное жалование. Хотя потом он был назначен главой британской морской миссии в Сербии и прекрасно справился со своими задачами, а в 1919 году получил звание полного адмирала, это было слабым утешением. Флаг-капитану Трубриджа капитану 1 ранга Рэю было остановлено продвижение по службе за совет, который он дал своему адмиралу, и за поддержку решения прекратить преследование «Гебена». Его перевели командиром на совсем древний крейсер «Талбот», который вдобавок был вдвое меньше «Дифенса».

Однако к этому времени лавина уже сорвалась с места и понеслась вниз, набирая скорость. Война добралась и до Среднего Востока. В целом же приговор действиям британского высшего морского командования вынес сам адмирал Беркли Милн, заявивший: «Они платят мне за то, что я адмирал. Они не платят мне за то, что я думаю».

Дарданеллы — предыстория

Самое интересное в истории Дарданелльской операции это то, что невозможно понять, кто именно и когда решил ее проводить. Вот, скажем, с директивой «Барбаросса» все понятно. Директива № 21, план «Барбаросса», ставка фюрера 18.12.1940 года. Текст. Подпись: Адольф Гитлер. Все ясно и понятно, вплоть до результатов. Зато с Дарданелльской операцией как раз кроме результатов достоверно неизвестно почти ничего.

Истоки этой операции можно найти в 1906 году, когда британское правительство впервые столкнулось с перспективой войны против Турции из-за территориальных споров на Синайском полуострове. Британское военное командование сразу пришло к заключению, что захват полуострова Галлиполи и форсирование Дарданелл британским флотом станет смертельным ударом для Турции. Однако начальник разведывательного отдела Адмиралтейства в своем меморандуме от 28 февраля 1907 года писал: «Высадка на Галлиполи сопряжена с большим риском. Ее не следует предпринимать, если имеются другие способы оказания давления на Турцию».

Весь опыт британского флота подтверждал бесполезность попыток атаки береговых укреплений одними кораблями. Нельсон прямо сказал: «Любой моряк, который атакует форт, — просто дурак». Правда, в 1807 году адмирал сэр Джон Дакуорт с эскадрой из 7 линейных кораблей и нескольких мелких кораблей прорвался через Дарданеллы. Может, именно это заставило Черчилля думать, что подобный прорыв возможен и 100 лет спустя? Позднее эта же идея несколько раз всплывала при различных обстоятельствах, но Адмиралтейство неизменно высказывалось против попыток форсировать Дарданеллы силами одного флота.

В 1914 году, после бегства «Гебена» и «Бреслау» и отказа турок репатриировать экипажи, стало ясно, на чьей стороне будет воевать Турция. Назначение адмирала Сушона командующим турецким флотом сделало это совершенно очевидным. 31 августа Черчилль обратился к Китченеру с предложением внезапным ударом захватить полуостров Галлиполи, используя помощь Греции, хотя при этом он отнюдь не имел в виду разгромить Турцию, сэр Уинстон желал таким образом всего лишь защитить Египет и Суэцкий канал. То, что в данный момент Турция ни с кем не воевала, Черчилля не смутило, он не привык обращать внимание на всякие мелочи. Военный министр лорд Китченер даже не стал рассматривать этот прожект, тем более, что одновременно Черчилль обратился к премьер-министру Асквиту с предложением назначить его, Черчилля, военным министром...

Далее события развивались столь же вяло. 31 октября истек срок ультиматума Великобритании относительно высылки команды «Гебена», об интернировании кораблей уже давно забыли. Интересно, что англичане, не желая портить отношения с Османской империей, проявили неслыханную мягкость в этом отношении, они даже закрыли глаза на события, случившиеся в Черном море 28 — 29 октября.

А там в это время началась война. Довольно часто начало военных действий на Черном море, как правило, описывается несколько легкомысленно. Пришел в Константинополь линейный крейсер «Гебен», на котором держал флаг очень хитрый адмирал Сушон. После «продажи» «Гебен» и «Бреслау» превратились в «Явуз» и «Мидилли», адмирал стал Сушон-пашой, однако так и остался германским адмиралом. Поэтому, чтобы вовлечь Турцию в войну, он взял да и обстрелял Севастополь.

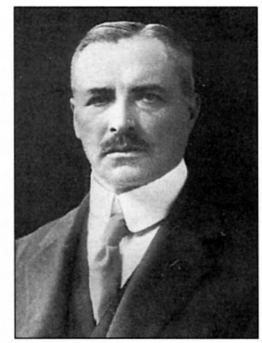
Услышав такое, можно лишь посмеяться. Да, Вильгельм Сушон показал себя неплохим флотоводцем, хотя, между прочим, славных побед не одержал. У нас принято называть его незаурядным политиком, но почему-то историки не хотят замечать, что действовал Сушон в рамках предложенных ему немецким Адмиралштабом вариантов, вспомните телеграммы Тирпица. Конечно, он умело выбирал наилучший среди предложенных ему вариантов, однако своего пороха не выдумал. Да и вообще, подумайте: германский, то есть прусский, контр-адмирал, человек, который и командующего флотом видит далеко не каждый день, вдруг берет на себя смелость решать вопросы, которые входят в компетенцию верховного командования. Лично я в это не верю. Зато в Константинополе находятся два человека, роль которых наши историки либо не хотят замечать, либо просто не располагают фактами, а потому предпочитают отмолчаться. Я говорю о военном министре Турции, главе партии младотурков и фактическом правителе Османской империи Энвер-паше и германском после фон Вангенгейме. Между прочим, горе-историкам следовало бы помнить стандартную формулу начала века: «посол в ранге полномочного министра». Это ведь фигура на несколько порядков выше какого-то там контр-адмирала, будь он семи пядей во лбу. Я не верю, чтобы Сушон посмел перепрыгнуть через голову германского посла в Константинополе.

Мехмет Талаат паша – второй член управлявшего Турцией «Младотурецкого» триумвирата. Министр внутренних дел Османской империи

Итак, попытаемся вкратце описать, что же происходило в столице Османской империи осенью 1914 года. Разумеется, этот вопрос может служить темой для фундаментального труда, мы же рассмотрим его более чем поверхностно, но это поможет понять подоплеку происходящего. На престоле сидит султан Мехмед-Решад V, падишах всех правоверных, но фактически империей правит военная хунта, называемая руководством партии «Иттихат ве Тераки» («Единение и прогресс»), они же младотурки. Более того, вся полнота власти сосредоточена в руках триумвирата: Энвер (военный министр), Талаат (министр внутренних дел), Джемаль (морской министр), который называли «правлением трех пашей». Это были фанатики в самом страшном смысле слова. Ради процветания империи они не щадят самих себя, а о том, чтобы щадить кого-либо другого,

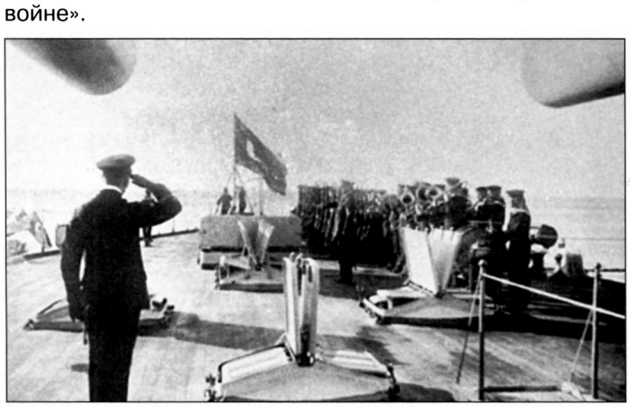
просто нет речи. Именно они организуют несколько чудовищных избиений армян под предлогом, что те угрожают безопасности империи. При этом Талаат говорит: «Я знаю, что будущие поколения назовут меня кровавым выродком, но ради блага империи кто-то должен был сделать эту работу». Под работой понимается уничтожение нескольких миллионов человек. Упомянем также Халил-бея, министра иностранных дел Турции.

10 августа 1914 года в Дарданеллы в сопровождении турецких миноносцев входят «Гебен» и «Бреслау». Чтобы избежать интернирования, фон Вангенгейм предложил турецкому правительству в течение суток решить вопрос о «покупке» кораблей. 16 августа на кораблях поднимают турецкие флаги, а германским офицерам приходится сменить черные фуражки с золотыми кокардами на красные фески. И все-таки мы сохраним за кораблями немецкие названия, так будет справедливее.



Барон Ганс фон Вангенгейм– в 1912-1915 гг. посол Германской империи в Турции. Быстро и решительно «продал» «Гебен» и «Бреслау» турецкому правительству

Турция все больше склонялась на сторону Германии. 2 августа великий визирь подписал договор, по которому Турция должна была вступить в войну, если Россия вмешается в австро-сербский конфликт или объявит войну Германии. Однако немедленно выяснилось, что турецкое правительство не стремится начинать военные действия. 3 августа была опубликована декларация о нейтралитете. Разногласия обнаружились внутри практически всех группировок, стремившихся втянуть Турцию в войну. Неожиданно заколебались Талаат и Джемаль, лишь Энвер, занимавший абсолютно прогерманскую позицию, стоял за начало войны. Фон Вангенгейм не считал начало военных действий на Черном море наилучшим вариантом, тогда как Сушон полагал, что это вообще единственный способ заставить Турцию вступить в войну. Однако 15 сентября фон Вангенгейм получил телеграмму от канцлера Бетман-Гольвега с требованием проявить активность на Черном море. Впрочем, нейтралитет Турции имел довольно прозаическое объяснение. Морской министр Джемаль-паша писал: «Мы объявили себя нейтральными только для того, чтобы выиграть время. Мы ждали момента, когда наша мобилизация закончится и мы сможем принять участие в войне».



Поднятие оттоманского флага на «Гебене»

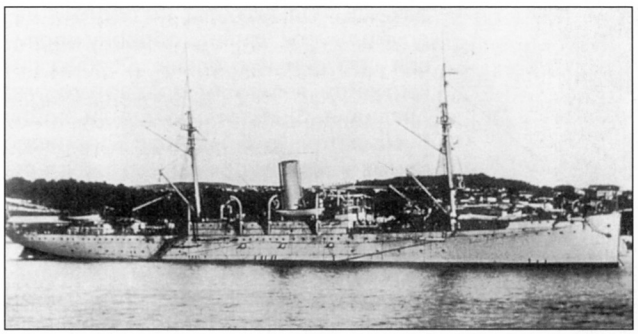
Обстановка начала накаляться. После прихода немецких кораблей в Константинополь англичане установили не то наблюдение, не то вообще блокаду Дарданелл, переведя туда флотилию миноносцев. Вместе с ними дежурили линейный крейсер «Индефетигебл» и броненосный крейсер «Дифенс». Сначала все это выглядело невинно, однако 29 сентября британские корабли остановили и вернули обратно турецкий миноносец «Ак-Хисар». На нем, кстати, находился немецкий обер-лейтенант Фриге, намеревавшийся собрать информацию об английской блокадной эскадре. Турция в ответ объявила, что проливы закрыты для любых кораблей союзников.

А тут еще в дело вмешались деньги. 11 октября Германия пообещала предоставить Турции заем в 100 миллионов франков. Фактически это была не слишком замаскированная взятка за участие Турции в войне. 26 октября прибыла первая партия золота. Это окончательно решило дело.

Официальная история германского флота приписывает инициативу всех дальнейших решений Сушону. То ли министерство иностранных дел Германии не ознакомило автора своевременно со всеми документами, то ли морской офицер решил поднять престиж флота, — сказать трудно. На самом деле все обстояло немного иначе.

22 октября Энвер-паша изложил немцам свои взгляды. Он подчеркивал, что неопределенная ситуация на Балканах вынуждает Турцию держать значительные силы во Фракии. План пока оставался прежним. Турция объявляет джихад Антанте. Формируется экспедиционный корпус для захвата Египта, хотя это потребует некоторого времени. Между прочим, командовать этим корпусом назначили морского министра Джемаль-пашу, услав его из Константинополя, что полностью развязало руки Сушону. Кстати, Джемаль был категорически против войны с Англией, трезво оценивая потенциал турецкого флота. Против русских войск на Кавказе планируются диверсионные операции, а флот, усиленный «Гебеном», должен найти и атаковать русский Черноморский флот. Но сомневающиеся вдруг предложили отправить Халила в Берлин, чтобы выторговать еще 6 месяцев нейтралитета. Тогда Энвер передал Сушону заклеенный пакет с секретным приказом начать военные действия против России без формального объявления войны. Однако тот же Энвер сказал Сушону, чтобы тот не вскрывал пакет, если Энверу не удастся убедить своих коллег. Но фон Вангенгейма это не устраивало. 23 октября он отправил командира «этапа Константинополь» к Энверу, чтобы подтолкнуть его к решительным действиям, но того на месте не оказалось. Заметьте, действует посол, а не адмирал! В конце концов Энвер так и не сумел сломить сопротивление нерешительных, и решил действовать напролом. Через 2 дня он передает Сушону следующий приказ, действуя через голову морского министра Джемаля:

«Военный министр Энвер-паша адмиралу Сушону, 25 октября 1914 года.



Минный заградитель «Прут» – жертва набега «Гебена» на Севастополь в октябре 1914 г.

Весь флот должен выйти на маневры в Черное море. Когда вы сочтете обстоятельства благоприятными, атакуйте русский флот. Перед началом военных действий вскройте мой секретный приказ, переданный лично вам сегодня утром. Чтобы помешать перевозкам снабжения в Сербию, действуйте, как было оговорено ранее. Энвер-паша.

Секретный приказ

Турецкий флот должен захватить господство на Черном море. Найдите русский флот и атакуйте его, когда считаете нужным, без объявления войны. Энвер-паша».

Фон Вангенгейм передал Сушону последние инструкции Берлина:

«1. Выйти в море немедленно.

2. Выход не должен быть бесполезным, цель — начало войны любыми средствами.

3. Если возможно, скорее передать в Берлин план операций».

Дальнейшее прекрасно известно. 27 октября турецкий флот покинул якорные стоянки. В 17.00 «Гебен» трижды передал приказ: «Сделайте все возможное во имя будущего Турции». Немного погодя был передан новый приказ: «Всем кораблям: все боевые действия являются секретными. То же самое относится к действиям после боя». После этого командиры кораблей вскрыли секретные пакеты. На рассвете 29 октября «Гебен» в сопровождении 2 эсминцев должен обстрелять Севастополь. Крейсер «Хамидие» — нанести удар по Феодосии. Крейсер «Бреслау» и минный крейсер «Берк» должны были обстрелять Новороссийск, а «Бреслау» еще и поставить мины в Керченском проливе, после чего присоединиться к «Берку». 2 турецких эсминца должны нанести внезапный удар по кораблям в Одесском порту.

Но даже теперь, после прямого нападения на союзника, который вместе с Англией вел войну против Германии, английское правительство продолжало медлить и мямлить. А когда пришлось действовать, всё, что было сделано, принесло только вред. Адмиралтейство начало свою собственную войну. 1 ноября 1914 года эсминцы «Вулверин» и «Скорпион» вошли в залив Измит и потопили возле Урлы вспомогательное судно «Бейрут» и пароход «Киналиада». Впрочем, сделано это было достаточно корректно, командам дали время спуститься в шлюпки и добраться до берега.

Затем последовало то, что Джеллико назвал «непростительной ошибкой», а адмирал Бэкон — «поступком явного лунатика». После того, как командующий Средиземноморским флотом адмирал Беркли Милн упустил «Гебен», его сняли и отправили в отставку, но командовать британским Средиземноморским флотом поручили суперинтенданту мальтийских доков вице-адмиралу Сэквиллу Кардену. Что называется, поменяли шило на мыло.

Сам Черчилль писал про Кардена: «Он никогда не командовал даже эскадрой крейсеров, и я понятия не имею, он вообще сумел сделать в жизни хоть что-то примечательное». Еще более жестко высказался ад-

5 Ноября 1914 года, война объявлена

Английская карикатура: Германия впрягла в войну Австро-Венгрию и Турцию

мирал Фишер: «Кто ожидал, что Кардена назначат командовать большим флотом?! Его сделали суперинтендантом Мальты только чтобы убрать хоть куда-то!»

Но, так или иначе, адмирал Карден получил приказ поднять флаг на одном из линейных крейсеров и провести короткую бомбардировку турецких фортов. Единственная задача, которая была поставлена перед ним, — «опробовать эффект воздействия корабельных орудий на внешние форты» Дарданелл. 3 ноября 1914 года «Индефетигебл» и «Индомитебл» вместе с французскими броненосцами «Сюффрен» и «Верите» в течение 10 минут выпустили 76 — 305-мм снарядов по Кум-Кале и Седд-уль-Бахру. Им удалось взорвать один артпогреб. Эта операция дала Адмиралтейству повод думать, что, несмотря на уроки истории, военные корабли способны подавить форты, защищающие Дарданеллы. Однако этот же обстрел надоумил турок усилить оборону проливов, что они и сделали. Особую пикантность событиям придает то, что Англия и Франция объявили войну Турции только 5 ноября. Блестящий пример несвоевременных и неуместных действий.

Командующий Средиземноморским флотом адмирал Карден

После этого опять наступило затишье. 25 ноября на заседании британского Военного совета обсуждался вопрос о защите Египта, и Черчилль снова вылез с предложением атаковать Дарданеллы и полуостров Галлиполи. И снова Китченер высказался категорически против, заявив, что у него нет ни одного лишнего солдата.

Новый толчок события получили, когда 2 января 1915 года главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обратился к союзникам с просьбой предпринять демонстрацию против турок, чтобы ослабить их натиск на Кавказском фронте. 3 января Форин Офис отправил ему телеграмму, в которой обещал помощь. Это решение было принято после совещания Китченера с Черчиллем. Но ирония судьбы заключалась в том, что к этому времени турецкие войска были разбиты русскими под Сарыкамышем и покатились назад. Турецкая 3-я Армия, действовавшая на Кавказе, была наголову разбита и фактически перестала существовать, от 118000 солдат к началу операции к концу сражения остались всего 12000, в плен попал даже командир IX корпуса вместе со всеми своими командирами дивизий. Великий князь просто забыл известить союзников, что помощь больше не нужна.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ИСКРЫ

№ 43. Иллюстрированный художественно-литературный журналъ съ карикатурами. № 43.

Выходитъ еженедѣльно при газетѣ „Русское Слово".

Бомбардировка Дарданеллъ.

САРОССКІЙ ЗАЛИВЪ

ДАРДАНЕЛЛЫ

КУМЪ-КАЛЕ

АЗІАТ. СТОРОНА

Бомбардировка Дарданелл 1914 г. Номер русского журнала. Положение эскадры союзников обстреливавшей форты показано очень «условно». Автор коллажа дал волю фантазии.

Черчилль и Фишер (который сменил Баттенберга) запросили вице-адмирала Кардена: «Как вы считаете, возможно ли форсирование Дарданелл одними кораблями? Полагаем, что можно использовать старые линкоры... Важность результата оправдает тяжелые потери». Карден ответил: «Я не думаю, что их можно прорвать стремительным броском. Но проливы можно форсировать в ходе большой операции большим количеством кораблей». Сначала Черчилль носился с планом отправки в Дарданеллы 75000 «опытных солдат из Франции», но в очередной раз Китченер и фельдмаршал Джон Френч, командующий британским экспедиционным корпусом во Франции, наотрез отказались их выделить. 6 января Черчилль телеграфировал Кардену: «Высшие инстанции согласились с вашим мнением. Представьте детальный план с обоснованием потребных сил. Как, по вашему мнению, мы можем их использовать, и что в результате получим?»

11 января Карден передал по телеграфу детализованный план. Первое: полностью разрушить укрепления на входе. Второе: уничтожить укрепления внутри пролива до мыса Кефез. Третье: уничтожить укрепления в Узостях и Чанаке. Четвертое: расчистить минные заграждения, пройти Узости и выйти в Мраморное море. Обстрел фортов должен был проходить в 3 стадии: бомбардировка с дальней дистанции, вне досягаемо-

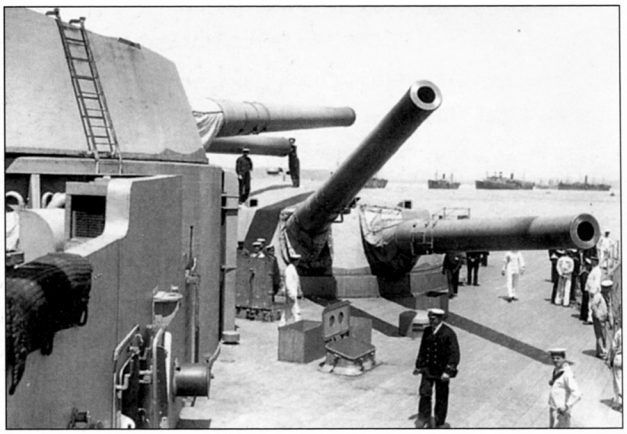
сти вражеской артиллерии; обстрел со средней дистанции прямой наводкой; огонь на разрушение с дистанции 15 — 20 кабельтовых. Все это должно было занять около месяца, если привлечь к операции достаточное количество броненосцев. Карден полагал, что ему хватит 12 броненосцев, 3 линейных крейсеров, 3 легких крейсеров, флотилии из 16 эсминцев во главе с лидером, 6 подводных лодок и 12 тральщиков. Но это были обычные общие слова. Как позднее ядовито заметил один из адмиралов, их можно было «применить для описания событий где угодно и когда угодно, от набега викингов до десанта в Тимбукту».

Адмирал Фишер, который теперь занимал пост Первого Морского Лорда, сначала этот план поддержал. Более того, 12 января он даже предложил задействовать только что введенный в строй супердредноут «Куин Элизабет». Кораблю предстояли испытания артиллерии и Фишер решил, что лучше стрелять по фортам Дарданелл, чем выкидывать снаряды в море где-то у Гибралтара. Он нарисовал Черчиллю впечатляющую картину, как капитан 1 ранга Хоуп, используя свои 381-мм орудия, сначала стирает форты в порошок, а затем топит «Гебен» на якорной стоянке в Золотом Роге. Эти фантазии даже несколько поколебали Китченера, который, тем не менее, оставался противником проекта.

В результате 13 января Военный совет постановил, что «Адмиралтейству следует подготовить морскую экспедицию в феврале месяце, чтобы обстрелять и захватить полуостров Галлиполи. Конечной целью операции является Константинополь». Здесь нам обязательно следует немного заняться лингвистикой. Помните, мы говорили о том, что у Дарданелльской авантюры, как у всякого поражения, нет отца? Так вот, Военный совет использовал обтекаемую формулировку «The Admiralty should prepare». Дело в том, что глагол «should» используется в основном для передачи сослагательного наклонения, и выражение можно перевести как «Адмиралтейству следовало бы», «неплохо бы» и так далее. То есть политики сознательно, а, скорее всего, чисто автоматически переложили всю ответственность за дальнейшее на адмиралов. Снова мы встречаемся с бюрократическими увертками и отговорками. Никаких жестких глаголов «must prepare» или «have to prepare», то есть мы **не видим**, что «Адмиралтейство должно», «Адмиралтейство обязано», «Адмиралтейству приказано».

И никто — кроме Китченера, предупреждавшего, что войск нет — не потрудился подумать, как это флот может захватить полуостров, а потом оккупировать столичный город с населением более миллиона человек. Однако пока никаких практических шагов по подготовке операции и передаче Кардену требуемых кораблей не предпринималось.

20 января Черчилль заявил Китченеру: «Пока не начнется обстрел фортов Дарданелл, мы не сможем сказать, как будут развиваться события. Мы должны предусмотреть меры на случай серьезного отпора. Поэтому вначале следует использовать только те линкоры, которые необходимы, остальной флот нужно держать между Мальтой, Александрией и Александреттой. В случае необходимости он может быстро сосредоточиться. Крайне желательно приурочить операцию в Александретте к атаке Дарданелл. Я верю, что



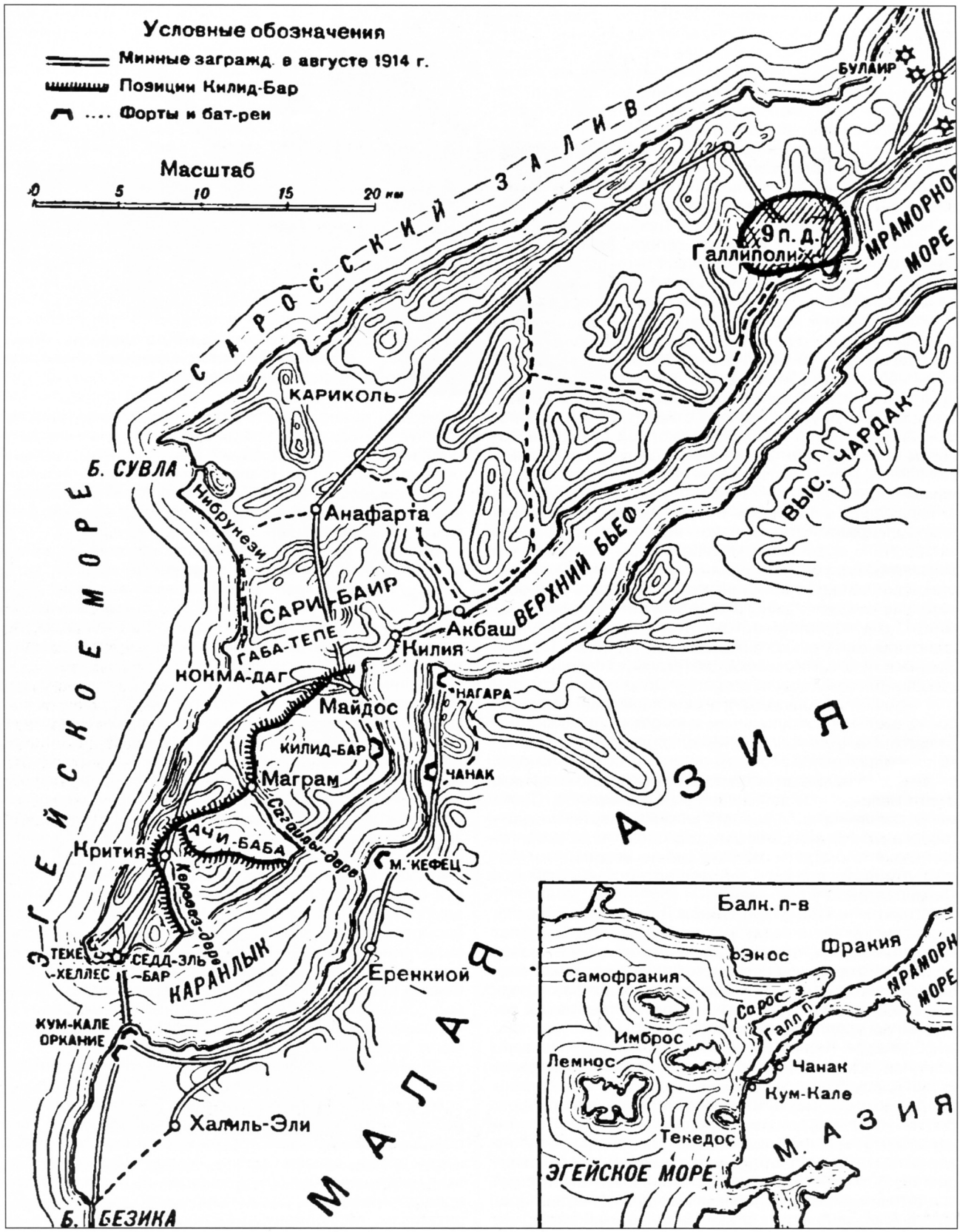
381-мм орудия главного калибра линкора «Куин Элизабет» – главный аргумент адмирала Фишера в «разговоре» о фортах Дарданелл

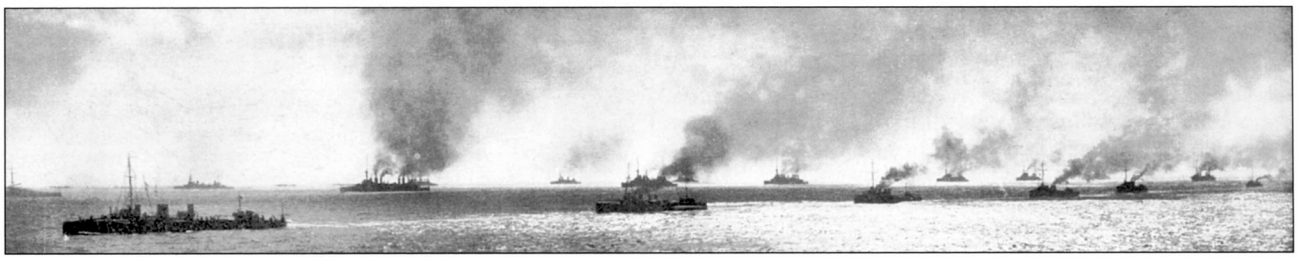
это очень важно с восточной точки зрения. Поэтому можете вы организовать все и сообщить мне дату операции у Александретты? Мы намерены открыть огонь в Дарданеллах 15 февраля». Вот когда проявился непрофессионализм Черчилля! Атака Дарданелл представляется ему легкой прогулкой, и он хочет совместить ее по времени с наступлением в Сирии.

Вдобавок взбунтовался Фишер, который не желал отправлять в Средиземное море новые корабли, особенно линейные крейсера. 25 января он пишет Черчиллю: «Все они срочно нужны для решающий битвы дома!.. Я не согласен ни с одним шагом в этом направлении». Он даже мрачно предсказал: «Дарданеллы станут нашей могилой...»

Задним умом крепки все. Позднее, во время парламентского расследования по итогам Дарданелльской катастрофы, Черчилль заявил, что, если бы он заранее знал, что потребуется высадка примерно 100000 солдат, то ни в коем случае не начал бы операцию. А пока англичане начали собирать силы для предстоящего удара. Из Англии Кардену были присланы несколько броненосцев из состава 5-й и 6-й эскадр линкоров, зато остальные корабли собирали буквально со всего мира. Из Южной Америки был вызван «Канопус», который уже подходил к берегам Европы. «Альбион» покинул остров Св. Елены, «Трайэмф» заправлялся в Коломбо, «Оушн» и «Свифтшур» находились в Египте. И, несмотря на все возражения Фишера, Кардену оставили линейный крейсер «Инфлексибл», на котором поднял флаг контр-адмирал де Робек. Более того, сам Фишер предложил отправить в Средиземное море самые сильные британские броненосцы «Нельсон» и «Агамемнон». Видимо, он все-таки не думал, что они могут всерьез усилить флот дредноутов.

28 января, когда Военный совет вновь рассмотрел план операции, красноречие Черчилля сыграло роль: если все пойдет хорошо, «Турецкая империя будет разрезана надвое, ее столица будет парализована, мы объединим Балканские государства в борьбе против наших врагов, спасем Сербию, поможем Великому Князю в проведении большого наступления и, сократив его продолжительность, спасем множество жизней». Такой энтузиазм, поддержанный Китченером, потому что от


Условные обозначения
Минные загражд. в августе 1914 г.
Позиции Килид-Бар
Форты и бат-реи
Масштаб
0 5 10 15 20 км
САРОССКИЙ ЗАЛИВ
БУЛАИР
9 п. д.
Галлиполи
МРАМОРНОЕ МОРЕ
КАРИКОЛЬ
Б. СУВЛА
Нибрунези
Анафарта
ВЫС. ЧАРДАК
ВЕРХНИЙ БЬЕФ
САРИ-БАИР
Акбаш
ГАБА-ТЕПЕ
Килия
КОНМА-ДАГ
НАГАРА
Майдос
КИЛИД-БАР
Маграм
ЧАНАК
Сагаилы-дере
АЧИ-БАБА
Крития
М. КЕФЕЦ
Керевез-дере
ТЕКЕ-ХЕЛЛЕС
СЕДД-ЭЛЬ-БАР
КАРАНЛЫК
Еренкиой
КУМ-КАЛЕ ОРКАНИЕ
Халиль-Эли
Б. БЕЗИКА
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
МАЛАЯ АЗИЯ
Балк. п-в
Экос
Фракия
Самофракия
Сарос з.
Галл. п.
МРАМОРНОЕ МОРЕ
Имброс
Лемнос
Чанак
Кум-Кале
Текедос
М. АЗИЯ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ



Союзный флот на пути к Дарданеллам

него не потребовали выделения драгоценных сухопутных войск, «убедил Первого Морского Лорда неохотно согласиться на бомбардировку Дарданелл, как имеющую чрезвычайное политическое и дипломатическое значение», хотя он думал, что это будет «бессмысленно без привлечения войск. Мнение моряков было единодушным. Все они были на стороне Черчилля. Я <Фишер> был единственным мятежником».

А далее события, еще не начавшись, продемонстрировали изумительную способность вырываться из рук. 9 февраля Китченер сам заявляет, что отправка британских войск в Салоники положительно повлияет на Грецию. Он сам предложил начать готовить к отправке 29-ю пехотную дивизию, чтобы в случае успеха морской операции использовали ее и в Дарданеллах. Так было посеяно первое зерно будущей катастрофы. 16 февраля Черчилль предложил, кроме 29-й дивизии, использовать австралийские и новозеландские войска, находившиеся в Египте. Они прибыли туда в декабре, в начале января отбили вялую попытку турок выйти к Суэцкому каналу и теперь бездельничали. Еще одно зерно, теперь уже трагедии корпуса Анзак (Австралийско-Новозеландский корпус, сокращенно Анзак), легло в благодатную почву.

Но мы забежали немного вперед. Адмирал Карден несколько детализировал свой план, изложенный 11 января в телеграмме Военному совету. Теперь он выглядел так:

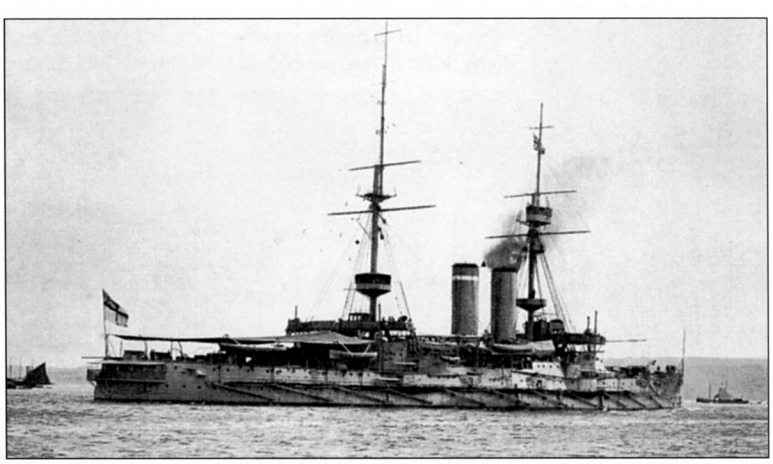
1. Обстрел внешних фортов при входе в пролив, в бухте Безика и на берегу Галлиполи.
2. Траление минных заграждений и уничтожение фортов между входом и Узостями.
3. Уничтожение фортов в Узостях.
4. Траление минного заграждения у Кефеза.
5. Уничтожение фортов выше Узостей.
6. Проход флота в Мраморное море.
7. Действия в Мраморном море.

Как легко увидеть, добавлено было мало, скорее некоторые пункты расписаны более детально.

Для решения этой задачи Карден получил линкор «Куин Элизабет», линейный крейсер «Инфлексибл» и 12 британских броненосцев: «Лорд Нельсон», «Агамемнон», «Корнуоллис», «Альбион», «Виндженс», «Оушн», «Канопус», «Иррезистебл», «Маджестик», «Принс Джордж», «Свифтшур», «Трайэмф». Впрочем, часть кораблей подошла уже после начала операции.

Появление в составе эскадры «Инфлексибла» объяснялось двумя причинами. Первая — он все еще ремонтировался в Гибралтаре после боя у Фолклендов и просто оказался под рукой. Вторая — на «Куин Элизабет» произошла поломка машин, и скорость линкора упала до 15 узлов. Адмирал хотел иметь хотя бы один быстроходный корабль на случай выхода «Гебена» из пролива.

В состав союзной эскадры вошли легкие крейсера «Дублин», «Дартмут», «Аметист» и «Сапфир». Карден получил 16 эсминцев типа «Бигль» и плавбазу «Бленхейм». Ему передали 7 подводных лодок, в том числе 2 французских. Французы прислали эскадру адмирала Гепратта, состоящую из броненосцев «Сюффрен», «Буве», «Голуа», «Шарлемань». Для траления мин Карден затребовал 21 траулер, но пока ему прислали только 7. Французы обещали выделить 14 траулеров, но их пока тоже не было. Чтобы освободить британские корабли из Египта и Сирии, французы сформировали Сирийскую эскадру адмирала Дартиж дю Фурнье — броненосцы «Сен-Луи», «Жоригиберри», броненосец береговой обороны «Анри IV», крейсер «Д'Антркасто». Заместителем Кардена был назначен контр-адмирал Джон де Робек. Кроме того, из Англии был прислан коммодор Кийз, сдавший командование Гарвичскими Силами. Базироваться корабли союзников должны были в порту Мудрос на греческом острове Лемнос, находящемся южнее выхода из пролива. Греки, благожелательно относившиеся к союзникам и питавшие надежду урвать свой кусочек в ходе заварушки, разрешили англичанам пользоваться островами Имброс, Самофракия и Тенедос в качестве баз. Комендантом базы был назначен контр-адмирал Уимз. Хотя операция планировалась чисто флотская, все-таки Адмиралтейство решило отправить в Дарданеллы 2 батальона морской пехоты.



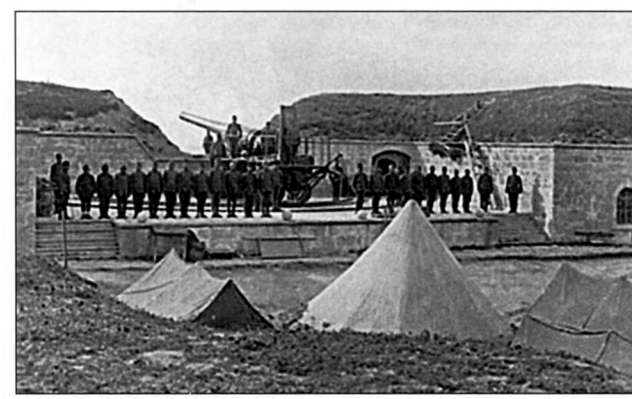
Эскадренный броненосец «Корнуоллис», флагман адмирала Кардена во время атаки дарданельских фортов 19 февраля 1915 г.

Дарданеллы — начало

И вот, 19 февраля 1915 года залпом броненосца «Корнуоллис» началась знаменитая Дарданелльская операция. Это можно было счесть дурным предзнаменованием, ведь именно капитуляция армии сэра Чарльза Корнуоллиса поставила точку в Войне за независимость Соединенных Штатов, хотя броненосец и был назван в честь его брата адмирала сэра Уильяма Корнуоллиса. Но все равно было в этом нечто зловещее. С другой стороны именно в этот день в 1807 году адмирал Дакуорт прорвался через Дарданеллы. Атаку должны были возглавить «Сюффрен» под флагом адмирала Гепратта, «Буве», «Инфлексибл», «Трайэмф», «Альбион», «Корнуоллис», на котором держал флаг сам адмирал Карден. Их должны были поддержать «Голуа» и «Аметист». «Винджженс» под флагом адмирала де Робека находился в резерве. Прибытие «Куин Элизабет» и «Агамемнона» ожидалось в течение дня.

В 09.51 «Корнуоллис» сделал первый выстрел по форту Оркание. Через 10 минут «Трайэмф» с дистанции 38 кабельтов открыл огонь по форту Хеллес. В 10.32 «Сюффрен» открыл огонь по форту Кум-Кале с дистанции 59 кабельтовых, используя в основном среднюю артиллерию. Форты не отвечали, поэтому Карден приказал кораблям стать на якорь. «Корнуоллис» из-за повреждения шпиля не смог отдать якорь и был заменен «Винджженсом». «Инфлексибл» в 11.50 дал 2 залпа с дистанции 70 кабельтовых по форту Хеллес, но снаряды легли недолетами, поэтому линейный крейсер снялся с якоря и сократил дистанцию на 12,5 кабельтовых и в 12.20 снова открыл огонь. Стрельба велась очень медленно, так как артиллеристы почти не видели падений своих снарядов. Например, «Трайэмф» за 2 часа дал только 14 залпов и при этом ни разу не сумел накрыть цель. Около полудня британский гидросамолет сообщил, что все орудия Седд-уль-Бахра, Оркание и Кум-Кале остались целы. «Инфлексибл» примерно в 13.00 перенес огонь на форт Седд-уль-Бахр. Однако Карден решил, что обстрел с дальней дистанции прошел успешно, и в 14.00 поднял сигнал, приказывая перейти ко второй фазе операции.

Теперь корабли должны были вести огонь с хода, но с малых дистанций. Около 15.00 «Инфлексибл» дал 3 залпа по Седд-уль-Бахру с дистанции 55 кабельтов.



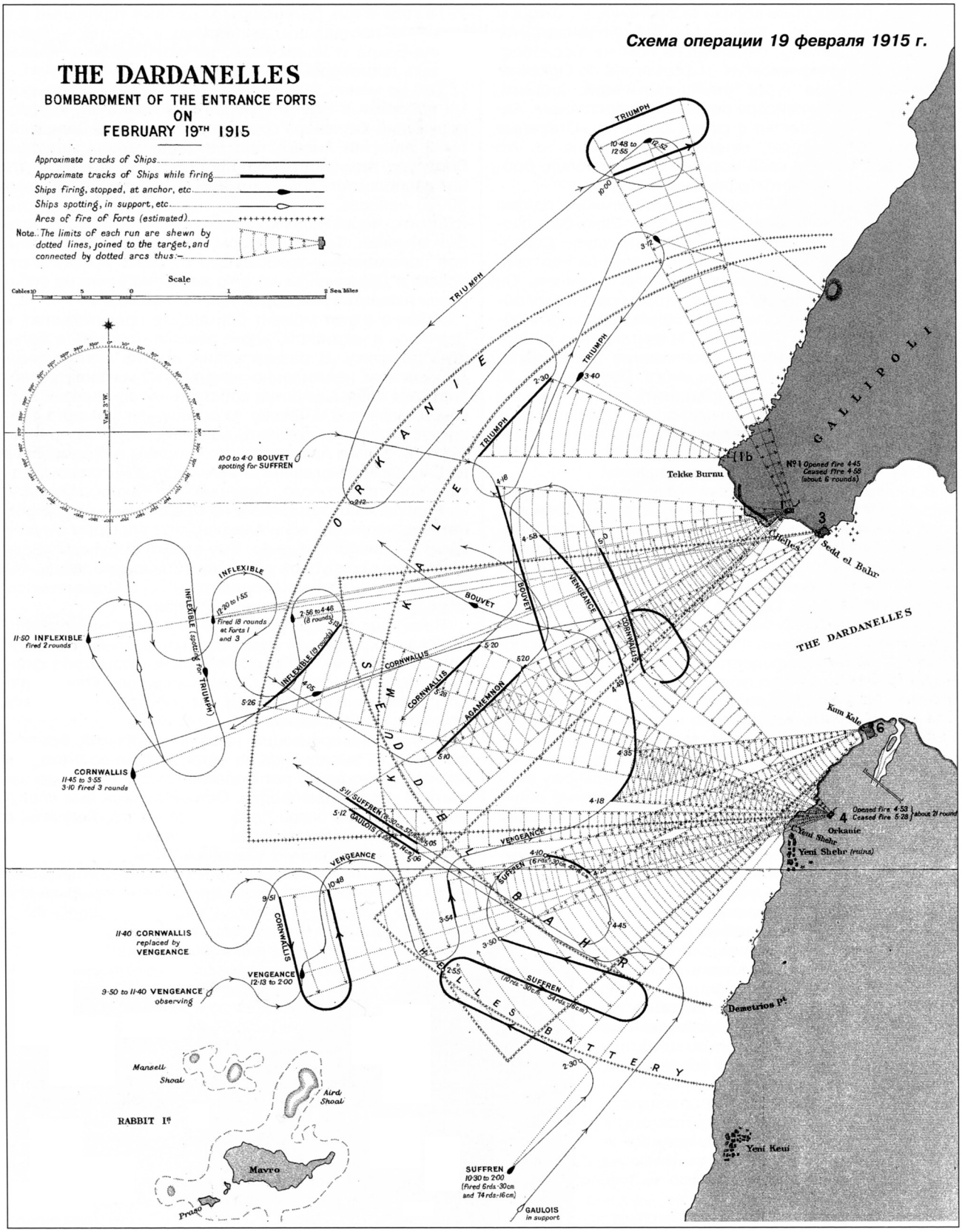
Вверху: вид форта Седд-уль-Бахр в феврале 1915 г. Внизу: 240-мм/35 орудие Круппа форта Оркание – первого форта, попавший под обстрел союзной эскадры

Ответа не последовало, и корабли союзников подошли ближе к берегу. Южный фас укреплений Кум-Кале был разрушен огнем «Сюффрена» и присоединившегося к нему «Винджженса». Турецкие форты окутались клубами дыма и пыли. Англичане решили, что им удалось подавить вражеские орудия. Броненосцы вели огонь из тяжелых орудий по Кум-Кале и Седд-уль-Бахру, а из средних — по Оркание и Хеллесу. В 16.40 адмирал Карден приказал «Винджженсу» подойти еще ближе к берегу и осмотреть форты.

К несчастью, «Сюффрен» неверно разобрал сигнал. Французы решили, что им приказывают «Прекратить огонь, приблизиться к «Инфлексиблу». В это время «Сюффрен» находился в очень удобной позиции для обстрела форта Оркание, орудия которого были целы, но французский адмирал решил выполнить приказ. И вдруг в 16.45 турки открыли ответный огонь по «Винджженсу». Адмирал де Робек, хотя и был застигнут врасплох, не дрогнул. Он повернул прямо на форт Хеллес и открыл по нему беглый огонь. Адмирал Гепратт немедленно поддержал англичан. «Буве» открыл огонь, стреляя через «Винджженс». «Сюффрен» возобновил обстрел Хеллеса, а «Голуа» обстрелял Оркание с дистанции 45 кабельтов. Форт Кум-Кале молчал, а орудия Седд-уль-Бахра дали только пару выстрелов. Прямых попаданий в «Винджженс» не было, но несколько

Английский линкор «Корнуоллис» ведет огонь по береговым укреплениям Дарданелл

Схема операции 19 февраля 1915 г.



снарядов разорвались вблизи от броненосца, который засыпало осколками. Как только Карден увидел, что форты не подавлены, он пошел на помощь броненосцам. В 17.15 «Инфлексибл» открыл огонь по Оркание. Вскоре стрельба турок стала хаотичной, видимо, огонь линейного крейсера оказался эффективным. Адмирал Гепратт написал в своем рапорте: «Отважные действия «Винджженса», который, невзирая на то, что огонь батарей ни в коей мере не был ослаблен, бросился в атаку, являются украшением дня».

Тут подошли «Куин Элизабет» и «Агамемнон», однако их участие в бою было недолгим. «Куин Элизабет» около 20 минут поддерживал огнем «Корнуоллис». Совершенно неожиданно в 17.20 Карден поднял сигнал, скомандовав общий отход, так как уже начало темнеть. Он решил, что уже слишком поздно, чтобы продолжать обстрел. Де Робек запросил разрешения продолжать обстрел, но Карден не разрешил. Он считал, что в сумерках обстрел превратится в бесполезную трату снарядов, которых было не слишком много. Поэтому в 17.30 адмирал повторил приказ прекратить огонь. Корабли отошли, провожаемые залпами форта Оркание, примерно в 19.00 к ним присоединились «Альбион» и «Аметист», которые осматривали западное побережье полуострова. Ни мин, ни батарей они не нашли.

В целом результаты первого дня операции оказались несколько противоречивыми. С одной стороны, создалось впечатление, что лишний час светлого времени позволил бы кораблям окончательно подавить входные форты. С другой стороны, выяснилось, что добиться прямого попадания в орудие почти невозможно. Британский историк Герберт Вильсон очень оптимистично оценивает результаты первого обстрела, но позднейшие исследования показывают прямо противоположное. Не более 3 процентов снарядов попали в цель, и повреждения турецких фортов Седд-уль-Бахр, Хеллес и Кум-Кале оказались минимальными.

Турецкие форты получили по несколько попаданий, однако почти все их орудия остались целы. Для повышения меткости кораблям следовало вести огонь, стоя на якоре, что подвергало их значительному риску. В целом же стало ясно, что первоначальные оценки оказались слишком оптимистичными, и операция затянется. Однако моряки еще больше укрепились в мнении, что смогут завершить операцию собственными силами. Но на всякий случай Адмиралтейство распорядилось отправить на Лемнос еще 2 батальона морской пехоты. Одновременно оно приказало готовить к отправке на Лемнос 10 батальонов королевской морской дивизии, проходивших подготовку в лагере Бланд-Форд.

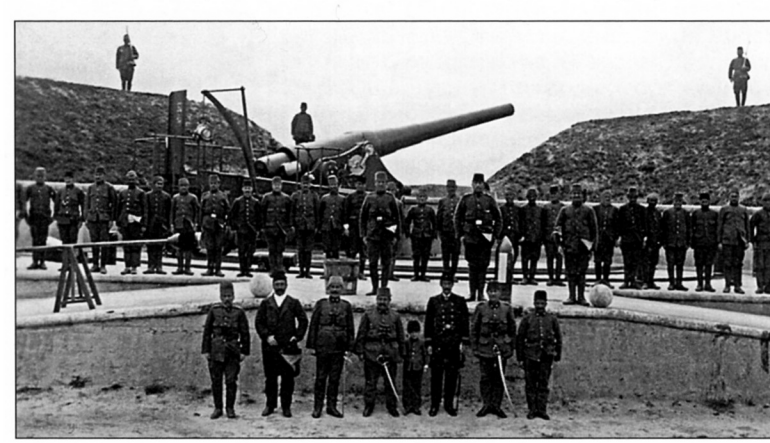
А что в это время делали корабли турецкого флота? Рисковать «Гебеном» не желали ни немцы, ни турки, поэтому использовались только старые броненосцы. 19 февраля их поставили возле мыса Нара с приказом сражаться до последнего снаряда, если союзники прорвутся. Но, к счастью для турок, в этот день вражеские броненосцы в пролив не вошли. Имеются сведения, что во время ремонта летом 1914 года с них были сняты кормовые торпедные аппараты и поставлены на плотиках в Узостях — возле Килид-Бахра и Чанак-Кале, но эти сведения нельзя считать достоверными.

Тем не менее, 20 февраля командующий британскими войсками в Египте генерал Максуэлл получил распоряжение Китченера готовить к отправке в Дарданеллы 2 дивизии Анзака под командованием генерала Бирдвуда. Адмиралтейство протестовало, указывая, что не располагает транспортами для перевозки этих 30000 человек, но получило приказание транспорты изыскать. Через неделю приказ обеспечить транспорты был отменен. Таким образом, создалось двусмысленное положение — требовалось готовить войска к отправке в Дарданеллы, но в то же время никто не собирался готовить транспорты для их перевозки.

Именно в этот момент британское правительство, и Черчилль в частности, вдруг решили поиграть в большую политику. В разгар войны против Центральных Держав они неожиданно начали рассматривать перспективы войны... против собственных союзников! Китченер, Черчилль и Фишер на совещании 10 марта единогласно решили готовить создание крупной военно-морской базы в Александретте — одном из терминалов на Багдадской железной дороге. «Когда Россия окажется в Константинополе, Франция — в Сирии, Италия — на Родосе, наше положение на Средиземном море станет невыносимым, если Александретта попадет в чужие руки», — заявил Китченер. Ему вторил Черчилль: «Если мы сумеем сокрушить германскую морскую мощь, мы должны быть готовы сосредоточить на Средиземном море флот против Франции и России».

Весь этот бардак усугубила ситуация в Дарданеллах. Адмирал Карден намеревался возобновить обстрел 20 февраля, чтобы окончательно разрушить форты и перейти ко второй стадии операции. Однако разыгрался сильный шторм, и обстрел пришлось отложить до 25 февраля.

В этот день произошли несколько событий. Британские войска высадились на острове Лемнос у входа в пролив, и несколько рот морской пехоты без труда захватили устаревшие форты. Остров должен был послужить передовой базой британского флота. Легкость, с которой был захвачен Лемнос, породила у британского командования опасную уверенность, что и сухопутная операция в Дарданеллах, если таковая будет предпринята, тоже окажется легкой. Кроме того, прибыли Ча-



240-мм/35 орудие Круппа форта Эртугрул

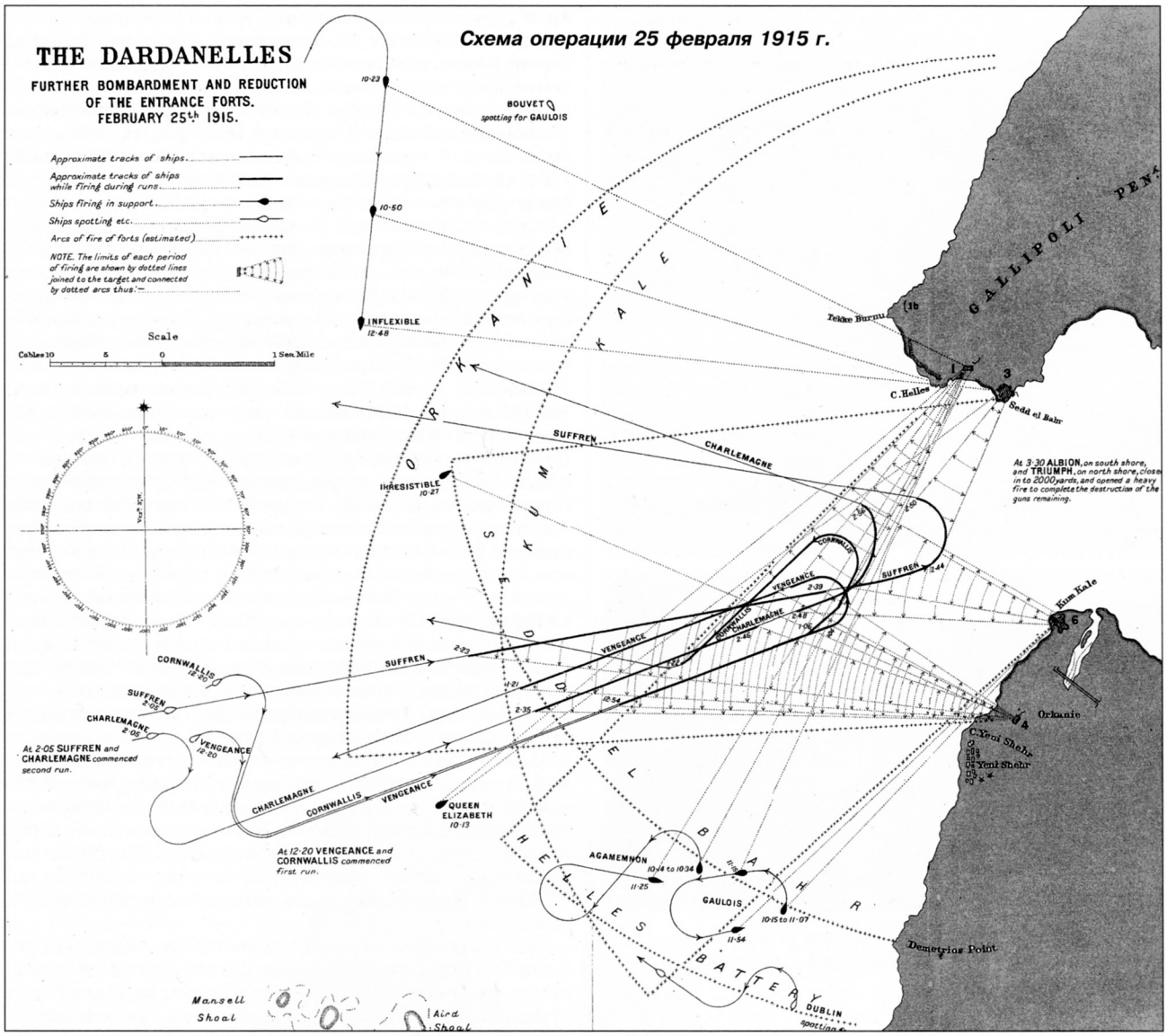


Схема операции 25 февраля 1915 г.

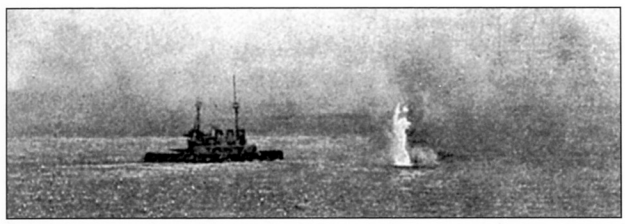
тамский и Портсмутский батальоны морской пехоты под командованием генерала Тротмана.

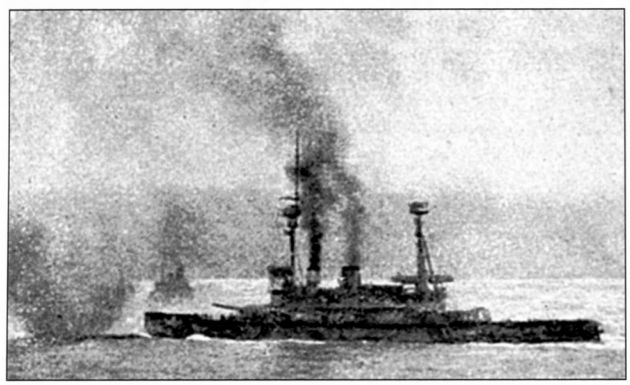
25 февраля корабли Кардена снова атаковали укрепления на входе в пролив. На этот раз адмирал выделил две пары броненосцев для обстрела фортов: «Виндженс» и «Корнуоллис» плюс «Сюффрен» и «Шарлемань». Эти корабли должны были ходить галсами к устью пролива и обратно, тогда как остальные корабли, в том числе «Куин Элизабет», «Инфлексибл» и «Агамемнон», должны были поддерживать их, стоя на якоре поодаль. «Куин Элизабет», стоя на якоре, открыл огонь по Седд-уль-Бахру с дистанции 58 кабельтов, его огонь корректировал легкий крейсер «Дублин». Стрельба велась чуть ли не в учебном режиме — 31 выстрел за полтора часа.

Однако это превращало корабли в удобные мишени, особенно досталось «Агамемнону», по которому стреляли 240-мм орудия форта Хеллес. Вот как видели это офицеры броненосца.

«На этот раз происходящее ничуть не напоминало вечеринку, и мы провели очень неприятные 10 минут. Временами я отдал бы все на свете, только чтобы снова оказаться в Портленде. Я стоял в боевой рубке, и мне все прекрасно было видно. Оказалось, что следить за вспышкой выстрела вражеского орудия и ждать 15 секунд или около того, пока с воем прилетит снаряд, — настоящая нервотрепка. Я все время гадал: пролетит мимо следующий или уложит меня. Мне пришлось отправиться за санитарами с носилками, и любой, кто видел, как я бегу по верхней палубе, принял бы меня за настоящего спринтера. Я пришел к выводу, что лишь те, кто уже побывал в бою, знают, как мерзко это пахнет. Даже небольшая порция крови производит такое ужасное впечатление, что я благодарил бога за то, что я не врач, ведь даже крошечный осколок производит страшные раны».

«Когда снаряды начали падать недалеко от нас, я стоял на полубаке с толпой матросов. Однако прибе-





Линкор «Агамемнон» ведет дуэль с фортом Эртугрул (европейское название – Хеллес), 25 февраля 1915 г.

жал старпом и приказал очистить полубак. Я вернулся в носовую башню. Однако вскоре пришел приказ расчету покинуть башню. Тогда я поплелся в батарею левого борта. После этого старпом попытался заставить нас заняться покраской борта... Я еще не слушал ничего столь глупого и самоубийственного. Первое же попадание вражеского снаряда прекратило все это. Снаряд попал в стойку главного деррик-крана, и его осколки убили унтер-офицера Уортингтона, стоявшего на сигнальном мостике. В этот момент я не понял, что корабль получил настоящее попадание. Грохот наших собственных орудий оглушал всех. Я вышел из батареи и остановился на полубаке... Почти сразу после этого снаряд пролетел через палубу надстройки с левого борта и взорвался... Осколки пронеслись по всей батарее левого борта... Теперь нам приказали поднимать якорь. Старший механик дал пар на лебедку, и якорная цепь медленно поползла вверх... Снаряды сыпались вокруг, ложась недолетами и перелетами. Пока мы выбирали якорь, корабль получил 4 попадания».

Старпом заставляет команду красить борт корабля, находящегося под огнем вражеских батарей! Ни больше, ни меньше... Война идет уже полгода, позади громкие победы и болезненные поражения, гибель тысяч товарищей, просто блестящий пример психологической готовности кораблей второй линии. Представить себе Четфилда, приказывающего красить борт «Лайона» в разгар боя на Доггер-банке, просто нельзя. Наверное, сказывалось и явное осознание того, что театр второстепенный.

Всего «Агамемнон» в этот день получил 7 попаданий, и еще 56 снарядов легли рядом. Однако серьезных повреждений корабль не получил, так как снаряды либо пробивали трубы и мачты, либо взрывались при попадании в броню. Лишь 3 средних снаряда, вероятно 150-мм, сделали большие пробоины в легких конструкциях корпуса. В ходе боя выяснилась неприятная вещь: лиддитовые фугасные снаряды имеют тенденцию взрываться преждевременно, едва вылетел из дула. Помните изуродованные японские орудия после Цусимской битвы? Теперь с этим столкнулись англичане.

С помощью тяжелых орудий «Куин Элизабет» удалось подавить огонь форта Хеллес, гарнизон которого в панике бежал. Артиллеристы нового линкора еще не имели опыта, поэтому им пришлось довольно долго пристреливаться, зато потом они добились нескольких прямых попаданий в форт. Корректировавший огонь линкора легкий крейсер «Дублин» был обстрелян полевыми орудиями турок и тоже получил несколько попаданий. Отошедший было «Агамемнон» тоже возобновил бой.

В это время «Голуа» обстреливал Кум-Кале, «Иррезистебл» стрелял по Оркание. После отхода «Агамемнона» форт Хеллес обстрелял «Голуа», которому тоже пришлось тяжело, но к полудню огонь турок ослабел. «Винджженс» под флагом де Робека и «Корнуоллис» вошли в пролив, чтобы продолжить обстрел, за ними последовали французские броненосцы «Сюффрен» и «Шарлемань». К 15.00 огонь турецких батарей почти полностью прекратился. Адмирал Карден решил перейти к второй фазе операции и приказал тральщикам войти в пролив. Броненосцы подошли к берегу почти вплотную, ведя беглый огонь из средней артиллерии, «Альбион» обстреливал южный берег, а «Трайэмф» — северный. Турецкие орудия молчали, и позднее стало известно, что на фортах Кум-Кале и Седд-уль-Бахр из строя были выведены все орудия, серьезно пострадали форты Оркание и Хеллес.

Линкоры «Агамемнон» (слева) и «Сюффрен» (справа) ведут огонь по фортам Седд-уль Бахра и Кум-Кале, 25 февраля 1915 г.

В 16.00 тральщики приступили к работе под прикрытием «Винджженса», «Альбиона» и «Трайэмфа». «Трайэмф» подошел к европейскому берегу на расстояние одной мили, «Альбион» на такое расстояние к азиатскому, и броненосцы открыли огонь из средней артиллерии. Отстреливаться

попытался лишь форт Оркание, но тут к «Альбиону» присоединились «Агамемнон» и «Иррезистебл», и форт замолчал. Остальные корабли ушли на стоянку к острову Тенедос. Адмирал Гепратт писал: «Великолепный день, предвещающий нам успех кампании, о чем я сегодня вечером поставил в известность правительство республики».

Теперь следовало переходить ко второй фазе операции — тралению пролива и уничтожению промежуточных укреплений. Первым ее шагом было уничтожение группы батарей Дарданос, сооруженных специально для защиты минных заграждений. Главным укреплением здесь был сам форт Дарданос, вооруженный морскими орудиями, снятыми с броненосца «Месудие», потопленного британской подводной лодкой B-11. Однако кроме этого форта турки успели построить целую группу временных батарей, так как после первой атаки они получили достаточно времени. Всего же минные заграждения прикрывали 65 орудий.

Первая попытка траления была предпринята вечером 25 февраля в 16.00, когда в пролив вошли броненосцы «Альбион», «Трайэмф» и «Винджженс» вместе с 6 эсминцами. Эта эскадра прикрывала траулеры, которые поднялись на 4 мили вверх по проливу и никаких мин не обнаружили. Это внушило неоправданный оптимизм британским адмиралам.

На следующий день предполагалось окончательно разрушить форты на входе в пролив и двигаться дальше. План Кардена предусматривал посылку всего 2 броненосцев — вдоль каждого из берегов пролива. Каждый броненосец сопровождали 2 тральщика — спереди и сзади. Боевой приказ гласил:

«Эти корабли должны разрушать укрепления по обоим берегам вплоть до мыса Кефез. Поддерживая

Уничтоженное 25 февраля прямым попаданием орудие форта Седд-уль-Бахра

друг друга, они действуют установленными гаубицами против полевой артиллерии противника и не должны подходить на дальность выстрелов фортов в Узостях. Гидросамолеты должны оказывать кораблям всевозможную помощь».

Для операции командующий выделил броненосцы «Альбион», «Трайэмф» и «Маджестик». Последний только накануне пришел из Англии, причем имел любопытное усиление вооружения, сделанное специально для этой операции. На башнях главного калибра были установлены 152-мм гаубицы. Кстати, до сих пор мало что известно о подобных сиюминутных переоборудованиях кораблей британского флота. Они проводились в спешке, зачастую в передовых базах, в частности на Мальте, и документов по ним не сохранилось. Во всяком случае известно, что такие же гаубицы получил еще «Принс Джордж», а вот про остальные броненосцы нельзя сказать ничего определенного. «Канопус» вроде бы их тоже получил, но, прибыв в Дарданеллы, командир броненосца решил, что гаубицы бесполезны, демонтировал их и передал пехоте. Первыми еще ночью в пролив вошли тральщики, которые поднялись на 4 мили вверх. Они сообщили, что мин не обнаружено, и 3 броненосца в 08.00 вошли в пролив.

«Альбион» открыл огонь по форту Дарданос с дистанции 60 кабельтов. Вскоре к нему присоединился «Маджестик». Однако около 15.00 броненосцы попали под огонь полевых и гаубичных батарей, укрытых в складках местности. Даже летчики не могли их обнаружить. Вскоре «Маджестик» получил попадание ниже ватерлинии, и в 16.00 адмирал де Робек приказал ему отходить. Сам адмирал на крейсере «Дублин» сумел найти и уничтожить полевую батарею на азиатском берегу пролива. Погода стояла тихая, и вполне можно было высадить десант для уничтожения других батарей. Но планом этого дня высадка десанта не предусматривалась, и морские пехотинцы находились на транспортах у острова Тенедос. Де Робек запросил разрешения выделить людей из состава корабельных команд, такое разрешение было дано.

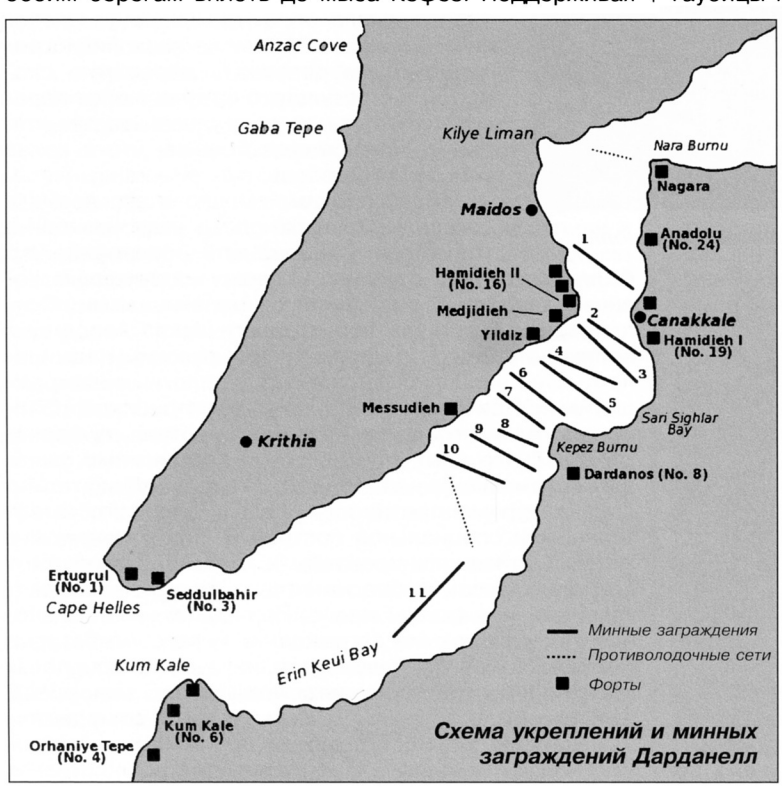
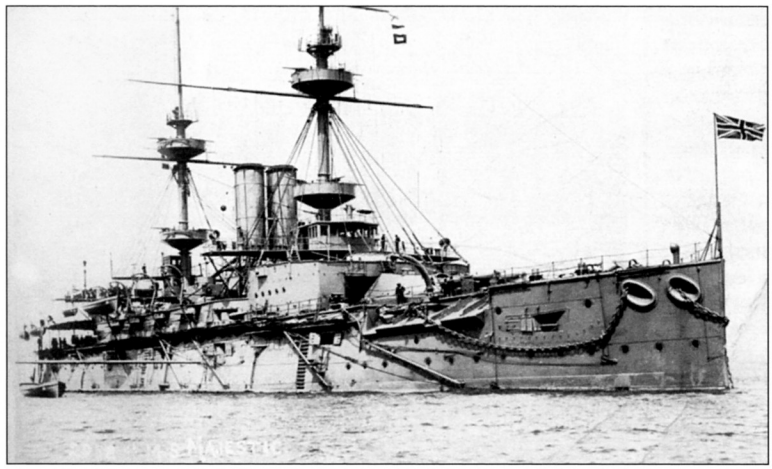
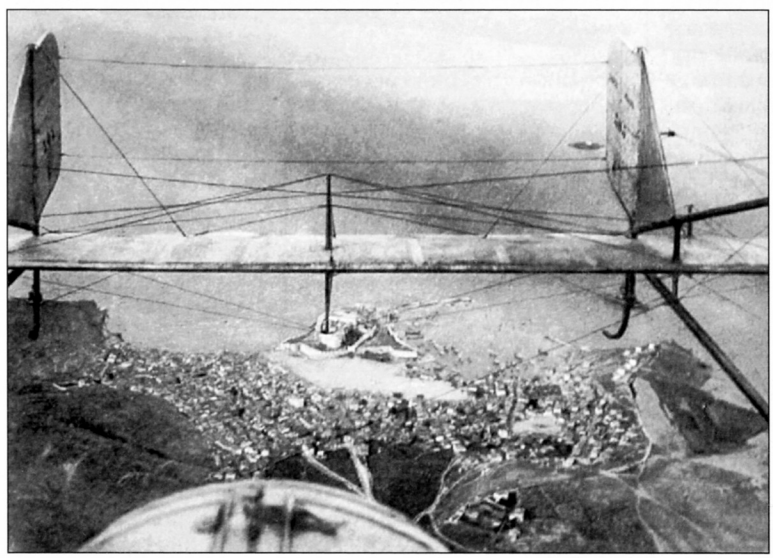


Схема укреплений и минных заграждений Дарданелл



Эскадренный броненосец «Маджестик» – старейший из британских броненосцев принимавший участие в боевых действиях



Самолет-разведчик (Кодрон G3) над укреплениями Дарданелл

В 14.30 подрывная команда броненосца «Винджженс» под командованием капитан-лейтенанта Робинсона высадилась на причал Кум-Кале. Турки обстреляли их из винтовок, но, несмотря на это, Робинсон подорвал уцелевшие 240-мм орудия батареи Оркание. Десантникам помог огонь броненосца, а также крейсера «Дублин» и эсминца «Бэзилиск». Вспоминает командир «Винджженса» капитан 1 ранга Смит:

«Мы стояли у азиатского берега, прикрывая наш десант, и следили, как Эрик Робинсон разгуливает под сильным винтовочным огнем. Он напоминал воробья, наслаждающегося душем из садового шланга, пока «Дублин» не закрутил вентиль несколькими точными залпами. Робинсон со своими моряками уже возвращался к шлюпкам, как снова поднялась суматоха. Они скрылись от нас в роще возле кладбища Кум-Кале, и никто из нас не видел, что же происходит. Наконец они передали, что их задерживает большая группа солдат противника, засевшая в гробнице с куполом. В дальномер мы могли видеть вершину этого купола, но наводчики его видеть не могли. Я дал им целеуказание по вершинам деревьев и приказал выпустить 152-мм лиддитовый снаряд. Расстояние было минимальным, дальномер работал безошибочно, и уже после первого выстрела купол и гробница вместе со всем содержимым, древним и новым, взлетели вверх».

На европейском берегу аналогичная партия с броненосца «Иррезистебл» подорвала оружия форта Седд-уль-Бахр, но добраться до батареи Хеллес не сумела из-за сильного сопротивления турок.

Итак, 26 февраля союзникам удалось уничтожить внешние форты, прикрывавшие вход в пролив, и по приказу адмирала Кардена начались тральные работы. Однако именно здесь выяснилась полнейшая неготовность знаменитого Королевского Флота к борьбе с минами. Для траления предполагалось использовать обычные рыбацкие суда с гражданскими экипажами! Конечно, на траулер ставили в качестве командира зеленого мичмана, только вчера закончившего колледж в Дартмуте и понятия не имевшего, что такое мина и как с ней бороться. Нельзя сказать, чтобы Адмиралтейство не позаботилось о некоторой подготовке «тральщиков». Учитывая конкретные условия, в которых им предстояло работать, траулеры получили импровизированную защиту из стальных листов, прикрывавших команду от пуль и мелких осколков. Однако эта забота имела обратную сторону. Слабосильные машины и так не позволяли этим суденышкам развивать серьезную скорость, а в результате получившейся перегрузки (тральное оборудование, защита) она снизилась еще больше, что в конце концов и сказалось.

Между прочим, именно в это время в состав немецкого флота начали входить тральщики специальной постройки. Это были достаточно крупные, неплохо вооруженные военные корабли с подготовленными экипажами. С их появлением рухнула вся стратегическая концепция войны на Балтике, подготовленная русскими адмиралами. Они надеялись отсидеться за плотными заграждениями Центральной минно-артиллерийской позиции, полагая, что немцы не сумеют протралить фарватеры. Однако опыт двух операций германского флота в Рижском заливе — 1915 и 1917 годов — убедительно доказал прямо противоположное. Если флот имеет тральщики специальной постройки, его командиры и матросы дисциплинированны и отважны, такой флот проходит сквозь любое минное заграждение как раскаленный нож сквозь масло. Причем не имеет значение, прикрывают эти заграждения береговые батареи и корабли, или нет. Разумеется, изначально предполагается превосходство в силах атакующего, хотя в 1915 году оно было не таким уж серьезным. А вот у англичан не было ничего этого, ни тральщиков, ни подготовленных командиров, ни отважных матросов. Нельзя

же от рыбаков требовать исполнения солдатского долга!

События 26 февраля еще более укрепили оптимизм союзников. Теперь они окончательно уверились, что впереди их ждет легкая прогулка. Минные заграждения либо слабы, либо вообще не существуют, их прикрывает только полевая артиллерия, с которой тяжелые корабельные орудия справятся без труда. На самом деле турки совершенно сознательно не раскрывали позиции своих батарей и берегли снаряды, а по траулерам они не стреляли вообще, поскольку те прочесывали места, где мин не было в помине. Союзники вообще были страшно удивлены, когда встретили первые мины только возле мыса Кефез. Но что поделать, если турки просто не располагали достаточным запасом мин, чтобы засыпать ими весь пролив, зато поставленные заграждения прикрывало множество орудий. Для сравнения скажем, что в Ирбенском проливе к 1915 году стояли более 1500 мин, а общая глубина заграждений составляла около 20 миль. Немецкому флоту потребовались два дня, чтобы форсировать их. Страшно подумать, что могло произойти, если бы англичанам пришлось форсировать **такие** заграждения. В проливе всего стояли 10 линий заграждения, состоявшие, по немецким данным, из 370 мин.

На следующий день траление продолжилось, в пролив вошли уже только «Альбион» и «Трайэмф», хотя Карден, которого терзали смутные сомнения, на всякий случай приказал «Маджестику» находиться в готовности. Хотя тральная флотилия еще не вошла в зону обстрела основных фортов, прикрывающих Узости, в дело вступили мобильные гаубичные батареи. 5 траулеров и 4 эсминца к 10.00 вышли на линию Седд-уль-Бахр — Кум-Кале, и части 9-й турецкой дивизии были подняты по тревоге. Когда эсминцы попытались пройти чуть дальше по проливу, турецкая артиллерия открыла огонь, и они поспешно отошли. Кстати, эсминцы ухитрились пройти первые линии заграждений. В 13.00 «Альбион» дал несколько залпов по форту Дарданос, но турки не отвечали. Траулеры приступили к прочесыванию бухты Каранлик, что было совершенно бессмысленно, потому что первая линия заграждений стояла как раз напротив Дарданоса. К вечеру английские корабли покинули пролив, лишь эсминцы остались патрулировать на входе между Седд-уль-Бахром и Кум-Кале.

27 февраля, несмотря на начавшийся шторм, десантная партия с «Иррезистебла» сумела уничтожить 6 новых крупповских мортир в форте Седд-уль-Бахр. Но тут шторм усилился, сделав невозможным вообще какие-либо действия. Союзники были вынуждены сделать перерыв до 1 марта.

Впрочем, события 26 февраля все-таки вынудили адмирала Кардена внести коррективы в план действий, с этого момента и до конца операции траление проводилось только по ночам. Однако это не отменяло борьбы с фортами, и 1 марта де Робек получил приказание с 4 кораблями войти в пролив и обстрелять промежуточные батареи. Он приказал «Альбиону» и «Трайэмфу» обстрелять форт Дарданос и произвести разведку новых батарей, установленных ниже по

Братство по оружию: немецкий матрос помогает своим турецким коллегам при погрузке мины заграждения

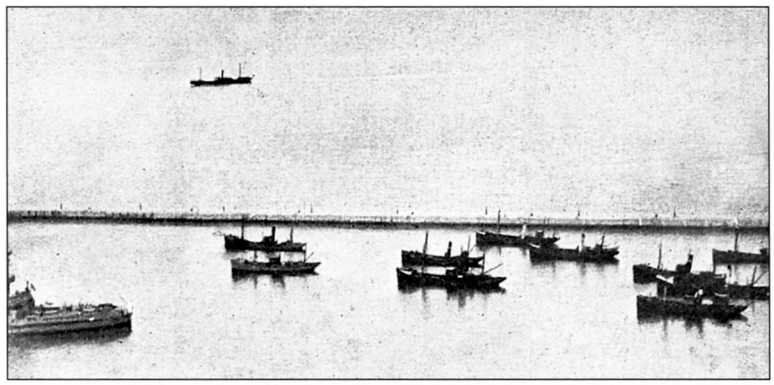
проливу. «Оушн» и «Маджестик» должны были обстрелять гаубичные батареи. В полдень эти броненосцы попали под огонь 2 полевых батарей, но подавили их. После этого их обстреляли гаубицы из Эренкёя, и де Робек на «Иррезистебле» пошел на помощь отряду. Совместными усилиями 3 броненосца привели к молчанию вражеские батареи.

Затем де Робек приказал «Альбиону» и «Трайэмфу» в сопровождении 2 эсминцев выдвигаться вперед. Но броненосцы попали под перекрестный огонь с обоих берегов пролива и получили множество попаданий. Снова начали стрелять якобы уничтоженные батареи. Подавить хорошо замаскированные турецкие орудия никак не удавалось, и де Робек решил отойти.

Частичную неудачу он компенсировал тем, что высадил с «Иррезистебла» подрывную партию для уничтожения форта Кум-Кале. Оказалось, что из 7 орудий форта уничтожено только одно, еще одно было повреждено. 5 орудий стояли совершенно целые! Десантники взорвали их. Потом они уничтожили еще 6 полевых орудий, обнаруженных западнее форта, а на обратном пути подорвали 4 скорострельных орудия Норденфельда. Но историки обычно не видят одной детали. Турецкие артиллеристы охотно бросали батареи и разбегались в разные стороны, что просто немыслимо в нормальной европейской армии. То есть формально флот сумел подавить вражескую артиллерию, но именно формально.

В целом действия этого дня следует считать неудачей. Стало ясно, что перед командованием остаются только 2 альтернативных решения: или немедленно высадить войска, чтобы очистить оба берега от полевых и гаубичных батарей, или прекратить операцию. Момент для этого был исключительно подходящий. Можно было сослаться на желание установить тесную блокаду пролива, после уничтожения внешних фортов эта задача была бы решена. Но в результате не было сделано ни то, ни другое.

Подрывная партия с линкора «Иррезистибл» у орудия форта Седд-уль-Бахр



Пасынки Королевского флота – мобилизованные траулеры. С их помощью британцы расчитывали бороться с минной опасностью

В ночь с 1 на 2 марта 7 траулеров вошли в пролив в 22.45 под прикрытием эсминцев «Базилиск», «Грасхоппер», «Рэйкун» и «Москито», а также легкого крейсера «Аметист», они попытались провести траление фарватера в направлении мыса Кефез. Около 23.00 на подходе к заграждениям они были освещены турецкими прожекторами и попали под обстрел с обоих берегов. Открыли огонь даже тяжелые орудия фортов Румели-Месудие и Дарданос. Вот здесь и сказалась выучка команд — траулеры в панике бросились к выходу из пролива. Причем следует отметить, что у страха глаза велики, турки израсходовали всего 37 снарядов, но этого оказалось достаточно.

Миноносцы попытались прикрыть их дымовыми завесами, а крейсер открыл огонь по прожекторам. Через 40 минут прожектора погасли, и перестрелка заглохла. Хотя тральщики даже не дошли до заграждения, адмирал Карден объявил сигналом по эскадре: «Тральщики работают прекрасно. Самообладание и выдержка великолепны. От тральщиков зависит многое». Впрочем, как показали дальнейшие события, правдой в этом сигнале была только последняя фраза.

Утром 2 марта начался очередной шторм, и высадку подрывных партий пришлось отменить. Но теперь Карден получил подкрепления и мог увеличить масштаб операции. Адмиралу Гепратту было приказано обстрелять укрепления Булаирского перешейка и уничтожить мост на дороге из Адрианополя в Галлиполи. Силы Кардена были организованы следующим образом:

1-я дивизия

1-я бригада «Куин Элизабет», «Инфлексибл» (адмирал Карден)

2-я бригада «Агамемнон», «Лорд Нельсон»

2-я дивизия

«Винджженс» (адмирал де Робек)

3-я бригада «Оушн», «Иррезистебл», «Маджестик»

4-я бригада «Канопус», «Корнуоллис», «Свифтшур»

5-я бригада «Альбион», «Принс Джордж», «Трайэмф»

3-я дивизия

«Сюффрен» (адмирал Гепратт), «Шарлемань», «Буве», «Голуа»

Легкие крейсера «Дублин», «Сапфир», «Минерва», «Аметист»

Сам Карден решил снова обстрелять промежуточные укрепления, атаку должны были возглавить корабли 4-й бригады. В 13.30 «Канопус» и «Свифтшур» вошли в пролив и открыли огонь по форту Дарданос. Сначала турки не отвечали, но в 16.15 дали несколько очень метких залпов. «Канопус» получил ряд попаданий, на броненосце была снесена грот-мачта, пробита задняя труба, разрушена кают-компания. «Канопус» отошел, но при этом попал под огонь Эрен-Кёя. Все это время «Корнуоллис» безуспешно обстреливал мелкие батареи, разбросанные по берегу. В 16.40 Дарданос прекратил огонь. Действия французской эскадры в Ксеросском заливе были более успешны. «Сюффрен» и «Голуа» обстреляли форты на Булаирском перешейке, а «Буве» сильно повредил Кавакский мост. Сопровождавшие эскадру тральщики мин не обнаружили.

3 марта промежуточные укрепления должна была обстреливать 5-я бригада. Карден также хотел высадить десант у Седд-уль-Бахра и окончательно разрушить форт. Десант был высажен за западном берегу бухты Морто. Попытка «Принс Джорджа» обстрелять Дарданос завершилась провалом. Он попал под огонь батарей с европейского берега и форта Месудие и был вынужден отойти.

В целом дела шли вкривь и вкось. Обстрел промежуточных укреплений 2 и 3 марта принес мало проку, броненосцы встретили серьезное противодействие со стороны подвижных гаубичных батарей, которые турки выдвинули для поддержки фортов и прикрытия заграждений. При этом действовали турки очень хитро. Ночью эти орудия стояли почти прямо на берегу, а на день их прятали в долинах позади хребтов. Вдобавок на форт Дарданос были отправлены дополнительные орудия.

Ночью 3/4 марта союзники предприняли очередную попытку протралить пролив. 7 траулеров и 4 эсминца в 21.00 вошли в пролив и направились к долине Соганли. Через полчаса их поймал луч прожектора, и турецкие полевые гаубицы открыли огонь. Сначала эсминцы пытались отвечать, но в 22.15 в игру вступила тяжелая артиллерия фортов, и англичане отошли. Кстати, под громким титулом «эсминцы» в Дарданеллах находились уже устаревшие угольные миноносцы типа «Бигль», последние угольные миноносцы Королевского Флота.

В общем, снова все попытки англичан пропали впустую, пока что им не удалось убрать **ни одной** мины. Слабым утешением мог служить тот факт, что ни один корабль не пострадал. Уже по этим первым попыткам можно было сделать вывод, что протралить пролив не удастся, однако адмирал Карден упорствовал. Кстати, когда траулеры подошли к Узостям, они столкнулись с сильным встречным течением, в результате их скорость не превышала 3 узлов, что превращало траулеры в прекрасные мишени для турецких артиллеристов.

Утром 4 марта погода была исключительно тихой, и впервые за долгое время приказ о высадке десанта не был отменен. Высадить предполагалось 2 роты морской пехоты с 4 пулеметами каждая. Одна рота высаживалась на северный берег пролива, вторая — на южный. Высадку на севере прикрывал отряд кораблей

под командованием командира «Оушна» капитана 1 ранга Садлера. «Оушн» должен был стоять у Седд-уль-Бахра, «Лорд Нельсон» — у Хеллеса, «Маджестик» — внутри залива Морто. Южным отрядом командовал адмирал де Робек. «Иррезистебл» под его флагом становился у Кум-Кале, «Корнуоллис» — в устье реки Мендере, «Агамемнон» и «Дублин» возле Иени-Шера. «Канопус» должен был действовать на Эгейском побережье, чтобы не позволить туркам снять войска оттуда. «Инфлексибл» оставался в резерве. Транспорт «Бремер Кастл» с морскими пехотинцами на борту перешел на остров Имброс, и рано утром десантники прибыли к месту высадки на шлюпках. Операцией командовал генерал Тротман, находившийся на эсминце «Вулверин».

Первой начала высадку южная группа, которая состояла из солдат Плимутского батальона Морской дивизии, и подрывная партия с «Лорда Нельсона». Они должны были уничтожить укрепления Кум-Кале и Иени-Шер. «Корнуоллис» и «Агамемнон» обстреливали укрепления и турецкие войска. Благодаря многочисленным задержкам и отсрочкам турки успели сосредоточить здесь крупные силы. Хотя шлюпки с пехотой были встречены сильным шрапнельным огнем, десант все-таки высадился, однако наступление немедленно захлебнулось, несмотря на активную поддержку кораблей. Эсминец «Скорпион» даже вошел в реку Мендере, чтобы подавить турецкую батарею, обстреливающую шлюпки. Но максимум, чего добился флот — заставил турок ослабить огонь, чтобы позволить десанту отступить. После наступления темноты десантники вернулись на шлюпки, операция завершилась полным провалом.

Вот как действовал «Агамемнон» 4 марта, поддерживая подрывную партию:

«Мы дали ход в 07.15 и направились к входу в пролив. Нам приказали прикрывать десантные партии возле форта № 6. Когда мы прибыли, «Корнуоллис», «Иррезистебл», «Маджестик», «Оушн» и несколько эсминцев уже вошли в пролив. Наши 2 катера были отправлены к эсминцу, чтобы высадить морских пехотинцев, которые находились у него на борту. Мы кружили на месте, ведя огонь из 12-фунтовок по янычарам. На воде заметили какой-то подозрительный объект, обстреляли его и потопили. Я думаю, это был швартовый буй, который мы нашли позднее.

Март 1915. Морская десантная партия высаживается на шлюпках буксируемых паровыми катерами у Кум-Кале

Мы продолжали обстреливать янычар из своих 12-фунтовок. В 13.00 мы сделали 3 выстрела из башни S2 <234 мм> по батарее позади и левее № 4. В 14.15 мы открыли плотный огонь из 12-фунтовок по левому краю деревни, где были замечены несколько турок. Ну и задали мы им! Я видел в свой бинокль, как они драпают изо всех сил. Одновременно мы дали залп по батарее из башни P2... Я боюсь, что нашим подрывным партиям, которые пытались добраться до форта № 4, пришлось туго. Всю вторую половину дня до самого вечера мы видели, как они короткими перебежками мечутся по пляжу, то и дело падая на землю. Люди передвигались ползком и на карачках. Экипажи наших катеров после возвращения сообщили, что потери должны быть очень тяжелыми».

На северном берегу дела обстояли не лучше. Здесь высаживалась рота того же Плимутского батальона с подрывными партиями с «Инфлексибла» и «Оушна». Более опытный командир «Оушна» умело организовал обстрел берега, и десант высадился относительно спокойно, но продвинуться вглубь полуострова морская пехота не сумела. На запрос Садлера командир десанта сообщил, что ему требуется подкрепление не менее 200 человек. Садлер начал готовить вторую высадку, но генерал Тротман специально прибыл на «Иррезистебл», чтобы убедить де Робека прекратить операцию, которая могла привести к значительным потерям. Приказ Садлера был отменен, и северный десант тоже эвакуировался.

Тем не менее, 5 марта Карден приступил к следующей фазе операции — уничтожению укреплений в Узостях. Главная роль отводилась линкору «Куин Элизабет» с его огромными 381-мм орудиями. Уже давно стала ясна необходимость иметь береговой наблюдательный пункт для корректировки огня, но ничего для создания такого пункта не было сделано, это

Эскадренный миноносец типа «Бигль» – «Базилиск» «рабочая лошадка» действий в Дарданеллах

Форт Намазие (снимок конца 80-х гг. XIX века)

предопределило неуспех обстрела. Согласно плану «Куин Элизабет» должен был стать на якорь у западного берега полуострова возле мыса Габа-Тепе и оттуда с дистанции 72 кабельтовых обстреливать перекидным огнем укрепления Килид-Бахр на европейском берегу. После этого планировалось перенести огонь на Чанак. Из-за большой дистанции требовалась особенно тщательная корректировка, поэтому полагаться на самолеты было нельзя, но гаубичные батареи не позволяли кораблям-корректировщикам стать на якорь в проливе. Поэтому «Корнуоллис», «Иррезистебл» и «Канопус» должны были ходить в проливе галсами. «Агамемнон» следил за входом в пролив, «Дартмут» — за Булаирским перешейком. «Принс Джордж» получил приказ держаться возле «Куин Элизабет», чтобы прикрыть линкор от огня полевых батарей.

Корректировка оказалась исключительно сложной. Турецкие батареи, несмотря на все старания «Принс Джорджа» и «Инфлексибла», добились 17 попаданий в линкор, к счастью, они не причинили серьезных повреждений. «Куин Элизабет» обстрелял форты Румели, Намазие и Хамидие II. И снова стрельба велась очень неспешно, за 4,5 часа линкор выпустил всего лишь 33 снаряда. Действия самолетов-корректировщиков оказались абсолютно неудовлетворительными, и результаты обстрела остались неизвестны. 5 марта адмирал Карден получил разрешение ввести линкор в пролив, если будут обеспечены все меры безопасности.

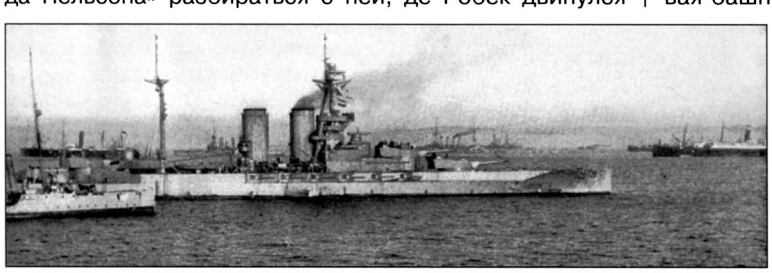
6 марта стрельба по невидимой цели была повторена. На сей раз корректировал огонь линкора только один корабль — броненосец «Альбион», который вошел в пролив. Адмирал де Робек на «Виндженсе» вместе с «Маджестиком» и «Принс Джорджем» должен был прикрывать его. Корабли адмирала Гепратта должны были стоять в готовности. Охрана «Куин Элизабет» теперь была поручена «Оушну» и «Агамемнону». «Лорд Нельсон» должен был следить за внешними фортами.

На сей раз результаты оказались еще хуже. Уже на входе в пролив корабли попали под огонь полевой батареи, установленной возле Кум-Кале. Оставив «Лорда Нельсона» разбираться с ней, де Робек двинулся дальше, но его корабли в свою очередь попали под огонь гаубиц. «Альбион» попытался отыскать мертвую зону под европейским берегом, но это ему не удалось. Точная корректировка в таких условиях была невозможна, и де Робек, построив броненосцы в кильватерную колонну, начал обстреливать Дарданос. Подошедший на «Сюффрене» Гепратт пристроился в хвост колонны.

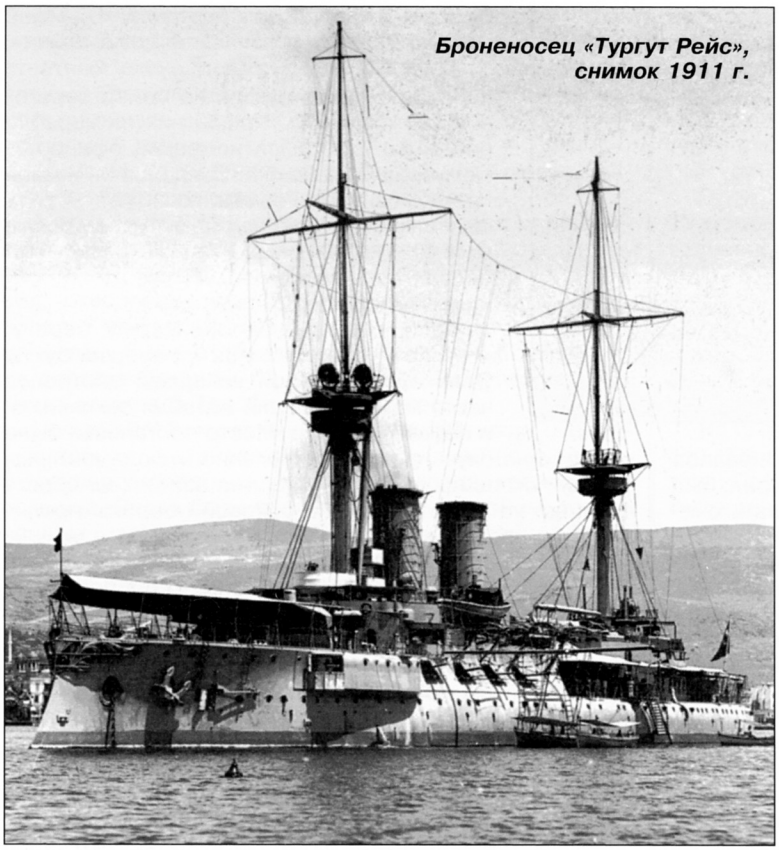
В этот день состоялся очень странный «морской бой». Турки выдвинули в пролив броненосец «Хайреддин Барбарос», который обстрелял английский линкор. Новейший супердредноут против давно устаревшего броненосца! Коммодор Кийз, который находился в этот день на линкоре, пишет, что «Куин Элизабет» был обстрелян гаубичными батареями крупного калибра и получил 3 попадания в броню ниже ватерлинии. Впрочем, это вполне могли быть близкие разрывы. Линкор отошел на 5 кабельтовых и открыл огонь с предельной дистанции. В результате линкор начал стрельбу лишь в 12.30 и сумел за день выпустить только 7 снарядов.

По утверждениям турок, главную роль в провале попыток англичан сыграла перекидная стрельба броненосца «Хайреддин Барбарос». Огонь корректировался с берегового наблюдательного пункта, где находился немецкий командир броненосца, и эти 3 попадания были снарядами с броненосца. При этом делаются глубокомысленные замечания насчет того, что вот если бы снаряды попали не в борт, а в палубу, то... Цитата: «Большинство современных британских историков не понимают, что 6 марта 1915 года один из самых совершенных кораблей Королевского Флота проиграл артиллерийскую дуэль совершенно устаревшему к тому времени турецкому броненосцу». После отхода «Куин Элизабет» турецкий броненосец дал несколько залпов по «Агамемнону», сделав в общей сложности 21 выстрел.

Но давайте попробуем разобраться. Турецкий броненосец стрелял с дистанции 16500 ярдов. Это означало, что могут действовать только носовая и кормовая башни и то на самом пределе. Их 280/40-мм орудия имели дальнобойность 17400 ярдов. 280/35-мм орудия средней башни на этой дистанции стрелять не могли в принципе. И вы всерьез поверите, что корабль, не имеющий вообще никаких систем управления огнем, при стрельбе перекидным на пределе дальности добивается 14 процентов попаданий?!



Линкор «Куин Элизабет» в Дарданеллах



Броненосец «Тургут Рейс», снимок 1911 г.

В этот день «Винджженс», «Альбион», «Маджестик», «Принс Джордж» и «Сюффрен» в проливе продолжали обстрел турецких фортов и получили в ответ несколько попаданий.

С наступлением темноты де Робек ушел. После этого появился «Аметист» с тральщиками, за которыми следовали «Оушн» и «Маджестик». Тральщики, а точнее, обыкновенные рыболовные траулеры, не могли очистить пролив от мин, хотя работали даже ночью. Попав в луч прожектора, их экипажи из необученных рыбаков «немедленно показывали корму, как только по ним начинали стрелять». Хотя официальный британский историк сэр Джулиан Корбетт называет их «доблестными шкиперами», в этом приходится усомниться. На этот раз турки встретили траулеры гораздо более плотным огнем, хотя израсходовали только 177 снарядов. Но опять тральная флотилия не добилась ничего.

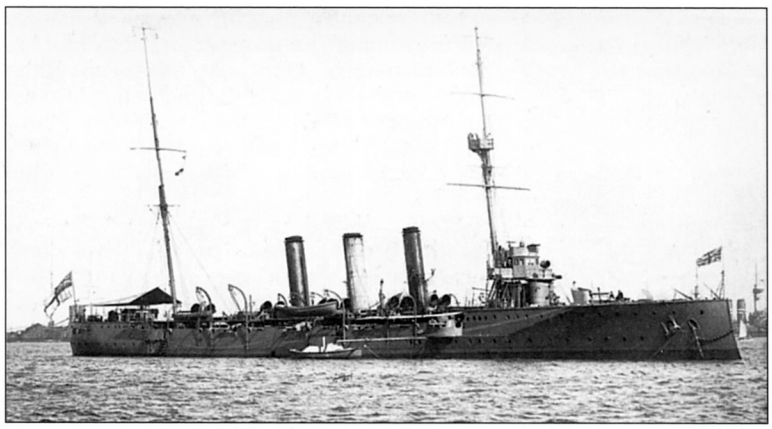
Адмирал Карден снова не разрешил де Робеку использовать «Куин Элизабет» в проливе. 7 марта он решил атаковать укрепления Узостей силами «Лорда Нельсона» и «Агамемнона» при поддержке французских кораблей. В 12.30 английские броненосцы с дистанции 70 кабельтов открыли огонь по форту Румели из носовых башен. Турки не отвечали. Затем «Агамемнон» повернул и ввел в действие бортовые башни, и тут на него обрушился сосредоточенный огонь турок. В 12.45 открыл огонь и форт Румели из своих 240-мм орудий. Впервые открыл огонь форт Хамидие I, орудия которого обслуживали немцы. Корабли шли буквально сквозь настоящий лес водяных столбов. В 13.00 тяжелый снаряд ударил в палубу «Агамемнона» на шканцах и разрушил кают-компанию. Обломки взлетели выше грот-мачты. Но через 5 минут залп «Лорда Нельсона» вызвал взрыв на форту Румели. В 13.50 взорвался погреб на форту Хамидие I, и форт временно прекратил стрельбу.

К сожалению, французы не сумели подавить огонь полевых батарей, и на втором галсе «Агамемнон» получил 2 тяжелых попадания. Хотя огонь фортов начал ослабевать, зато полевые батареи не унимались. Надстройки обоих броненосцев были изрешечены. Осколками, влетевшими в боевую рубку «Лорда Нельсона» был ранен в голову командир броненосца капитан 1 ранга МакКлинсток. И все-таки к 14.30 оба форта прекратили огонь окончательно, поэтому в 15.10 командир «Агамемнона» запросил у Гепратта разрешения отходить.

Английские броненосцы отошли. «Агамемнон» и «Лорд Нельсон» получили по 7 попаданий тяжелыми снарядами, хотя потерь в личном составе было немного. Самое серьезное повреждение получил «Лорд Нельсон». Попаданием в броневой пояс были затоплены 2 угольные ямы. Вот как выглядел день на этом броненосце:

«Двинулись к Дарданеллам в 9.00. Нам сказали, что мы будем обстреливать форты № 13 и № 19 в Чанаке на входе в Узости. Французские корабли будут прикрывать нас от подвижных батарей. «Агги» вошел в пролив в 10.00, мы следовали за ним в 6 кабельтовых. «Агги» открыл огонь по № 19. Мы дали первый залп из носовой башни и добились попадания. Мы находились под огнем фортов Чанака, которые были вооружены 2 — 356-мм и 11— 280-мм орудиями. Продолжали обстреливать оба форта и вызвали значительные разрушения. Флот не думал, что мы решимся атаковать снова. «Агги» был вынужден отойти на полчаса, так как получил попадание. Находиться под огнем оказалось не так страшно, как я думал до этого. Я находился на носовом мостике, и снаряды падали вокруг нас. Мы получили несколько попаданий. Одно пришлось между башнями P1 и P2, другое — в 12 футах ниже ватерлинии. Оно вызвало течь в бункере. Это было замечено, лишь когда корабль стал на якорь и начал крениться на левый борт. Были посланы водолазы, чтобы уточнить степень повреждений. Оказалось, они не настолько серьезны, чтобы идти в док».

Опыт бомбардировки 7 марта показал, что если Карден хочет чего-то добиться, он должен действовать более решительно. Адмирал перенес флаг на «Куин Элизабет». Он решил сам войти в пролив на линкоре и разгромить форты Узостей. Броненосцы «Винджженс», «Канопус», «Корнуоллис» и «Иррезистебл» должны были прикрывать линкор от огня полевых батарей. Серьезную тревогу вызывала нехватка боезапаса. Но на эту операцию возлагались большие надежды, и Карден решил рискнуть. Однако англичанам снова не повезло с погодой. Видимость резко

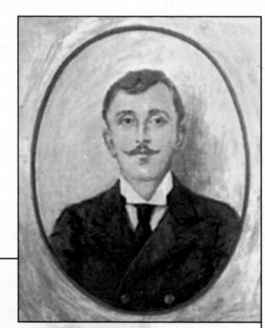


Бессменный защитник британских тральщиков: бронепалубный крейсер «Аметист»

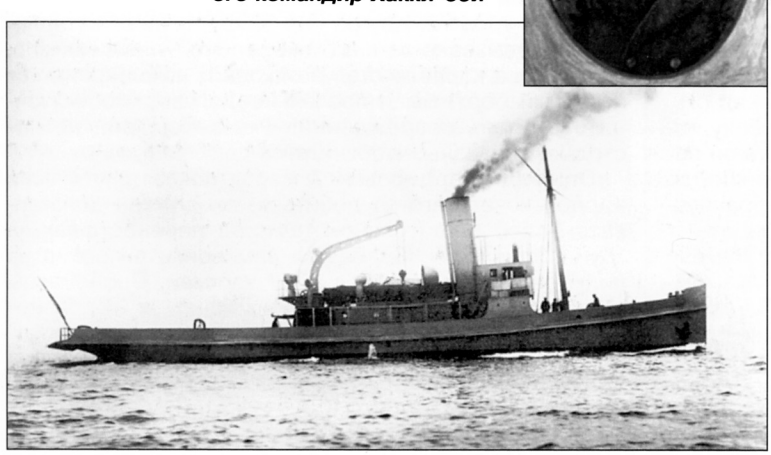
ухудшилась. Линкор сумел сделать всего 11 залпов только по форту Румели. После этого обстрел был прекращен. А погода вынудила Кардена сделать очередной перерыв.

На следующую ночь в пролив отправились французские траулеры в сопровождении 7 британских эсминцев, но выяснилось, что они вообще не могут идти против течения. Кстати, смешной вопрос: а почему все это выяснялось уже в боевой обстановке под огнем противника? Неужели нельзя было просчитать ситуацию заранее?!

А рано утром 8 марта произошло событие, которое перевернуло весь ход кампании. Можно сказать, что один крошечный кораблик водоизмещением всего 364 тонны стал причиной гибели сотен тысяч человек и решил исход Дарданелльской кампании. Незадолго до полуночи 7 марта минный заградитель «Нушрет» покинул порт Нагара на азиатском берегу Дарданелл. Кораблем командовал юзбаши (лейтенант) Хакки-бей, но вместе с ним на мостике находился биринджи-юзбаши (капитан-лейтенант) Хафиз Назми-бей, который отвечал за минные заграждения в проливе. Кстати, интересно, что морские и сухопутные звания у турок в то время звучали совершенно одинаково, поэтому иногда можно встретить звание, скажем, «майор флота». Причем это самый настоящий морской офицер, а не майор береговой службы ВМФ. Кроме них на корабле вроде бы находился немецкий офицер, в мемуарах Лимана фон Сандерса он назван подполковником Геелем, но может ли быть подполковник специалистом по морским минным постановкам — не известно. Тем более, что в современных турецких источниках немец не упоминается.



Турецкий минный заградитель «Нушрет» и его командир Хакки-бей



Прижимаясь к европейскому берегу, «Нушрет» прокрался до траверза бухты Эренкёй, в которой во время обстрелов часто маневрировали корабли союзников, и пересек пролив. Место постановки было выбрано не случайно, так как именно отсюда англичане вели огонь по фортам Чанака на азиатском берегу пролива, которые считались основой обороны пролива. Сама постановка была произведена просто молниеносно, уже через 3 часа корабль вернулся обратно. Эта линия мин длиной 15 кабельтовых была поставлена не **поперек**, а **вдоль** пролива. Мины были поставлены на такой глубине, что только броненосцы могли подорваться на них, причем это заграждение было поставлено в том месте, которое союзники уже проверили. Кстати, опять же, до сих пор точно не известно, сколько именно мин было поставлено. Немецкие источники, которые служат основой всех последующих исследований, говорят о 26 минах. Турки утверждают, что было поставлено не то 20, не то 24 мины. Гордые британские адмиралы не допускали мысли, что турки способны на какие-то активные действия, за что жестоко поплатились.

Ночью 8/9 марта в пролив вошла флотилия, состоящая из крейсера «Аметист», 6 эсминцев и 2 катеров с подрывными тралами. Англичане решили испытать эту новинку, применявшуюся ранее для борьбы с подводными лодками. При этом они почему-то решили, что отсутствие подрывов мин говорит о том, что турки поставили крепостные заграждения, управляемые по проводам с берега, а подрывной трал считался более эффективным при борьбе с такими минами. Дальше все пошло традиционно — несколько залпов гаубиц, выпустивших аж целых 42 снаряда, и союзники отошли. Экипаж «Нушрета» утверждал, что видел вражеские прожектора, что вполне вероятно.

9 марта «Альбион», «Принс Джордж» и «Иррезистебл» обстреляли развалины форта Кум-Кале. Ночью в пролив опять отправились 2 катера. На сей раз решено было испробовать новую тактику, эта идея родилась, почти наверняка, от отчаяния. Катера незаметно прошли мыс Кефез, повернули на 16 румбов и начали траление на обратном курсе, по течению, а не против него. Одновременно тот же прием попытались применить 2 траулера, но у одного из них трал зацепился за буй противолодочной сети и переполошил турок.

Эсминец «Москито», чтобы помочь им, открыл огонь по прожектору на мысе Кефез, однако сам попал под ответный огонь и был вынужден отойти. Катера поспешно бросили свое занятие и тоже ушли. Тем не менее, англичане впервые добились «успеха» и затралили целых 3 мины!

10 марта Карден пришел к выводу, что атака провалилась. Фишер в ответ приказал отбросить «осторожные и медлительные методы». Он требовал использовать все силы в «энергичной попытке подавить форты Узостей с короткой дистанции». Фишер также добавил, что операция имеет «такое значение, которое оправдает потери в кораблях и личном составе». К Дарданеллам были отправлены 2 последних броненосца из состава Эскадры Ла-Манша — «Куин» под флагом контр-адмирала Тэрсби и «Имплейкебл».

Ночью 10/11 марта англичане предприняли очередную попытку, но с учетом опыта прошлой ночи теперь 8 траулеров сопровождали 2 броненосца, крейсер и 4 эсминца. Снова был использован тот же прием, только на этот раз примерно в 23.00 на вытраленной мине подорвался и затонул траулер № 339, тральная партия понесла первую потерю. Вскоре были затралены еще 2 мины, и их взрывы разбудили турок. Эсминцы обстреляли прожектора на мысе Кефез, турки ответили. Британские корабли ушли, но позднее вернулись, и канонада разгорелась с новой силой, теперь в дело вступили форты Дарданос и Румели-Месудие, а также гаубичные батареи. Перестрелка продолжалась до 04.30, когда англичане ушли, опасаясь приближения рассвета. На этот раз турки израсходовали уже 843 снаряда, но их успехи были невелики. Впрочем, ответная стрельба англичан тоже была неточной.

Хотя погода испортилась, на следующую ночь траулеры снова пошли в пролив, но теперь это были французские корабли, которых прикрывали неизменный «Аметист» и эсминцы. Турки их обстреляли, и французы, не задерживаясь лишней минуты, удрали, немало разочаровав адмирала Кардена. При этом стрельбы-то фактически и не было, турки выпустили всего 24 снаряда! Правда, при этом турки почему-то решили, что им удалось потопить целых 4 эсминца.

После событий этой ночи адмирал Карден решил перестроить работу партии траления. Ее командиром он назначил своего начальника штаба коммодора Кийза, в состав каждого экипажа включили по 5 добровольцев из команд военных кораблей. И, самое главное, было решено увеличить материальное стимулирование гражданских экипажей.

При этом 12 марта был сделан еще один шажок к пропасти. Генерал сэр Иен Гамильтон был назначен командующим Средиземноморским экспедиционным соединением, который пока еще не существовал. Однако планы передать ему 29-ю пехотную и Морскую дивизии уже имелись.

Ночью 12/13 марта в пролив снова вошли французские траулеры. Надо сказать, что французы использовали иные тралы, нежели англичане. Британцы просто с помощью двух кораблей тащили трос, который в теории должен был ловить мины, французы использовали тросы с резаками, которые могли перерезать якорный трос мины. Ночь прошла относительно спокойно, турки стреляли редко, а французские корабли сумели расстрелять всего одну сорвавшуюся с якоря мину.

Отсутствие прогресса начало тревожить Черчилля, 13 марта он отправил телеграмму Кардену, в которой требовал более решительных действий. При этом у него хватило ума обвинить гражданские экипажи в недостатке патриотизма. Впрочем, ни глубоко гражданский Черчилль, ни его адмиралы так и не поняли, что затеяли попытку с негодными средствами. Траулеры были совершенно непригодны для работы в конкретных условиях Дарданелл.

На следующую ночь первым в игру вступил броненосец «Корнуоллис», который обстрелял турецкие прожектора. После этого траулеры во главе с крейсером «Аметист» попытались обмануть турок, имитируя ложный отход, а сами 03.20 начали траление. Пройдя мыс Кефез, они повернули на обратный курс и пошли вдоль европейского берега. Затраленные мины следовало вытащить на мелководье — вот оно, отсутствие резаков! Однако турки не спали и обрушили на траулеры шквал огня. Хотя ни один корабль не был потоплен, 4 траулера и 2 катера получили тяжелые повреждения, на двух траулерах команда погибла почти целиком. Траулер, которым командовал капитан-лейтенант Робинсон, получил 84 попадания! «Аметист» попытался прикрыть их, но вместо этого сам получил несколько попаданий. Разрывом на нем было повреждено рулевое управление, и 20 минут крейсер беспомощно дрейфовал, рискуя в любой момент налететь на мину. В 04.20 англичане отступили, потеряв 27 человек убитыми и 43 ранеными. Турки в эту ночь поставили рекорд, выпустив 974 снаряда.

Адмирал Карден наконец был вынужден признать, что попытки траления фактически провалились. Вытраленные мины можно было в самом буквальном смысле пересчитать по пальцам, зато половина траулеров вышла из строя, хотя погиб только один. И тогда Карден сделал вывод, который послужил причиной последовавшей катастрофы. Он решил, что главным препятствием является артиллерия, и нужно сначала подавить ее, а уже потом заниматься минами.

Следующие две ночи союзники продолжали довольно вялые попытки траления, но ничего не добились. А 16 марта вице-адмирал Карден сдал командование своему заместителю контр-адмиралу Джону де Робеку по причине ухудшения здоровья. Была язва желудка причиной, поводом или следствием — не нам судить. Карден оставил де Робеку роковое наследство — непротраленный пролив и план артиллерийской атаки турецких укреплений в Узостях. Де Робек в последующие ночи также пытался организовать траление, и снова британские траулеры ничего не добились. А потом наступил роковой день 18 марта 1915 года.

Галлиполи — война и политика

Но до решительного штурма пролива произошла масса интересных событий как на Средиземном море, так и в Лондоне.

С самого начала операции в Дарданеллах в воздухе витала возможность высадки десанта, однако план использования сухопутных сил немедленно натолкнулся на резкие возражения военного министра Китченера, который утверждал, что у него нет ни одного лишнего солдата. Именно тогда Черчилль заговорил об операции силами одного только флота. Адмирал Фишер соглашался, что такую операцию следует проводить совместно армии и флоту. «Дарданеллы не имеют смысла без участия армии. Рано или поздно там придется высаживаться», — писал он.

В конце концов стало ясно, что какие-то силы действительно потребуются, хотя бы для того, чтобы занять разрушенные форты и уничтожить орудия. Даже Китченер признал это и пересмотрел свое мнение. «Если флоту понадобится помощь сухопутных сил на завершающей стадии, такая помощь будет оказана», — заявил он. 16 февраля он дал согласие на отправку в Дарданеллы 29-й пехотной дивизии, но напомним, что сначала эти войска Китченер хотел послать в Салоники, чтобы подтолкнуть Грецию выступить на стороне союзников. Более того, он согласился использовать на Галлиполи 2 дивизии корпуса Анзак, которые находились в Египте.

Узнав об этом, взбунтовался командующий британской армией во Франции генерал Френч. В результате получилось так, что 16 февраля Китченер подписал приказ об отправке 29-й дивизии на Средиземное море, а 20 февраля отменил его. Черчилль протестовал, заявив, что одна дивизия ничего не решит во Франции, но может все перевернуть на Востоке. 24 февраля после обстрела Карденом фортов на входе в Дарданеллы на заседании Военного совета Китченер заявил: «Если флот не может прорваться через Проливы без помощи, армия должна снова рассмотреть вопрос. Эффект от поражения на Востоке может быть очень серьезным. Отступать нельзя». 1 марта на сцене появился новый игрок. Премьер-министр Греции Венизелос, всегда настроенный проанглийски, под впечатлением уничтожения фортов Кум-Кале и Седд-уль-Бахр предложил послать в Дарданеллы 3 греческие дивизии, чтобы потом начать наступление на Константинополь. Но тут против выступили русские, по просьбе которых, кстати, была затеяна вся эта авантюра. Видения православного креста на Святой Софии мешали думать трезво, поэтому русские высказались категорически против. Впрочем, это было понятно, если Константинополь займут англичане или французы, они там долго не задержатся, а вот греки останутся навсегда. В общем, Китченер так и не смог найти войска.

1 марта он отправляет генерал-лейтенанта Бирдвуда, командовавшего войсками Анзак в Египте, переговорить с адмиралом Карденом относительно участия армии в операции. В результате 6 марта Бирдвуд прислал телеграмму, в которой прямо говорил, что не верит в способность флота прорваться через Проливы и считает Кардена второсортным командиром, мало на что пригодным. В результате 10 марта Китченер в очередной раз меняет точку зрения. На заседании Военного совета он объявил, что отправляет 29-ю дивизию в Дарданеллы, но кроме того следует потребовать, чтобы французы послали колониальную дивизию из состава Североафриканской армии. Тогда вместе с 2 дивизиями корпуса Анзак это составит 75000 человек, чего вполне хватит для решения любой задачи. Командовать новой армией Китченер назначил генерала сэра Иена Гамильтона, своего начальника штаба времен Бурской войны. И этот выбор следует назвать крайне неудачным. Хороший начальник штаба может оказаться очень плохим командиром, вспомните хотя бы генерала Куропаткина, который служил начальником штаба у Скобелева. Конечно, генерал Гамильтон был опытным солдатом, который воевал практически всю свою жизнь, был несколько раз ранен, у него парализовало левую руку. Но вся его служба прошла в колониях, он привык иметь дело с разными пешаварцами, бурами и тому подобными вояками. Как ведется современная война, Гамильтон не имел ни малейшего представления, так как во Франции не был. Хорошим доказательством сомнительности затеи служит диалог между Китченером и Гамильтоном, когда последний поинтересовался, а какие, собственно, силы имеют турки на Галлиполи, и кто ими командует, военный министр спокойно ответил, что не имеет ни малейшего понятия. Флот специально выделил новый легкий крейсер «Фаэтон», чтобы доставить командующего к его войскам.

* * *

Генерал Иен Стандиш Монтегю Гамильтон – командующий Средиземноморскими экспедиционными силами

Галлиполи представляет собой сухой, каменистый полуостров длиной около 85 км. С материком он соединен перешейком Булаир шириной около 5 км, но далее к югу расширяется до 20 км. Местность совершенно не подходящая для военных операций — многочисленные скалистые гряды, узкие овраги, отвесные скалы. Сверху он более всего напоминает небрежно смятый листок бумаги. В 9 километрах от мыса Хеллес возвышается холм Ачи-Баба, господствующий над всей южной оконечностью полуострова. В центре полуострова проходит хребет Сари-Баир, с которого видны все окрестности. То есть, как нетрудно понять, обороняющиеся, заняв позиции в этих местах, будут иметь огромное преимущество, и турки занялись подготовкой к неизбежному вторжению.

24 марта военный министр Энвер-паша вызвал немецкого генерала Отто Лимана фон Сандерса и предложил ему возглавить только что созданную

5-ю армию, которой была поручена оборона полуострова. Кадрового прусского генерала не обрадовала перспектива стать во главе армии из безграмотных анатолийских крестьян, но и отказаться он не мог. «Если бы только англичане дали мне четыре дня», — заявил он своим офицерам 27 марта. Англичане дали ему четыре недели.

Дело в том, что именно в это время англичане ввязались еще в одну авантюру, словно им было мало хлопот в Дарданеллах. Они явно пытались доказать, что нет такой скверной ситуации, которую нельзя еще больше ухудшить. Китченер давно лелеял идею высадки где-нибудь в Леванте, чтобы прямым ходом прорваться к Месопотамии и отрезать турецкую 4-ю армию на Синае. В качестве цели была выбрана Смирна — крупнейший турецкий порт на Средиземном море. Еще одним мотивом этой операции было помешать немецким и австрийским подводным лодкам использовать данный порт.

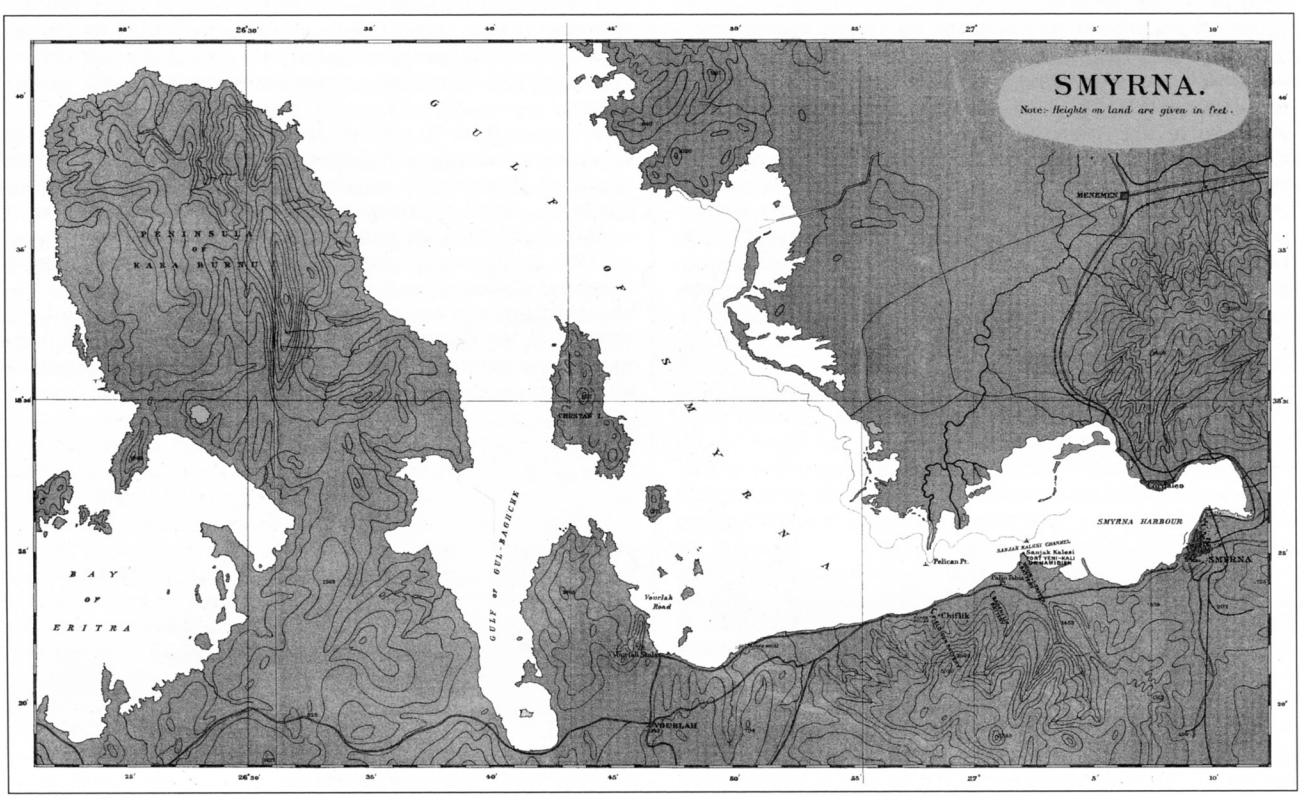
Генерал Отто Лиман фон Сандерс – командир 5-й армии, назначенной для обороны Галлиполи

В результате броненосцы «Свифтшур» и «Трайэмф» были отправлены в залив Смирна, а 2 марта вице-адмирал Пирс, командующий Египетской и Ост-Индской станцией, получил приказ идти туда же. Кроме броненосцев, Пирс имел собственный флагман — броненосный крейсер «Юриалес», гидроавиатранспорт «Анне» и группу тральщиков. Ему также был придан русский крейсер «Аскольд». Производить какие-либо высадки англичане не собирались, более того, десантные операции были строго запрещены. Пирс должен был помешать туркам и немцам устроить в Смирненском заливе базу для подводных лодок. Адмирал получил приказ разрушить форты Смирны и установить тесную блокаду порта. По данным разведки, порт прикрывали форт Хамидие, вооруженный 7 — 240-мм короткоствольными орудиями старых образцов, и форт Муин-и-Заффер, вооруженный 4 — 152-мм орудиями. Подходы к порту считались заминированными.

5 марта адмирал Пирс начал обстрел форта Хамидие. Обстрел велся сначала с дистанции 70 кабельтов, а потом расстояние было сокращено до 50 кабельтов. Видимость была прекрасной, и англичане отметили 32 попадания в форт, а также 2 сильных взрыва. Около 16.00 Пирс прекратил обстрел, намереваясь на следующий день начать траление и довершить уничтожение фортов огнем с малых дистанций.

Утром 6 марта тральщики приступили к работе, но тут же попали под плотный огонь турецких батарей. Кроме форта Муин-и-Заффер, по ним стреляли бата-

Карта залива и порта Смирна – объекта блокады отрядом кораблей союзников



Эскадренный броненосец «Трайэмф» – флагман отряда кораблей действующих против Смирны

рея из 5 — 120-мм орудий и полевая батарея. Тральщики были немедленно отозваны, и в дело вступили корабли. Форт Хамидие дал только 1 залп и замолчал. Англичане приписали это результатам вчерашнего обстрела, хотя на самом деле на форту было уничтожено только 1 орудие. В ходе боя «Трайэмф», «Юриалес» и тральщики получили несколько попаданий. После артиллерийской дуэли, длившейся 2 часа, турецкие батареи замолчали. Адмирал снова послал вперед тральщики, но на сей раз из осторожности он выделил только 2 штуки. Батареи опять открыли огонь, и кораблям опять пришлось вмешаться.

7 и 8 марта корабли Пирса обстреливали турецкие батареи и форты, но ничего серьезного не добились. Причем, обманутые молчанием турок, английские корабли подошли на расстояние всего 40 кабельтов к фортам. Турки открыли бешеный огонь, и дело могло кончиться очень скверно для Пирса, если бы не турецкие наводчики. В общем, опыт Смирны еще раз подтвердил то, что уже стало ясно в Дарданеллах.

Несколько неожиданно возникла идея добиться цели иными средствами. Дело в том, что губернатор Смирненского вилайета считался сторонником Англии и не раз протестовал против политики турецкого правительства. Возникла идея договориться с губернатором **о нейтралитете одного отдельно взятого вилайета**. И Адмиралтейство телеграфировало Пирсу, чтобы он попытался реализовать эту нелепое предложение, адмирал подчинился.

Кстати, именно с операциями перед Смирной связан очередной неприятный для англичан эпизод морской войны на Средиземном море. Вообще-то он оказался довольно характерным для этого театра. Англичане никак не могли заставить себя относиться к туркам серьезно, за что не раз были жестоко наказаны.

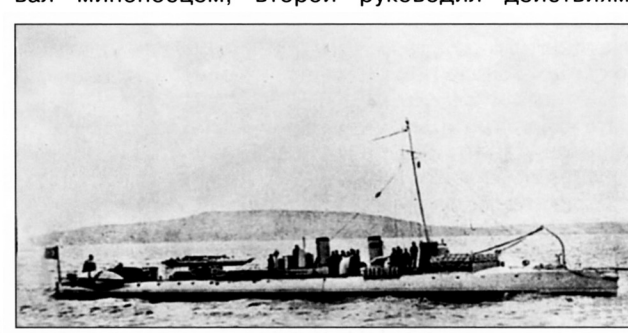
Хотя перед Дарданеллами были сосредоточены крупные силы флота союзников, блокировать пролив они не сумели. Подтверждением этого служат действия крошечного миноносца «Демирхисар». Этот корабль (или, точнее, кораблик) был построен сравнительно недавно — в 1908 году во Франции. Он имел водоизмещение всего 97 тонн и был вооружен 2 — 37-мм орудиями и 3 торпедными аппаратами 450 мм. Кроме 32 турок он имел на борту до 6 немецких моряков. В 1915 году его скорость не превышала 16 узлов (или 19 узлов, как говорит Лорей). В любом случае скорость была не слишком большой.

27 февраля миноносец вышел из Чанака, но у мыса Кефез его остановили сигналами с берега. Выяснилось, что с берега заметили 2 английских эсминца в районе Эренкей. Миноносец повернул назад. Следующие несколько дней командир внимательно наблюдал за системой дозоров союзников с форта Оркание.

7 марта в 17.00 миноносец снова покинул Чанак. Следуя вдоль европейского берега, он прорвался в море, хотя несколько раз сталкивался с кораблями союзников. Обойдя с севера острова Имброс и Лемнос, «Демирхисар» 8 марта в полдень повернул к азиатскому берегу Турции. Попытка атаковать корабли союзников у острова Тенедос сорвалась. У мыса Баба миноносец был замечен дозором союзников, корабль повернул на юг и ушел в Смирну, так как на нем кончался уголь. Заявление немцев, будто они оторвались от преследовавших «Демирхисар» легкого крейсера и 2 эсминцев, всерьез принимать не следует, учитывая скорость миноносца.

В ночь с 8 на 9 марта Пирс предпринял решительную попытку протралить подходы к порту. Корабли вели огонь по прожекторам и батареям, а тральщики очищали фарватер. Ценой гибели одного из тральщиков удалось очистить проход, не доходящий всего 15 кабельтов до рейда Смирны. 9 марта ожидался и ответ губернатора Смирны, поэтому утром Пирс приостановил свои действия. Днем прибыла турецкая шлюпка под белым флагом, в ней находился адъютант губернатора. Стороны заключили перемирие до 11 марта.

В ночь с 9 на 10 марта «Демирхисар» вошел в залив Смирны и обнаружил броненосец «Трайэмф», легкий крейсер «Веймут» и еще какие-то корабли. Было решено попытаться атаковать эти корабли. Днем миноносец отстоялся на якоре в бухте Мавро-Вуни. Вечером он снова вошел в залив. В свете прожекторов из Смирны временами мелькал силуэт броненосца. Ветер постепенно усилился до 6 баллов, поэтому торпедная атака была бы невозможна, если бы на корабле не находились 2 немецких офицера. Один командовал миноносцем, второй руководил действиями



Турецкий миноносец «Султанхисар», однотипный миноносцу «Демирхисар»

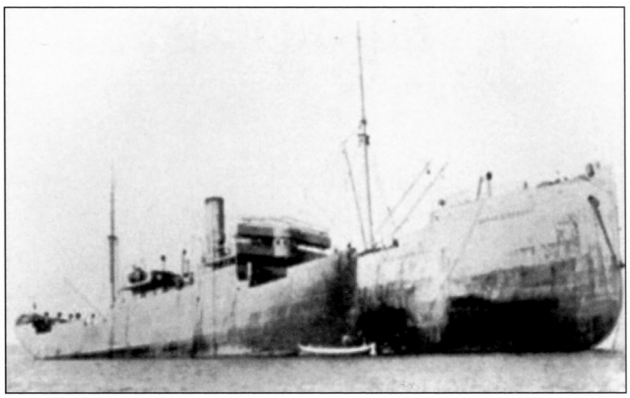
торпедистов. Еще одна маленькая загадка. Лорей говорит, что миноносцем командовал капитан-лейтенант Фирле. По другим источникам, командиром корабля являлся капитан-лейтенант барон фон Фрик.

Итак, вспоминает командир «Демирхисара»: «Выход в атаку лагом к волне был невозможен вследствие сильной зыби, поэтому пришлось идти в атаку по волне, имея торпедный аппарат, развернутый почти по траверзу. Первый выстрел был произведен при наиболее благоприятных условиях. Угол встречи торпеды с целью составлял 90 градусов. У торпедного аппарата находился бывший инструктор торпедной стрельбы. Промах был невозможен. Корабль противника обрисовывался огромным силуэтом и отчетливо выделялся на фоне света смирненского прожектора. Даже в мирное время я никогда не находился в более благоприятных условиях. За броненосцем стоял легкий крейсер, а немного в глубине — пароход. Ввиду того, что я не считал возможным быстро повернуть торпедный аппарат на другой борт для выстрела по крейсеру, я уклонился слегка влево, чтобы иметь возможность атаковать транспорт, который стоял уступом на 2 румба вправо. Но благодаря исключительной работе торпедистов удалось, против ожидания, повернуть торпедный аппарат. Торпеда была выпущена с дистанции 300 метров, но, пропав в воду, уклонилась влево. Обе торпеды не были замечены с вражеских кораблей».

Броненосец «Трайэмф» в это время грузил уголь и атаку действительно не заметил. Несколько дней спустя обе торпеды были прибиты к берегу и подобраны турками.

Прорваться в Смирну было невозможно, поэтому после неудачной атаки миноносец отправился в порт Чесма, куда и прибыл 10 марта в 10.00. Миноносец пополнил запас угля и вечером снова вышел в море, чтобы использовать последнюю оставшуюся торпеду. Около 02.45 были замечены крейсер и пароход. Это был гидроавиатранспорт «Анне» (захваченный в начале войны немецкий пароход «Анне Рикмерс»). Несколько раз «Демирхисар» едва не налетел на сторожевые корабли и, в конце концов, был вынужден отказаться от атаки крейсера. Поэтому он выпустил торпеду с дистанции всего 300 метров по гидроавиатранспорту. Взрыв произошел под фок-мачтой, но даже после этого англичане не встревожились. Миноносец сумел проскочить в Смирну, идя под самым берегом. Англичане отбуксировали поврежденный корабль в Мудрос, где ему пришлось выброситься на берег. После ремонта гидроавиатранспорт снова вошел в строй.

Все это не было известно адмиралу Пирсу. Он мог предполагать, что военные власти не согласны с губернатором. Пирс решил, что его задача выполнена, так как после траления 8 — 9 марта турки сами затопили на входном фарватере 2 парохода и фактически заблокировали порт. К нему снова прибыл посланец губернатора с просьбой не считать торпедирование «Анне» нарушением перемирия. Это было всего лишь проявление недисциплинированности командира миноносца. Переговоры продолжились, и в это время турки затопили еще 3 парохода, окончательно закрыв доступ в порт, по крайней мере, так считали англичане. Поэтому 15 марта Пирс получил приказание вернуть броненосцы в Дарданеллы, сам адмирал должен

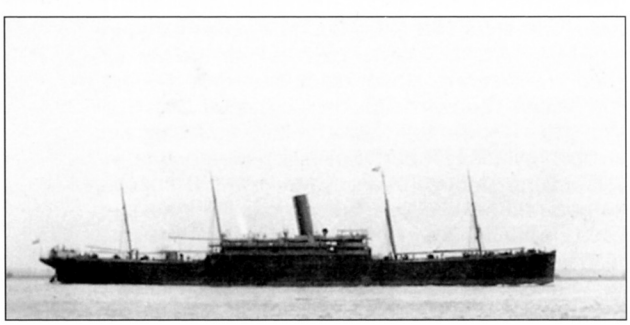


Гидротранспорт «Анне», поврежденный торпедой миноносца «Демирхиссар» и выбросившийся на берег

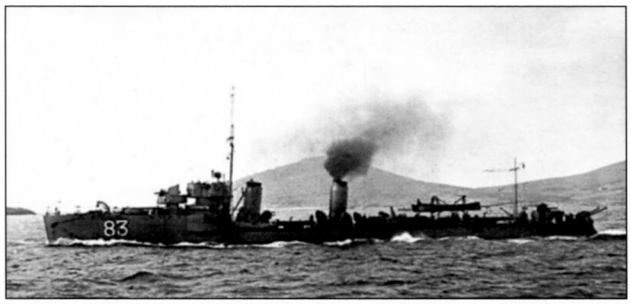
был возвратиться в Египет. Кажущийся успех операции заставил англичан забыть, что батареи так и не были подавлены. На самом же деле затопленные брандеры никак не помешали немецким подводным лодкам заходить в Смирну. Никаких выводов не последовало, скорее наоборот, эта операция добавила неоправданного оптимизма британскому командованию. В результате англичане закрыли доступ в порт подводным лодкам руками турок, как это ни странно.

В Смирну по железной дороге из Константинополя доставили торпеды и масло. Затопленные турками корабли не так уж надежно блокировали порт, и 22 марта «Демирхисар» снова вышел в море, но тут выяснилось, что принятый уголь ни на что не годен, и кораблю пришлось возвращаться в порт. При этом миноносец задел винтом за грунт, и ему пришлось стать в док на ремонт. За время стоянки «Демирхисар» принял 50 тонн кардиффа, но выход в море пришлось отложить до середины апреля.

Вечером 15 апреля миноносец вышел из Смирны. Незамеченный неприятелем, он вышел в открытое море. 16 апреля около 10.00 в 15 милях от острова Скирос он заметил 2 парохода: один большой, с 1 трубой и 4 мачтами, другой поменьше, с 2 трубами и 2 мачтами. Большим пароходом оказался британский транспорт «Маниту», который перевозил солдат 29-й пехотной дивизии в Дарданеллы. На транспорте находились 20 офицеров, 626 солдат и 615 лошадей. Миноносец



Войсковой транспорт «Маниту». Во время неудачной атаки транспорта турецким миноносцем «Демирхисар» 15 апреля 1915 года на борту судна вспыхнула паника с значительными человеческими жертвами



Эсминец «Кеннет», один из трех эсминцев типа «Ривер», загнавших миноносец «Демирхисар» на берег

сигналом приказал пароходу остановиться. Шкипер решил, что миноносец английский и имеет какое-то приказание, поэтому послушно застопорил машины. «Демирхисар» подошел ближе, и его командир приказал команде в течение 10 минут покинуть пароход. Англичане, впрочем, утверждают, что был дан срок всего 3 минуты. Хотя на корабле находились солдаты с винтовками, они не имели патронов, поэтому не могли оказать никакого сопротивления. Так или иначе, но англичане приказания не выполнили.

Тем временем на горизонте показались дымки, и командир миноносца решил больше не рисковать. Он выпустил в транспорт 2 торпеды и погнался было за удирающим посыльным судном «Озирис», но британское судно сумело удрать, еще раз подтвердив плохое состояние машин миноносца. Немцы не заметили никаких следов попаданий торпед, хотя на «Маниту» вспыхнула паника. Солдаты начали спускать шлюпки и бросаться за борт. Несколько шлюпок перевернулись, в результате чего утонуло, по различным данным, от 50 до 100 человек. «Демирхисар» выпустил третью и последнюю торпеду в «Маниту», и опять без какого-либо видимого результата.

«Маниту» по радио вызвал помощь, и в погоню за турецким миноносцем отправились эсминцы «Кеннет», «Джед» и «Виэр». Крейсера «Дартмут» и «Дорис» помчались на помощь транспорту. «Демирхисар» лег на курс SO и полным ходом направился к турецким берегам. Около 15.00 «Кеннет» и «Джед» подошли на расстояние 20 кабельтов. Шедший головным «Кеннет» открыл огонь. Турецкий миноносец обогнул южную оконечность острова Хиос и увидел, что навстречу ему идет эсминец «Виэр». Машины «Демирхисара» окончательно сдали, и миноносец не мог развить более 12 узлов. Командир миноносца решил стать на якорь в греческих территориальных водах, однако опасался, что это не остановит англичан, поэтому миноносец выбросился на берег. Команда подорвала машины и выбросила за борт оба орудия, все это время англичане вели по нему огонь. После того, как команда миноносца высадилась на берег, англичане выслали абордажную партию. Подрывные заряды уничтожили корму миноносца. Команда «Демирхисара» сначала была интернирована греками, но потом была отпущена.

Вдобавок вся эта авантюра вызвала нервную реакцию французов, которые заподозрили англичан в намерении захватить то, на что зарились они сами. Морской министр Оганье заявил резкий протест, напомнив, что операциями у берегов Сирии должен командовать французский адмирал, а не английский. Скандал удалось погасить лишь с большим трудом.

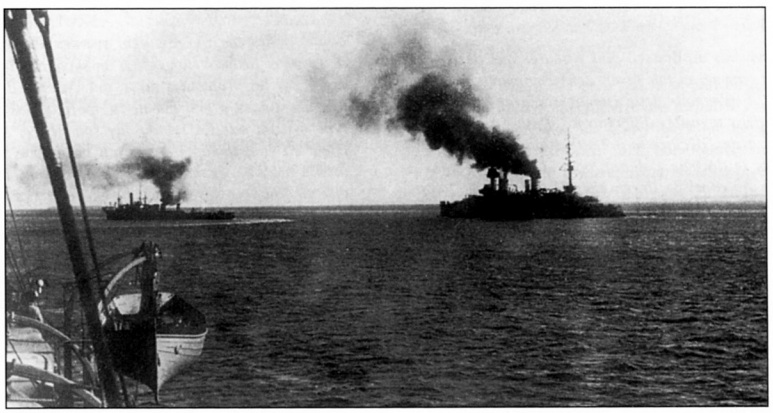
Примерно тогда же англичане затеяли еще более странную авантюру, чем переговоры с губернатором Смирны. Контр-адмирал Холл, начальник Отдела разведки Адмиралтейства, инициировал секретные переговоры с представителем турецкого правительства в Дедеагаче, который тогда был болгарским портом в Эгейском море. Он предложил Турции выйти из войны, открыть Дарданеллы и сдать «Гебен» в обмен на крупную сумму денег. Точная величина этой суммы не известна, но постоянно мелькало упоминание о 4 миллионах фунтов стерлингов. Переговоры с английской стороны вели инженер Гриффин Иди и бизнесмен Эдвин Уиттолл, долго жившие в Турции. Фишер, узнав об этом, сильно удивился, но, тем не менее, сам предложил выделить 4 миллиона, даже не ставя в известность Форин Офис. Но в последний момент Первый Морской Лорд решил сэкономить деньги: по данным английской разведки, у турок кончались боеприпасы, поэтому можно было не тратиться. Англичане покинули Дедеагач 17 марта, как раз накануне решающего удара. Вся эта история выглядит очень странно, не известно даже, кто были эти турки и имели они право вести переговоры или нет.

Кстати, Турция действительно испытывала недостаток боеприпасов, так как Болгария и Румыния оставались нейтральными, поставки из Германии и Австрии прекратились. В результате уже морское командование Центральных держав задумало рискованную операцию. Было решено попытаться организовать перевозки на кораблях австрийского флота. Его командующий адмирал Антон Гаус даже готов был выделить для этой цели новый быстроходный крейсер «Новара». Корабль должен был поздно вечером проскользнуть через Отрантский пролив и на следующий день ближе к вечеру подойти к Смирне. Заход в порт не предполагался, крейсер должен был стать на якорь в заливе, передать на лихтеры боеприпасы и принять с них 500 тонн угля для обратного перехода. Гаус даже обсудил этот план с командиром крейсера капитаном 1 ранга Никласом Хорти, и они пришли к выводу, что в условиях новолуния такой прорыв не слишком рискован. На обратном пути можно даже попытаться день или два поохотиться на морских коммуникациях союзников, чтобы создать им серьезные проблемы. Но план был сочтен непрактичным, заметьте — не нереальным! Маленький крейсер мог взять на борт только 200 тонн боеприпасов, и австрийцы не имели никакой связи со Смирной и потому не могли согласовать необходимые детали.

Вот такой запутанный клубок с участием Англии, Франции, Турции, Германии, Греции, Болгарии и даже Австрии завязался вокруг Дарданелл.

Дарданеллы — катастрофа

Итак, адмирал Карден сложил командование, и его сменил младший флагман — строгий и властный контр-адмирал Джон де Робек. Чтобы де Робек мог на законных основаниях командовать флотом, он был спешно произведен в вице-адмиралы. «Решительный удар» был назначен на 18 марта, но по планам, подготовленным ранее. Для этого флот союзников был переформирован, и днем 16 марта на борту «Куин Элизабет» адмирал де Робек провел последнее совещание командиров и флагманов, где указал задачи отдельным соединениям. Он решил использовать все имеющиеся корабли и для удобства управления разделил их на 3 дивизии.



Французский линкор «Бувэ» входит в Дарданеллы 18 марта 1915 г.

1-я дивизия
1-я бригада «Куин Элизабет» (адмирал де Робек), «Инфлексибл»
2-я бригада «Агамемнон», «Лорд Нельсон»
2-я дивизия
3-я бригада «Оушн» (капитан 1 ранга Садлер), «Виндженс», «Иррезистебл», «Альбион»
4-я бригада «Свифтшур», «Маджестик»
5-я бригада «Канопус», «Корнуоллис»
3-я дивизия
6-я бригада «Сюффрен» (адмирал Гепратт), «Шарлемань», «Буве», «Голуа»
7-я бригада «Принс Джордж», «Трайэмф»

Казалось бы, неудача у Смирны должна была насторожить британских адмиралов и заставить их провести более тщательную проработку и подготовку операции. Но нет, по-прежнему все делалось по принципу «авось, небось да как-нибудь».

Утро 18 марта было ясным и солнечным, утренний туман быстро развеялся. Дул легкий южный бриз, когда в 08.15 флот союзников снялся с якоря. Корабли провели ночь под скалами Тенедоса, готовясь к завтрашнему сражению. И действительно, предстояло нечто грандиозное и необычное — впервые армада из 18 линейных кораблей входила в узкий пролив. Она выглядела настолько внушительно, что, казалось, не было силы, способной противостоять ей. Цели операции были совершенно очевидны, никакой внезапности не было, но союзники собрали такие силы, что вполне могли рассчитывать на успех. Если только этот флот прорвется через полоску воды шириной в одну милю и длиной в пять — хорошо известные Узости, — судьба Турции повиснет на волоске.

План адмирала де Робека был прост. Он намеревался огнем с большой дистанции подавить тяжелые батареи и форты Узостей, после чего линкоры и броненосцы пойдут вверх по проливу, расстреливая гаубичные заграждения, прикрывающие минные поля. После того, как турецкая артиллерия замолчит, траулеры расчистят проход шириной около полумили, по которому пройдут линейные корабли и огнем в упор довершат уничтожение фортов Узостей. Ну а затем флот на следующий день торжественно войдет в Мраморное море. Фактически это был повтор операции по уничтожению фортов на входе в Дарданеллы.

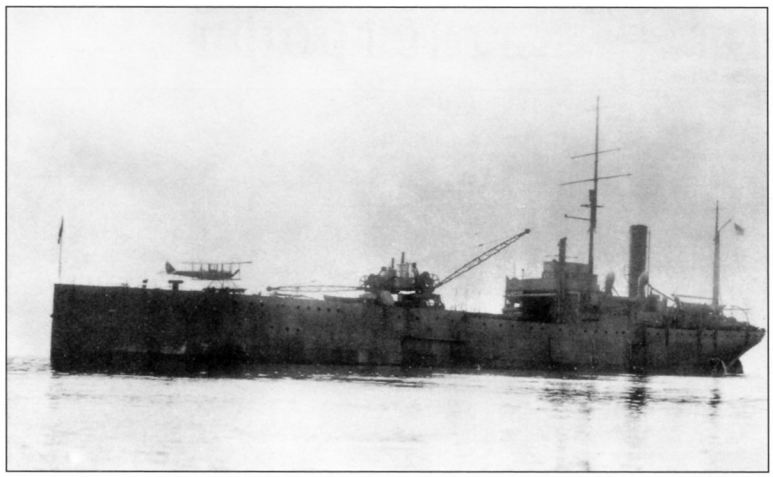
Командующий союзной эскадрой Вице-адмирал Джон Микаэль де Робек

Британский адмирал намеревался сразу бросить на стол крупные козыри. Атаку возглавляли линкор «Куин Элизабет» с его чудовищными 381-мм орудиями, линейный крейсер «Инфлексибл» и самые сильные из британских броненосцев «Лорд Нельсон» и «Агамемнон».

Корабли 1-й дивизии, расположившись строем фронта на линии А, должны были вести обстрел главных укреплений на обоих берегах с дистанции около 70 кабельтов, а «Трайэмф» и «Принс Джордж» располагались на флангах 1-й дивизии. Они должны были заниматься гаубичными батареями по обоим берегам пролива.

Линию В занимала 3-я дивизия для обстрела тех же целей с более близкой дистанции. Сначала французские корабли держались позади 1-й дивизии в 90 кабельтовых от противника, с флангов французов прикрывали «Маджестик» и «Свифтшур». После того, как 1-я дивизия подавит огонь фортов, французские корабли должны были выдвинуться вперед, прорезав ее строй. Но обратите внимание: уже в плане де Робек перетасовал между собой корабли разных дивизий, что создавало предпосылки путаницы.

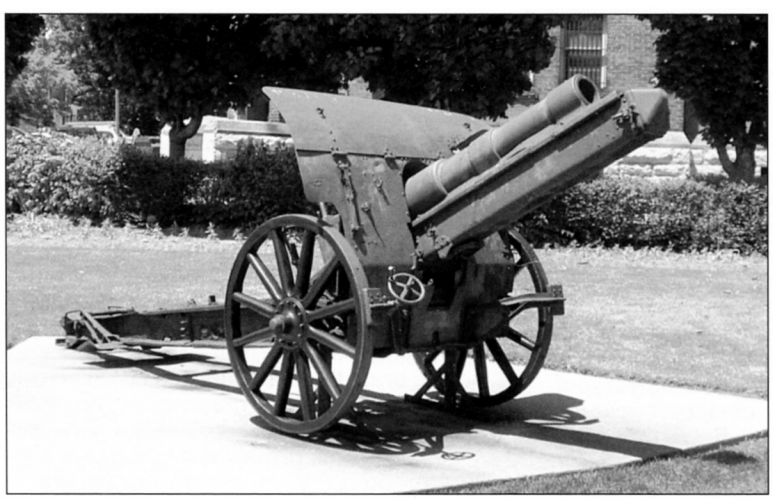
После 4 часов обстрела 6-ю бригаду сменяли 3-я и 4-я бригады. Броненосцы 5-й бригады оставались в резерве. Легкие крейсера «Дартмут» и «Дублин» должны были обстреливать турецкие корабли, если таковые будут обнаружены. Корректировка огня броненосцев возлагалась на самолеты гидроавиатранспорта «Арк Ройял». После того, как форты будут подавлены, выдвинутся 6 траулеров, которые расчистят проход вдоль азиатского берега.



Авиатранспорт «Арк-Роял» с самолетом «Сопвич» тип 807 на палубе

Около 10.00 корабли союзников подошли к входу в пролив. Капитан Ашир Аракаян на одной из батарей вспоминал: «Мы увидели огромную массу кораблей, так много раньше мы не видели. Мы удивились, но вскоре поняли, что сегодняшний день станет решающим в битве. Мы приготовились отразить атаку. Мы прекрасно знали все корабли из розданных нам списков».

Гаубицы системы Шкода М.14 L/20 (вверху) и 150-мм L/17 Круппа – подобные орудия составили основу обороны Дарданелл. В отличии от пушек фортов, кочующие батареи гаубиц были трудноуязвимы для настильного огня с боевых кораблей.



Наверное, сейчас самое время немного рассказать о системе обороны проливов, тем более, что появившиеся в последнее время сведения проливают свет на многие детали. Например, в феврале 1915 года в состав турецкой 5-й армии был включен отдельный 8-й артиллерийский полк под командованием немецкого полковника Верле. На вооружении полка состояли 150-мм гаубицы. 1-й батальон (10 орудий) майора Рифата находился на полуострове Галлиполи, а 2-й и 3-й батальоны (по 10 орудий каждый), которыми командовали капитан Али и майор Халит, — на азиатском берегу пролива. 1-й батальон под командованием майора Рифата к моменту начала английской операции получил еще шесть 120-мм гаубиц. Кроме них была создана отдельная группа майора Хаспи, имевшая восемь 120-мм гаубиц, которая так же дислоцировалась на азиатском берегу. Всего в распоряжении командира крепостного района Чанак-Кале генерала Джеват-паши имелись 82 орудия на фортах и укреплениях, а также 230 мобильных орудий, рассыпанных по берегам пролива.

Но в целом английский план мог сработать, из всех турецких фортов современные орудия имел только Дарданос, но его пять 150/40-мм явно не могли остановить армаду союзников. Все остальные орудия уступали в дальнобойности корабельным и прямую дуэль с ними проиграли бы. Но к борьбе с гаубицами, укрытыми в складках местности, флот союзников оказался не готов.

В 10.30 «Агамемнон» во главе 1-й дивизии вошел в пролив, впереди двигался тралящий караван. Через полчаса, когда линия А оказалась в 14000 ярдов от Узостей, открыли огонь гаубичные батареи, расположенные позади Кум-Кале. В 11.25 «Куин Элизабет» начал обстрел форта Хамидие I, который не отвечал из-за большого расстояния. «Агамемнон» стрелял по форту Румели-Меджидие, «Лорд Нельсон» — по главному укреплению турок на европейском берегу — форту Намазие. Правофланговый «Инфлексибл» открыл огонь по батарее Хамидие II. Форты или не отвечали, или стреляли очень редко. Зато огонь полевых батарей был организован гораздо лучше, чем накануне. «Маджестик», «Принс Джордж», «Свифтшур» и «Трайэмф» вступили в бой с подвижными батареями. Несколько турецких кораблей, замеченных в глубине пролива возле Чанака, торопливо бросились наутек. Вот как это выглядело с «Агамемнона»:

«В 10.30 сыграли боевую тревогу. В 11.00 мы попали под огонь гаубиц и полевых батарей, а вскоре после этого открыли огонь по цели № 13 из носовой башни

и башни Р1. Стрельба носовой башни была очень меткой, и капитан выразил удовольствие расчету. «Принс Джордж» и «Ку.Е.» располагались ближе к европейскому берегу, затем шли мы, потом «Лорд Нельсон» и далее «Инфлексибл». В 12.15 французская эскадра начала сближение и прошла линию А. В это же время мы продолжали обстрел фортов. Ответного огня с фортов не было, вели стрельбы лишь гаубичные батареи».

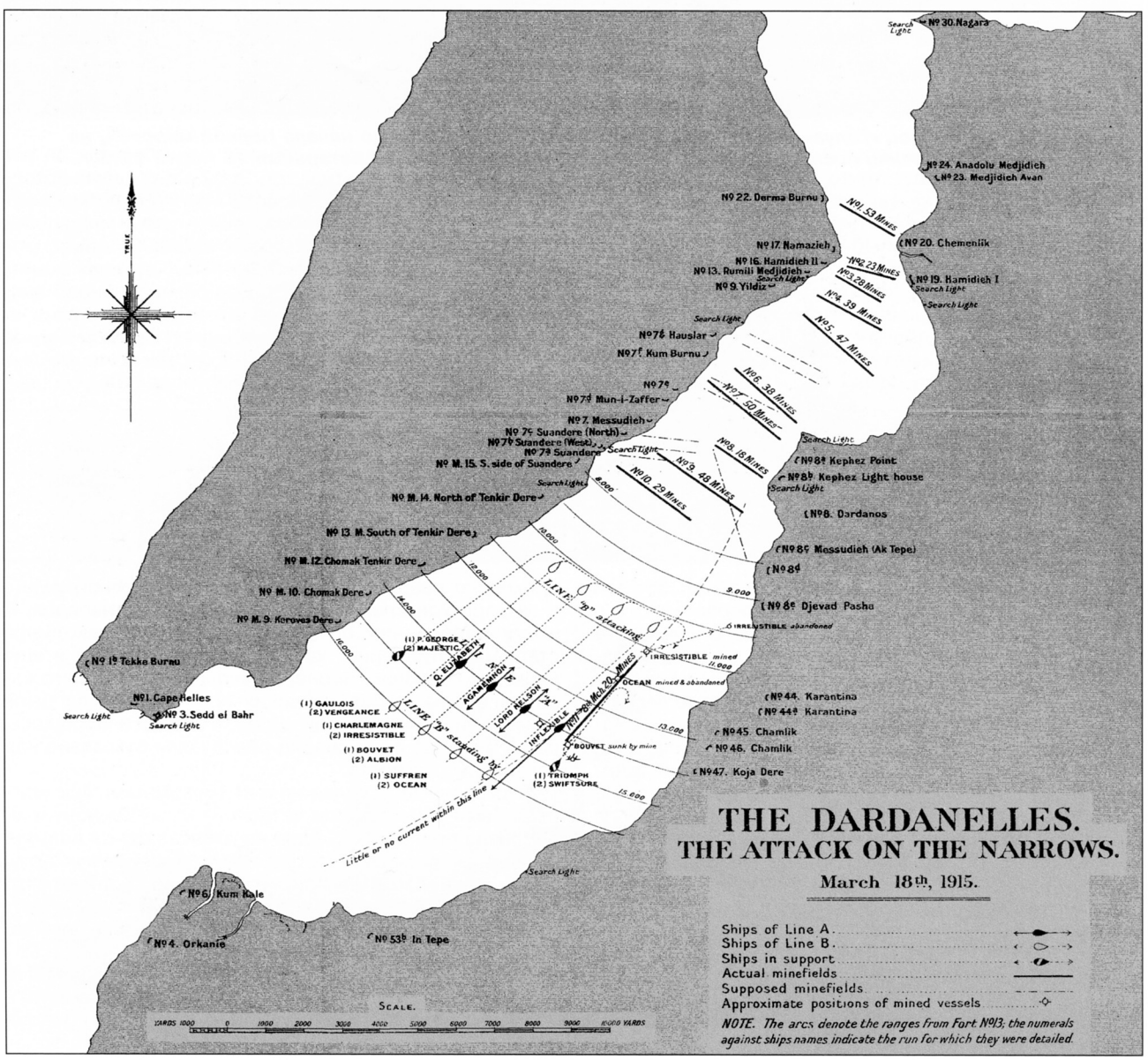
В 11.50 англичане увидели сильный взрыв на одном из фортов Чанака, и де Робек решил, что наступило время подойти ближе. В 12.06 он приказал французским кораблям прорезать боевую линию и действовать согласно раннему приказу.

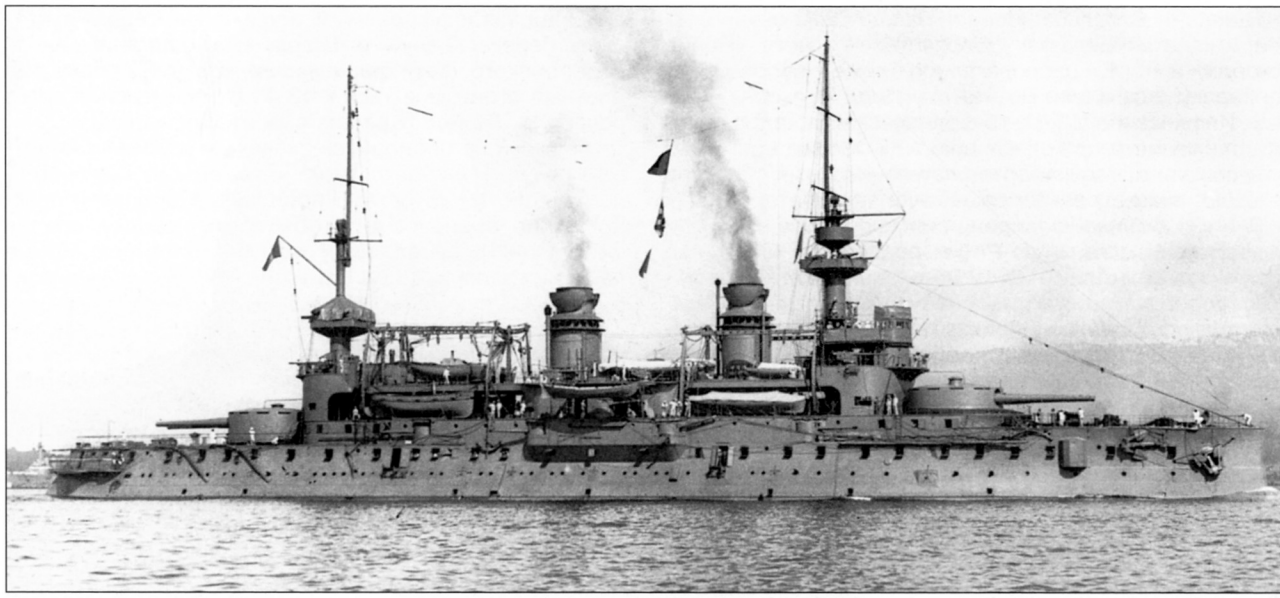
В 12.20 французские корабли выдвинулись вперед. Броненосцы Гепратта подошли на 50 кабельтовых к укреплениям Узостей и начали обстрел фортов, да так лихо, что те были почти приведены к молчанию. Сам адмирал с «Сюффреном» и «Буве» пошел вдоль азиатского берега, «Голуа» и «Шарлемань» двигались вдоль европейского. Хотя французские корабли попали под плотный огонь, все-таки к 13.45 сопротивление врага ослабело. Де Робек решил вызвать тральщики.

Но турки не собирались сдаваться и усилили ответный огонь. Начиная с 12.45 «Агамемнон» получил 12 попаданий, из которых 5 пришлись в броневой пояс. Командир броненосца, чтобы сбить наводку, описал циркуляцию и снова занял свое место в строю. Кроме него пострадали «Лорд Нельсон», «Альбион», «Иррезистебл», «Шарлемань», «Сюффрен» и «Буве».

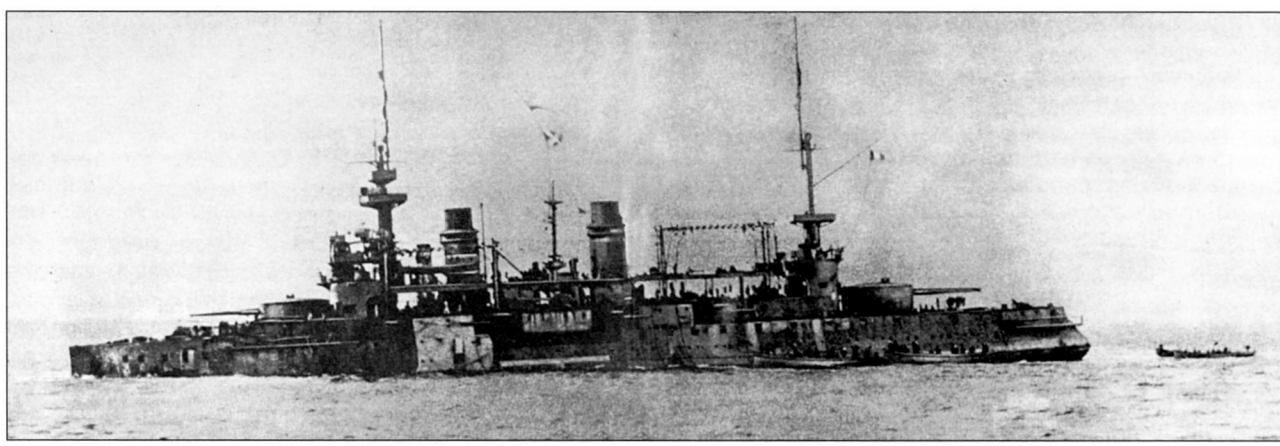
Французский броненосец «Голуа» получил два попадания. И если первый снаряд, разорвавшийся на квартердеке, только исковеркал палубу, второе попа-

18 марта 1915 года. Попытка прохода Узостей





Французский броненосец «Голуа». На верхнем фото – корабль незадолго до начала Первой мировой, на нижнем – непосредственно после «столкновения» с турецкими береговыми батареями 18 марта 1915 г.



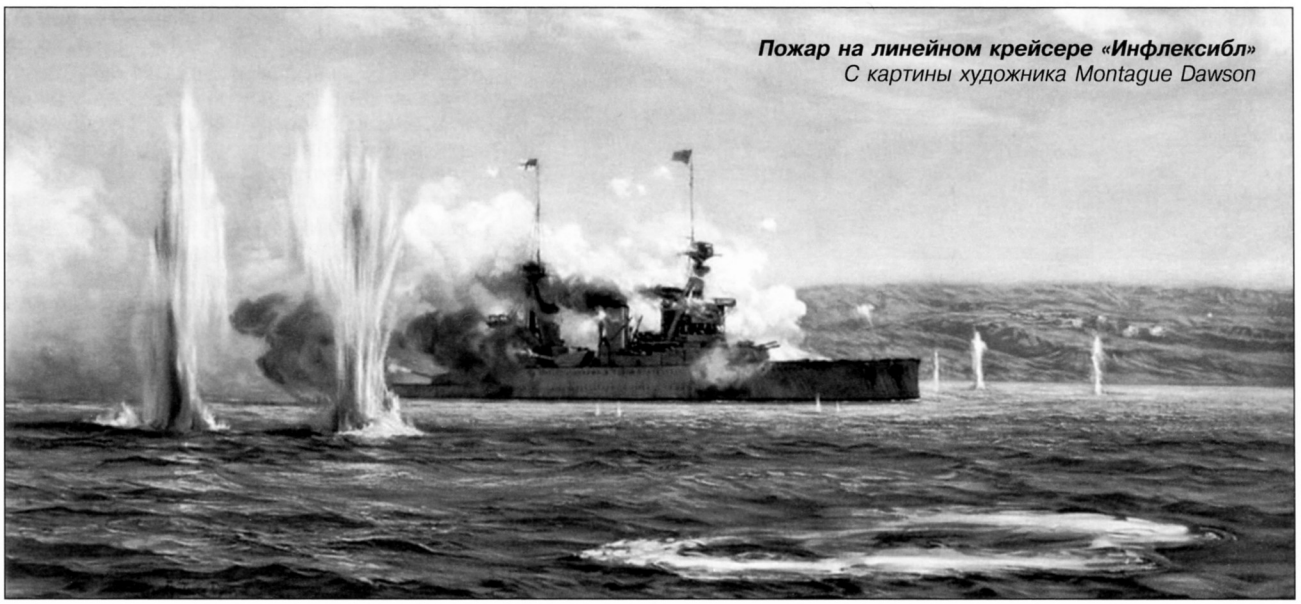
дание оказалось гораздо более серьезным. 356-мм снаряд ударил в броневой пояс в носовой части с правого борта чуть выше ватерлинии. Сначала повреждения казались незначительными, но потом оказалось, что броневые плиты были вдавлены внутрь корпуса на протяжении 7 метров, в результате чего по нижней кромке пояса образовалась широкая щель, через которую хлынула вода. «Голуа» получил такой большой дифферент на нос и крен на правый борт, что продолжать бой уже не мог. Остановить воду не удавалось, и капитан 1 ранга Бриар поспешно вывел корабль из боя и направился к выходу из пролива.

Течь оказалась настолько сильной, что броненосец был вынужден выброситься на мель у острова Драпано (Кроличьи острова) чуть севернее Тенедоса, только чтобы не затонуть. К 22 марта щель кое-как заделали, корабль сняли с мели, и он через Мальту ушел в Тулон на ремонт в сопровождении «Сюффрена».

От огня турецких гаубиц, расположенных вокруг Эрен-Кёя, серьезно пострадал линейный крейсер «Инфлексибл». Их снаряды не могли пробить броню, но прекрасно разрушали небронированные конструкции, и за короткое время в корабль попали 7 снарядов. В посту управления огнем на фор-марсе находился старший артиллерист капитан 2 ранга Вернер и еще несколько человек. Вернер управлял огнем своего корабля в бою у Фолклендских островов, когда была уничтожена эскадра фон Шпее. Тогда все обошлось, но на этот раз один снаряд разорвался буквально над самой крышей поста.

Раскаленные осколки ударили по людям. Три матроса были убиты, а еще четыре ранены. Вернеру изуродовало правую руку, едва не оторвав ее, он получил несколько осколков в голову, левую руку и левую ногу, но все-таки сохранил присутствие духа. Кое-как поднявшись, он добрался до переговорной трубы. «Пост управления огнем вышел из строя. Мы все погибли или умираем. Пришлите морфин».

Однако помощь запаздывала. Дело в том, что еще одно попадание в мостик вызвало сильный пожар и уничтожило радиоантенну. Пламя пожара в носовой части корабля поднялось до фор-марса. Поэтому че-

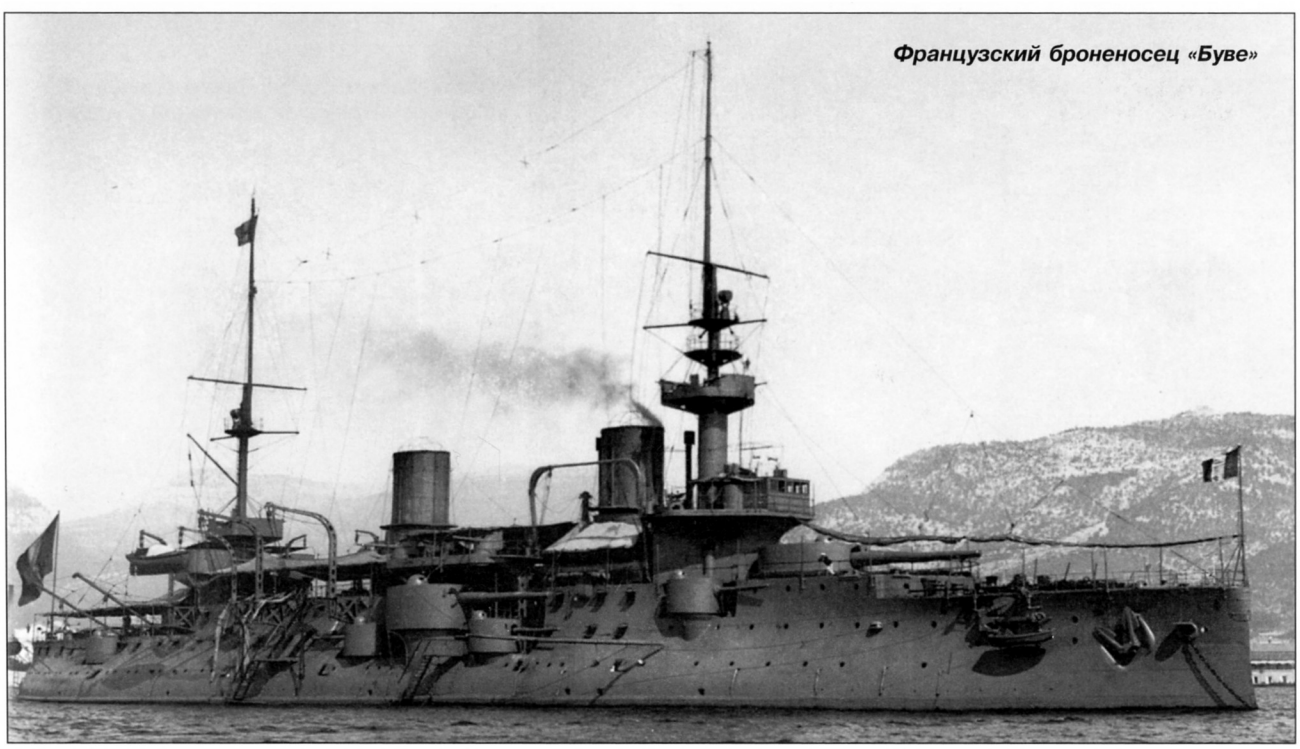


Пожар на линейном крейсере «Инфлексибл»
С картины художника Montague Dawson

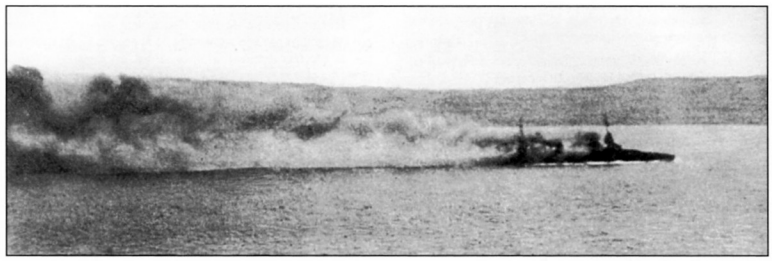
рез несколько минут Вернер повторил, но уже более настойчиво: «Ради бога, потушите огонь, или мы все зажаримся». Наконец старший помощник командира взобрался на фор-марс, обжигая ладони на раскаленном трапе. Вернера и остальных раненых спустили вниз, а капитан 1 ранга Филлимор, видя, что французские броненосцы подходят к фортам, не оставил места в строю, ведя огонь по Хамидие II. Командующий увидел тяжелое положение «Инфлексибла» и приказал ему сменить место. В 13.25 корабль временно отошел, но 14.36 вернулся в боевую линию.

К 14.00 положение на турецких фортах стало критическим, как признает отчет турецкого Генерального штаба. Все телефонные линии были уничтожены, часть орудий разбита, другие просто засыпаны битым щебнем, артиллеристы были деморализованы, что произошло не в первый раз, как мы помним.

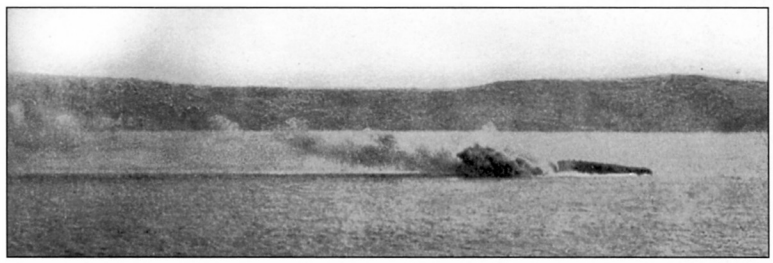
Теперь де Робек приказал французским кораблям отойти, а для прикрытия тральных работ и замены поврежденных французских кораблей командующий вызвал дивизию Садлера. Подошли 4 британских броненосца и двинулись дальше по проливу, чтобы не ос-



Французский броненосец «Буве»



Взрыв и опрокидывание броненосца «Буве»



лаблять давления. Так как дистанция сократилась до 45 кабельтовых, огонь турок стал достаточно эффективным, хотя стрельба велась спорадически.

Французы уже начали отходить, когда случилось первое несчастье. К этому времени «Буве» получил несколько попаданий. На нем была разбита часть казематов, и начались пожары. Вышла из строя носовая башня из-за поломки системы продувки ствола. Как раз в тот момент, когда корабль проходил на траверзе «Куин Элизабет», внезапно над броненосцем поднялся столб черного дыма. Причины гибели броненосца точно не были установлены, так как все видели происшедшее по-своему. В 13.54 отходящий «Буве» получил попадание 356-мм снарядом, который взорвал погреба, хотя это мог быть и подрыв на мине. В любом случае считается, что взорвался погреб правой 274-мм башни. Ежегодник «Джейн-19» даже сообщает, что «Буве» был потоплен торпедой, выпущенной береговым торпедным аппаратом. Когда дым рассеялся, стало видно, что «Буве» имеет большой крен на правый борт. Через 2 минуты он перевернулся и затонул, капитан 1 ранга де ла Туш и 639 человек экипажа погибли, пришедшие на помощь эсминцы спасли только 48 человек. Причем даже в самых последних изданиях эти цифры различаются, особенно количество спасшихся, которое колеблется от 48 до 64 человек.

Капитан Аракаян: «Бой продолжался с неослабной яростью. В полдень французские корабли второй линии прошли сквозь строй первой линии и открыли ужасный огонь. Наши батареи эффективно отвечали. Под их огнем «Буве» начал отходить, потом облако красного и черного дыма поднялось над кораблем. Вероятно, он налетел на мину. Сразу после этого произошел второй, более сильный взрыв. Мы решили, что снаряд с «Меджидие» взорвал погреб. Корабль сразу накренился, и экипаж начал прыгать в воду. Обе стороны прекратили огонь. Эсминцы бросились спасать экипаж».

С «Агамемнона» это выглядело так: «В 13.55 французские корабли начали отходить, и 3-я бригада двинулась им на смену. «Буве» получил снаряд в погреб и затонул в течение 2 минут. Мы не видели никаких взрывов, когда он полным ходом шел вниз по проливу. Он начал все больше крениться на правый борт и наконец перевернулся, затонув кормой вперед. Эсминцы и катера бросились спасать экипаж, но нашли

Французский эскадренный броненосец «Сюффрен» флагман адмирала Геппарта

лишь несколько человек. Они сказали, что взорвался погреб».

Кстати, сам «Агамемнон» к 18 марта за три боя получил 26 попаданий, но самое серьезное имело место 18 марта. Снаряд попал в броню задней 234-мм башни правого борта, и осколок повредил лейнер левого 305-мм орудия кормовой башни. Разбитый кабестан, исковерканный шельтердек и 2 подбитых 76-мм орудия к серьезным повреждениям отнести сложно.

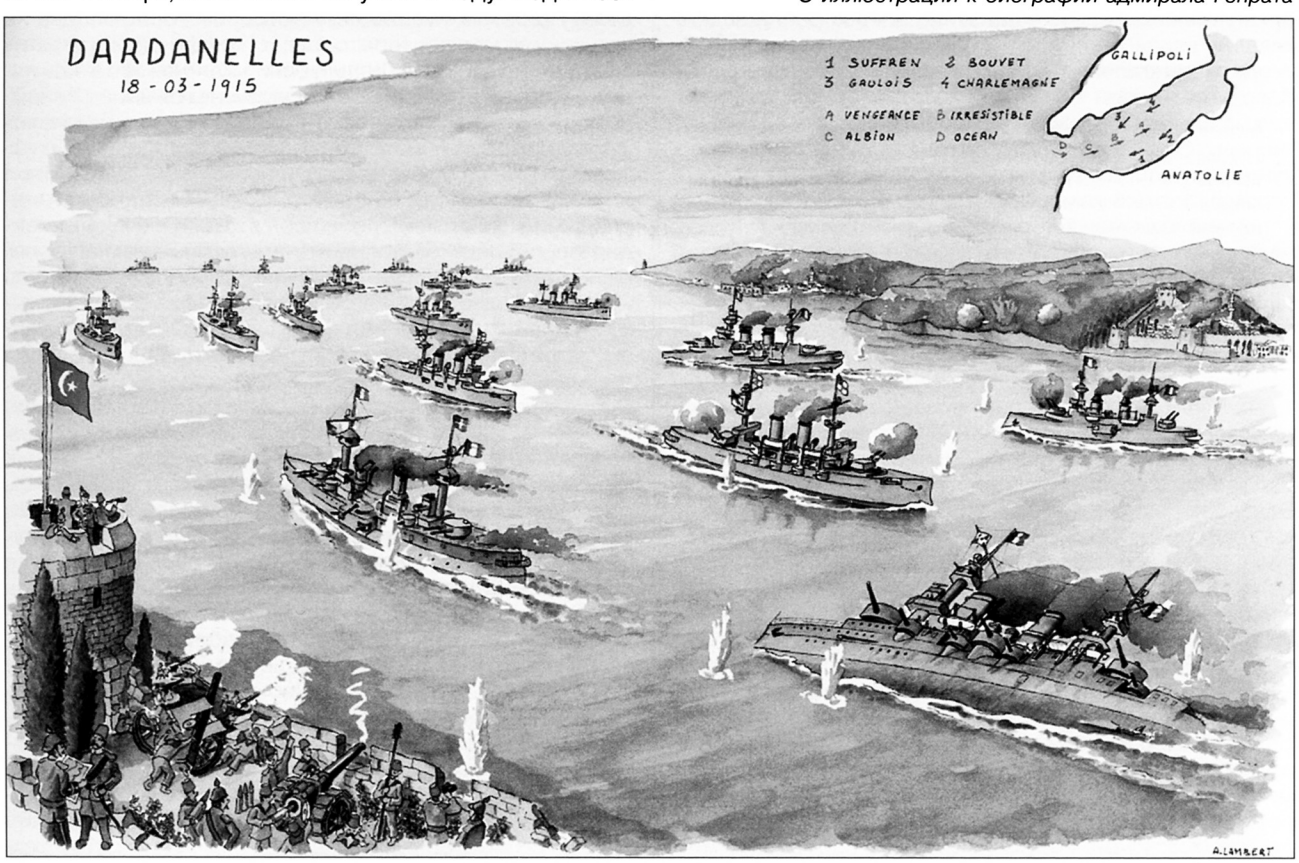
Экипаж «Голуа» имел свой взгляд на происшедшее: «Буве» повернул, чтобы пристроиться в кильватер «Сюффрену», и налетел на мину. Маленький столб пламени и желтого дыма вылетел из 270-мм башни правого борта. Несколько секунд броненосец шел прежним курсом, а потом начал плавно крениться на правый борт, хотя взрывов не было. Механики даже не успели застопорить машины. Мы видели, как он садится глубже и глубже, не теряя скорости. «Буве» перевернулся через правый борт и исчез под водой».

Контр-адмирал Поль Эмиль Амабль Гепрат – командир французского соединения союзной эскадры

Старший артиллерист «Альбиона» капитан 2 ранга Уорсли Гибсон: «Я заметил, что «Буве» кренится на правый борт и сообщил командиру. Пока я говорил, он кренился все сильнее и сильнее, было очевидно, что он получил тяжелые повреждения. Он двигался все еще достаточно быстро и кренился дальше, пока не лег на борт, а его мачты не ушли в воду. Поднялось облако дыма и пара, но взрывов не было, и он перевернулся вверх днищем в несколько секунд. Я увидел нескольких человек, стоящих на днище, а затем все исчезло. Все это заняло две или три минуты самое большее. Я даже не представлял, что корабль может исчезнуть так быстро. Это потрясло всех нас, я сам на несколько мгновений окаменел, но потом постарался отвлечь всех остальных, находящихся со мной на фор-марсе».

«Сюффрен» получил 14 попаданий за 15 минут, хотя большинство из них не нанесли серьезных повреждений, например, 240-мм снаряд, ударивший в броню кормовой башни, просто отскочил от нее. Но еще один такой же снаряд попал в левую среднюю 164-мм башню, срикошетировал от нее и пробил крышу каземата. Взорвавшись внутри, снаряд перебил весь расчет орудия, горящие обломки полетели по элеватору в погреб, но матросы успели затопить его, и взрыв не последовал. Еще один снаряд взорвался слева по носу от броненосца и сделал пробоину в борту. Через нее вода затопила основание носовой башни. Когда «Сюффрен» проходил мимо места гибели «Буве», с него моментально спустили адмиральский катер — единственный уце-

Французские броненосцы в бою 18 марта.
С иллюстрации к биографии адмирала Гепрата



левший! — и он спас нескольких моряков. После этого «Сюффрен» повел поврежденный «Голуа» к месту временной стоянки.

Этот успех вдохнул новые силы в турецких артиллеристов, однако адмирал де Робек был полон решимости не ослаблять напор. «Оушн» под брейд-вымпелом Садлера шел на правом фланге, «Винджженс» — на левом. Между ними находились «Иррезистебл» и «Альбион». Кораблями поддержки являлись «Свифтшур» и «Маджестик», которые сменили «Принс Джорджа» и «Трайэмф». Эти броненосцы подошли к фортам на расстояние 10000 ярдов и в 14.39 открыли огонь.

Средняя артиллерия броненосцев пыталась подавить турецкие батареи, которые вели огонь по шлюпкам, спасавшим экипаж «Буве». Форты вяло отстреливались, только Хамидие I вел интенсивный огонь. Несмотря на помощь самолетов, действительные результаты бомбардировки установить не удалось. Хотя огонь турок был не слишком метким, Хамидие I накрыл «Иррезистебл», и броненосец получил небольшой крен. В ответ на это «Куин Элизабет» начал обстреливать этот форт.

«Из носовой башни доносились шипение и громыханье, когда гильзы поднимались наверх. Затем раздавался металлический лязг, когда снаряд ложился в ствол, затем новое бряканье, когда на место шли полузаряды, и наконец снова громыханье, когда элеватор шел вниз. После этого замок орудия закрывался со стуком и лязгом, ствол ложился горизонтально. Затем с шипеньем он начинал ходить вверх и вниз, нащупывая цель. «Динь-динь-динь», — три раза звенел артиллерийский гонг, и внезапно весь корабль вздрагивал и словно подпрыгивал. Тросы тентов на шельтердеке натягивались и снова ослабевали, все окутывало коричневое облако. Ужасный грохот замирал вдали, слышались раскаты, перемежающиеся шипеньем, пока снаряд вылетал из дула. Через несколько секунд коричневое облако рассеивалось, и я мог видеть огромный столб камней и земли рядом с фортом», — вспоминал мичман Берридж с «Альбиона».

В результате примерно к 16.00 турецкие орудия снова умолкли. Коммодор Роджер Кийз вызвал траулеры... Позднее он признал: «Я не думал, что огонь скрытых гаубиц и полевых батарей станет решающим фактором. Я ошибался. **Страх** перед их огнем стал решающим фактором этого дня».

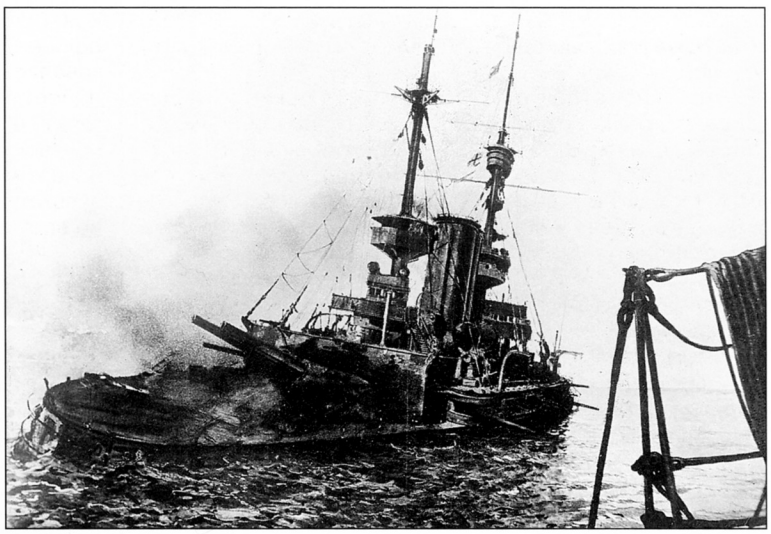
Де Робек приказал своим траулерам расчистить дорогу через минное заграждение у Кефеза, чтобы броненосцы могли завершить уничтожение укреплений Узостей, стреляя в упор. 4 траулера обошли «Куин Элизабет» и двинулись дальше по проливу. Они завели тралы и поймали 3 мины, которые сразу взорвались. Вскоре появились еще несколько мин, плывущих по течению. В 16.05 шлюпка с «Лорда Нельсона» расстреляла одну из них. Но траулеры подвели де Робека так же, как Кардена. Как только рыбаки попали под огонь турецких подвижных батарей, они обрубили тралы и удрали, несмотря на все попытки морских офицеров, находившихся на борту, погасить панику.

Высокомерные британцы дорого заплатили за свое пренебрежение к «оружию слабых», как они называли мину. Немцы создали тральщики специальной постройки и укомплектовали их кадровыми военными моряками. Англичане импровизировали, собирали рыбаков (часто на тральщике только командир являлся офицером военно-морского резерва, вся команда оставалась штатской), использовали в качестве тралов невесть что... Кстати, есть подозрение, что Гранд Флит, несмотря на свое чудовищное превосходство в огневой мощи, вряд ли прорвал бы Центральную минно-артиллерийскую позицию в Финском заливе. Результат этой неподготовленности к борьбе с минами не заставил себя ждать. За первыми двумя несчастьями («Буве» и «Голуа») последовали еще 3 удара, гораздо более болезненные.

В 16.11 «Инфлексибл» подорвался на мине, одной из 26, поставленных турками 8 марта на фарватере возле азиатского берега, считавшимся безопасным. Взрыв произошел в носовой части корпуса с правого борта. В результате были затоплены несколько носовых отсеков и сразу погибли 39 человек. Несчастного Рудольфа Вернера ударило головой о переборку, и он получил новую рану. Линейный крейсер начал садиться носом, он вышел из боевой линии и немедленно направился к острову Тенедос, где в 18.00 стал на якорь на мелководье. Вода прибывала, переборки начали сдавать. Положение корабля, который принял около 2000 тонн воды, стало настолько серьезным, что раненых пересадили на катера и отправили на госпитальное судно «Судан». Линейный крейсер сел носом чуть не до верхней палубы, однако поступление воды удалось остановить, пробоину размером 30 на 26 футов кое-как заделали, и «Инфлексибл» отбуксировали кормой вперед (чтобы не пострадали ослабленные переборки) на Мальту, куда он прибыл 10 апреля. При этом уже рядом с островом корабль едва не утонул, так как в шторм сорвало коффердам, прикрывающий пробоину. Лишь усилия броненосца «Канопус», тащившего подранка, спасли положение. Линейный крейсер провел в сухом доке 6 недель, после чего ушел через Гибралтар в Англию.

А вскоре союзники получили новый удар. В 16.15 под бортом «Иррезистебла», который дрейфовал с застопоренными машинами, произошел взрыв. Сначала командир броненосца подумал, что в корабль попала торпеда, но потом убедился, что и его корабль подорвался на мине. Последствия взрыва оказались очень тяжелыми. Мина взорвалась под правым машинным отделением, которое было затоплено так быстро, что из всей машинной команды лишь 3 человека сумели спастись. Продольная переборка не выдержала, и вскоре было затоплено левое машинное отделение. «Иррезистебл» потерял ход. Он сильно сел кормой и получил крен 7 градусов на правый борт. Турки, видя бедственное положение броненосца, усилили огонь по нему. Эсминец «Виэр» и вооруженная шлюпка пошли на помощь тонущему кораблю. Де Робек, ничего не зная о характере повреждений и степени их тяжести, послал на помощь «Иррезистеблу» броненосец «Оушн» с приказом держаться поблизости. Остальные корабли усилили огонь, чтобы подавить турецкие форты.

Капитан 1 ранга Дент убедился, что «Иррезистебл» спасти не удастся, и приказал команде покинуть корабль. Эсминец «Виэр» снял 28 офицеров и 582 матроса под ураганным огнем вражеских батарей, на «Иррезистебле» остались 10 добровольцев, чтобы попытаться завести буксир на «Оушн». Только в 16.50 «Виэр» со спасенными подошел к флагманскому ко-



Гибель английского линкора «Иррезистебл». Экипаж уже покинул корабль

раблю, и лишь тогда де Робек узнал, что броненосец подорвался на мине. В 17.10 экипаж «Иррезистебла» перебрался на «Куин Элизабет». Эсминец вернулся к «Оушну» с приказом бросить «Иррезистебл», если его не удастся взять на буксир. К этому времени «Оушн» подошел вплотную к «Иррезистеблу», и капитан 1 ранга Дент перешел на «Оушн», чтобы обсудить ситуацию с его капитаном. Крен «Иррезистебла» еще больше увеличился, и положение корабля относительно берега делало заведение буксирных концов исключительно трудным. Кроме того, «Оушн» находился под перекрестным огнем нескольких турецких батарей, поэтому командиры броненосцев решили прекратить попытки спасения «Иррезистебла». В 17.50 броненосец был брошен в 50 кабельтовых от форта Румели. Англичане еще надеялись, что ночью эсминцы сумеют отбуксировать его подальше от турецких берегов.

В этот момент нервы де Робека не выдержали. Район, где маневрировали его корабли, считался протраленным, однако уже три корабля подорвались. Позднее несколько офицеров всерьез заявили, что раз середина пролива была свободна от мин, значит, их вообще не могло быть. Адмирал приказал флоту отходить.

Уже после этого де Робек приказал эсминцу «Виэр» постараться найти «Иррезистебл», а на помощь ему отрядил броненосцы «Оушн» и «Свифтшур». Коммодор Кийз перешел на «Виэр», чтобы лично возглавить операцию. Он обнаружил «Иррезистебл» медленно дрейфующим вдоль берега и передал на «Оушн»: «Адмирал направляет вас взять «Иррезистебл» на буксир». На это командир «Оушна» ответил, что глубина слишком мала, и он не желает посадить свой корабль на мель. Кийз приказал командиру эсминца приготовить торпеды, чтобы добить поврежденный броненосец, иначе тот вылетит на берег и попадет в руки турок. Но перед этим коммодор решил все-таки проверить глубины и повел «Виэр» прямо под огонь турецких батарей. Эсминец не пострадал, и Кийз передал на «Оушн», что глубины составляют около 90 футов и безопасны. Тем временем броненосец лениво гулял вдоль берега, вяло обстреливая турецкие форты. Кийз довольно раздраженно просигналил: «Если вы не намерены брать «Иррезистебл» на буксир, адмирал желает, чтобы вы отходили».

Постепенно положение подорвавшегося броненосца немного стабилизировалось. Он сильно сел кормой, но прекратил погружаться. Кийз решил, что с ним больше ничего не произойдет, и можно будет позднее направить ему на помощь траулеры. Когда он подошел к «Оушну», чтобы повторить приказ уходить, произошло новое несчастье.

В 18.05 «Оушн», отходящий под жарким огнем форта Дарданос и отдельных батарей, подорвался правым бортом на том же заграждении, что и раньше «Иррезистебл», хотя существует предположение, что это была дрейфующая мина, сорвавшаяся с якоря. Угольные ямы правого борта были затоплены, а руль заклинило в положении «лево на борт». Вода поступила в отсек рулевой машины и румпельное отделение, не позволив исправить повреждение. Несмотря на контрзатопление отсеков левого борта, крен на правый борт быстро вырос до 15 градусов, вода начала поступать в машинное отделение правого борта.

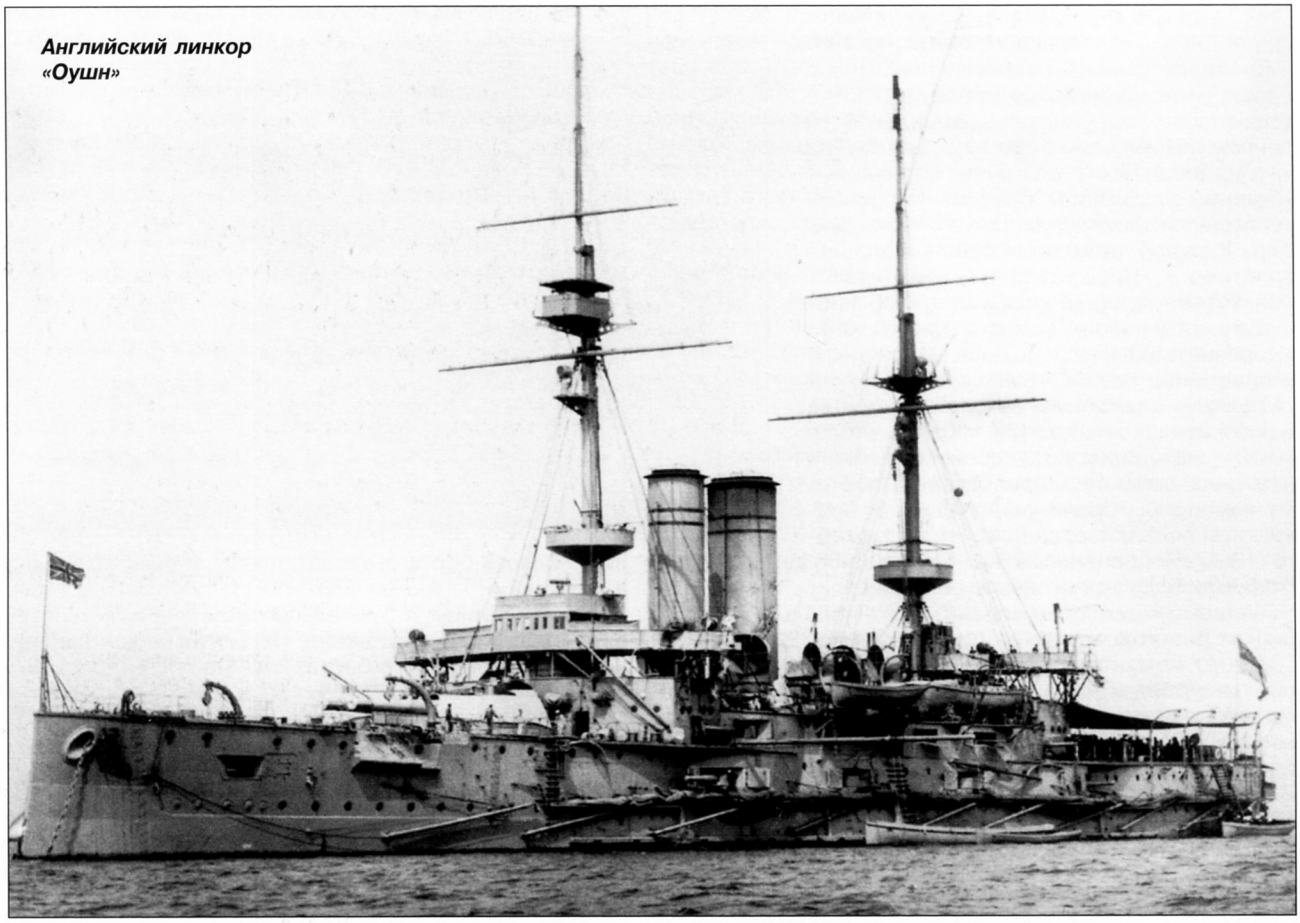
Положение корабля стало критическим, и командир броненосца приказал находящимся поблизости эсминцам «Колн», «Джед» и «Челмер» подойти и снять команду. Несмотря на продолжающийся обстрел, в 19.30 они выполнили это приказание. «Оушн» медленно дрейфовал по течению. До наступления темноты эсминец «Джед» оставался рядом с ним, но когда стало ясно, что броненосец обречен, он ушел. Броненосец сдрейфовал в бухту Морто, где затонул примерно в 22.30. Мичман Бэнкс с «Агамемнона» вспоминает:

«Следом за «Иррезистеблом» несчастливый билет вытянул «Оушн». Мы поняли, что это место заминировано, так как «Оушн» получил сильный крен и поднял сигнал «Терплю бедствие». Эсминцы проделали великолепную работу. Они бросились вперед сквозь шквал снарядов и сняли всю команду... Мы, разумеется, продолжали обстреливать форты № 13 и № 17. Мы израсходовали 58 снарядов калибра 305 мм и 158 лиддитовых и фугасных снарядов калибра 234 мм. На форту № 17 взорвался погреб. «Лиззи» крепко задала Чанаку, всадив в него несколько 381-мм снарядов. «Агги» получил огромную пробоину в трубе, у нее чуть не срезало половину. На палубе надстройки начался пожар.

Бой длился 9 часов и был достаточно долгим. Мы едва не налетели на мину. Ее пронесло всего в 10 ярдах от нашего форштевня».

Кийз прибыл к адмиралу с рассказом о новых несчастьях, и предложил вернуться, чтобы добить оба броненосца. Де Робек разрешил ему, и Кийз снова отправился в пролив, теперь на миноносце «Джед». Несмотря на самые тщательные поиски, он ничего не нашел. О судьбе «Оушна» мы уже говорили, «Иррезистебл», как предполагается, сдрейфовал к Узостям, и там был добит артиллерией форта Дарданос.

Де Робек окончательно пал духом. Он потерял 3 броненосца, 2 броненосца и линейный крейсер были



Английский линкор «Оушн»

тяжело повреждены. Он сказал Кийзу, что завтра его отстранят от командования, но Кийз, который знал Черчилля немного лучше, успокоил адмирала. В конце концов, флот союзников еще был достаточно силен, чтобы на следующий день повторить попытку штурма пролива, ведь обороны пролива больше не существует.

Кийз в своих мемуарах писал: «Исключая прожектора, никаких признаков жизни в Дарданеллах не было. У меня осталось совершенно неизгладимое впечатление, что мы видим разбитого врага. В 14.00 я думал, что он разбит. В 16.00 я знал, что он разбит. В полночь я знал совершенно определенно, что он окончательно разбит. Нам оставалось лишь организовать надлежащее тральное соединение и принять некоторые меры против дрейфующих мин, чтобы пожать плоды наших усилий. Я чувствовал, что орудия фортов и батарей, укрытые гаубицы и полевые орудия больше не представляют угрозы». Де Робека заразил этот энтузиазм, и он решил повторить попытку.

* * *

Наверное, именно после этих слов Кийза пошел гулять по свету рассказ о том, что союзники были на волосок от решительной победы. Действительно, как не верить герою штурма Остенде и Зеебрюгге?! Под обаяние его личности попали даже некоторые немецкие офицеры. Но тщательное изучение ситуации, особенно с привлечением турецких источников, заставляет в этом усомниться.

Следует учитывать, что сами форты пострадали гораздо меньше, чем думали англичане. Было разбито лишь несколько орудий, а перерывы в стрельбе возникали потому, что прислуге приходилось чистить орудийные механизмы, которые забивали песок и пыль от близких разрывов. При этом союзникам еще предстояло прорвать 5 линий минного заграждения до залива Сари-Сиглар и еще 5 линий возле Нагары.

Результаты всех обстрелов, начиная с 3 ноября, свелись к следующему:

1. Батареи, прикрывающие вход в пролив (Оркание, Кум-Кале, Седд-уль-Бахр, Хеллес), подавлены, однако их бетонные сооружения представляют хорошее укрытие для пехоты.

2. К югу от Эрен-Кёя и Суан-Дере новые батареи мало пострадали.

3. В район закрытых батарей Эрен-Кёй попало несколько тысяч снарядов, однако они не были подавлены.

4. Форт Дарданос пострадал еще меньше. Его орудия остались в полной исправности.

5. В Чанаке 18 марта в главный форт Хамидие I попало 36 тяжелых снарядов, разбито 1 орудие. Форт сохранил боеспособность. На форте Хамидие II подбиты оба 356-мм орудия, на форте Намазие подбито одно — 210-мм орудие.

6. Батареи Килид-Бара почти не пострадали.

7. Подвижные батареи, прикрывающие минные заграждения, не пострадали.

356-мм орудие Крупа обр 1885 г. в Турецком военном музее

В целом за весь день 18 марта у турок были выведены из строя несколько орудий, но из них лишь 4 были уничтожены. Остальные можно было отремонтировать. На фортах и батареях были убиты 40 человек, а 74 ранены. Вообще-то есть прекрасный пример «меткости» союзников. По форту Дарданос были выпущены в общей сложности около 4000 снарядов, из которых в цель попали только 3, но при этом ни одно из турецких орудий не пострадало.

Возможно, союзников ввела в заблуждение та легкость, с которой они разделались в фортами на входе в пролив. Но дело в том, что турки и не собирались там особо сопротивляться! Еще в сентябре 1914 года полковник Джеват, комендант укрепленной зоны Дарданелл, представил доклад Генеральному штабу в Константинополе касательно перспектив обороны пролива. Документ был потрясающим! Вариант, описывающий попытку прорыва силами одного только флота, в точности соответствовал плану союзников, принятому четыре месяца спустя. Правда, этот план был настолько очевидным, что измыслить что-либо иное было крайне трудно. Но при этом Джеват-паша не верил, что союзники пойдут на подобный риск. Он полагал, что главную линию обороны следует создать в Узостях, опираясь на Чанак-Кале и Килид-Бахр.

В октябре 1914 года была создана специальная комиссия во главе с немецким вице-адмиралом Мертеном, которая должна была подготовить детальные планы обороны Дарданелл. Эта комиссия в целом подтвердила выводы Джеват-паши. По мнению турецкого Генерального штаба, укрепления на входе в пролив (Эртогрул, Седд-уль-Бахр, Орхание, Кум-Кале) не сумеют оказать особого сопротивления из-за своего уязвимого положение и небольшой дальнобойности орудий. Когда Мертена сменил спешно вызванный из отставки адмирал Узедом, которому была поручена оборона проливов, он принял рискованное решение. Почти все тяжелые снаряды с батарей Босфора были отправлены в Дарданеллы, Узедом также решил, что оборонять следует Узости.

Нищета турецкого флота не позволила поставить там более 400 мин, но кто же знал, что англичане окажутся в принципе не готовы с ними бороться? Минные заграждения прикрывались гаубицами калибра 150 и 120 мм, которые были тщательно замаскированы в складках местности. Были созданы фальшивые батареи, изображавшие выстрелы зарядами дымного пороха специально, чтобы привлекать внимание союзников. Хотя эти батареи не могли потопить броненосец, они могли нанести ему серьезные повреждения, что доказывает пример «Маджестика» 26 февраля. Два снаряда, разорвавшиеся в воде рядом с кораблем, вызвали серьезные течи, причем в это время броненосец обстреливал как раз ложные батареи.

Одним из аргументов в пользу союзников является то, что, несмотря на все усилия, турки к 19 марта почти израсходовали боезапасы. Но, как мы уже указывали, за весь предыдущий период интенсивная стрельба велась только два дня, все остальное время батареи скорее изображали активность, чем реально стреляли. И все-таки на батареях Узостей к 18 марта оставалось 267 снарядов **новых** образцов для пушек калибра от 240 до 356 мм и 1063 снаряда для средних орудий. Однако к ним следует добавить 3265 снарядов старого образца. При этом во время «интенсивной» дуэли 18 марта турки выпустили всего 444 снаряда. Вспомните, при отражении попыток траления расходовалось и побольше. То есть таким темпом турки могли стрелять еще девять дней.

И не следует с пренебрежением относиться к старым снарядам и старым пушкам. Вспомните, что сделали столь же старые орудия норвежской крепости Оскарборг в 1940 году с новейшими немецкими кораблями. Да, броненосец «Маджестик», пожалуй, лучше тяжелого крейсера «Блюхер» перенесет попадание 280-мм снаряда в упор, но и ему придется несладко. Кстати, у турок на сей счет имеется свой прекрасный миф. Посещавшие турецкие курорты могли прилететь в аэропорт «Коджа Сейит» в городе Эдремит, но знают ли они, в честь кого он назван? Это один из героев 18 марта капрал Коджа Сейит, который обслуживал 240-мм орудие на одном из фортов. Тяжело раненный, он в одиночку дотащил снаряд к орудию, который весит, между прочим, более 200 кг*, зарядил его и выстрелил, потопив броненосец союзников. В патриотическом турецком мультфильме, посвященном этому событию, тонет нечто дредноутообразное (4 башни главного калибра) с четкой надписью на корме — «Оушн».

Более того, как выясняется, мобильными у турок были не только легкие орудия, но и тяжелые. Если верить дневнику майора Селахатдина Адиля, 16 марта турки ухитрились даже перетащить 355-мм пушку с форта Чеменлик на форт Анадолу-Хамидие (Хамидие I). Остальные пушки Чеменлика были разобраны на запчасти, насколько это было возможно. Поэтому союзники, продолжавшие обстрел форта 18 марта, тратили снаряды впустую.

В общем, если подвести итоги, выяснится, что 18 марта турки потеряли только 15 процентов своей тяжелой артиллерии. О расходе крупных снарядов мы уже писали. Гаубичные батареи практически не пострадали, они выпустили 1465 снарядов и еще имели резерв 4065 снарядов. Ну и, разумеется, оставались мины, бороться с которыми союзники не умели. В це-

---

* Все же снаряды к крупповским 240-мм орудиям 1880-1890-х весили ощутимо меньше 200 кг — AP L/2.6 C/01 — 308.6 lbs. (140 kg). Учитывая то, что профессиональные грузчики тех лет могли на короткое время тащить 9-10 пудов — вполне возможно что миф имеет вполне реальную основу. *Прим. ред.*

Бой 18 марта. *Диорама в Музее Кемаля Ататюрка*

лом мнение коммодора Кийза выглядит чрезмерно оптимистичным. В то же самое время следует быть осторожным в оценках и избегать категорических оценок. Поэтому на вопрос: «А могли англичане прорваться через Дарданеллы 19 марта?» — самым точным ответом будет: «Скорее нет, чем да».

Но при всем при том за британским флотом стояли многовековые победные традиции, поэтому он не мог просто так отказаться от операции, пусть даже ее ход складывался не совсем так, как предполагалось. Адмиралтейство известило его, что броненосцы «Куин» и «Имплейкебл» уже подходят к Мальте, а из Ла-Манша отправлены «Лондон» и «Принс оф Уэлс» из состава 5-й эскадры линкоров. Командование этим отрядом было поручено контр-адмиралу Никольсону, командиру 6-й эскадры линкоров, так как 5-й эскадрой командовал вице-адмирал Беттел, который имел старшинство перед вице-адмиралом де Робеком. После этих событий Флот Ла-Манша просто перестал существовать! Французы отправили из Суэца в распоряжение адмирала Гепратта броненосец «Анри IV». Военный совет передал де Робеку приказ продолжать операцию в Дарданеллах, как только все будет готово.

Как теперь понял де Робек, не форты преграждают путь через проливы. Реальным препятствием были мины! Если их вытралить, флот союзников пройдет к Константинополю так же легко, как это сделал Дакуорт в 1807 году. Получив успокаивающее известие, что к нему идут еще 5 броненосцев, командование союзников занялось организаций тральных партий. Коммодор Кийз решил привлечь для этого миноносцы, оснастив их тралами. От использования траулеров не отказались, но рыбаков на них заменили добровольцами из команд погибших броненосцев. 20 марта де Робек сообщил Адмиралтейству, что вскоре будут готовы 50 английских и 12 французских тральщиков, он надеется возобновить операцию через 3 или 4 дня.

Однако одновременно на де Робека начали давить с другой стороны. Еще 15 марта, сразу после отставки Кардена, Военный совет начал склоняться к использованию сухопутных сил. 18 марта во время атаки Узостей генералы Гамильтон и д'Амад на легком крейсере «Фаэтон» обследовали побережье полуострова, чтобы определить места высадки. Фишер выступал категорически против, зато Черчилль настаивал, что следует нанести смертельный удар в мягкое подбрюшье Германии через Дарданеллы. Это не только выведет Турцию из войны, но и ликвидирует угрозу Суэцкому каналу, завершит кампании в Месопотамии и на Кавказе, откроет короткий путь подвоза жизненно не-

обходимых материалов в Россию. Даже упрямого Китченера заразил этот энтузиазм, и он согласился использовать Австралийский и новозеландский корпус (Анзак), Морскую дивизию и 29-ю дивизию. Вместе с французскими войсками это составляло 81000 человек, которые собирались на Лемносе под командованием генерала сэра Яна Гамильтона.

Задним умом крепки все. Позднее, во время парламентского расследования по итогам Дарданелльской катастрофы, Черчилль заявил, что, если бы он заранее знал, что потребуется высадка примерно 100000 солдат, то ни в коем случае не начал бы операцию. А пока англичане начали собирать силы для предстоящего удара.

22 марта все старшие командиры союзников собрались на борту линкора «Куин Элизабет» для совещания. Де Робек, который к этому времени успел поменять свое мнение, сообщил, что ему стало совершенно ясно: флот не сможет прорваться через проливы без помощи армии. Гамильтон был с этим совершенно согласен, он еще 19 марта телеграфировал Китченеру: «Крайне неохотно, но я пришел к выводу, что линкоры не смогут прорваться через Проливы. Если мои войска будут участвовать, не следует ждать, что им будет отведена вспомогательная роль. Армия будет не просто высаживать десанты, чтобы уничтожать разрушенные форты. Нам придется провести спланированную операцию крупными силами, чтобы открыть дорогу флоту». Китченер, который совсем недавно был против любых операций на полуострове Галлиполи, согласился.

Кийз, который занимался реорганизацией тральных сил, на этом совещании отсутствовал, и когда узнал о его результатах, был ошарашен и разочарован. Он бросился к де Робеку и стал его упрашивать не терять времени. Новые тральщики будут готовы 3 или 4 апреля, они уничтожат все мины, и флот прорвется в Мраморное море без особого труда. Если же начать собирать войска, это даст туркам время хорошо укрепиться. Но де Робек был непоколебим: он намерен ждать, пока Гамильтон соберет войска. В 1934 году адмирал флота сэр Роджер Кийз напишет: «Я не сомневался тогда и не сомневаюсь сейчас, и ничто не поколеблет мое мнение, начиная с 4 апреля, флот мог форсировать Проливы с потерями ничтожными по сравнению с теми, что понесла армия, чтобы войти в Мраморное море. Эта операция могла привести к немедленной и решительной победе во всей войне».

23 марта состоялось новое совещание, на котором де Робек заявил, что следует подождать до 14 апреля, чтобы начать десантную операцию. Гамильтон подтвердил, что армия будет готова к этому времени. Но в Адмиралтействе Черчилль, узнав об этом, пришел в ужас. Он полагал, что атака 18 марта начинает операцию, а не заканчивает ее. Он подготовил телеграмму де Робеку, которая аннулировала решение совещания 22 марта. Однако перед тем, как ее отправить, Черчилль собрал Совет Адмиралтейства, в том числе и Фишера, чтобы получить одобрение. Адмиралы тоже хотели продолжения наступления, но решили, что командиру на месте виднее.

Во второй половине дня Черчилль отправился на заседание правительства, чтобы сообщить о прекращении чисто морской операции в Дарданеллах. Он опасался, что в результате будет отменено все это предприятие в целом. Однако в пользу десантной операции на Галлиполи высказался Китченер, и никто не решился с ним спорить.

Самое интересное, что турки всерьез опасались продолжения флотской операции. Правительство уже приготовилось к бегству из Константинополя, на азиатском берегу Босфора постоянно дежурили автомобили, чтобы увезти министров и военных. Не факт, что Турция немедленно вышла бы из войны, однако проблемы появились бы крайне серьезные.

Но история не знает сослагательного наклонения. Англичане сделали шаг в пропасть, затеяв кровавую и самую безнадежную кампанию всей войны.

Галлиполи — кровавые берега

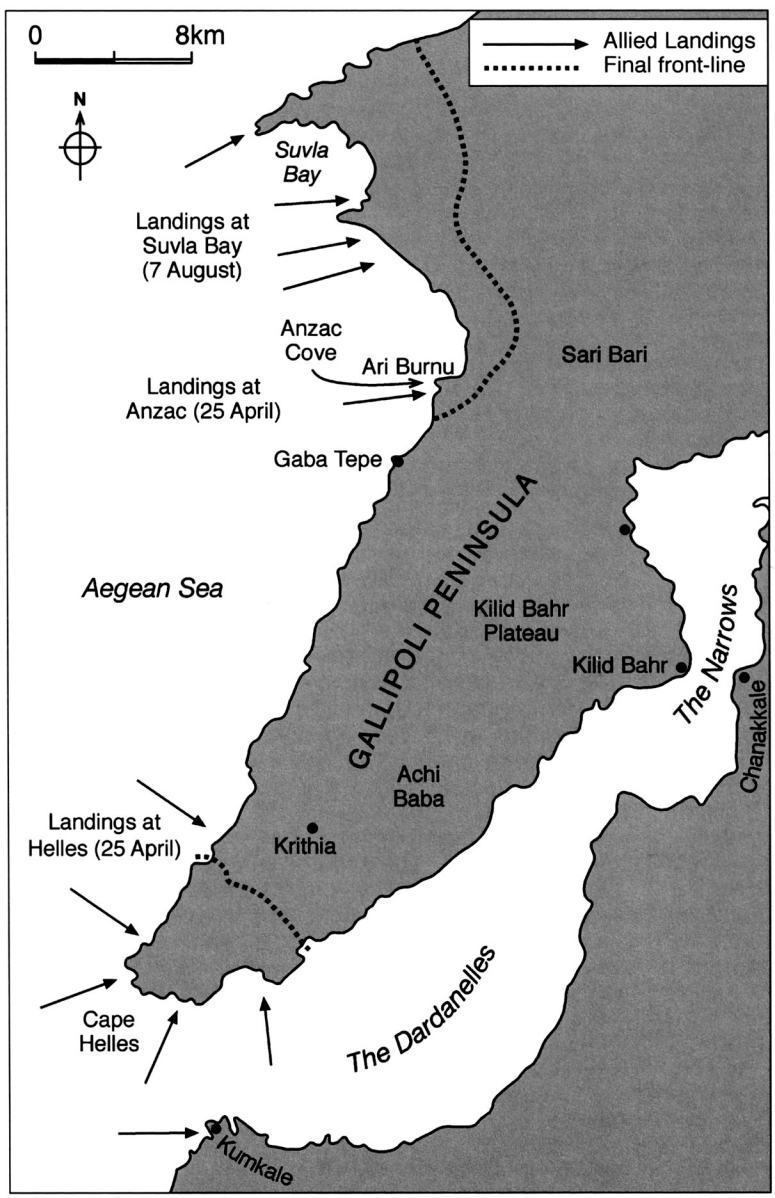
После неудачи 18 марта британское верховное командование решило попытаться взять проливы с суши. Адмиралтейство по-прежнему считало, что сухопутные войска следует ввести в дело только после того, как флот прорвется в Мраморное море, однако взяла верх иная точка зрения. На что рассчитывали английские генералы — сказать трудно. Война на Западном фронте давно приняла позиционный характер. Почему они предполагали, что им удастся пройти по Дарданелльскому полуострову форсированным маршем, так и осталось загадкой. Ведь не составляло секрета, что гористая дикая местность ничуть не напоминает ухоженные дороги Западной Европы. Турки давно сосредоточили на полуострове значительные силы, и шансов на стремительное наступление не было абсолютно никаких. И все-таки роковое решение было принято.

26 марта адмирал де Робек телеграфировал в Лондон: «Без сомнения, попытка 18 марта не была решающей. 22 марта я имел встречу с генералом Гамильтоном, который изложил мне свой план. Я его целиком одобряю. Для достижения положительных результатов и цели операции необходимы совместные действия армии и флота».

В Лондоне состоялось довольно бурное заседание Военного совета. Черчилль ратовал за продолжение морской атаки, однако этому неожиданно воспротивилось Адмиралтейство, которое решило целиком положиться на мнение командира, находящегося на месте событий. Была зачитана телеграмма генерала Гамильтона, который утверждал, что флот не сумеет самостоятельно форсировать Дарданеллы. Совет согласился с его мнением. Главной целью высадки был захват в первый же день горы Ачи-Баба, господствовавшей над полуостровом Галлиполи и проливом. После этого предполагался короткий бросок на плато Килид-Бахр, с которого можно было контролировать все форты европейского берега пролива. Следующим шагом было уничтожение фортов и батарей азиатского берега, что открывало дорогу флоту в Мраморное море. Захватывать Константинополь англичане не собирались, несмотря на громкие заявления кое-кого из адмиралов. Именно потому, что были поставлены ограниченные цели, военное министерство выделило ограниченные силы. Но никто и предположить не мог, во что в конечном итоге превратится эта небольшая тактическая операция.

Командование армии и флота решило начать подготовку десанта, хотя это означало задержку, по крайней мере, до 15 апреля. Прежде всего следовало отправить корабли в Александрию пополнить запасы, ведь никто не думал, что придется проводить десантную операцию. Задержка была столь же фатальной, как и перерыв между первой бомбардировкой в ноябре и февральской попыткой Кардена форсировать проливы.

Лиман фон Сандерс писал: «Если бы неприятель высадился немного ранее, кто знает, чем бы закончилось дело. Но ко времени высадки все передовые части успели занять прекрасно оборудованные окопы в наиболее важных в тактическом отношении пунктах побережья. Позади них стояли резервы, готовые отражать наступление до прибытия главных сил».



Все высадки десантов союзников

Интересно, что в это время турки главной опасностью считали повтор попытки прорыва через пролив. 6 апреля было решено снять с броненосцев четыре 105-мм орудия и установить на берегу. А 11 апреля были предложены еще более радикальные меры — снять с обоих кораблей средние башни и установить их на восточном берегу полуострова Галлиполи. Правда, нет никаких документов, подтверждающих это. Правда, в 1936 году с давно неподвижного броненосца «Тургут Рейс» сняли-таки две башни и поставили их на азиатском берегу пролива.

Флот де Робека получил дополнительные подкрепления, хотя вопрос прорыва через Дарданеллы отпал. Он теперь состоял из 1 линкора, 17 броненосцев, 12 крейсеров, 29 эсминцев, 12 подводных лодок.

Возвышенность Ачи-Баба – господствующая высота над проливом

Флагманский корабль ЛК «Куин Элизабет»
1-я эскадра: броненосцы «Свифтшур», «Альбион», «Лорд Нельсон», «Имплейкебл», «Винджженс», «Принс Джордж», «Голиаф», «Корнуоллис»;
броненосный крейсер «Юриалес», крейсера «Минерва», «Талбот»;
6 траулеров.
2-я эскадра: броненосцы «Куин», «Лондон», «Принс оф Уэлс», «Трайэмф», «Маджестик»;
броненосный крейсер «Бекчент», база ПЛ «Адамант», гидроавианосец «Арк Ройял»;
8 эсминцев, 4 траулера.
3-я эскадра: броненосец «Канопус»;
легкие крейсера «Дартмут», «Дублин»;
2 эсминца, 2 траулера.
4-я эскадра: крейсера «Сапфир», «Аметист»;
12 траулеров.
5-я эскадра: броненосец «Агамемнон»;
10 эсминцев, 5 траулеров.
6-я эскадра: броненосцы «Жоригиберри», «Анри IV», «Шарлемань»;
броненосные крейсера «Латуш-Тревиль», «Жанна д'Арк», крейсер «Аскольд»;
12 эсминцев.
7-я эскадра: 4 эсминца (блокирует Смирну).

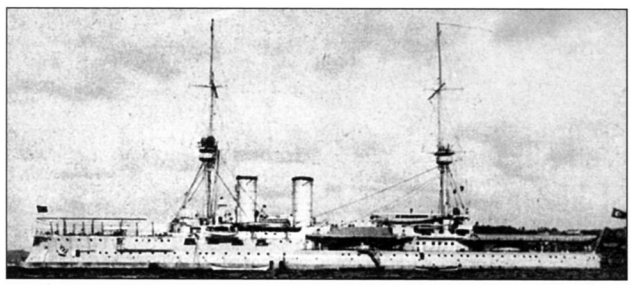
Пока шла подготовка, продолжались обстрелы турецких позиций. Идиллическую картину, слабо напоминающую войну, рисуют воспоминания одного из офицеров броненосца «Лондон»:

«В 8.00 сыграли боевую тревогу, и мы вошли в Дарданеллы. Впереди нас шли эсминцы и тральщики, а за нами в кильватер — «Принс оф Уэлс». Форты на европейском берегу сразу открыли огонь по маленьким судам и добились нескольких попаданий. Мы ответили из 152-мм орудий левого борта, и они прекратили огонь. Нам показалось, что маяк на мысе Хеллес используется этими фортами в качестве наблюдательного пункта, и мы уделили ему немного внимания. Мы обстреляли его из 152-мм орудий, добились нескольких попаданий, но не сумели разрушить башню. На сей раз турки набрались мужества, и скрытые на южном берегу батареи обстреляли нас. С северного берега стреляли гаубичные батареи. Именно они добились единственного попадания. Снаряд попал в привальный брус примерно в 10 футах позади каземата Y3, но не взорвался. Так как он падал под большим углом, то не пробил борт. Появился один из наших аэропланов и начал корректировать наш огонь. В результате мы накрыли одну из азиатских батарей, и она быстро прекратила огонь. Мы также прекратили огонь и немного отошли к выходу из пролива. Команда была отправлена обедать повахтенно.

К концу обеда на северном берегу противник начал проявлять признаки активности. Две 12-фунтовки левого борта с собранными наспех расчетами открыли по нему огонь. Стрельба была исключительно точной, и всякое шевеление прекратилось. После обеда мы снова разошлись по боевым постам и приготовились нанести решительный удар по маяку.

Приблизившись на расстояние 2000 ярдов, мы открыли огонь из носовой башни. Первые 2 попытки выстрелить завершились осечками. Но с третьего раза башня открыла огонь. Уже второй снаряд попал прямо в маяк. Аэроплан улетел на базу за бензином, поэтому

Эскадренный броненосец «Лондон»



Турецкий эскадренный броненосец «Тургут Рейс»

до вечера мы вели только спорадический огонь из 152-мм орудий. В 18.00 сыграли отбой, и мы отправились спать».

Турки не слишком противодействовали этим обстрелам, хотя пару раз броненосец «Тургут Рейс» стрелял по английским броненосцам. Однако делал он это очень осторожно, перекидным огнем через полуостров. Например, 12 апреля он выпустил по «Лорду Нельсону» и «Маджестику» целых 5 снарядов. 14 апреля броненосец сделал уже 7 выстрелов.

* * *

Сегодня с учетом всего, что нам известно, мы можем смело утверждать — эта операция изначально была обречена на провал. **Теоретически** высадка десанта на полуостров Галлиполи могла увенчаться успехом, но когда за это дело **практически** взялась британская армия, все закончилось даже не успев начаться. Британские генералы и офицеры в полной мере продемонстрировали свою некомпетентность. Высадка была подготовлена так отвратительно, что остается удивляться тому, что англичане вообще сумели добиться хоть чего-то, а не были утоплены в Эгейском море в первый же день операции. За это им следует благодарить турок, которые тоже мало что умели делать.

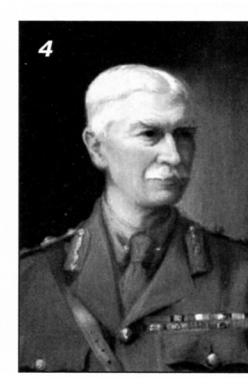
Итак, в распоряжении генерала Гамильтона имелись 5 дивизий: 29-я пехотная (генерал-лейтенант Хантер-Уэстон, 17600 человек), Морская дивизия (генерал-майор Пэрис, 10000 человек), 1-я австралийская (генерал-майор Бриджес), Новозеландская и австралийская (генерал-майор Годли, весь корпус Анзак 30500 человек), французский Восточный экспедиционный корпус (генерал д'Амад, 16700 человек). Здесь следует сделать небольшую оговорку. 1-й дивизией Восточного экспедиционного корпуса командовал генерал Масну, однако во всех книгах пишется только про генерала д'Амада. Похоже, командир корпуса оттер в сторону командира дивизии, чтобы отличиться самому.

Лучше всего британских генералов характеризует один пример. Генерал-майор сэр Александер Годли обратился к собственным солдатам новозеландской бригады, как к «сборищу дряхлых, рвущихся домой, вшивых и богохульных обожравшихся вороньих пугал». Однако из всех этих частей лишь французская дивизия и английская морская пехота являлись полностью боеспособными опытными соединениями. Остальные или еще формировались, или не имели никакого боевого опыта, вроде территориальной дивизии.

Им противостоял турецкий III корпус генерала Эсат-паши, который, однако, был равномерно «размазан» по всему полуострову. В его составе числились 7-я (полковник Ахмет Ремзи), 9-я (полковник Халил Сами),

Штаб III турецкого корпуса. 1915 г.

1. Генерал-майор Уильям Бриджес, командир 1-й Австралийской дивизии. Скончался от раны 18 мая 1915 г.
2. Генерал-майор (на портрете уже генерал-лейтенант) Александер Годли. Командир «сборища дряхлых, рвущихся домой, вшивых и богохульных обожравшихся вороньих пугал», то есть Новозеландской и Австралийской дивизией.
3. Генерал-майор Эйлмер Хантер-Уэстон, командир 29-й пехотной дивизии.
4. Генерал-майор Арчибальд Пэрис, командир Морской дивизии.
5. Генерал Альбер Жерар Лео д'Амад, командир французского Восточного экспедиционного корпуса



и 19-я (подполковник Мустафа Кемаль) пехотные дивизии. Неподготовленность турецких частей уравнивала шансы, но ведь обороняться всегда легче, чем наступать. При этом реально англичане могли столкнуться лишь с частями 9-й дивизии, расквартированной от Майдоса до мыса Хеллес, то есть они обладали значительным превосходством в силах. 7-я дивизия находилась на перешейке Булаир, который считался наиболее вероятным местом высадки, а 19-я дивизия — возле бухты Сувла. Бездорожье Галлиполи мешало не только наступать, но и перебрасывать подкрепления.

Как оказалось, англичане затеяли высадку стратегического десанта, совершенно ничего не зная ни о противнике, ни о территории, где им предстояло действовать. Не были известны силы турок, не имелось даже примитивных карт полуострова. Хотя нет, одна карта все-таки была, ее составили французы в 1854 году во время Крымской войны. Более того, адмирал де Робек, проведя месяц перед Галлиполи, так и не удосужился провести разведку берегов, чтобы определить наиболее подходящие места для высадки. Не были даже промерены глубины! Впрочем, чего еще можно было ждать, если высадка такого масштаба готовилась, что называется, на коленке, буквально за пару недель? За отсутствием специальных высадочных средств англичане бросились судорожно скупать все подвернувшиеся траулеры, каики и прочую дребедень по всему Восточному Средиземноморью. Например, за один день в Пирее британские офицеры купили 42 лихтера и 5 буксиров. Представляете, какие были цены? Владычице морей явно не хватало «эльпидифоров», которые Черноморский флот готовил для высадки на Босфоре.

Генерал-майор Бюлькат Мехмет Эсат-паша командующий IIIм турецким корпусом. Фото 1918 г. Обратите внимание на знак Оттоманской военной медали (Галиполийская звезда)

Мустафа Кемаль-паша (будущий президент Турции и маршал Ататюрк) в начале 1915 года подполковник, командир 19-й пехотной дивизии

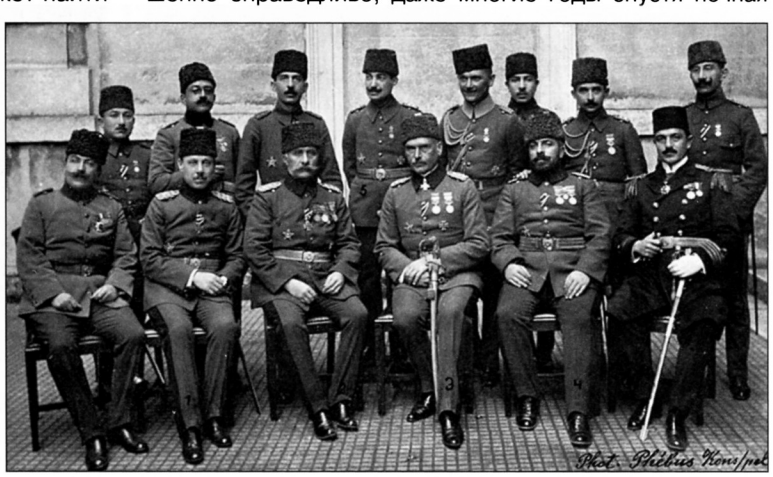
Та же самая судорожная спешка сказалась и в другом: когда 29-я дивизия на 22 транспортах прибыла в Мудрос, выяснилось, что никто ничего не может найти в трюмах, так как пулеметы, боеприпасы, палатки, продукты были свалены туда вперемешку. Поэтому пришлось разгружать все транспорты, сортировать имущество и грузить обратно. Вот так готовилась эта операция.

Дальше — больше. Выяснилось, что флот и армия в этой операции действуют совершенно самостоятельно, адмирал де Робек и генерал Гамильтон могли лишь советоваться и договариваться между собой, единого командующего не имелось. Мало того, Гамильтон ухитрился полностью разрушить цепь командования даже внутри своей армии, взорвав один из важнейших принципов построения любой армии — единоначалие. После провального первого дня высадки он оправдывался тем, что согласно плану операции его роль ограничивалась общим планированием, а командовать боем должны были командиры дивизий. Командующий армией не имеет права приказать собственному командиру дивизии?! Но этот бардак был вполне логично распространен до самого нижнего звена, каждый командир батальона и роты вел себя как удельный князек, принципиально не замечающий соседа.

Британским генералам просто не хватало умения и желания побеждать. Так как их противниками были энергичные командиры вроде Лимана фон Сандерса и Мустафы Кемаля, не удивительно, что дуэль командиров союзники проиграли с треском. Если бы в распоряжении турецкого командования имелись еще и хорошие войска, высадка вообще кончилась бы катастрофой.

Дело еще более осложнял «австралийский сепаратизм». Правительство Австралии потребовало, чтобы войска Анзака действовали самостоятельно. Не больше и не меньше. Положение усугубляло то, что Гамильтон и де Робек действовали самостоятельно. Единого командующего операция не имела.

7 апреля командующий десантным корпусом генерал сэр Иен Гамильтон покинул Египет и прибыл на остров Лемнос. Здесь он провел совещание с де Робеком и командующим французскими силами генералом д'Амадом, на котором был окончательно принят план операции. Вот и посмотрим, что намеревался делать полководец Гамильтон. Первые споры разгорелись относительно времени высадки. Гамильтон считал, что десант следует высаживать в темноте, хотя при этом десантники лишались поддержки корабельной артиллерии. Моряки возражали совершенно справедливо, даже многие годы спустя ночная



Командир 5-й Турецкой Армии Лиман фон Сандерс с турецкими офицерами

высадка оставалась исключительно сложным и рискованным предприятием. При высадке днем транспорты с войсками и тяжелой артиллерией могли попасть под огонь вражеских батарей. Поэтому было принято компромиссное решение — высадить на рассвете авангард, а резервы и артиллерию высаживать уже после захвата плацдармов. Не будем слишком жестко критиковать де Робека и Гамильтона за то, что они не учли опыт операции «Оверлорд», до которой было еще 30 лет. Но вот то, что они легким движением руки отбрасывали в сторону опыт Западного фронта, уже заслуживает самого сурового осуждения. Например, при наступлении в Шампани (февраль — март 1915 года) французы вели трехдневную артиллерийскую подготовку, стараясь уничтожить проволочные заграждения и разрушить хотя бы первую линию германской обороны. При этом сосредотачивалось до 70 орудий на километр фронта. Гамильтон намеревался бросить своих десантников на практически нетронутую оборону турок после примерно 40 минут стрельбы наугад, причем почти на всех участках десант поддерживал один броненосец. Напомним, что его бортовой залп составлял 4 тяжелых, 6 средних и 6 легких орудий. Просуммировать эти цифры читатель сможет сам.

Неадекватность артподготовки лучше всего характеризуют выписки из бортжурнала американского линкора «Теннесси», который участвовал во всех десантных операциях на Тихом океане в годы Второй мировой войны. Мы уже не говорим о том, какую роль играла авиация, просто оцените цифры. В ходе каждой операции линкор практически полностью расстреливал весь свой боекомплект.

Операция	356-мм	127-мм
Кыска	111	590
Тарава	584	1631
Квадженллейн	783	2547
Эниветок	960	1577
Сайпан	967	5314
Гуам	300	2732
Тиниан	822	3466
Иводзима	1370	6380
Окинава	1490	12275

Между тем линкор «Куин Элизабет» в день высадки десанта израсходовал всего лишь 9 снарядов 381 мм и 370 снарядов 152 мм. Разницу заметить можно без труда.

План операции отличала излишняя переусложненность. Гамильтон решил высадить войска сразу на 7 участках, что само по себе было бы не страшно, вспомните тот же «Оверлорд». Беда заключалась в другом — 4 из 7 высадок были диверсионными, а вдобавок была затеяна крупномасштабная демонстрация в заливе Сарос, которая отвлекла еще часть сил. Вот так командующий раздробил свои силы и лишился резервов на случай какой-либо случайности. Итак, планировались высадки английских войск на участках вокруг южной оконечности полуострова, которые получили обозначения S, V, W, X, Y, Z. Хорошо еще английский алфавит короткий! Французы высаживались на азиатском берегу пролива в Кум-Кале.

25 апреля флот адмирала де Робека высадил первые 29000 человек на 5 плацдармах вокруг мыса Хелл

Начало высадки 25 апреля 1915 г. Гребные шлюпки

лес и Габа Тепе, используя корабельные шлюпки и катера — специализированных десантных судов не существовало в природе. Если высадка под огнем противника начинается с команды «Весла на воду!» — добра не жди. Вот мы и расскажем, как все это происходило.

* * *

Высадка французов в Кум-Кале преследовала две цели. Первая — отвлечь внимание от главной высадки на мысе Хеллес, вторая — временно нейтрализовать турецкие батареи, которые могли обстрелять англичан на другом берегу пролива. Высадку прикрывала 6-я эскадра из 3 французских броненосцев и русского

Высадка французов в Кум-Кале. Первыми идут сенегальские стрелки

Русский бронепалубный крейсер «Аскольд» прикрывавший французскую высадку

крейсера «Аскольд», который за свою странную внешность — пять тонких труб — получил прозвище «Пачка сигарет». Первая волна десанта состояла из 6-го колониального полка и отделения саперов.

Обстрел берега начался в 05.15, а транспорты заняли назначенные места у берега в 07.20. Паровые катера потащили шлюпки с военных кораблей к транспортам, чтобы принять десант. Именно в этот момент заговорили турецкие батареи, но помешать не смогли. В 08.00 десантный караван в сопровождении 2 миноносцев направился к берегу. Последний отрезок пути шлюпкам пришлось проделать на веслах, что сильно выматывало людей. Теперь открыла огонь турецкая пехота, но пушки миноносцев заставили ее замолчать, и первая волна десанта высадилась относительно благополучно. Но на отходе снарядом был потоплен баркас «Аскольда», но остальные шлюпки подошли к ожидавшим их паровым катерам и вышли из зоны обстрела.

Высадившаяся сенегальская пехота сумела оттеснить турок, и саперы приступили к ремонту пристани, чтобы облегчить дальнейшую высадку. Всего шлюпкам пришлось совершить еще три рейса, чтобы доставить на берег остальные подразделения. И в этом заключалось основное отличие тогдашних десантов от проводившихся в следующей войне. В годы Второй мировой **весь** десант был обеспечен высадочными средствами, даже если они и подходили к берегу несколькими волнами. Терять время на возвращение и погрузку тех же самых барж и лихтеров было сочтено непозволительным риском и потерей темпа.

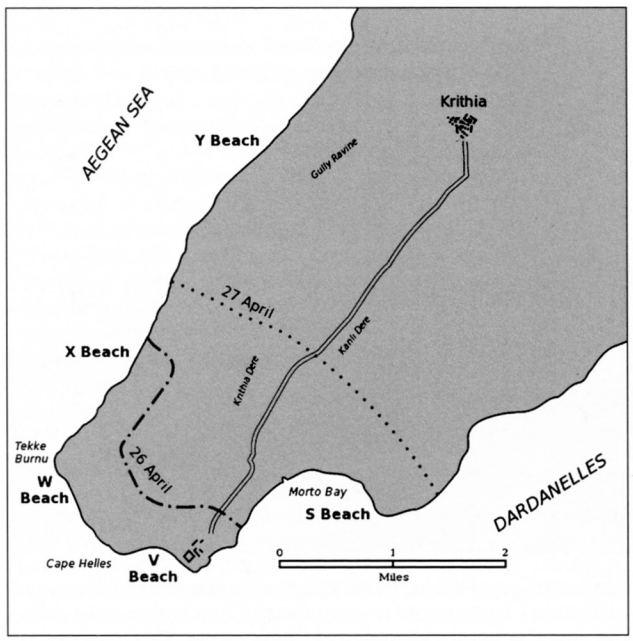
К полудню десант был высажен, штыковой атакой сенегальцы захватили форт Кум-Кале и закрепились там. Французы высадили полевую батарею, и теперь контратака турецкой 3-й дивизии была отражена довольно легко. Как и во всех других местах, попытки корректировать корабельный огонь с берега провалились, и причина была очевидной — совершенно зачаточное состояние радиосвязи.

На следующий день турки попытались атаковать еще раз, но корабли адмирала Гепратта легко рассеяли вражескую пехоту. Завороженные этой легкостью адмирал де Робек и генерал д'Амад предложили не оставлять плацдарм и удерживать его как можно дольше, чтобы сковать дивизии турецкого XV корпуса. Но генерал Гамильтон уперся, заявив, что планом это не предусмотрено, и в ночь с 26 на 27 апреля французские войска без помех оставили плацдарм и были переброшены на участок V.

* * *

А сейчас посмотрим, что происходило на другом берегу пролива на участке S в бухте Морто. Этот десант тоже считался ложным. Там высаживался батальон 87-й бригады 29-й дивизии. Британская армия любит красивые названия, это был 2-й батальон Южно-Валлийских пограничников. Его задачей было захватить старую неиспользуемую батарею де Тотт и удерживать позиции до тех пор, пока не определится

Паровые катера с кораблей были основной тягловой силой там, где не хватало гребцов. На фото «пикет бот» с броненосца «Трайомф»



Место высадки главных сил десантов. Мыс Хеллес и бухта Морто

положение на участках V и W. Десантников туда доставил броненосец «Корнуолис», и это была первая особенность операции — многие высадки производились с больших кораблей, совершенно для этого не предназначенных. Вот что пишет командир броненосца капитан 1 ранга Дэвидсон:

«Задача осложнялась тем, что вместо высадочной партии и паровых катеров, которые могли помочь высадить солдат на крайнем правом фланге, нам не позволили делать ничего. 4 траулера тащили по 6 гребных шлюпок каждых, они должны были выброситься на берег как можно быстрее. Батальон получил приказ высадиться на берег в полной выкладке, а вдобавок шлюпки были загружены до отказа боеприпасами, водой и провизией. Даже самые тренированные люди не могли выгрести против сильного течения, поэтому, перед лицом реальной катастрофы единственным шансом на успех была скорость. Это не дало бы противнику возможности целиться». Так как это место считалось самым опасным и могло быть обстреляно с обоих берегов, туда же были направлены броненосцы «Лорд Нельсон» и «Винджженс».

«Корнуоллис» должен был прикрывать десант пока возможно, но Дэвидсон по собственной инициативе решил постараться ускорить высадку, выделив паровые баркас и два катера, а также морскую высадочную партию, которая доставит на берег боеприпасы, воду и ранцы пехотинцев, чтобы облегчить их действия. Кроме того высадочная партия должна была прикрывать левый фланг плацдарма, пока идет штурм батареи де Тотт.

Когда караван двинулся к берегу, выяснилось, что батареи на азиатском берегу молчат, так как французы высадились в районе Кум-Кале и нейтрализовали их. Однако англичанам никакой урок не шел впрок. Чуть раньше течение фактически сорвало работу тральщиков, а сейчас, готовя график высадки, мыслители в генеральских погонах решили, что божьей волей течение исчезнет. В результате, когда войска высадились на мысе Хеллес в 06.00, в бухте Морто высадка началась только в 07.30. Высадившаяся пехота легко захватила батарею де Тотт, а затем произошла достаточно стандартная вещь. Командир десанта подполковник Кэссон решил, что ему противостоит целый батальон турок, хотя на самом деле на участке S располагался только один взвод. В результате английский батальон начал судорожно окапываться и готовиться к отражению контратак. Кэссону даже в голову не пришло продолжать наступление или попытаться атаковать с тыла турецкие позиции на участке V, где дела шли совсем скверно.

Кстати, отчасти это произошло потому, что командир «Корнуоллиса» капитан 1 ранга Дэвидсон увлекся делами на участке S и просто забыл, что по плану он должен был переключиться на поддержку войск на участке V. Дэвидсон вообще отправился на берег, чтобы лично руководить разгрузкой катеров и шлюпок. В результате броненосец пришел к участку V только в 10.00. Сложно сказать, мог что-либо изменить более ранний приход, но сейчас уже было слишком поздно. Приведем также свидетельство очевидца, служившего на броненосце «Лорд Нельсон»:

«25 апреля. Подъем до рассвета. В 03.15 снялись с якоря и направились к Дарданеллам, чтобы прикрыть высадку наших войск. Начали день с сильнейшего обстрела Седд-уль-Бахра. Форт уже был разгромлен ранее, но противник мог подвезти новые орудия во время передышки, которую мы им дали. Они также хорошо окопались вокруг деревни. Это был очень крепкий орешек. Наши войска наступали под огнем. Им пришлось много драться, чтобы зацепиться за берег. Расход снарядов показывает, что и мы не бездельничали — 35 снарядов 305 мм, 84 — 234 мм, 1124 — 12 фн. Мы закончили стрельбу в 20.30, проведя в бою 16 часов.

26 апреля. Разошлись по боевым постам сразу перед рассветом, чтобы задать туркам еще раз. Я слышал, что нашим войскам ночью пришлось туго. Турки предприняли несколько атак, но были отбиты. В первой половине дня наши части, которые получили подкрепления, начали наступление. После полудня они захватили деревню. Мы выпустили 4 снаряда 305 мм, 15 — 234 мм, 400 — 12 фн. По сравнению со вчерашним, день прошел спокойно».

* * *

Главной считалась высадка у мыса Седд-уль-Бахр на участке V. Это была небольшая полукруглая бухта с очень узким пляжем — не шире 10 метров, окаймленная довольно крутым склоном, на котором стояли одноименный форт и небольшая деревня. Турки поставили два проволочных заграждения: одно на краю пляжа, второе вдоль подножия холма, еще одно стояло вдоль восточного края пляжа перпендикулярно первым двум. По вершине полукруга шли окопы с пулеметами, а на западном склоне в развалинах разрушенного форта засели снайперы. Впрочем, какие, к черту, снайперы! Англичане, напуганные событиями еще Бурской войны (откуда пошла традиция «третьим не прикуривать»?), видели снайперов везде и всюду. Летом 1915 года эта военная профессия еще просто не существовала, и развалины занимали обычные

солдаты 10-й роты 3-го батальона 26-го полка, который относился к частям низама, то есть регулярной армии. Однако у страха глаза велики.

На рассвете 25 апреля британские корабли подошли к берегу и вскоре после 05.00 открыли огонь. Вспоминает мичман Уильямс с «Агамемнона»:

«Все остальные корабли присоединились к нам, пока грохот не стал ужасным. Поскольку совсем недавно стояла тишина, контраст был поразительным. Невозможно было различить выстрелы отдельных орудий и даже кораблей в общем грохоте орудий и визге и разрывах снарядов. Это походило на сотни огромных пулеметов. Весь Седд-уль-Бахр и окружающая местность были обстреляны, вспышки разрывов и горящие дома отбрасывали вокруг багровое свечение. Казалось невозможным, чтобы хоть кто-то остался в живых в таком аду. Проволочные заграждения, обломки домов, облака земли взлетали высоко в небо. Это было необычайное зрелище. И над всем дальше над землей поднималось красное сияющее солнце. Я просто пришел в ужас при виде этого. Города больше не было. Я раньше видел разрушенные города, но здесь не осталось ни одной стены».

Впрочем, из безопасной бронированной башни линкора картина резко отличалось от действительной. Разумеется, турки понесли некоторые потери, но большинство снарядов из-за настильной траектории морских орудий просто перелетело турецкие позиции, и командир батальона майор Махмут Сабри-бей, командир 3-го батальона 26-го полка, случайно оказавшийся в центре событий, не заметил ничего особенно страшного, хотя некоторый эффект обстрел произвел.

«Противник обстреливал стрелковые траншеи на берегу. Из-за черно-багрового и зеленоватого дыма, поднимавшегося повсюду, берег скрылся из вида, и ничего не было видно. Участок был довольно мал по сравнению с весом снарядов, которые обрушил на него флот. Многие снаряды рвались буквально рядом, а шрапнельные снаряды рвались один за другим. Два наших 37-мм орудия были уничтожены, многие окопы и ходы сообщения зарыты. Некоторые траншеи, которые были вырыты, чтобы укрывать солдат, вместо этого стали их могилами. Раненые, которые еще могли ходить, прибывали на перевязочные пункты».

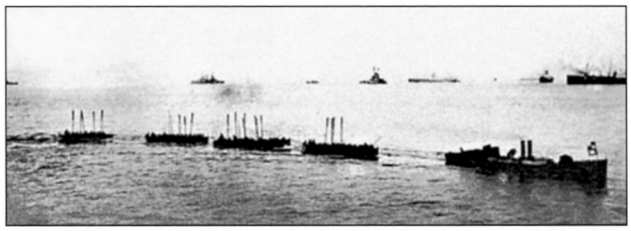
Тогда к берегу направились шесть колонн, каждая из которых состояла из парового баркаса и 4 шлюпок. Назвать такое буксирным караваном было бы слишком высокопарно. Высадку предполагалось начать в 05.30, однако она задержалась из-за суматохи при посадке в шлюпки.

«Они открыли по нам ужасный огонь из пулеметов и пом-помов, снаряды которых содержали зажигательную смесь. Они начали попадать в мою шлюпку и быстро перебили многих солдат, пока мы гребли к берегу. Нам также не повезло потерять нескольких моряков, которые сидели на веслах. Солдатам пришлось хватать весла, но так как они понятия не имели, как следует грести, нас то и дело разворачивало бортом к берегу, и мы превращались в отличную мишень. Буквально перед тем, как коснуться берега, шлюпка получила одно или два попадания зажигательными снарядами и запылала. Она была наполовину залита водой из множества пробоин. Несколько раненых, упавших на дно шлюпки, просто захлебнулись. И в добавок к прочим нашим страданиям мы еще и обгорели», — писал лейтенант Маффет.

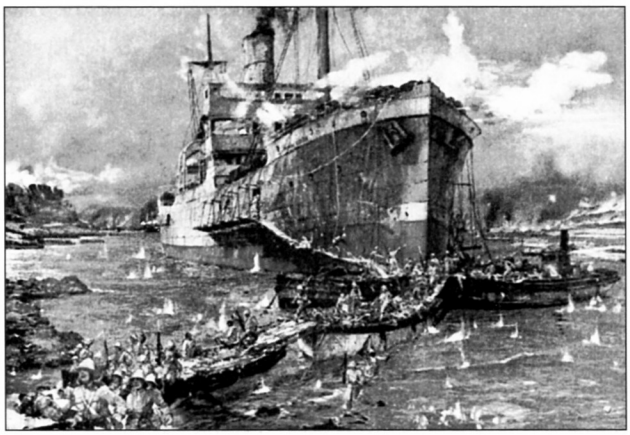
Турецкая артиллерия ведет огонь по войскам, высадившимся в бухте Морто

И вот здесь следует сделать уточнение. Англичане часто ссылаются на турецкие пулеметы, как на главную причину своих неудач. Увы, турецкая армия была отсталой и плохой оснащенной. Разумеется, она имела некоторое количество вездесущих «Максимов», который оказался самым распространенным пулеметом Первой мировой войны, однако все эти Машиненгевер 08, Шкода М1909 или Гочкисс М1914 в турецких полках еще нужно было поискать. Так вот, сначала в 26-м полку пулеметов просто **не было**! Турецкие историки Гончю и Алдоган пишут, что первые пулеметы здесь появились лишь вечером следующего дня. Зато англичанам пришлось столкнуться с прекрасно поработавшими музейными экспонатами Норденфельда, причем не только на участке V. В данном конкретном случае это были скорострельные 1-фн пушки Максим-Норденфельд, появившиеся еще в XIX веке, близкий родственник знаменитого британского пом-пома. Эта пушка представляла собой все тот же пулемет Максим, только с калибром, увеличенным до 37 мм.Но даже это не все! На участке Анзак, о котором пойдет речь дальше, турецкая пехота имела в качестве огне-

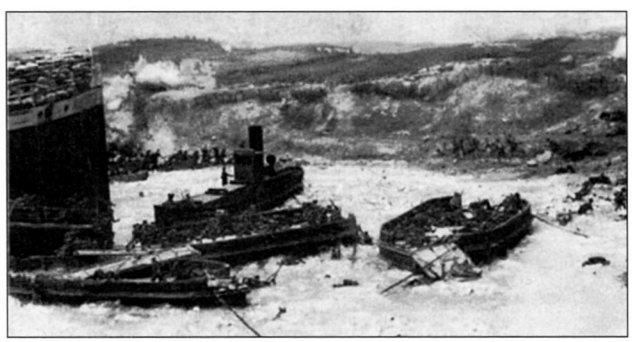
Неожиданное для союзников усиление огневой мощи турецкой пехоты: 4-х ствольная 25-мм картечница системы Норденфельдта на колесном лафете



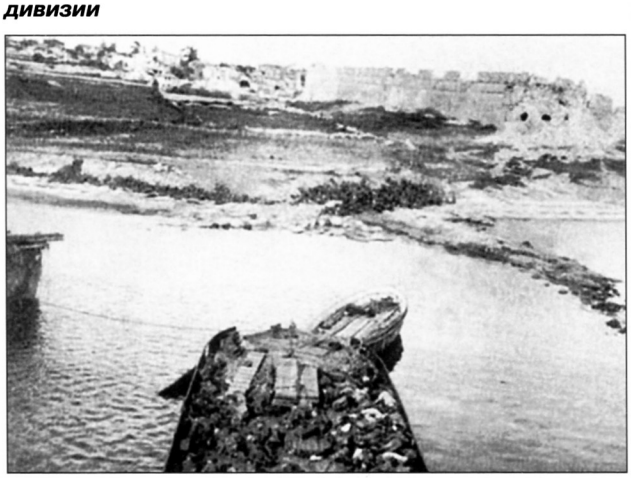
Высадка 3-й бригады АНЗАК. На заднем плане виден приближающийся к побережью «троянский конь» – угольщик «Ривер Клайд» переделанный в штурмовой транспорт



Угольщик «Ривер Клайд» в момент высадки войск. С картины в Имперском военном музее (Лондон). Действительность оказалась куда мрачнее



«Ривер Клайд» и приданные ему два лихтера не смогли подойти вплотную к берегу – 80 метров воды и лихтеры стали могилой для сотен солдат 29-й дивизии



вой поддержки 25-мм картечницы Норденфельда, от которых отказались все европейские армии. Они имели четыре горизонтально расположенных ствола, что отличало их от более поздних митральез с вращающимся блоком стволов. Странным образом англичане стали жертвой тех самых новинок, с помощью которых 30 лет назад разгоняли воинов ашанти и зулу.

Справа от шлюпок шел большой угольщик «Ривер Клайд». По предложению командира торпедной канонерки «Гусар» капитана 2 ранга Анвина его переоборудовали в нечто вроде штурмового транспорта. И поскольку любая инициатива бывает наказуема ее исполнением, именно Анвина назначили командовать этим «Троянским конем», который должен был выброситься на мель как можно ближе к берегу. На носу корабля установили батарею из 11 пулеметов, к которым поставили почему-то морских летчиков. Пулеметы были укрыты мешками с песком и листами котельного железа. В бортах корабля были прорезаны лацпорты, через которые 2000 десантников должны были выходить на пришвартованные лихтеры, образующие мостки на берег. Предполагалось, что «Ривер Клайд» подойдет следом за шлюпками, но так получилось, что все они подошли к берегу разом. Пароход вел на буксире мелкосидящую паровую шаланду, буксировка производилась с помощью выстрела, вываленного с левого борта. После остановки транспорта шаланда должна была пройти вперед и выброситься на берег. Чтобы заполнить промежуток между шаландой и пароходом, «Ривер Клайд» вел с собой с каждого борта лихтеры.

В 06.22 транспорт застрял примерно в 80 метрах от берега, немного дальше, чем предполагалось. Шаланда подтащила лихтеры, которые пришвартовали к транспорту. Открылись лацпорты, и были поставлены сходни. Но едва десантники показались из люков, заговорили турецкие пулеметы. Англичане, похоже, так думают даже сегодня, но турецкие архивы говорят, что пулеметов не было, впрочем, потери все равно оказались чудовищными. Первая рота, попытавшаяся высадиться с «Ривер Клайда», была уничтожена полностью, причем раненые, свалившиеся со сходней, были обречены. Тяжелое снаряжение немедленно тянуло их на дно. Следующей роте пришлось бежать буквально по трупам товарищей, и вдруг последний из понтонов, приткнутый к берегу, оборвал швартовы и сдрейфовал на глубину. Эта рота тоже была уничтожена. Моряки под командованием Анвина старались исправить положение, несмотря на град пуль. Они сумели подтащить запасной лихтер и заткнуть брешь, после чего третья рота попыталась выйти на берег. Кое-кому это даже удалось, и солдаты постарались спрятаться за невысокими песчаными холмиками.

Чтобы подбодрить солдат, командир 88-й бригады бригадный генерал Генри Нэпир из шлюпки перепрыг-

Носовая часть «Ривер Клайда» заваленная убитыми и раненными. Из 1100 Королевских дублинских фузилеров высаживающихся с угольщика в первой волне к вечеру осталось 11 боеспособных солдат

нул на понтоны, намереваясь лично повести их вперед. Он понятия не имел о том, что происходит и решил подать солдатам личный пример. Но его попытка завершилась тем, что генерал сам был убит, его тело соскользнуло в воду и пропало. Погиб также начальник штаба бригады. Ничуть не лучше было положение шлюпок, которые тоже были заполнены трупами.

Единственным исключением стала колонна шлюпок, которая пристала к берегу в проливе, укрытая от турок мысом. Именно там высаживались 4 марта морские пехотинцы. Солдаты даже сумели подняться по склону и войти в деревню, но были выбиты оттуда турками с огромными потерями.

К полудню все попытки высадиться сами собой прекратились. Застрявший на крейсере «Юриалес» командир 29-й дивизии генерал Хантер-Уэстон понятия не имел о кровавой бойне, случившейся неподалеку. Те подразделения, которые должны были высадиться следом за первой волной, отправились на участок W. Но это было результатом попытки доставить туда подкрепления, а не провала высадки на участке V. Те, кто остался на «Ривер Клайде», больше не осмеливались показываться наружу, благо за стальными бортами они были в безопасности, так как у турок не имелось тяжелых орудий. Хуже всего пришлось солдатам, которые все-таки сумели выскочить на берег. Им пришлось лежать на самом солнцепеке, уткнувшись носом в песок и не смея пошевелиться. Лишь пулеметчики вели перестрелку с турками, однако вражеские позиции находились выше, и пулеметчики тоже гибли один за другим.

Капитан 2-го ранга Эдвард Унвин, командир «Ривер Клайд»

Лишь после наступления темноты заключенные на «Ривер Клайде» сумели перебраться на берег. К этому времени на помощь «Альбиону» подошли броненосец «Корнуолис» и линкор «Куин Элизабет», которые поддержали десантников. Но, несмотря на проявленный героизм, высадка на участке V полностью провалилась.

* * *

Участок W был одним из двух главных, причем самым удобным, так как в этом месте имелся пляж длиной 300 метров между мысом Хеллес и мысом Текке, который мог служить идеальным плацдармом для дальнейшего наступления. На пляж выходила

Беспорядок не может быть вечным. К 6 мая 1915 года на участке «V» обстановка была уже вполне рабочая. Обратите внимание на деревянные лихтеры скупленные английскими офицерами по всему средиземноморью

лощина, сбегающая с высокого плато, и в этом месте ширина пляжа составляла около 40 метров. Турки установили на пляже два ряда проволочных заграждений, а на плато построили небольшой редут. Повсюду были выкопаны окопы и установлены пулеметы.

Генерал Гамильтон писал: «Оборона участка W была настолько сильна, что турки вполне могли считать его неприступным. По моему глубокому убеждению, британский (да и любой другой) солдат еще никогда не демонстрировал такой отваги, как при штурме этих окопов прямо со шлюпок». Здесь высаживались также подразделения 86-й бригады 29-й дивизии, против них стояли 2 роты турецкого 26-го полка. Высадку обеспечивали броненосец «Свифтшур» и броненосный крейсер «Юриалес», десантным транспортом здесь был назначен «Юриалес».

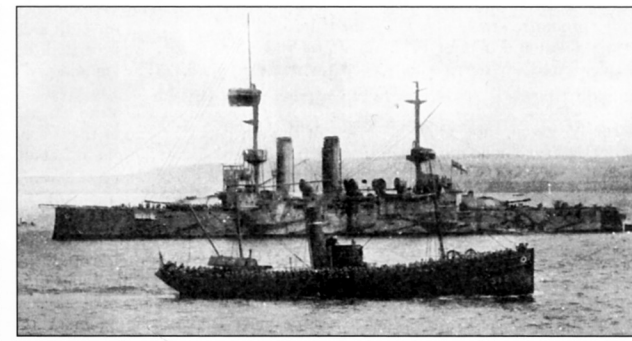
Интересно, что турки открыли огонь лишь когда войска начали высадку, по беспомощным шлюпкам они не стреляли. Может быть, они просто боялись обнаружить свои огневые точки, которые могли быть уничтожены корабельной артиллерией. Но корабли на этом участке к берегу не приближались, поэтому опасения были напрасными.

Высадившиеся пехотинцы обнаружили, что эти заграждения гораздо прочнее британских, ножницы их не брали. Вообще все происходящее выглядело странно:

«Как и было приказано, солдаты бежали к проволоке, где ложились и ждали, пока резчики сделают свое дело. Приказ оказался роковым слишком для многих, так как пулеметы прошлись по нашим сомкнутым рядам, представлявшим легкую цель. Я подстрелил снайпера, который выцеливал моих солдат с вершины утеса. Это был чертовски хороший выстрел, пуля попала ему прямо в рот. Под прикрытием утеса мы начали чистить свои винтовки, которые стали бесполезны из-за набившегося песка и воды. Вы удивились бы, увидев солдат, которые чистили затворы зубными щетками».

Генерал Гамильтон позднее утверждал, что людей косило, точно косой, и к завтраку они заработали шесть Крестов Виктории. К счастью, две колонны

Ланкаширские фузилеры на палубе траулера. Высадка на мыс Хеллес



Дрифтер №312 с десантом. На заднем плане виден броненосец «Имплейкебл»

шлюпок прошли левее центра пляжа, и люди сумели укрыться за обломками скал у подножия мыса Текке. Командир 86-й бригады бригадный генерал Хейр, оказавшийся там, вспоминал:

«Утро было исключительно тихим и ясным, но нам не повезло, потому что солнце вставало прямо за нашим участком высадки. Обстрел начался ровно в 05.00, однако никакого видимого эффекта не произвел. Я ожидал увидеть, как вся оконечность полуострова, а особенно пляж превратятся в одно огромное облако дыма и пыли. Пока длинный полукруг шлюпок приближался к берегу, было достаточно тихо, только корабельные орудия бухали время от времени. На берегу не было заметно никаких признаков жизни, а в шлюпках никто не произнес ни слова. Наши шлюпки с «Имплейкебла» шли прямо позади шлюпок «Юриалеса» с остальной частью батальона. Противник на нашем участке не желал ничего, пока головная шлюпка не оказалась в 50 ярдах от пляжа».

Солдаты начали обстреливать турецкие окопы продольным огнем, что позволило трем колоннам шлюпок высадить десант справа от центра у подножия мыса Хеллес. Сам Хейр во время высадки был ранен, но это не остановило солдат. К 11.30 три линии окопов были взяты, а группа солдат сумела вскарабкаться на утес мыса Текке и установить связь с десантом на участке X. К 14.00 положение на пляже могло считаться относительно безопасным, благодаря успеху на левом фланге, и были высажены 2 батальона 88-й бригады. Только после этого корабли открыли огонь по турецким укреплениям, и 88-я бригада взяла редут на плато, хотя понесла большие потери.

Затем была предпринята попытка установить связь с участком V. Если бы удалось нанести удар с фланга, турки отступили бы. Расстояние было совсем небольшим, около километра, но англичанам не удалось прорвать проволочные заграждения. Ночью турки провели несколько контратак, но плацдарм W удалось удержать. На него высадились остальные подразделения 29-й дивизии, и началась доставка снабжения и боеприпасов. Всего в боях вокруг мыса Хеллес в первый же день операции англичане потеряли 6500 человек.

* * *

Высадка на участке X также являлась демонстративной. В бухте Текке высаживался батальон 86-й бригады 29-й дивизии — 2-й батальон королевских фузилеров. Предполагалось, что он поможет войскам на соседнем участке W. Но пышные названия не ком-

пенсируют пробелов в боевой подготовке и неадекватности командиров.

Броненосец «Имплейкебл» волок за собой 4 колонны шлюпок, тащить к берегу их должны были траулеры. Его командир капитан 1 ранга Локьер был разочарован, получив приказ обстреливать гряды холмов, а не участок высадки. Он решил поддержать пехоту как можно лучше, поэтому подвел свой корабль буквально вплотную к берегу и открыл огонь из 305-мм и 152-мм орудий по вершине прибрежного обрыва, чтобы людям было легче подниматься. Здесь английскому батальону противостоял уже не взвод, как на участке S, а всего лишь отделение из 12 человек, которые с ужасом следили за разрывами тяжелых снарядов. В обстреле участвовал и крейсер «Дублин».

Здесь под обрывом была совсем узкая полоска песка, закрепиться на которой было невозможно физически, однако на этом участке сопротивления десант не встретил. В 06.30 первые фузилеры без помех выбрались на берег, и траулеры вернулись к броненосцу, чтобы забрать остальных десантников. Через час высадка батальона была закончена. Англичане двинулись вглубь полуострова и столкнулись с небольшой группой турок, которая направлялась к плацдарму W. Завязалась перестрелка, и англичане предпочли немедленно занять оборону. И все-таки они осмелились продолжить продвижение вперед (слово «наступление» здесь неуместно) и к 11.30 заняли высоту 114, установив связь с войсками на участке W.

Примерно в полутора километрах от берега на участке X среди холмов виднелась широкая лощина, по которой можно было подняться наверх на господствующие высоты к деревне Крития и на высоты Ачи Баба. В первый день, наступая от участка X, англичане могли легко захватить деревню, не встретив никакого сопротивления. Однако это не было сделано, хотя именно эти высоты были обозначены как цель десанта на первый день. Но ведь их планировалось захватить, наступая с участков V и W! Поэтому Маршалл не сделал даже попытки двинуться туда. Вскоре лощина Гулли станет известна, как Долина смерти, а в ходе трех наступлений на Критию погибнут десятки тысяч солдат.

Атака солдат Морской Дивизии на участке Y

Когда головной батальон контратаковала целая турецкая рота, англичане в панике покатились назад, к береговому откосу на своем плацдарме. Тем временем на плацдарме уже собрался целый полк, который неимоверными усилиями остановил турецкую роту. Однако эта атака смутила командира 87-й бригады бригадного генерала Маршалла: «Сильная стрельба доносилась с участка Y, и я очень хотел двинуться туда, но мои руки были связаны. Так как моя бригада была дивизионным резервом, я чувствовал обязательным держать свои силы нетронутыми в ожидании приказов дивизии. Кроме того, раз уж сейчас участок X был полностью гарантирован от вражеских атак, в случае провала высадки на других участках, все силы можно было перевести сюда. В действительности на войне первоначальный приказ действует только до первого выстрела — нельзя исключать любые возможности».

В результате, когда из штаба дивизии поступили те самые приказы, уже наступила ночь, и Маршалл решил ничего не делать. Подходящий момент был упущен, войскам на участке Y пришлось выкручиваться самостоятельно.

* * *

Вот сейчас самое время разобраться, что именно происходило на участке Y. Здесь десант высаживали броненосец «Голиаф» и крейсера «Сапфир» и «Аметист». Гамильтон надеялся, что высадившиеся там войска ударят туркам на мысе Хеллес в тыл. При этом высаживаться пришлось не на пляж, а на обрыв высотой более 50 метров, который турки даже не думали защищать. В 04.15 четыре колонны шлюпок подошли к берегу, и солдатам пришлось прыгать в воду. Обрыв только казался неприступным, и англичане поднялись туда без проблем, но когда, казалось, можно начинать победоносное наступление, выяснилась интересная вещь. Генерал Гамильтон не счел нужным назначить командира, в результате каждый из батальонов оказался предоставлен сам себе, еще больше осложняла положение их принадлежность к разным родам войск. Солдатами 87-й бригады командовал подполковник Коу, а батальоном морской пехоты — подполковник Мэтьюз. Но более серьезным оказалось отсутствие взаимопонимания на более высоких уровнях. Генерал Гамильтон дважды радировал Хантер-Уэстону: «Может, вы пошлете больше солдат на участок Y? Если да, то траулеры имеются». Вот где сказалась оригинальная позиция командующего, который не имеет права командовать!

Только в 10.15 Хантер-Уэстон соизволил ответить, что изменение планов затормозит высадку. В результате эти три батальона застряли на кромке обрыва и пересохшей лощины Гулли, совершенно ничего не делая, повторив ошибку десанта на участке X. Лишь во второй половине дня батальонные командиры сообразили, что если уж не получается наступать, то неплохо бы окопаться. Но к этому времени турки подтянули резервы — батальон 25-го полка и артиллерийскую батарею и начали обстреливать англичан.

Турецкая пехота в обороне

Кое-как был выкопан «окоп» глубиной полметра, а вместо бруствера разложили солдатские ранцы. В результате этот десант, даже не попытавшись ничего сделать, привлек к себе внимание противника. Вы будете смеяться, но в такой обстановке англичане занялись приготовлением чая! Турки немедленно открыли огонь по появившемуся дымку. К 17.40 турецкий батальон, развернутый в окрестностях плацдарма, наконец собрался в полном составе и пошел в контратаку.

«Вскоре после того, как снайперы обнаружили себя, по цепи прошел приказ: «Крупные силы противника атакуют по всей линии!» Наш взвод занимал позицию в 10 ярдах от края обрыва, и мы смогли увидеть наступающих лишь некоторое время спустя. Они находились примерно в 990 ярдах и наступали в сомкнутом строю, крича и размахивая винтовками над головами. Как только они подошли на нужное расстояние, мы открыли по ним огонь. Они продолжали бежать, но «Голиаф» и «Дублин» дали по ним бортовой залп, полностью рассеяв. Становилось все темнее, и турки заняли позицию в 600 ярдах от траншеи. Мы приготовились к самому худшему. Вскоре после наступления полной темноты они провели еще одну атаку, как мы и ожидали. Они подобрались на 10 ярдов к нашей траншее, но, ведя беглый огонь, мы отбросили их назад. Они отошли ненадолго, но на бруствер обрушился целый шквал пуль, почти ослепив нас выбитой пылью. Шум стоял ужасный: раненые стонали и звали санитаров, которые не приходили; непрерывный треск винтовок и пулеметов; раненые и умирающие турки перед траншеей звали Аллаха. И чтобы сделать положение еще хуже, пошел дождь», — вспоминает один из английских солдат.

Всю ночь турки прощупывали оборону англичан, но прорваться не могли. И уже утром следующего дня в 07.00 они пошли в последнюю отчаянную атаку.

«Утром они бросились на нас в еще большем количестве. День только-только начался. Цепь за цепью, наши винтовки раскалились, раненые заряжали обоймы, офицеры подносили патроны, каждый делал, что мог. Промахнуться было невозможно, но так не могло продолжаться бесконечно, кто-то должен был уступить, и это были мы. Мы отошли назад на 50 ярдов. Уцелевшие офицеры построили нас и мы бросились вперед. Турки смешались и отступили. Мы попытались закрепиться, но снова отошли на 50 ярдов. Так мы и ходили взад и вперед, пока турки не прижали нас к самому обрыву, падать пришлось бы 300 футов. Пляж был заполнен нашими ранеными товарищами, многие из которых умирали. У турок появился отличный шанс, еще один рывок, и они сбросят нас с обрыва. Мы защищались отчаянно, все, кто мог держать винтовку, стали в цепь. Мы ждали последнего рывка, но турки немного замешкались. Тогда наш последний офицер, оценив ситуацию, приказал атаковать. На этот раз состоялась безумная схватка, штыки, приклады, кулаки, ботинки — каждый бил чем мог и как мог. Мы прогнали их за нашу траншею, которую удерживали всю ночь».

Противники были настолько измучены, что наступило затишье. Всю ночь подполковник Мэтьюз (Коу к этому времени уже был убит) слал просьбы о помощи, но генерал Хантер-Уэстон не обращал на них внимания, так как был занят происходившим на участках V и W. Генерал Гамильтон находился на борту «Куин Элизабет», но линкор был слишком далеко — возле участка Z, где высаживались австралийцы.

Ближе к утру паническое сообщение заставило флот заняться эвакуацией войск с участка Y. Кроме «Дублина» подошел еще крейсер «Тэлбот». Как ни странно, именно начало эвакуации несколько облегчило положение на берегу, так как на шлюпках стояли пулеметы, а на катерах даже 3-фн орудия, которые помогли изнемогающим пехотинцам. Сначала предполагалось вывезти раненых, но тут нервы у солдат сдали, и они без приказа бросились к морю. Так закончилась авантюра на участке Y. 26 апреля к 11.30 спонтанная эвакуация завершилась. Этот эпизод можно считать отражением всей десантной операции в целом. Путаница и хаос, безволие и глупость командования — и в результате ненужные и напрасные потери, хотя имелся шанс переломить ситуацию в целом. Ведь эти батальоны могли ударить в тыл туркам в районе участков V и W, на крайний случай они могли выйти к участку X. Но не было сделано совершенно ничего, солдаты просто стояли на месте и гибли.

* * *

Еще дальше на север находился участок Z, на котором высаживались войска Анзак — Австралийско-Новозеландского корпуса, поэтому и участок более известен как «Анзак». Австралийцы хотели самостоятельности, они ее получили, но ни к чему хорошему это не привело. За свою «самостийность» австралийцы заплатили очень дорого.

Части Анзака высаживались в районе Габа-Тепе при поддержке кораблей 2-й эскадры контр-адмирала Тэрсби. Десант был погружен на броненосцы «Куин»

(флагман), «Лондон», «Принс оф Уэлс». Как и в других местах, высадка производилась колоннами шлюпок, которые тащили паровые баркасы. 12 таких колонн должны были доставить на берег 3-ю австралийскую бригаду полковника Маклахана.

Поддерживать солдат огнем должны были броненосцы «Трайэмф», «Маджестик» и броненосный крейсер «Бекчент». Корабли проявили при этом исключительную отвагу. Когда адмирал Тэрсби приказал «Бекченту» подойти к берегу и подавить турецкую батарею, капитан 1 ранга Бойль поступил в духе традиций старого флота, подведя свой корабль вплотную к неприятелю. Дав машинам самый малый ход, он двигался, пока форштевень крейсера не коснулся дна. Лишь тогда крейсер открыл огонь всем бортом и подавил батарею. «Я не нахожу достойных слов, чтобы описать поведение моряков», — писал командир корпуса генерал Бирдвуд.

Армада собралась в море на полпути между Имбросом и местом высадки в 01.30. моряки ждали, пока луна скроется за островом и станет совсем темно. После этого три броненосца двинулись к берегу, волоча за собой шлюпки. В 04.10 они остановились примерно в двух километрах от берега и отдали буксиры. Однако либо темнота, либо сильное течение сыграли с моряками злую штуку, колонны шлюпок подошли к берегу более чем в 1,5 километрах севернее намеченного места. В результате они оказались в маленькой бухточке прямо к югу от мыса Ари-Бурну. Бухточка тоже потом получила название «Анзак».

Австралийцам пришлось карабкаться на обрыв высотой около 50 метров. К счастью, склоны были не слишком крутыми, они даже поросли травой и кустарником, что облегчало подъем. И это место тоже никто не оборонял. Турки надеялись на неприступность береговых обрывов, к тому же одна-единственная дивизия никак не могла прикрыть всю южную половину полуострова Галлиполи. Однако обстрел броненосцами пустого берега разбудил их, и в это место был спешно переброшен пехотный батальон.

25 апреля, высадка новозеландских частей

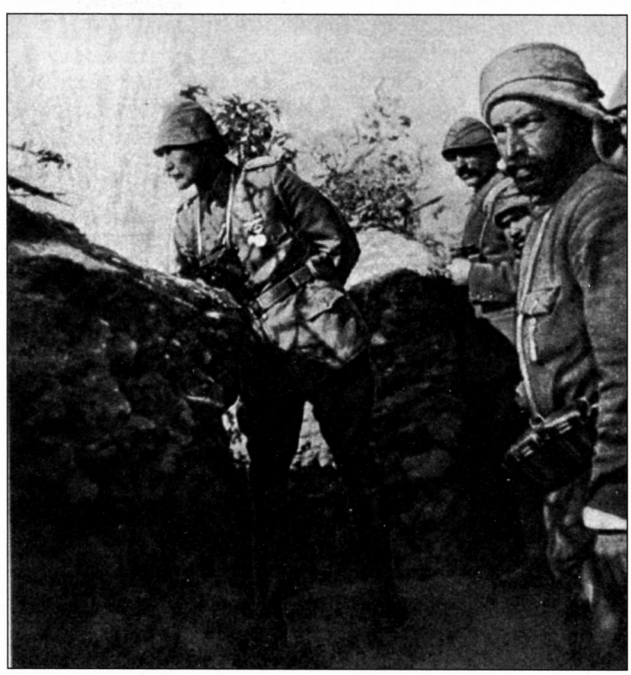
На этом участке были выкопаны две линии траншей недалеко от уреза воды, которые сначала были безлюдными. Но когда около 05.00 шлюпки подошли к берегу, турки начали стрелять, австралийцы побросали ранцы и, не отвечая на огонь, бросились в штыки. Они быстро заняли траншеи и начали подниматься по склону. Тем временем шлюпки вернулись за остальной частью бригады, но при этом несколько колонн столкнулись, и началось замешательство. В результа-

Бойцы АНЗАК штурмуют прибрежные высоты под огнем стрелков Мустафы Кемаля-паши и турецких полевых орудий. Долина позади этой возвышенности получит название Шрапнельной. *С картины.*

те несколько отрядов намеренно или случайно подошли к берегу севернее мыса Ари-Бурну и попали под плотный огонь турецких пулеметов. В результате плацдарм растянулся до заболоченной долины Анафарта.

Австралийцы поднялись на гряду прибрежных холмов, но были вынуждены остановиться — перед ними лежала глубокая лощина. Солдаты, не задумываясь, ринулись вперед, но после преодоления этого естественного препятствия строй развалился, роты и взводы потеряли друг друга. Здесь на них обрушился огонь турецких пушек, и совсем недаром лощина позднее была названа Шрапнельной. Дело снова дошло до штыковой, и австралийцы сумели подняться на следующую гряду. Но слишком много солдат пропали в этой сумятице, позднее турки объясняли, что они отказывались сдаваться, и их приходилось убивать.

Вся эта сумятица делает невозможным точный анализ происходившего, однако, когда рассвело, стрельба ненадолго затихла, и положение прояснилось. После этого положение австралийцев резко ухудшилось, так как начали обстрел турецкие орудия, установленные на Габа Тепе и холмах к северу от плацдарма. «Трайэмф» и «Бекчент» сумели на время заставить замолчать батареи Габа Тепе, и это позволило высадить на берег еще четыре бригады, а также две батареи горных пушек. На участке Анзак к полудню 25 апреля собралось чуть ли не больше войск, чем на всех остальных участках вместе взятых, но развить первоначальный успех они не сумели. Их позиции образовали неправильный треугольник размерами полтора на полкилометра. Попытался было вмешаться турецкий броненосец «Тургут Рейс», который сделал по австралийцам 16 выстрелов, однако он попал под ответный огонь «Трайэмфа» и был вынужден отойти.



Начало легенды. Подполковник Мустафа Кемаль-паша в окопах. «Я не ожидаю, что вы атакуете, я приказываю вам умереть! За время, которое пройдет до того, как мы все погибнем, другие войска и командиры займут наше место!»

К этому времени в район высадки прибыли командир 19-й дивизии Мустафа Кемаль. Именно тогда произошел случай, который во многом прославил будущего турецкого лидера. Он лично повел в атаку 57-й полк своей дивизии, обратившись к солдатам с речью: «Я не ожидаю, что вы атакуете, я приказываю вам умереть! За время, которое пройдет до того, как мы все погибнем, другие войска и командиры займут наше место!» Подтянутые части 19-й дивизии остановили австралийцев, тем более, что плацдарм обстреливало множество орудий, включая тяжелые батареи форта Нагара. Ближе к вечеру на берег высадился командир корпуса генерал Бирдвуд и командиры дивизий. С наступлением ночи турки провели еще несколько контратак, однако австралийцы удержались, хотя и в этом месте намеченные цели не были захвачены.

* * *

Следует упомянуть еще об одной операции, задуманной Гамильтоном. В залив Ксерос для ложной высадки были отправлены корабли, на которых находилась вся Морская дивизия за исключением одного батальона, использованного на участке Y. Они должны были изобразить десант на перешейке Булаир. Но зачем для демонстрации использовать целую дивизию, при том, что **высадка там не предполагалась вообще**, генерал Гамильтон впоследствии так и не объяснил. Их сопровождали броненосец «Канопус» и эсминцы. 24 апреля эсминцы открыли огонь по берегу, а ближе к вечеру «Канопус» обстрелял укрепления Булаира, как бы готовя высадку. Турки не отвечали, но это не значило ровным счетом ничего. Единственным человеком, попавшим на берег, стал капитан-лейтенант Бернард Фрейберг, который поиграл в коммандос. Он вплавь добрался до берега, полюбовался на турецкие окопы, сигнальными ракетами указал эсминцам цель для обстрела и так же вплавь вернулся на корабль.

В целом сопротивление оказалось все-таки слабее, чем ожидалось. Это объясняется тем, что германский командующий Лиман фон Сандерс ожидал главную высадку в районе Булаира и держал там 3 пехотные дивизии, и только вечером он приказал перебросить резервы на полуостров Галлиполи. Но тогда возникает вопрос: а что могло произойти, если бы сопротивление оказалось таким, как его ожидали английские генералы?!

Состав сил на 25 апреля 1915 года

Союзники

Англия: Средиземноморское экспедиционное соединение (генерал Иен Гамильтон)

29-я, Морская дивизии; Анзак — 1-я австралийская дивизия, Австралийская и Новозеландская дивизия.

Франция: Восточный экспедиционный корпус (генерал д'Амад)

1-я дивизия.

Турция

5-я Армия (генерал Отто Лиман фон Сандерс)

III корпус — 7-я, 9-я, 19-я дивизии, XV корпус -3-я, 11-я дивизии.

Дарданелльский укрепленный район (генерал Джеват-паша)

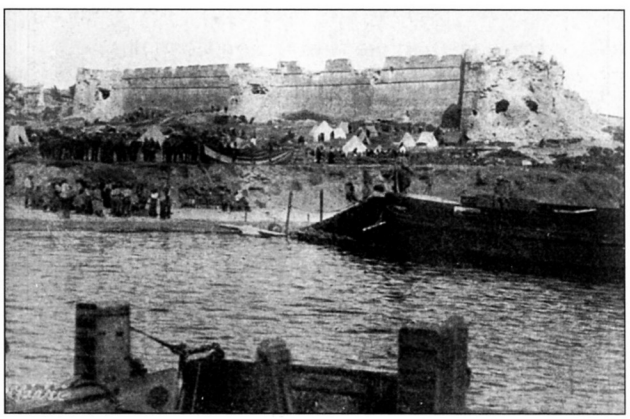
Галлиполи — плацдармы

Итак, высадка 25 апреля провалилась с треском, поставленная задача выполнена не была, войска застряли на плацдармах, причем на участках V и Y ситуация граничила с полной катастрофой. Спасла англичан, как ни странно, в общем-то правильная турецкая стратегия — держать основную массу войск вдали от побережья, неправильно реализованная, а также нехватка сил у противника. Ну никак не могла однаединственная 9-я дивизия контролировать побережье половины Галлиполи. Но если бы на самых вероятных участках высадки в районе мыса Хеллес позиции занимали не отдельные взводы, а хотя бы роты, не говоря уже о батальонах, они наверняка утопили бы десант в крови. Главной причиной этого, как мы видели, была некомпетентность британского командования на всех уровнях, начиная от командира корпуса генерала Гамильтона и до командиров батальонов. Личная храбрость не компенсировала эти недостатки. Да, из трех командиров бригад 29-й дивизии один погиб, а двое остальных были ранены, но солдатам от этого лучше не стало. Генерал должен командовать, а не бежать впереди цепи, размахивая саблей.

Помогло англичанам и бездорожье, турки просто не успели перебросить подкрепления к мысу Хеллес, где решалась судьба операции. В результате положение англичан заметно улучшилось, хотя и оставалось сложным. Примерно в 01.30 застрявшие на «Ривер Клайде» солдаты сошли на берег. На рассвете корабли открыли огонь по замку Седд-уль-Бахр и соседней деревне, и поредевшие батальоны пошли в атаку, к 14.00 эти важные позиции были захвачены, англичанам удалось подняться на плато. Более того, наконец удалось установить связь с участком W, и теперь можно было сказать, что англичанам удалось зацепиться за берег. Хотя главной причиной этого было то, что турки сами отошли к деревне Крития, которую предполагалось занять в первый же день, и между линиями противников образовалась довольно широкая ничейная полоса.

Вечером 26 апреля и на следующий день на плацдарме начали высаживаться французские войска. Французы превратили злосчастный «Ривер Клайд» в постоянный причал, прочно связав его с берегом. 27 апреля вся линия союзников двинулась вперед, не встречая сопротивления. Однако Гамильтон, перепуганный понесенными потерями, не позволил своим войскам продвинуться слишком далеко, и они лишь выстроились поперек полуострова, поравнявшись с плацдармом S. Между союзниками и турками попрежнему лежала ничейная земля. Но эта легкость вдохновила Гамильтона начать 28 апреля наступление на деревню Крития, странная смесь нерешительности и смелости. Видимо, генерал рассчитывал, что дезорганизованные турки по-прежнему не смогут оказать серьезного сопротивления. План операции был прост: войска союзников должны были совершить захождение левым флангом, словно бы вращаясь вокруг оси, установленной на участке S. Предполагалось взять деревню и начать штурм высот Ачи-Баба с юга и запада. Этакий план Шлиффена в миниатюре.

Наступление, которое потом получило название Первой битвы за Критию, началось в 08.00 обстрелом с кораблей. По кому и зачем они стреляли — сказать очень сложно, союзники не имели ни малейшего представления о расположении турецких траншей и тем более артиллерийских батарей. 87-я бригада 29-й дивизии наступала на крайнем левом фланге вдоль берега залива Ксерос и лощины Гулли, которую в день высадки англичане могли пройти совершенно спокойно. Бри-



Вот в таком состоянии достался Седд-уль-Бахр победителям

Французские солдаты в замке Седд-уль-Бахр

Угольщик «Ривер Клайд» стал причалом. Обратите внимание на канатную переброску грузов

Атака высот Ачи-Баба
картина художника Криса Коллингвуда

Мыс Хеллес. Первые турецкие пленные

Генерал Хантер-Уэстон и его штаб во время битвы за Критию

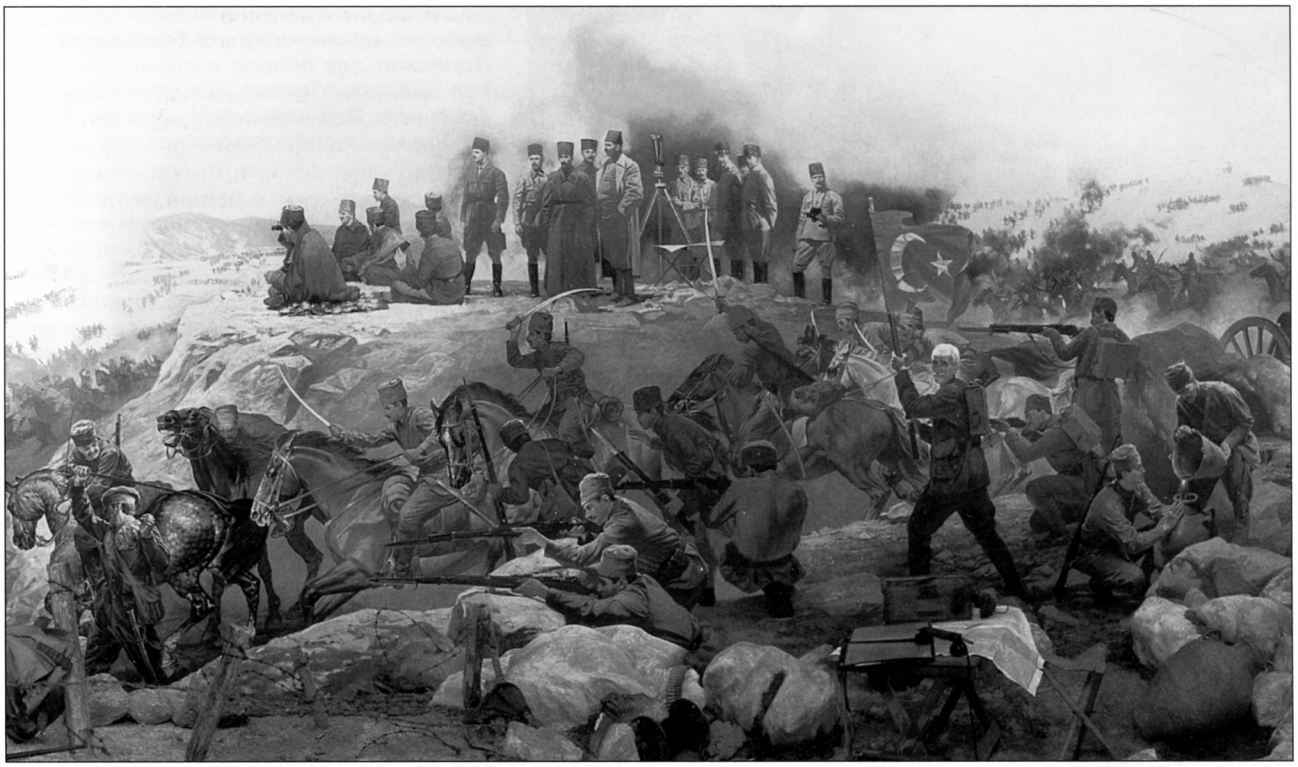
гада продвинулась примерно на 3 километра, пока не встретила линию турецких пикетов. Правее наступала 88-я бригада, а 86-я, которая ранее понесла самые тяжелые потери, оставалась в резерве.

Но все в который раз пошло наперекосяк, причем виновато в этом было командование дивизии. Хотя генерал Хантер-Уэстон подписал приказ еще в 22.00 накануне, штаб не справился со своей работой, и детали не были доведены до многих батальонов. Как и в плане Шлиффена, не было учтено множество факторов, вроде местности, по которой предстояло двигаться войскам, теперь бездорожье обернулось против англичан. Сам Хантер-Уэстон находился слишком далеко от фронта и не мог командовать войсками.

План начал разваливаться с самого начала, так как неожиданно французский 175-й полк тоже пошел вперед и сумел продвинуться примерно на полкилометра, прежде чем был остановлен турками.

Англичанам пришлось хуже. Они встретили три глубокие лощины, о существовании которых никто не думал: Гулли, Крития Нуллах и Ачи-Баба Нуллах. В результате их фронт раскололся на отдельные участки, батальоны потеряли связь друг с другом. Два батальона 87-й бригады завязли в кустах на дне лощины Гулли и попали под плотный пулеметный огонь. Впрочем, туркам тоже приходилось нелегко — оборону держали остатки 26-го и 25-й полк 9-й дивизии. Их солдаты тоже были измучены до крайности, в какой-то момент судьба боя повисла на волоске. Вот что пишет командир батальона 26-го полка: «Командир полка отдал приказ отступать к Соганлидере, но я ответил, что мы должны подождать, и что высоты Ачи-Баба имеют важное значение. Поэтому он сказал, что мы должны отправиться вместе к командиру 25-го полка обсудить это, что мы и сделали. Как раз в это время подошла из резерва 9-я рота и встретила противника вместе с 12-й на левом фланге. Остатки 10-й и 11-й рот стояли на правом, и превосходящие силы противника были остановлены. Бой затянулся на 3 или 4 часа. В результате, хотя 10-я рота понесла большие потери, противник не сумел захватить командные высоты на Ачи-Баба. Через 4 часа на наш левый фланг прибыл 19-й полк 7-й дивизии».

Как раз в тот момент, когда продвижение союзников начало замедляться, свежие турецкие силы контратаковали французов. Те начали отступать, обнажив фланг 88-й бригады. Англичане также начали отходить, зацепившись лишь на крайнем левом фланге. Но даже там они так и не дошли до участка Y, где были три дня назад. К 18.00 атака заглохла сама собой. Хотя союзники имели двойное превосходство в силах,



Штаб генерала Лимана фон Сандерса. Подготовка турецкой контратаки. *Панорама.из Музея Аттатюрка*

они так и не добились ничего серьезного, только потеряли около 3000 человек. Потери турок оказались меньше, но ненамного — около 2400 человек.

Теперь настал черед противника ошибаться. Лиман фон Сандерс начал перебрасывать на полуостров подкрепления, но это были разрозненные полки 5-й, 7-й и 11-й дивизий. Чтобы хоть как-то объединить войска, Лиман фон Сандерс создал специальный штаб и назначил полковника фон Зоденштерна командовать фронтом Седд-уль-Бахр, тогда как командир III корпуса Эсат-паша принял участок Анзак. На фронт поступили свежие подкрепления, и 20 апреля Энвер отдал приказ атаковать и уничтожить противника. Лиман фон Сандерс опасался, что в дневное время корабли союзников сметут огнем своих орудий атакующие колонны и приказал наступать ночью. 1 мая в 22.00 фон Зоденштерн попытался это сделать. Для начала был отдан напыщенный приказ:

«Атаковать противника штыками и полностью уничтожить его!

Мы не отступим ни на шаг. Если мы сделаем это, наша религия, наша страна и наша нация погибнут.

Солдаты! Весь мир смотрит на вас!»

Особенно сильный удар обрушился на французов, которые не выдержали и начали отходить, но кое-как тыловые подразделения и артиллеристы сумели поддержать и остановить отступающую пехоту. А утром действительно вступила в дело корабельная артиллерия. Вспоминает командир броненосца «Винджженс» капитан 1 ранга Смит: «Снялись с якоря, пошли на помощь. Ничего не смогли различить. Запросили информацию у французов. Ответом были только призывы о помощи. Стреляли вслепую. Офицер береговой партии сообщил, что французы бегут, возможна погрузка на корабли. Подошли ближе к батарее де Тотт, чтобы прикрыть погрузку. В 04.30 рассвело. Двинулись дальше. Французы начали наступать. Открыли огонь из 12-фн орудий шрапнелью. Оказалось, что находимся в 1500 ярдах от фланга. Турки отходят. Проводили их 6-дюймовыми. Увидели живую изгородь. Прошли дальше, чтобы видеть, что за ней. В 05.15 увидели, что противник перегруппировывается под прикрытием изгороди. Затем им дали сигнал к атаке. Позволили немного пройти и обстреляли. Они сразу остановились и побежали назад. 06.25 — новая попытка. Прикончили их 6-дюймовой шрапнелью».

Пулеметчики с линейного крейсера «Гебен»

Два полезных изобретения, впервые массово примененных в Галлиполи. Перископ для обзора и перископическое приспособление для стрельбы из винтовки. Это позволяло хотя бы как то бороться с «турецкими снайперами»

И действительно, утром 2 мая французы под прикрытием английских кораблей сумели восстановить положение. На их участок была переброшена бригада Морской дивизии, находившаяся в резерве. Положение стабилизировалось. Ночью 3 мая турки повторили атаку, бросив в бой части только что прибывшей 15-й дивизии, но тоже не добились успеха. Зато в районе боев появилась пулеметная команда, укомплектованная моряками «Гебена».

* * *

Не менее жестокие бои шли в это время на плацдарме Анзак. В том районе находилась 19-я дивизия, которая нанесла несколько ударов по позициям австралийцев. Поэтому в качестве первой меры туда направился линкор «Куин Элизабет», утром 26 апреля он открыл

Перегруппировка сил. Генерал Иан Гамильтон инспектирует Морскую дивизию

огонь по турецким войскам, используя чудовищные 381-мм шрапнельные снаряды, каждый из которых содержал 13700 50-граммовых пуль. Разрыв одного такого снаряда вполне мог положить на месте батальон пехоты. К линкору присоединились «Трайэмф» и «Бекчент». Австралийцы, отбив ночные атаки принялись лихорадочно окапываться и наконец получили хоть какое-то укрытие. На берег вытащили несколько 18-фн орудий (83,8 мм) и поставили их на прямую наводку — ничего другого местность и расстояние до противника не позволяли. Однако контратаки турок продолжались и 26 и почти весь день 27 апреля.

Кстати, именно 27 апреля состоялась вторая стычка линкора «Куин Элизабет» с турецким броненосцем, теперь это был «Тургут Рейс». Линкор стрелял из залива Сарос, корректируя огонь с помощью аэростата. Броненосец находился в проливе возле Майдоса. 381-мм снаряд попал в турецкий пароход «Ускюдар» и потопил его, но командир броненосца, видя это, поспешил уйти. Вообще в период с 26 по 28 апреля линкор израсходовал 121 снаряд 381 мм и 406 снарядов 152 мм, поддерживая австралийцев.

Турецкие снайперы прятались в кустах даже на территории, вроде бы занятой Анзаком. Особенно они досаждали австралийцам в Шрапнельной лощине и на узком хребте, соединяющем плацдарм с массивом Сари-Баир. Уже в первый день там погибли командир 1-й бригады полковник М'Лорин и его начальник штаба, а всего за первые два дня боев Анзак потерял 4500 человек, к 28 апреля потери достигли 20 процентов личного состава. К счастью, австралийские дивизии имели 10-процентный перекомплект для восполнения потерь, но вот английским дивизиям Военный совет такой роскоши не позволил. К 28 апреля 1-я австралийская дивизия была настолько измотана, что генерал Гамильтон просто вынужден был отправить на плацдарм Анзак 4 батальона Морской дивизии.

1 мая в 04.00 подполковник Мустафа Кемаль провел очередную атаку, используя темноту как прикрытие от огня корабельных орудий. Один из австралийцев вспоминал: «На рассвете турки атаковали в огромном количестве, и положение сразу стало критическим, но, не дойдя до траншей, они отступили с большими потерями. Мой второй номер у пулемета был убит, во время атаки он стрелял из винтовки и получил пулю в голову. Я взял перископ у одного из субалтернов, чтобы попытаться обнаружить вражеский пулемет, который постоянно беспокоил нас. Как только я поднял его из траншеи, пуля выбила перископ у меня из рук. Я пошел сообщить об этом офицеру, однако он тоже был убит. Снайперы стали серьезной угрозой, они находились повсюду и очень умело прятались».

Штаб генерала Бриджеса перед 2-й битвой за Критию. Уже несколько больше порядка.

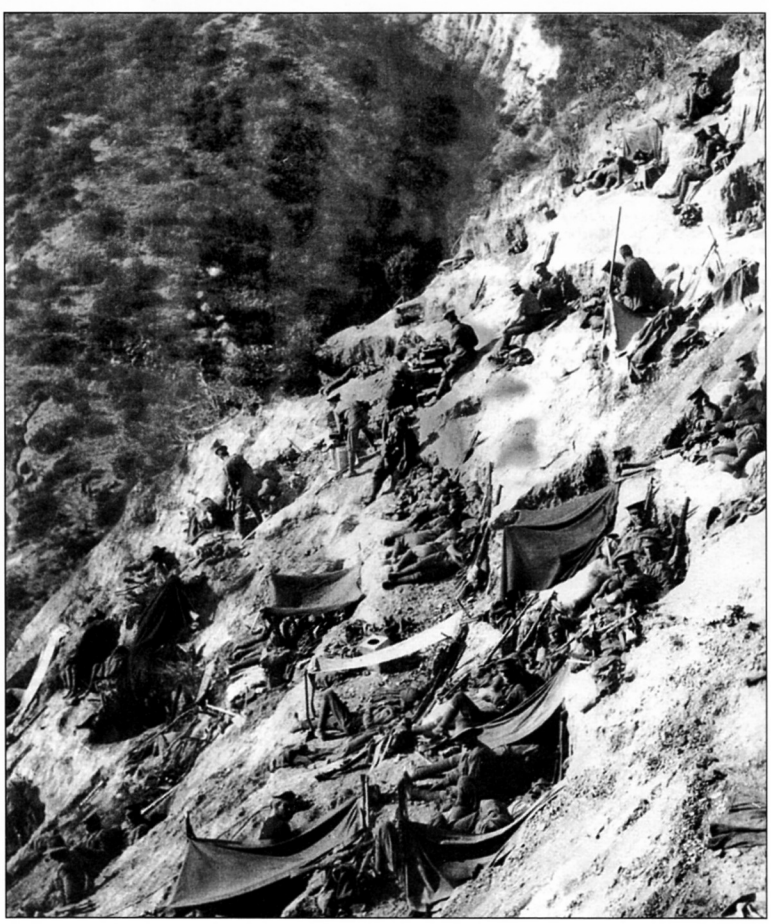
Такой же безуспешной оказалась попытка атаки, которую предпринял вечером генерал Бирдвуд. Ее должны были провести новозеландцы в 19.15 после короткой артподготовки. Но турки просто расстреляли их из пулеметов, не подпустив к своим траншеям.

В ходе этих боев проявилось четкое отличие от таких же кровопролитных и безуспешных атак на Западном фронте. Там артиллерийская подготовка велась по несколько дней, это заранее обнаруживало участок атаки, но зато хотя бы первая линия обороны была перепахана десятками тонн снарядов. На Галлиполи артподготовка была очень слабой и совершенно неэффективной, артиллерии не хватало обоим противникам. Даже кратковременная стрельба могла быть эффективной, если бы велась по заранее разведанным целям, однако союзники, которые пытались наступать несколько чаще, даже не пытались вести разведку, хотя могли использовать для этого авиацию. Результат получался наглядным. На Западном фронте войска продвигались на пару километров, пусть даже далее они не могли развить этот скромный успех. На Галлиполи продвижение исчислялось метрами, ведь солдаты фактически пытались атаковать совершенно целую линию обороны, и потери при этом были ничуть не меньше. Ну а эпохальную фразу генерала Хантер-Уэстона вы помните, генералы-мясники имелись практически в любой армии.

* * *

Достаточно быстро уже обоим командующим стало понятно, что без подкреплений не обойтись, ведь за первые 10 дней боев к 5 мая союзники потеряли 13979 человек. Однако ни Гамильтон, ни Лиман фон Сандерс пока еще не представляли, что полуостров Галлиполи превратится в бездонную воронку, засасывающую солдат десятками тысяч. Впрочем, англичане уже стянули туда 4 своих и 1 французскую дивизию, хотя ранее намеревались обойтись партиями подрывников. Теперь Гамильтон уже отдал приказ перевезти из Египта 29-ю индийскую бригаду и готовить к отправке 42-ю дивизию, однако на это требовалось время, поэтому индийцы появились на плацдарме 12 мая, а дивизия еще позже. В июне прибыла 52-я дивизия, в первой половине июля — 13-я дивизия. В первую неделю августа высадились сразу две дивизии — 10-я и 11-я, а буквально следом за ними — 53-я и 54-я. Французы направили на помощь союзнику 2-ю дивизию Восточного экспедиционного корпуса. Да, недаром Черчилль потом заметил, что подозревай он, что потребуется отправить на Галлиполи 100000 солдат, он ни за что не начал бы операцию. Отправить пришлось в конечном счете полмиллиона солдат, половина из которых была убита или ранена.

Впрочем, турки были вынуждены реагировать соответственно, и Лиман фон Сандерс сначала перевел на полуостров дивизии своей 5-й Армии, разбросанные вдоль побережья Эгейского моря. Сначала к мысу Хеллес направилась 7-я дивизия III корпуса, за ней 5-я дивизия из армейского резерва. После этого он забрал часть сил 3-й и 11-й дивизий, находившихся на азиатском берегу пролива, оставив район Кум-Кале под чисто символической охраной. Впрочем, французы оттуда уже эвакуировались. После этого Лиман фон Сандерс надавил на Энвер-пашу, и на полуостров двинулись части 1-й и 2-й армий, дислоцированных во



Перед 2-й битвой за Критию. Передовые посты АНЗАК на подходах к высотам Ачи-Баба. 3 мая 1915 г.

«Потери? А почему я вообще должен думать о потерях?». Извлечение пули под хлороформенным наркозом из руки раненного в госпитальной палатке 42-й дивизии на мысе Хеллес

Еще одна проблема плацдарма. Нехватка воды. Носильщики канистр 6-й артиллерийской батареи

Фракии. Сначала это были 13-я, 15-я и 16-я дивизии V корпуса 2-й Армии. За ними проследовала 4-я дивизия II корпуса 1-й Армии. 2-ю пехотную дивизию забрали из гарнизона Константинополя, ушла также 12-я дивизия.

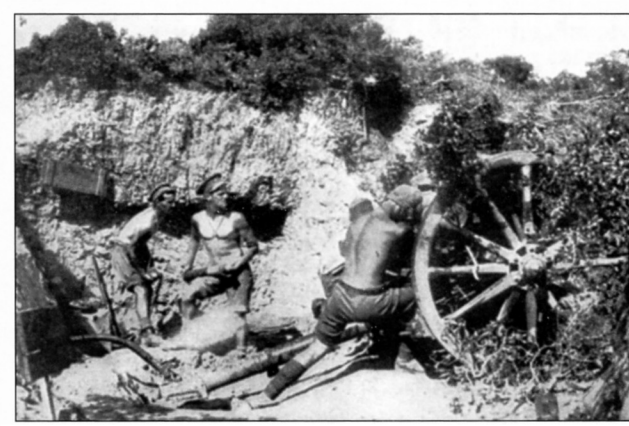
Однако следующее сражение — Второй бой за Критию с 6 по 8 мая — противникам пришлось вести прежними силами. Генерал Гамильтон решил все-таки постараться захватить высоты Ачи-Баба. Наступление планировалось в три фазы. Сначала предполагалось продвижение по всему фронту на 1,5 километра, после чего французская дивизия должна была окопаться и ждать. Затем повторялось захождение левым флангом — англичане наступали, чтобы захватить Критию. После этого планировался штурм Ачи-Баба. На всякий случай Гамильтон решил подкрепить измотанную 29-ю дивизию 2-й австралийской и Новозеландской бригадами, которые были выведены с плацдарма Анзак, где положение стабилизировалось. Это прекрасно характеризует стиль действий британских генералов: сначала с мыса Хеллес на север отправляются батальоны Морской дивизии, а потом с севера на мыс перевозяться австралийские бригады. И вообще план был совершенно нереальным с учетом сложившейся обстановки, но британские генералы всегда отличались... назовем это «упорством».

Хотя на плацдарм выгрузили еще несколько орудий, их было по-прежнему слишком мало. Артподготовка началась 6 мая в 10.30, а в 11.00 войска двинулись вперед. Но продвижение быстро застопорилось, столкнувшись с сильным сопротивлением турок. Впрочем, французы сумели выйти на намеченный рубеж, захватив турецкую траншею, и постарались закрепиться. Теперь настал черед англичан. 88-я бригада и части Морской дивизии в центре сумели пройти только 400 метров, но при этом так и не подошли к турецкой линии обороны, остановленные пикетами.

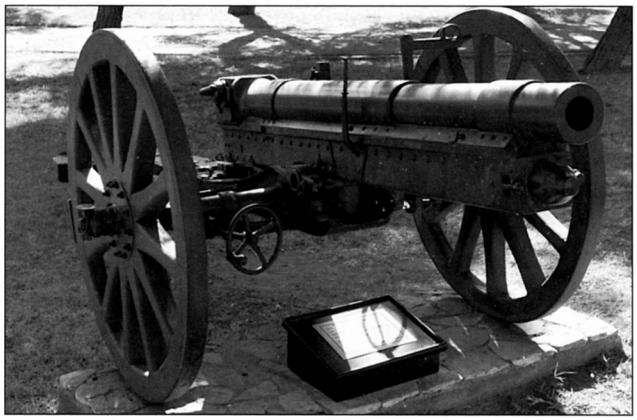
7 мая союзники попытались наступать дальше, но не сумели. Хуже того, фланговый огонь турецких пулеметов со стороны лощины Гулли приковал бригады к месту, не позволяя ей двинуться ни назад, ни вперед.

Утром 8 мая генерал Хантер-Уэстон бросил на помощь 88-й бригаде новозеландцев, которые ценой чудовищных потерь сумели отвоевать еще 400 метров. Вот как это смотрелось для участников:

«Мы пробежали 200 ярдов, и меня посетила странная мысль: какие здесь красивые маки и лютики. За-



Одна из пока немногочисленных союзных 18-фунтовых пушек на плацдарме. Проблему нехватки артиллерии будут решать уже после майских боев



7,5-см орудие Крупа обр. 1906 года. Одно из лучших полевых орудий турецкой армии

тем, вконец уставшие, мы рухнули на землю в небольшой впадине, задыхаясь. Сначала между солдатами было около 10 ярдов, но постепенно промежутки заполнялись солдатами, которые сумели добежать до нас. Но тут начался шторм, который с каждой секундой становился все сильнее, пока на нас не обрушился настоящий ливень раскаленного свинца. Мы в ужасе извивались на земле, судорожно стараясь хоть както зарыться с помощью наших примитивных инструментов. Вскоре пострадали четыре человека, лежавшие рядом со мной: один был убит, двоим сломало ноги, последний получил тяжелую рану в плечо. Вдруг меня ударило по ноге словно молотом. Я оглянулся со странным чувством облегчения, потому что решилась моя судьба, но это была только царапина. Затем другая пуля пробила мою шинель, третья оторвала два фута ремня моей винтовки. Затем раненый справа от меня получил пулю в голову, и его страдания закончились».

Несмотря на это, Хантер-Уэстон приказал в 17.30 возобновить наступление. Командир бригады полковник Джонстон попытался протестовать, но командир дивизии повторил приказ. Более того, генерал Гамильтон приказал начать общую атаку с целью захватить Критию и Ачи-Баба, бросив в бой 2-ю австралийскую бригаду. Атака захлебнулась, причем австралийцы потеряли половину состава. Бой превратился в бойню. На правом фланге французы, учитывая общее развитие ситуации, отошли назад.

В результате после трех дней боев союзники сумели продвинуться в среднем на 600 метров, но при этом потеряли более 6000 человек, треть участвовавших в наступлении. Причины были те же самые — полное отсутствие сведений о противнике, которое делало артподготовку совершенно бесполезной. Именно во время этого сражения, когда генерал Гамильтон предложил Хантер-Уэстону попробовать наступать ночью, как это делали турки, чтобы снизить потери, тот произнес историческую фразу: «Потери? А почему я вообще должен думать о потерях?» Помните, что мы уже говорили об английских генералах? Наверное, эти обвинения имели под собой почву. При этом сам Гамильтон своей вины не видел. В беседе с Китченером он во всем обвинил турок, которые слишком умело прятали свои пулеметные гнезда.

В результате боев первой недели мая обе стороны понесли большие потери, им пришлось «зализывать раны». Как уже говорилось, началась подвозка подкреплений и подготовка к новым боям. Поэтому все следующие значительные события происходили на море в районе плацдармов союзников.

* * *

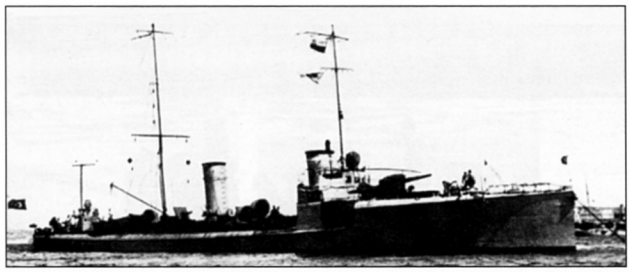
От мысли использовать «Гебен» адмирал Сушон отказался достаточно быстро, ведь возле Галлиполи находился страшный противник. 2 мая линейный крейсер вышел в Мраморное море, чтобы обстрелять транспорты союзников у Галлиполи, но был обнаружен британским привязным аэростатом. Одного сообщения о появлении линкора «Куин Элизабет» хватило, чтобы «Гебен» бросился искать укрытие за скалистыми берегами Узостей. Вообще-то Сушон был целиком занят нейтрализацией активных действий русского Черноморского флота контр-адмирала Эбергарда, с которым германские корабли имели несколько стычек, не давших решающего результата. Русские поставили на входе в Босфор мины, на которых «Гебен» подорвался в декабре 1914 года, а «Бреслау» — в июле 1915.

Корабли союзников оказывали артиллерийскую поддержку высаженным войскам, но порядка на море было ничуть не больше, чем на суше. «Наглухо заблокированные» Дарданеллы, перед которыми были сосредоточены десятки кораблей, на самом деле больше напоминали проходной двор. Старые турецкие миноносцы свободно входили и выходили из пролива, а ведь следовало еще ждать и немецкие подводные лодки, их появление на Средиземном море было просто неизбежно. Впрочем, лодки союзников также орудовали в Мраморном море почти без помех. Главной опасностью для них были сильные течения и мели, но не турецкие корабли.

Однако беспечность союзников однажды должна была сказаться. 7 марта из пролива выскочил миноносец «Демирхисар», но на сей раз для блокирующей эскадры все кончилось благополучно, хотя мы еще узнаем о подвигах этого корабля.

Зато следующая попытка принесла результат. Ситуация в Дарданеллах в начале мая складывалась не слишком благоприятно для турок. Британские корабли обстреливали турецкие позиции на полуострове Галлиполи. Подводные лодки союзников хозяйничали в Мраморном море. Действия противолодочных сил турок не имели совершенно никакого успеха. И немецкие офицеры решили хоть как-то переломить ситуацию.

6 мая командир полуфлотилии эсминцев капитан-лейтенант Фирле получил радиограмму, в которой ему предлагалось попытаться атаковать британский броненосец, стоящий в бухте Морто. После выяснения отношений между Берлином, Константинополем и Чанаком на предмет того, кому подчиняется эта самая полуфлотилия, 10 мая Фирле получил приказ провести атаку. При этом он не должен был покидать Дарданеллы, чтобы не затруднить проход германским подводным лодкам, прибытие которых ожидалось в ближайшее время. Германское командование не питало ни малейших иллюзий относительно качеств турецких моряков, поэтому полученная Фирле инструкция требовала от него «немедленно идти в Чанак, захватив с собой немецких командиров и торпедистов для здешних 3 миноносцев».



Турецкий эсминец «Муавенет»

10 мая в 13.30 Фирле на своем флагманском эсминце «Муавенет» прибыл в Чанак. На совещании адмирал Узедом объяснил, что турецкие позиции у Седд-уль-Бахра подвергаются сильнейшему обстрелу британских кораблей, на ночь уходящих в бухту Морто. Он предложил использовать для атаки 3 маленьких турецких миноносца. Однако Фирле с этим не согласился. Эти корабли имели только 1 торпедный аппарат, поэтому один «Муавенет» мог дать такой же залп, как все эти 3 корабля вместе взятые, а маневрирование 3 миноносцев на узком фарватере представляло собой исключительно сложную проблему. Узедом согласился с мнением Фирле.

Главным, по мнению Фирле, являлось навигационное обеспечение операции. Поэтому он тщательно обследовал фарватер и обвеховал его. Для наблюдения за бухтой Морто Фирле провел ночь на одной из гаубичных батарей азиатского берега. В своем дневнике он оставил довольно красочное описание увиденного:

«Перед входом в Дарданеллы, в море огней — как будто в Кильской бухте — стоял соединенный англо-французский флот с транспортами. Английские корабли располагались от Теке-Бурну (на европейском берегу), к ним примыкали французы, а в конце линии стоял русский крейсер «Аскольд». В Дарданеллах, в бухте Морто этой ночью находились на якоре 2 броненосца, которые освещали береговые позиции прожекторами и поддерживали по ним длительный огонь тяжелой и средней артиллерии. На английской же стороне, на суше, охватывая английские позиции и всю бухту до мыса Хиссарлик, взлетали время от времени световые ракеты, освещавшие обширное пространство, что было очень неблагоприятно для эсминцев, следующих вдоль побережья. От мыса Хиссарлик, наискось к Эренкойской бухте, располагалась линия дозора, который регулярно нес дивизион эсминцев типа «Бигль». В этот вечер можно было видеть, как правофланговый эсминец непосредственно под наблюдательным постом проходил по бухте Эрен-Кёй. Незаметный прорыв линии дозора поэтому наиболее вероятен под европейским берегом».

Рудольф Фирле (сидит слева) вместе с командиром миноносца «Султанхиссар» Али Реза (стоит) и Ахмет Саффет-бей (сидит справа, командовал эсминцем «Муавенет» до прибытия Фирле)

12 мая были отданы приказы турецким прожекторным командам, а на «Муавенете» проведены последние приготовления. В 18.40 эсминец снялся с якоря. Фирле постарался подготовить корабль к бою так, как это было принято в германском флоте. Он даже приказал принять только половинный запас топлива, чтобы уменьшить осадку корабля. Вот как он описывает атаку в своем дневнике:

«Между 19.00 и 19.30 прошли минные заграждения. Эсминец довольно плохо слушается руля, идя по течению. Носовой руль находится слишком высоко. Видимость была достаточная, чтобы видеть буи.

В 19.40 стали на якорь в бухте Зуандере, вне заграждений. Во время постановки в Дарданеллы вошел броненосец и стал на якорь перед бухтой Морто. В 20.00 — темно, канун новолуния, небо частично покрыто облаками, обычная ночь. Над водой сероватый туман.

С 20.20 до 23.20 английские корабля, стоящие на якоре перед бухтой Морто, стреляют по сухопутным позициям и освещают их прожекторами, иногда ракетами. Решаю предпринять атаку после полуночи, рассчитывая в первую очередь на ослабление бдительности на кораблях, в частности на дозорных эсминцах, вызванное утомлением после обстрела.

13 мая 1915 года в 0.30 снялись с якоря, двинулись малым ходом (8 узлов) как можно ближе к высокому европейскому берегу. Вскоре заметили справа перед собой очертания корабля.

00.45. Слева на крамболе в 600 — 800 метрах контркурсом проходит дивизион неприятельских эсминцев, не заметивший нас.

01.00. Справа по носу 2 больших корабля, стоящих на якоре в кильватерной колонне перед бухтой Морто, наискось от мыса Эски-Хиссарлик. Хорошо видно, что это броненосцы. Держусь по-прежнему вплотную к берегу.

На берегу сильный пулеметный огонь из доходящих до самой воды окопов. Случайные пули залетают на палубу.

01.10. Почти у самого мыса Хиссарлик поворачиваю на 10° влево на фарватер, чтобы отойти на дальность торпедного выстрела, продолжая следовать малым ходом. Аппараты — на правый борт. Офицеры выходят на палубу, вентиляция не работает.

01.13. Головной корабль с расстояния 100 метров делает сигнал «О» Ратьером. «Муавенет» отвечает тоже «О». Корабль повторяет, «Муавенет» тоже. Ревуном даю сигнал о выпуске торпед.

01.15. Корабль запрашивает в третий раз. В тот же момент стреляем из носового аппарата, вскоре после этого — из среднего и кормового.

Три отчетливых сильных взрыва, следы торпед идут к мостику, задней кромке трубы и кормовой части.

Корабль после первого же попадания ложится на правый борт, окутанный облаками густого черного дыма, у грот-мачты вырывается красное пламя.

Не слышно криков. На концевом корабле тоже все тихо.

После второго выстрела поворачиваю круто к берегу, имея руль «лево на борт» и дав полный ход, чтобы укрыться от обнаружения и избежать неизвестных минных заграждений против бухты Домус-Дерези. Неприятельские эсминцы нас не заметили.

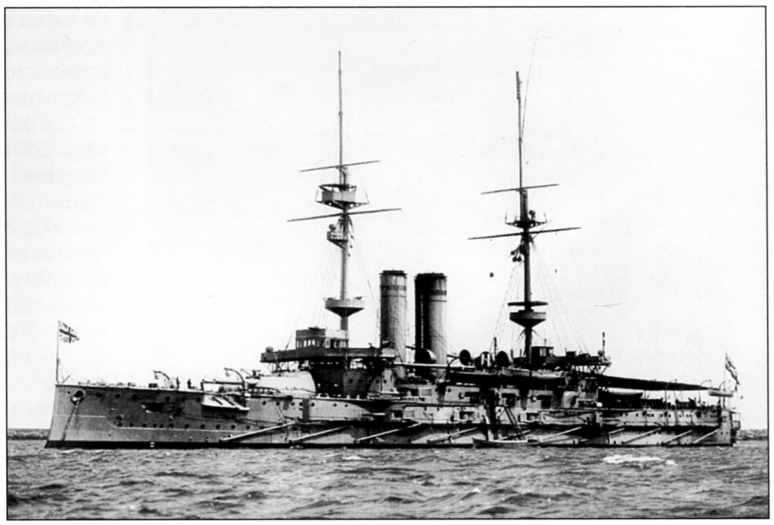
За кормой, на месте происшествия, свет прожекторов многочисленных кораблей.

02.00. Пришел в бухту Зуандере. Держась на месте, сообщил береговым батареям об удавшейся атаке.

Радио командующему флотом: «Английский линейный корабль потоплен 3 торпедами в бухте Морто. Фирле».

Ввиду того, что «Муавенет» до сих пор не был замечен неприятелем, я решил оставаться в бухте Зуандере, перед минными заграждениями.

03.30. Справа замечены неприятельские эсминцы на азиатской стороне, напротив бухты Кефез. Форты Дарданос и Интепе открывают огонь.



Вверху: эскадренный броненосец «Голиаф», потопленный 12 мая 1915 г. турецким эсминцем «Муавенет». Погибло 570 человек. Внизу: часть экипажа броненосца «Голиаф». Обратите внимание на дополнительные 12-фунтовые орудия установленные для обстрела берега и поддержки войск

Желая во что бы то ни стало скрыть от неприятеля направление фарватера, которым «Муавенет» пользуется для прохода минных заграждений, и стремясь по возможности оставить противника в неведении относительно способов атаки, я решил пройти район минных заграждений до бухты Авуала, в которой мог стоять совершенно незамеченным неприятелем. Кроме того, тем самым я давал возможность фортам европейского берега стрелять.

03.50. Стал на якорь в бухте Авуала.

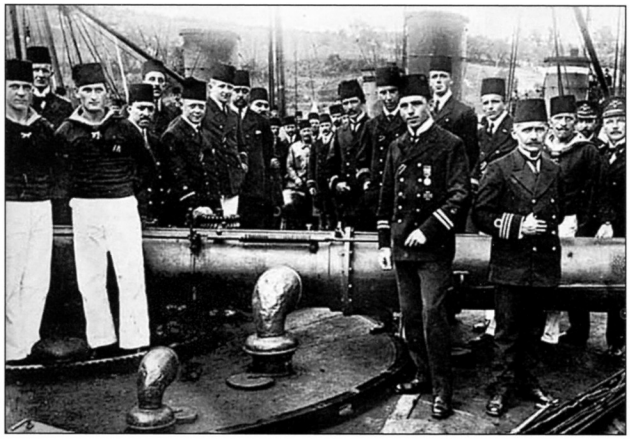
04.45. Снялся с якоря, прошел последнюю часть минных заграждений.

05.00. Стал на якорь у Чанака.

10.15. «Муавенет» получает радио от Сушона: «Хорошо сделано».

В ходе этой атаки был потоплен британский броненосец «Голиаф», после этого корабли союзников уже не рисковали становиться на якорь в проливе. Сначала в корабль попали две торпеды: одна напротив носовой башни, вторая в районе первой трубы. Третья торпеда попала под кормовую башню. Вот как это выглядело для английского мичмана Уэлд-Форестера:

«Корабль накренился на 5 градусов на правый борт, и я поднялся к левому борту. Царила непроглядная темень. Матрос, бежавший помочь спустить шлюпку, врезался в меня, пришлось его облаять. Постепенно толпа собралась вдоль левого борта. «Шлюпки! Шлюпки!» — кричали они. Однако корабль кренился все больше, и не было ни видно, ни слышно приближения каких-либо судов. Голоса начали звучать уже немного безнадежно. Внутри корабля раздавался грохот и треск — это все, что не было закреплено, било по переборкам. Он накренился на 20 градусов и остановился, замер неподвижно на несколько секунд. В этот момент послышался голос одного из офицеров: «Спокойнее, парни! Вы же англичане!»



Торпедисты и офицеры эсминца «Муавенет» позируют вокруг торпедного аппарата «победившего Голиафа»

Но это была временная передышка, броненосец повалился на борт, перевернулся и затонул носом вперед. Кое-кого успели подобрать шлюпки броненосца «Лорд Нельсон», однако все равно погибли командир «Голиафа» (капитан 1 ранга Шелфорд) и 570 человек команды. Здесь трудно удержаться от сравнения со знаменитым поединком Давида и Голиафа.

* * *

Ничуть не меньший интерес представляют воспоминания турецкого лейтенанта Хайдара Али, служившего на миноносце минным офицером. Воспоминания несколько корявые, так как были записаны почти 70 лет спустя, но в них есть ранее неизвестные подробности, ну а название говорит само за себя: «Я потопил «Голиаф». Что еще интересно, обратите внимание на использование дат старого стиля.

«Перевозка войск, снабжения и боеприпасов из Стамбула на фронт в Галлиполи была значительно затруднена из-за действий вражеских подводных лодок в Мраморном море в марте и апреле 1915 года. В этот период несколько наших военных кораблей и транспортов были потоплены. Перевозить войска и снабжение по суше было почти невозможно, это требовало огромного времени из-за отсутствия дорог.

По этой причине Верховное командование нашего флота приняло отчаянный план слежения, преследования и уничтожения вражеских субмарин. Задача

Турецкий миноносец «Султанхиссар» и его командир Али Реза. Миноносец обеспечивал прорыв эсминца «Муавенет» к бухте Морто

уничтожать вражеские лодки в Мраморном море была поручена нашему эсминцу «Муавенет-и Миллие». Нам придали миноносцы «Султанхисар», «Сиврихисар» и пароходы «Искендерун», «Бахри Саид» и «Айдин».

Согласно приказу Верховного командования в четверг 23 апреля 1915 года мы отправились на острова Пашалимани в южной части Мраморного моря в порт Паша. Эти острова должны были служить нашей базой. Приданные нам корабли патрулировали Мраморное море. 24, 25 и 26 апреля были спокойными. Вечером 26 апреля 1915 года мы получили сообщение от коменданта крепости Чанак-Кале, в котором говорилось: «Вражеский военный корабль стоит в бухте Морто, он вызывает большие потери на левом фланге наших оборонительных линий на реке Керевиз. Если обстрелы с этого корабля продолжатся, возможно, что оборона Дарданелл рухнет. Если вы готовы потопить вражеский корабль, идите к Чанак-Кале».

Позднее мы узнали, что каждую ночь батальон добровольцев отправлялся в траншеи на Керевиз-Дере, но лишь немногие переживали следующий день. Река Керевиз несла в море не воду, а благородную турецкую кровь. Поэтому она была переименована в Канли-Дере — Реку крови.

27 апреля в 07.30 мы покинули Пашалимани и прибыли в порт Гелиболу. Мы все, офицеры и команда, отдали честь могиле Мехмета-эфенди и остальных воинов, которые пали в 1353 году во время завоевания Галлиполи турками. Мы молились за их души. Наши солдаты с берега салютовали нам пушечными выстрелами. Угроза смерти никогда нас не волновала.

Мы прибыли к Чанак-Кале в 13.30. Командир нашего корабля Ахмет Сафет-бей и немецкий офицер связи Фирле посетили коменданта крепости полковника Джеват-бея. Потом они пересекли пролив и прибыли в Килид-Бахр, чтобы отследить передвижения и позицию «Голиафа». Для лучшего обзора они добрались до бухты Морто.

Наша задача была рискованной, поэтому мы тренировались днем и ночью. Пролив был перекрыт минами, из него не было выхода. Вытралить мины, чтобы открыть нам фарватер, было очень трудно, такую работу нельзя было проделать незаметно для противника. Возле анатолийского берега имелся узкий фарватер для маленьких судов, о котором знал противник.

Положение «Голиафа» днем и ночью, все его меры предосторожности были нами тщательно зафиксированы. Оценив все возможные варианты, было решено идти вдоль берега. Главной причиной этого были большие глубины в этом месте и высокие обрывистые берега. Эти обрывы могли укрыть наш корабль от противника. Мы знали, что рядом с «Голиафом» патрулируют от 2 до 4 миноносцев.

Время внезапной атаки было назначено на полночь. Это время было выбрано из расчета смены вахт на английских кораблях. Личный состав на вахте будет утомлен, и матросы будут сонными.

Отдав приказ, наш командир Ахмет Сафет-бей спросил меня, есть ли у нас шансы на успех? «Эфенди, — ответил я, — Есть две неприятные возможности: мы вылетим на берег или подорвемся на мине и поднимемся на небо, как ангелы».

28 апреля мы были готовы выйти. Мы проверили и перепроверили пушки и торпеды. Мы замерили дав-

ление воздуха в баллонах торпед. 29 апреля капитан сказал, что может быть, атака состоится этой ночью. И приказал подготовить торпеды. Мы приняли на борт командира подразделения минеров Чанак-Кале, чтобы он указал нам безопасный путь.

Мы вышли из Чанак-Кале в 19.00, вверив себя Аллаху всемогущему. В 19.15 мы подошли к Килид-Бахру на противоположном берегу. Чтобы укрыться от противника и не попасть на мины, мы шли под самым берегом. В Чанак-Кале, чтобы облегчить корабль, мы оставили лишние грузы и пушки (две 75-мм и два 57-мм орудия).

Внезапно случилось то, что перепугало нас — правый винт ударил о подводный камень. Но, слава Аллаху, повреждения оказались невелики, отломилась лишь одна лопасть.

В 19.50 мы стали на якорь на глубине 9 фатомов возле Соганли-Дере, чтобы дождаться подходящего времени для атаки вражеского корабля. Так как это место было совсем не безопасным для ожидания, мы подтащили корабль поближе к берегу. Лоцман покинул корабль.

Из Соганли-Дере мы вышли 30 апреля в 00.45. Мы приблизились к бухте Морто и увидели 2 патрулирующих вражеских эсминца и огромную тушу «Голиафа».

Когда мы приблизились к «Голиафу», они нас заметили. Нам послали серию каких-то сигналов. Они запрашивали пароль. Я знал английский. Я немедленно поднялся на мостик и начал посылать в ответ всякие сигналы. Я собирался заставить противника засомневаться и выиграть время, чтобы подойти к «Голиафу» как можно ближе.

Больше мы не могли терять время. Мы подошли к «Голиафу» на 400 — 500 метров. Нам требовалось подойти на 300 метров, чтобы нанести смертельный удар.

В 01.10 в мгновение ока мы зарядили в аппарат лоснящуюся смазкой трехметровую торпеду весом в тонну. Это было невероятно. Обычно на тренировках это занимало у нас 10 минут.

Мы выпустили первую торпеду и начали ждать с волнением. Затем мы выпустили вторую торпеду. Первая попала в «Голиаф». Я полагал, что не стоило выпускать третью. Возбужденный попаданием первой торпеды, расчет третьего торпедного аппарата сам произвел выстрел. Мы видели, как вторая и третья торпеды попали в «Голиаф». Мы видели, как «Голиаф» лег на правый борт. Гигант пылал. Плотный дым затянул весь его корпус. Грот-мачта походила на огромный факел. «Голиаф» быстро затонул.

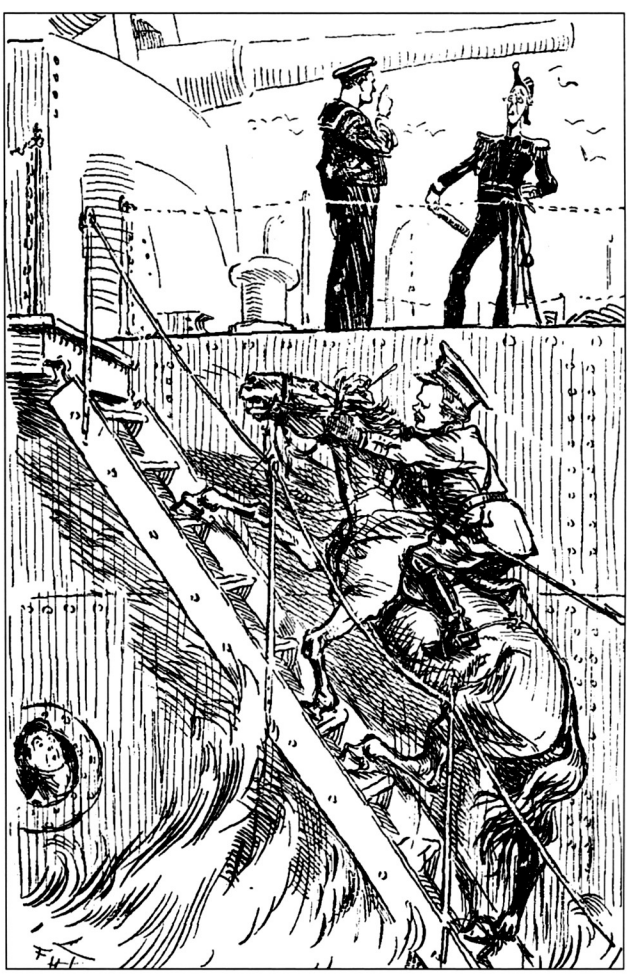
Мы добились своей цели без всяких потерь, никто даже носа не расквасил. Мои матросы от радости обнимали меня. Они целовали мне руки. Я целовал их в щеки и в лоб. Весь экипаж корабля радостно кричал: «Ура!», но времени на празднование не было, и я приказал матросам зарядить четвертую торпеду на случай вражеской атаки.

Мы помчались назад полным ходом. Мы бросили якорь в Соганли-Дере в 02.00. Дальше мы не могли двигаться, так как подошли вплотную к минным полям. После 20 минут ожидания я увидел, как появились 2 вражеских корабля. Наши батареи в Дарданосе и Соганли открыли прожектора и начали стрелять. Нам все еще угрожала опасность. Мы решили рискнуть и пошли через минные заграждения. Благополучно пройдя их, мы подошли к берегу Галлиполи у Хавузлара, где остановились до рассвета. В 04.45 мы пересекли пролив и подошли к Чанак-Кале. Все люди на батареях Чанак-Кале приветствовали нас, распевая национальный гимн, играя на барабанах и трубя в трубы.

Пока мы шли от Хавузлара, мы подняли наш славный национальный флаг, чего обычно ночью не делают».

* * *

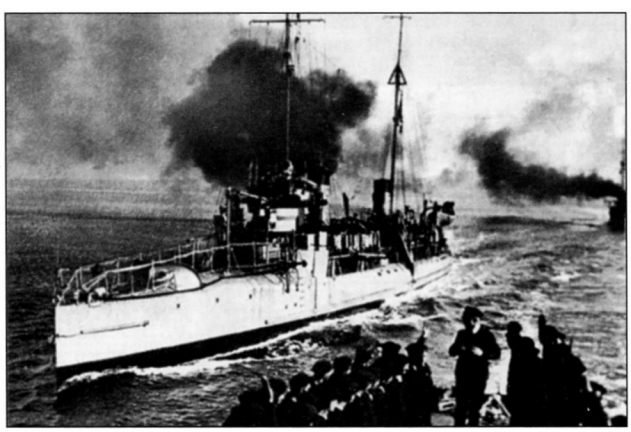
Сразу после потопления «Голиафа» произошли две громкие отставки в руководстве Королевского Флота. 15 мая адмирал Фишер, вконец рассорившись с Уинстоном Черчиллем, покинул пост Первого Морского Лорда. Но и Черчилль не усидел в своем кресле, 17 мая он ушел в отставку с поста Первого Лорда Адмиралтейства. И практически сразу после этой атаки на всякий случай Адмиралтейство отозвало линкор «Куин Элизабет», решив не подвергать слишком большому риску такой ценный корабль. Как оказалось, очень вовремя, потому что вскоре после этого появились немецкие подводные лодки. Впрочем, лодки союзников и не прекращали своих действий в Мраморном море, о чем мы сейчас и расскажем. В это же время сменился и командир французского Восточного экспедиционного корпуса, 15 мая генерал Альбер д'Амад убыл во Францию, и его место занял генерал Анри Гуро.



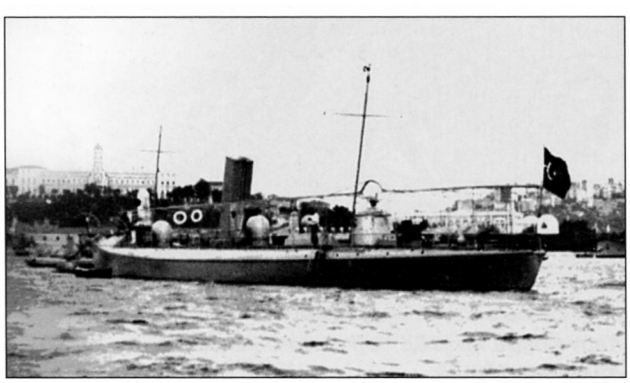
Карикатура на уход Черчилля с поста Первого Лорда Адмиралтейства

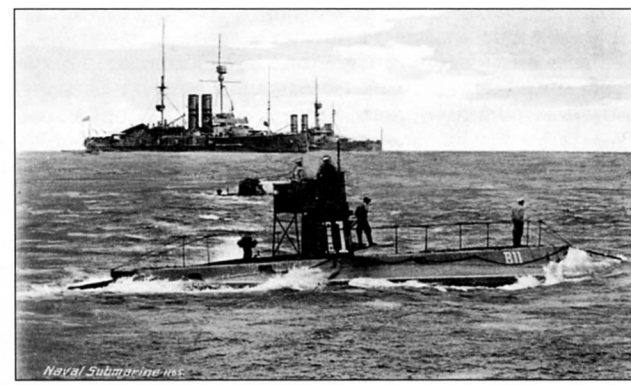
Мраморное море — подводные лодки

Пока в Дарданеллах шли упорные бои между флотом союзников и турецкими береговыми батареями, не менее ожесточенная борьба развернулась и под водой. Дело в том, что дорожная сеть полуострова Галлиполи находилась в зачаточном состоянии, поэтому вызывает удивление наивная уверенность британского командования, будто высаженные войска пройдут победным маршем от мыса Хеллес до самого Килид Бахра. Даже не будь на полуострове турецких войск, этот марш превратился бы в тяжелейшую задачу, а прорыв укреплений становился задачей неразрешимой. Это вам не чистенькие и умытые равнины северной Франции, это Азия, господа, Азия! Пыльные долины, прокаленные солнцем, и узенькие тропинки вместо дорог. К началу высадки союзников турки перевезли на полуостров 5 пехотных дивизий, но сделали это **по морю**. И снабжение их также велось **по морю**. Грузы доставлялись в городки Чанак-Кале, Гелиболу, Бандирма и Муданья, где имелись хоть какие-то причалы, и уже оттуда припасы и подкрепления отправлялись на фронт, благо здесь расстояния были небольшими. В силу этого борьба на морских коммуникациях в Мраморном море и Дарданеллах приобретала особое знание.



Вверху: турецкий эсминец «Самсун»
Внизу: турецкий миноносец типа «Ак-Хисар». Старые турецкие миноносцы и канонерские лодки несли противолодочную службу в Дарданеллах





Британская B-11 – первая подводная лодка союзников, проникшая в Дарданеллы

Турки, предвидя опасность, постарались наладить сопровождение транспортов. Из Константинополя до Гелиболу на входе в пролив их сопровождали миноносцы немецкой постройки типа «Муавенет». Купленные во Франции миноносцы типа «Самсун» вели транспорты по проливу до Чанак-Кале, а маленькие миноносцы типа «Ак-Хисар» патрулировали возле портов европейского берега Мраморного моря. Интересно, что попытка организовать конвойную систему провалилась как раз по тем причинам, которых боялось британское Адмиралтейство. Маленькие деревушки, гордо названные портами, не успевали разгружать корабли, а дороги от причалов не обладали нужной пропускной способностью.

Но мы отвлеклись. В сентябре 1914 года в состав блокадных силы были включены первые подводные лодки. Это были устаревшие и маленькие британские лодки типа «B». Сначала они играли достаточно пассивную роль, но в декабре 1914 года было решено отправить B-11 капитан-лейтенанта Холбрука в Мраморное море. Главным препятствием становились мины, так как мимо береговых батарей лодки могла пройти в подводном состоянии. Но что делать с минами?

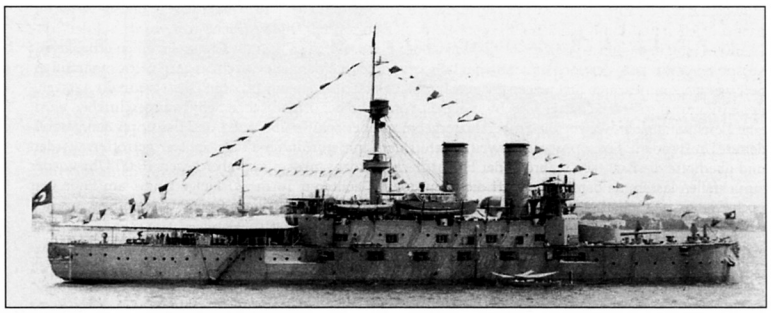
В результате командир отряда подводных лодок капитан-лейтенант Паунелл и командир флотилии эсминцев капитан 1 ранга Куд спроектировали специальное приспособление, которое могло позволить лодке проскользнуть между якорными минами. Под их руководством инженеры в мастерских плавучей базы эсминцев «Бленхейм» из стальных труб изготовили ограждение для горизонтальных рулей лодки. Так как в Мудросе не имелось сухого дока, механики поочередно заполняли носовые и кормовые цистерны лодки, чтобы поднять из воды ее оконечности. Это позволило механикам прикрутить болтами ограждение рулей. Чтобы прикрыть рубку, нактоуз компаса и другие части корпуса, за которые могли зацепиться минрепы, с рубки на нос и корму были протянуты прочные стальные тросы.

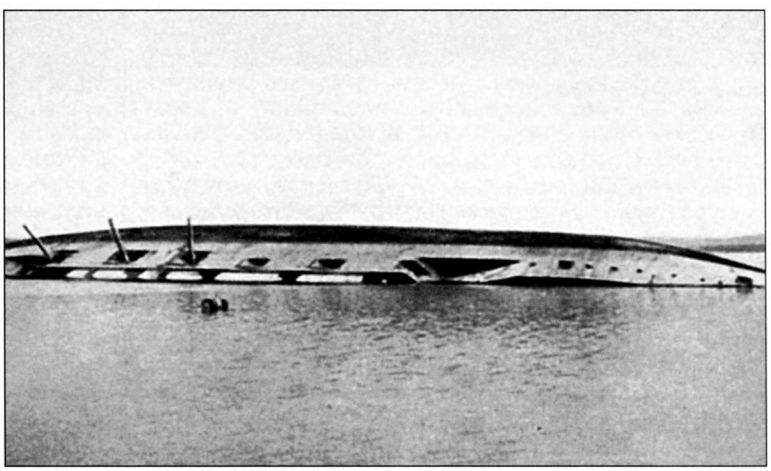
Но не менее сложные проблемы ставила гидрография Дарданелл — узкого пролива, ведущего из Эгейского моря в Мраморное. Он имеет длину 27 миль, а ширина в самой узкой части между Чанаком и Килид-Бахром не превышает одной мили. Воды Мраморного

моря несутся через эти «Узости» со скоростью от 4 до 5 узлов, что делает плавание очень трудным. Оборонительные сооружения на берегах пролива были мощными, на обоих берегах были построены форты, а сам пролив перекрывали несколько рядов мин. Вот потому союзники на первых порах и ограничились подводными лодками.

Британские адмиралы для начала отправили на восток первое, что подвернулось под руку — 5 совершенно ископаемых крошечных лодок типа B, которые должны были базироваться в Мудросе на острове Лемнос. Укажем только, что компас на этих лодках устанавливался вне прочного корпуса, чтобы на него не влияли машины. Изображение картушки с помощью системы линз и призм передавалось рулевому, такая вот интересная конструктивная особенность. Французы в качестве базы для 3 своих лодок выбрали остров Тенедос.

Англичане и французы долго спорили, чья лодка должна первой войти в Дарданеллы. Все решил случайный фактор — на B-11 недавно были установлены новые аккумуляторные батареи, поэтому выбрали именно ее. Однажды Холбрук уже заходил на 2 мили в пролив, но его заметили и отогнали 2 турецкие канонерки.





Вверху: турецкий броненосец «Месудие»
Внизу: затонувший «Месудие», часть орудий уже демонтирована

Кстати, история действий французских лодок в Дарданеллах до сих пор слабо освещена. Как ни странно, даже такие авторитетные авторы, как Лорей и Корбетт, о многом умалчивают. С другой стороны, это можно понять, потому что французские подводники в этой кампании не добились совершенно ничего, но при этом потеряли 4 лодки. Вдобавок выяснилось, что техническое состояние французских лодок настолько плохо, что им постоянно требуются ремонты.

13 декабря 1914 года лодка вошла в пролив с приказом атаковать любой замеченный военный корабль. Лодка спокойно дошла до минных заграждений, установленных немного ниже Узостей, которые состояли из 5 рядов якорных мин. B-11 погрузилась и прошла сквозь минное поле. Установленные на лодке ограждения отводили в сторону минрепы.

Самым главным препятствием для лодки оказалось сильное течение. Но как только лодка прошла минное заграждение, Холбрук сразу подвсплыл под перископ и обнаружил, что за труды его ждет награда. Турецкий броненосец «Месудие» неосторожно стал на якорь возле азиатского берега пролива. Холбрук подошел на расстояние 800 ярдов и в 11.30 выпустил торпеду. Броненосец открыл было огонь по перископу, но выстрел был метким, старый турецкий корабль перевернулся и через 10 минут затонул.

Обратный путь оказался еще более тяжелым. B-11 пришлось провести под водой 9 часов, но все испытания однажды заканчиваются. На базе в Мудросе группа офицеров-подводников поднесла Холбруку огромный картонный Железный Крест, проведя шутливую церемонию награждения на квартердеке линейного крейсера «Индефетигебл». Французский главнокомандующий прислал телеграмму Кардену: «Передайте мои самые теплые поздравления экипажу подводной лодки B-11, совершившему славный подвиг». Холбрук был награжден Крестом Виктории, но помимо моральных поощрений, он получил и вполне материальную награду. Экипажу лодки были выделены 3500 фунтов призовых, из которых на долю командира пришлись 601 фунт, 10 шиллингов и 2 пенса. Потрясающая точность!

Экипаж перевернувшегося броненосца «Месудие» провел ужасную ночь. Однако на следующий день в днище броненосца были прорезаны несколько отверстий, и большая часть экипажа была спасена. Но транспорт «Булаир» сумел спасти 48 офицеров и 573 матроса. Всего погибли 10 офицеров и 24 матроса. Однако турки, и особенно турецкий флот, получили страшный моральный удар. Крошечный кораблик противника свободно действовал в водах, которые они считали своими. Глава германской военно-морской миссии в Турции вице-адмирал Мартен охарактеризовал действия Холбрука и его экипажа типичной фразой: «Хорошо сделано». Позднее с потопленного броненосца была снята часть орудий, которые установили на береговых батареях.

Однако повторить эту операцию оказалось исключительно сложно. Когда B-9 попыталась пройти протоpенной дорожкой, ей это не удалось. Турки обнаружили лодку на входе в пролив. Вокруг лодки взорвалось несколько мин крепостного заграждения, приведенных в действие с берега, хотя, скорее всего, это были

Командир и экипаж В-11

фантазии подводников. В итоге В-9 все же сумела развернуться и удрать.

Начальник штаба Кардена Роджер Кийз, сам бывший подводник, убедил командующего отправить в Адмиралтейство просьбу прислать флотилию новейших лодок типа «Е». Они были значительно крупнее, чем лодки типа «В», имели более мощные батареи и более надежное навигационное оборудование. В это время на Средиземном море находилась австралийская подводная лодка АЕ-2 капитан-лейтенанта Стокера. Она была немедленно направлена к Дарданеллам, а через несколько недель в Восточное Средиземноморье были отправлены еще 4 лодки типа «Е».

Следующую попытку предприняла французская лодка «Сапфир». Она прибыла на Тенедос, где базировались английские лодки, 17 декабря и застряла там на целый месяц. Дело в том, что каждый поход подводной лодки в Мраморное море требовал специального разрешения адмирала Кардена, и получено оно было только в январе.

15 января лодка вошла в Дарданеллы. Она благополучно прошла под минными заграждениями и подвсплыла на перископную глубину возле Нары. Здесь ее заметили турецкие канонерки «Чанаккале», «Иса Рейс» и минный заградитель «Нушрет». Канонерки открыли огонь по погружающейся лодке. Погружение оказалось слишком стремительным. Лодка ударилась о дно. От удара потекли сальники, вылетело довольно много заклепок. Экипаж не смог остановить течь, а вдобавок вода залила аккумуляторные батареи, и началось выделение хлора. Командиру лодки пришлось продуть цистерны и всплыть. «Сапфир» поднял белый флаг, и «Нушрет» успел снять с лодки 13 человек из 27, прежде чем она снова затонула. Хотя лодка легла на дно всего в 300 метрах от берега, сильное течение не позволило туркам поднять ее.

Тем временем на Мудрос прибыли более новые лодки типа «Е», и 15 апреля в поход отправилась Е-15, которой, однако, сильно не повезло. Она не сумела справиться с течением, которое вынесло ее на берег возле мыса Кефез, немного южнее бухты Сари-Сиглар. Здесь лодка оказалась прямо под пушками форта Дарданос, который немедленно открыл по ней огонь. Командир лодки капитан-лейтенант Броди приказал дать полный назад, пытаясь снять Е-15 с мели, однако она застряла слишком плотно. Броди был убит одним из первых же снарядов, а через несколько минут лодка была полностью разрушена.

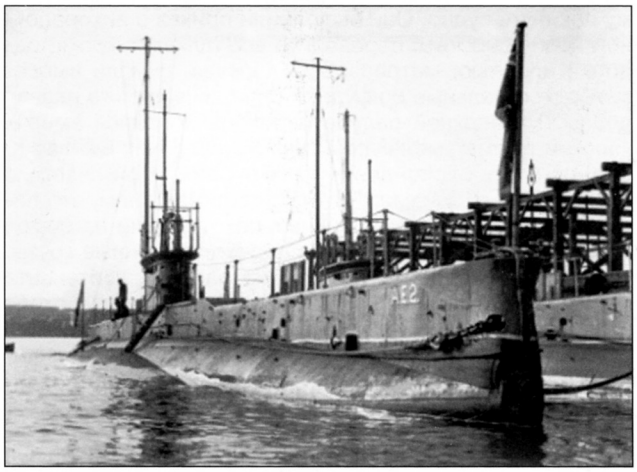
Французская подводная лодка «Сапфир» – первая жертва турецкой ПЛО в Дарданеллах (предвоенный снимок)

Теперь появилась новая опасность. Е-15 сидела на мели во вражеских водах, и противник мог раскрыть некоторые особенности конструкции лодки, это следовало предотвратить любой ценой. И англичане предприняли поистине титанические усилия для уничтожения собственной лодки. Сначала эту задачу поручили подводной лодке В-6, но турки обстреляли ее, едва заметили перископ, поэтому торпеда была выпущена с большой дистанции и прошла мимо.

Затем в ход пошло новое оружие — гидросамолеты попытались уничтожить Е-15 бомбами, однако преуспели не больше подводной лодки. Ночью эсминцы «Скорпион» и «Грэмпус» вошли в пролив, но турецкий прожектор нащупал их, и береговые батареи немедленно открыли бешеный огонь. В результате эсминцы не нашли лодку и повернули назад, не сделав ни единого выстрела.

На следующее утро очередную попытку предприняла В-11. Холбрук подошел к мысу Кефез, но когда поднял перископ, то

Осмотр немецкими специалистами засевшей на мели подводной лодки Е-15



Австралийская подводная лодка АЕ-2 – жертва тарана эсминца «Султанхиссар»

обнаружил, что все вокруг закрывает густой туман, поэтому В-11 тоже вернулась назад, не выполнив приказ. Броненосцы «Маджестик» и «Трайэмф» попытались уничтожить лодку огнем с большой дистанции, но также потерпели неудачу.

В конце концов лодка все-таки была уничтожена. Ночью 23 апреля 2 паровых катера с броненосцев «Маджестик» и «Трайэмф», оснащенные торпедными аппаратами, вошли в пролив. Командовал ими неугомонный капитан-лейтенант Эрик Робинсон, специализирующийся по опасным авантюрам.

Ночь была очень темной, и катера, держась под европейским берегом, сумели подняться по проливу. Напротив мыса Кефез они повернули и направились к азиатскому берегу. Их обнаружили прожектора, но катера упрямо шли вперед под градом снарядов. В какой-то момент один из прожекторов случайно осветил сидящую на мели Е-15. Лодка показалась буквально на секунду, но этого было достаточно. Головной катер выпустил 2 торпеды, и обе попали в цель. Но в этот момент он получил попадание и начал тонуть. Тогда второй катер подошел к нему и снял команду, несмотря на огонь вражеских батарей. Потом он благополучно покинул пролив.

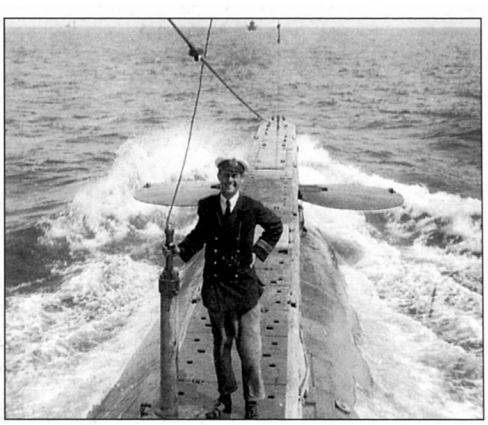
Хотя на следующее утро гидросамолеты подтвердили, что Е-15 полностью уничтожена, их рапорт считался не слишком достоверным, так как им пришлось лететь на большой высоте. В-6 снова была послана в пролив, чтобы окончательно удостовериться в уничтожении Е-15. И тут лодку едва не постигла та же самая участь. Погрузившись, чтобы пройти под минным заграждением, она попала в то же течение и села на мель менее чем в 100 ярдах от Е-15. Хотя орудия форта Дарданос снова обстреляли ее, лодка сумела отойти на глубокое место, не получив попаданий. В-6 благополучно вернулась на базу, подтвердив, что Е-15 превращена в обломки. За этот поход Робинсон был награжден Крестом Виктории.

Следующей на прорыв пошла австралийская лодка АЕ-2. Возле Чанака она атаковала турецкий броненосец «Тургут Рейс», но все торпеды прошли мимо, хотя командир лодки был уверен, что потопил турецкую канонерку. После ряда приключений 26 апреля она вошла в Мраморное море. Там она встретила второй турецкий броненосец, но и выстрел по «Барбарос Хайреддину» тоже был неточным. Безуспешными оказались и другие атаки австралийцев. Уже на обратном пути 30 апреля АЕ-2 случайно вылетела на поверхность прямо под носом турецкого миноносца «Султанхисар» и была потоплена.

Встревоженные этими событиями, турки решили создать хотя бы некое подобие противолодочных сил. 1-я флотилия миноносцев начала патрулирование прибрежных районов, а 1-я флотилия эсминцев — района Гелиболу. 2-я флотилия эсминцев организовала в Дарданеллах нечто вроде барража, то есть они не слишком отстали от англичан, которые создали знаменитый Дуврский барраж в феврале 1915 года.

Как мы видим, первые походы практически ничего не дали, но 3 лодки были потеряны. Но попытки продолжались, и 29 апреля в Мраморное море прорвалась Е-14 капитан-лейтенанта Бойла. Она даже встретилась там с АЕ-2, но совместных действий не получилось. 1 мая Е-14 потопила торпедой канонерку «Нур-уль-Бахр», хотя после этого Бойл долгое время не мог добиться успеха, несколько атак сорвались из-за неисправности торпед, тем не менее одного присутствия британской лодки в казавшихся безопасными водах оказалось достаточно, чтобы парализовать

Английская подводная лодка Е-14



Командир Е-14 Эдвард Бойл на палубе своей подводной лодки

Лайнер компании «Уайт Стар» «Германик», ставший в 1910 г. турецким «Гюль Джемаль». Поврежден британской подводной лодкой Е-14.

морские перевозки. Только 10 мая счастье улыбнулось Бойлу. Е-14 находилась недалеко от Константинополя и во второй половине дня заметила транспорты «Патмос» и «Гуль Джемаль», которые покидали порт в сопровождении эсминца «Гайрет». Первая торпеда Е-14 прошла за кормой «Патмоса», но вторая попала в носовую часть вооруженного транспорта «Гуль Джемаль», который перевозил 1600 солдат и полевую батарею. Повреждения оказались несерьезными, и корабль сумел выброситься на берег. Лодка израсходовала все торпеды, и так как она не имела орудия, то больше сделать ничего не могла и отправилась в обратный путь. За этот поход капитан-лейтенант Бойл также был награжден Крестом Виктории.

В тот же день в пролив отправилась французская лодка «Бернулли», которая дошла до Килид-Бахра, а потом вернулась. Ее командир в рапорте сообщил, что поход был совершенно неинтересным и он не нашел ни одной цели, заслуживающей атаки. Следующей в поход отправилась подводная лодка «Джоуль», которая пропала без вести. Считается, что она погибла, подорвавшись на мине 1 мая. Интерес представляет лишь ее командир — лейтенант Луи-Альбер дю Пти-Туар де Сен-Жорж. Помните, в честь кого были названы несколько кораблей французского флота? Лейтенант был прямым потомком командира линейного корабля «Тоннан», погибшего в битве при Абукире в 1798 году. Эта дворянская фамилия известна еще с XVI века.

19 мая в Мраморное море отправилась Е-11 капитан-лейтенанта Нэсмита. Вот этот поход оказался очень успешным. Лодка потопила и повредила несколько турецких судов, в том числе 23 мая была потоплена канонерка «Пеленк-и-Дериа». Пока корабль тонул, турки открыли огонь, и первый же снаряд (редкий случай!) пробил перископ Е-11. Следующий день лодка провела возле острова Калолимно, ремонтируя повреждения. Таково было состояние турецкой ПЛО в Мраморном море. 24 мая Е-11 вернулась к Константинополю и утром обнаружила маленький пароход «Нага». В своем рапорте Нэсмит так описывает это происшествие:

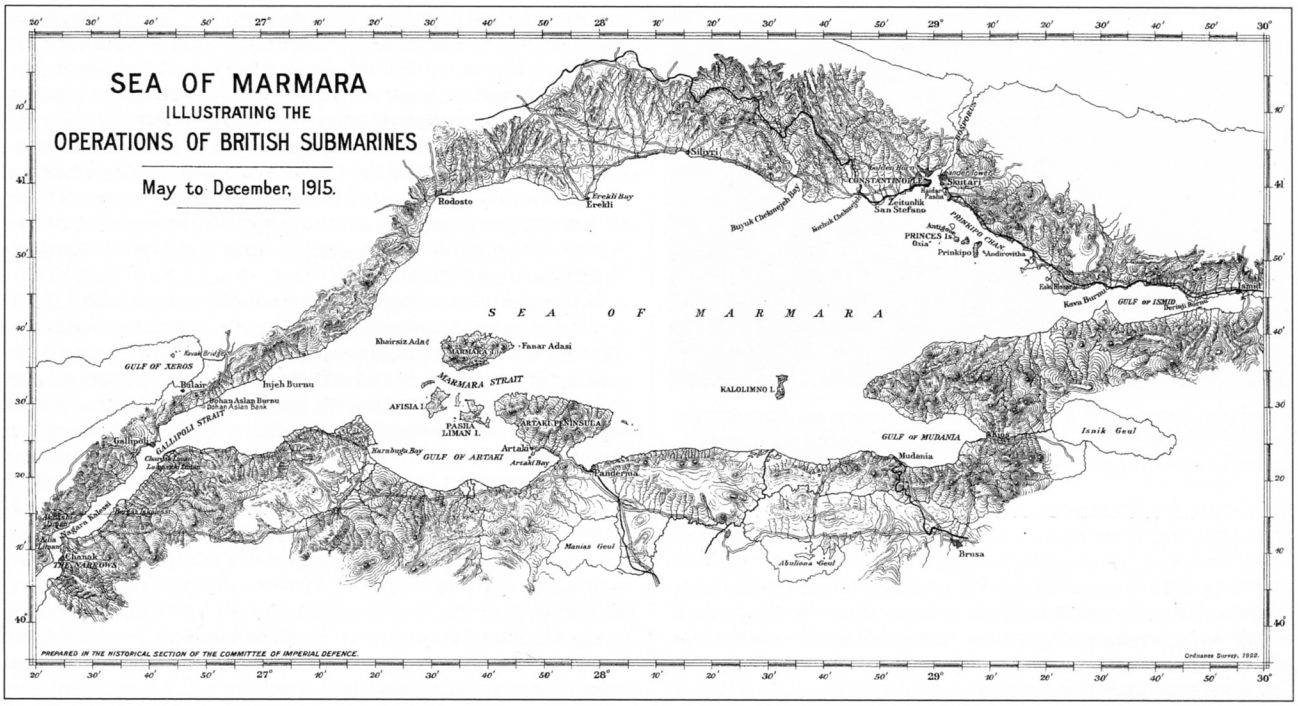
«Осмотрев пароход через перископ, я всплыл у него на левой раковине. Сигналом приказал остановиться. Никакой реакции. Мы заставили его остановиться, сделав несколько выстрелов из винтовки. Приказал экипажу покинуть судно. Они выполнили приказ с лихорадочной поспешностью, перевернув все шлюпки, кроме одной. К счастью, матросы этой шлюпки сумели выправить две остальные и выудили из воды всех, кто плавал рядом. На верхней палубе парохода появился американский джентльмен и сообщил, что его имя Сайлас К. Свинг, он корреспондент «Чикаго Сан», и он счастлив познакомиться с нами. Потом он сообщил нам, что пароход шел в Чанак с турецкими пехотинцами на борту, и он не знает, имеются ли на пароходе военные грузы. Я подошел к борту и высадил на пароход лейтенанта Д'Ойли-Хьюза с подрывной партией. Он нашел ствол 152-мм орудия, лежащий поперек крышки носового грузового люка. В носовом трюме обнаружился лафет этой пушки, а также несколько станков к 12-фн орудиям. Сами орудия, вероятно, находились на дне трюма. Трюм был набит 152-мм снарядами, поверх которых были уложены около 50 больших металлических гильз с клеймом заводов Круппа. Подрывные заряды были установлены на бортах судна напротив кормового трюма. Все моряки вернулись на Е-11, и заряды были подорваны. Судно взорвалось с ужасным грохотом, выбросив высокий столб дыма и пламени».

Нэсмит немного ошибся и в отношении груза «Наги». Пароход вез 88-мм снаряды для орудий, снятых с «Гебена». Турки специально отремонтировали эту старую развалину, чтобы она смогла доставить ценный, но тяжелый груз. Однако трудно понять, почему было выбрано старое и тихоходное судно.

25 мая Нэсмит совершил дерзкую вылазку. Он вошел прямо в бухту Золотой Рог и попытался торпедировать турецкие суда, стоящие прямо у причала адмиралтейства в Галате, был поврежден транспорт «Истанбул», который турки потом сумели отремонтировать. Через день Нэсмит снова наведался в Константинополь и сфотографировал город через перископ. Дело в том, что он рассчитывал найти и потопить линейный крейсер «Гебен», но ему не повезло. После этой выходки адмирал Сушон приказал временно приостановить переходы войсковых транспортов.

На обратном пути лодке пришлось пережить несколько неприятных часов. Проходя через южное заграждение у Килид-Бахра, Е-11 ухитрилась зацепить носовыми горизонтальными рулями мину и потащила ее за собой. Всплывать прямо на минном поле было самоубийством, поэтому Нэсмит погрузился на пре-

Атака подводной лодкой Е-11 на транспорт «Стамбул» в бухте Золотой Рог, 25 мая 1915 г. С газетного рисунка



Карта Мраморного моря. 1915 г.

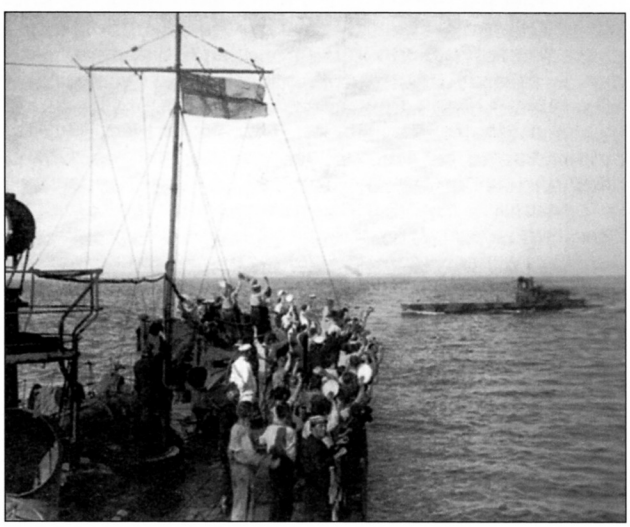
дельную глубину, надеясь, что мина будет болтаться над корпусом лодки.

Как только Е-11 вышла с минного поля, Нэсмит решил немедленно избавиться от опасного груза. Он приказал продуть главную балластную цистерну и дать полный назад. В результате лодка получила сильный дифферент на нос, мина сразу оказалась впереди нее. Командир следил за ней в перископ. Как только мина прошла форштевень, он аккуратно выровнял лодку. Все эти маневры привели к тому, что минреп соскользнул с рулей, и мина постепенно отошла от лодки.

Всего Е-11 провела в Мраморном море 11 дней, за это время она потопила 1 канонерку, 2 войсковых транспорта, 2 транспорта боеприпасов, 2 судна снабжения, еще одно судно снабжения выбросилось на берег. Кроме того, Нэсмит поддержал «блокаду» турецкой армии в Галлиполи, установленную Е-14. Капитан-лейтенант Нэсмит был награжден Крестом Виктории за свою отвагу, он также получил звание капитана 2 ранга. Это был третий Крест Виктории, который заслужили подводники во время Дарданелльской кампании.

Тем временем адмирал Сушон отозвал из Босфора эсминцы и попытался использовать имеющиеся корабли для сопровождения транспортов. Но ему пришлось организовать нечто вроде «Токийского экспресса». Каждую ночь 5 буксиров тащили 5 барж из Хайдар-паши к Галлиполи, их прикрывали эсминцы. Для перевозки боеприпасов использовались быстроходные паромы. Все прямо как у японцев на Гуадалканале 30 лет спустя!

10 июня начался второй поход Е-14, которая в ходе ремонта на Мальте получила 6-фн пушку. Этот поход Бойла оказался не столь удачным, как первый. Жертвами Е-14 стали несколько мелких парусников, и толь-



Экипаж эсминца «Грэпус» приветствует подводную лодку Е-11, возвращающуюся из похода в Мраморное море, 6 июня 1915 г.

Противолодочный дозор. Перевозимые на транспортах по Мраморному морю турецкие солдаты следят за появлением подводной лодки

ко. Попытки атаковать миноносцы «Кютахья» и «Ядигар-и Миллет» не удались.

19 июня в Дарданеллы вошла E-12 капитан-лейтенанта Брюса. Увы, этот поход тоже был малорезультативным. Лодка потопила лишь один маленький буксир и два парусника, которые он тащил. Паром «Интизим» при виде лодки поспешно выбросился на берег, и Бойл не стал его обстреливать.

30 июня настал черед E-7 капитан-лейтенанта Кохрейна. Однако эта лодка, похоже, была построена под несчастливой звездой. В проливе она ударилась о дно, и отказал один из моторов, затем ее заметила канонерка «Айдин Рейс», но E-7 ускользнула. Лодка вошла в Мраморное море 1 июля и этой же ночью встретилась с E-14 возле острова Калолимно. Обменявшись информацией с Бойлом, Кохрейн направился к Текирдагу, где он рассчитывал найти подходящие цели, чтобы открыть свой счет в войне с Турцией.

Ему повезло, вдоль причала стояли буксир «Бюльбюль» и 5 парусников. E-7 в надводном положении вошла прямо в порт. Ее обстреляли с берега, но лодка открыла ответный огонь из орудия, и это оказалось гораздо более эффективно, чем стрельба турок. Кохрейн поджег 2 дау, остальные 3 сами выбросились на берег. Пароход был потоплен подрывным зарядом, размещенным в носовом трюме. Однако заряд взорвался преждевременно и едва не погубил подрывную партию под командованием старшего помощника Кохрейна лейтенанта Галифакса. Несколько моряков получили сильные ожоги. Появление канонерки «Айдин Рейс» вынудило лодку спешно погрузиться.

Немецкая подводная лодка UB-14. «Первая ласточка» германских субмарин в Дарданеллах

На этом несчастья не закончились. Часть экипажа заболела лихорадкой, а потом на борту E-7 появилась и дизентерия. Отсеки в подводной лодке очень малы, во время погружения в них жарко и душно, поэтому более благоприятного места для начала эпидемии придумать невозможно.

Кохрейн и сам подцепил лихорадку в тяжелой форме, но не дал поблажек ни себе, ни экипажу. Бойл израсходовал все припасы и 3 июля был вынужден возвращаться в базу. На какое-то время E-7 осталась одна в Мраморном море. 4 июля она вошла в залив Мудания и потопила 2 дау, а потом направилась в залив Измид. Пару дней экипаж занимался ремонтом электромоторов, которые начали барахлить. 7 июля был встречен буксир «Нушрет», который поспешил выброситься на берег, то же самое сделал и пароход «Интизим» (снова!). E-7 выпустила по нему несколько снарядов и ушла. Однако это не слишком обеспокоило турок, так как снять маленький пароход с мели не представляло трудности, а ремонт, как правило, не затягивался. Поэтому установить точный счет британских подводников довольно сложно.

10 июля Кохрейн вернулся в Муданию и на сей раз обнаружил там средних размеров пароход, стоящий у причала. Это было судно «Бига» водоизмещением 3000 тонн, нагруженное боеприпасами из больших армейских арсеналов, расположенных неподалеку. Пароход прикрывала завеса из маленьких парусников. У входа в гавань крейсировала пара дау.

Для Кохрейна это была детская задачка. Он поднырнул под патрулирующие дау, которые даже не заподозрили о присутствии подводной лодки, и выпустил торпеду в «Бига». Она прошла под пришвартованными к борту судна парусниками и попала в пароход. Ужасный взрыв разнес судно буквально в пыль.

15 июля E-7 наведалась в Константинополь, но причал в Галате оказался пустым. Ночью E-7 всплыла под стенами города и обстреляла пороховую фабрику в Зейтуне. Ждать, что 6-фн орудие лодки серьезно повредит здания фабрики, не следовало. Но психологический эффект обстрела оказался потрясающим. Весь город впал в панику, и работы остановились. По Константинополю пролетел слух, что британский флот прорвался через Дарданеллы и что высадка вражеских войск неминуема. Многие жители в панике бежали из города.

На следующее утро Кохрейн увидел картину, которая не могла обрадовать англичан. Турецкий миноносец буксировал германскую подводную лодку UB-14 обер-лейтенанта Гуго фон Хеймбурга. Она прибыла своим ходом из Германии, для чего ей пришлось форсировать Гибралтарский пролив и Дарданеллы. Присутствие германских подводных лодок еще больше осложняло обстановку в Мраморном море. До сих пор любая замеченная подводная лодка могла быть только английской. Можно было спокойно отстаиваться в надводном положении, зная, что никто не подкрадется под водой и не всадит тебе в борт торпеду. Все это закончилось. К несчастью, эсминец был замечен на

слишком большом расстоянии, и Кохрейн не смог атаковать германскую субмарину, которая благополучно прибыла в Константинополь.

Лодка продолжала патрулировать до 24 июля, но достойных целей больше не встретила, были уничтожены лишь несколько мелких парусников. На обратном пути лодка неожиданно намотала на носовые рули тросы сети и прочно застряла в ней. Лишь с огромным трудом, полностью разрядив батареи, Е-7 сумела вырваться.

21 июля в третий поход вышла Е-14 капитан-лейтенанта Бойла. В Мраморном море она встретилась с Е-7, получила свежую информацию и отправилась дальше. Однако гавани Муданья и Гемлик оказались пусты, а два встреченных транспорта оказались госпитальными судами. Добычей Е-14 стали 6 мелких парусных судов, и только 27 июля она сумела торпедировать маленький транспорт «Хайрулла», стоящий у причала в Саркёе.

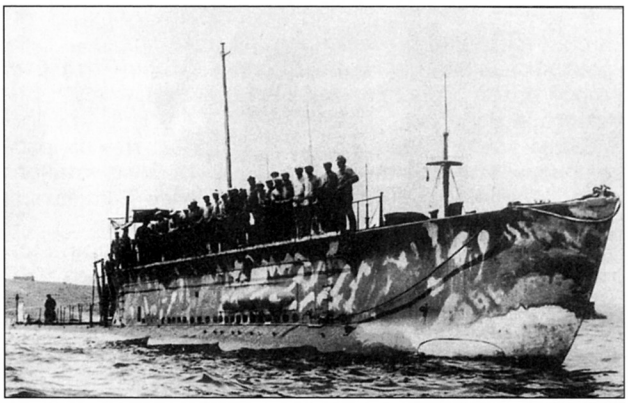
Затем последовали еще несколько парусников, а вот попытка атаковать конвой, состоящий из транспортов «Тенедос» и «Бандирма», которые сопровождал миноносец «Самсун», оказалась безуспешной. Бойл промахнулся.

25 июля базу в Мудросе покинула подводная лодка «Мариотт». Считается, что в свое время она имела самую высокую подводную скорость в мире. Однако эта скорость лодке не помогла. Рано утром на следующий день она запуталась в противолодочной сети возле Чанак-Кале, не сумела вырваться, подорвалась на мине и была вынуждена всплыть. Турецкая береговая артиллерия немедленно ее обстреляла, и лодка была затоплена командой. Вот выдержки из рапорта командира лодки лейтенанта Фабра:

«В 04.25 погрузился на 25 метров перед входом на минное поле. Позже решил продлить время погружения на 5 минут, чтобы убедиться, что прошел мины. В 05.54 почувствовал удар, словно коснулся мягкого дна. Подвсплыл до 10 метров, чтобы увидеть, где мы находимся и определить причину инцидента. С началом всплытия отключился правый мотор, и значительно возросли обороты левого двигателя. Лодка имеет дифферент на корму 15 градусов и крен на правый борт 14 градусов. Снова погрузился на 13 метров и остановился. Пробовал дать ход мотором правого борта, но тут снова отключился. Пытался вернуться к Седдуль-Бахру, чтобы очистить правый винт, но лодка может поворачивать лишь на 15 — 20 градусов. Пытался на правый борт, тот же результат. Мы могли двигаться лишь вперед или назад, и невозможно повернуть. Возникла угроза электродвигателям, так как на глубине 25 метров начала просачиваться вода. При попытке двигаться лодка неожиданно выскакивает на поверхность на расстоянии меньше 200 метров от турецких батарей Чанак-Кале, которые сразу открыли огонь.

Осмотревшись в перископ, я вижу, что взрыв мины произошел в корме по правому борту. Я приказал погрузиться. Вода продолжает поступать внутрь корпуса. Остановил погружение и приказал команде надеть спасательные жилеты. Уничтожены карты и секретные документы. Перемкнули батарею, устроив короткое замыкание. Продули главные балластные цистерны и всплыли.

Батареи Чанак-Кале продолжают стрелять, послал на палубу мичмана Массона, чтобы сделать сигнал



Французская подводная лодка "Мариотт" обладавшая рекордной скоростью подводного хода. Выход из базы на острове Мудрос, 1915 г.

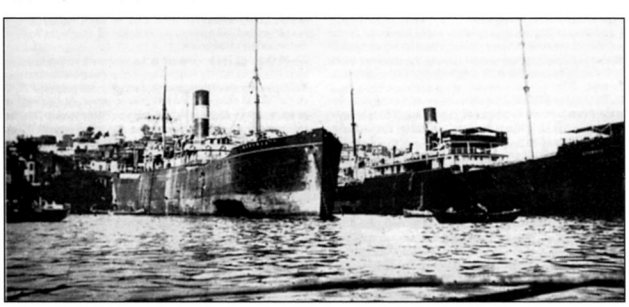
туркам. Они немедленно прекратили огонь. Экипаж покидает лодку в полном молчании. Боцман Кулен и мичман Босси проверяют, открыты ли кингстоны. Поведение личного состава выше всяких похвал.

Турки прислали катер, который забрал наших моряков. Экипаж был уже в катере, когда я поднялся на палубу, меня приветствовали криками «Вив ля Франс!»

8 августа 1915 года Е-14 встретила транспорт «Махмуд Шевкет-паша» и всадила в него торпеду. Однако транспорт успел выброситься на мелководье, но Е-14 вместе с Е-11, которая только что торпедировала броненосец «Барбарос Хайреддин», обстреляли его. Во время этой канонады Е-11 потеряла свое орудие. При откате была сломана верхняя часть орудийного станка. Без орудия от Е-11 в Мраморном море было мало пользы. Слишком немногие цели стоили торпеды, и можно было очень долго искать такую мишень.

Однако турки позднее подняли транспорт и отремонтировали его! Еще больше запутывают ситуацию сообщения британских летчиков, которые утверждали, что именно этот транспорт стал первой в истории жертвой самолета-торпедоносца. Какой-то очень живучий транспорт попался, не хуже линейного корабля.

На следующий день перед уходом в базу Е-14 встретилась с Е-11 и передала на нее две торпеды, опять же предвосхитив аналогичные действия немцев в следующей мировой войне. Впрочем, разумеется, это был случайный эпизод, а не система, как у парней адмирала Деница.



Чудеса турецкого судоремонта: пароходы «Биттиния» и «Истанбул», поднятые и восстановленные после атак британских подводных лодок

В августе 1915 года в Мраморное море практически одновременно были отправлены две лодки — Е-11 капитан-лейтенанта Нэсмита, для которой это был второй поход, и Е-2 капитан-лейтенанта Стокса. Кроме того, в море уже находилась Е-14. Англичане организовали нечто вроде «волчьей стаи», так что напрасно приоритет отдается немцам. На Е-11 было установлено 12-фн орудие, которое могло считаться крупнокалиберным для английской субмарины.

5 августа 1915 года Нэсмит вышел в море. При форсировании заграждений мины несколько раз ударялись о корпус лодки, и экипаж ждал взрывов, но их не было. Противолодочная сеть после такой нервотрепки показалась просто шуткой. Надеясь пройти под сетью, Нэсмит погрузился на глубину 110 футов. Но сеть была увеличена, и Е-11 все-таки попалась и была вынуждена остановиться. Нэсмит дал задний ход, потом снова дал полный вперед, чтобы постараться прорваться. Сеть все-таки остановила лодку, однако Нэсмит не останавливал моторы. Тросы не выдержали напряжения и стали лопаться один за другим, и Е-11 прорвала сеть.

Обогнув мыс Нагара, Нэсмит подвсплыл на перископную глубину. Турецкие броненосцы часто пользовались этой якорной стоянкой, и Нэсмит рассчитывал начать свой поход с громкой победы. Броненосцев он не увидел, но в перископе появился крупный транспорт. Нэсмиту потребовалось всего несколько минут, чтобы торпедировать его, а потом Е-11 продолжила свой путь. Однако уже 8 августа турки подняли «Халеп» и отправили в Константинополь на ремонт. После этой атаки лодка натолкнулась на канонерку «Айдин Рейс», на борту которой находилась группа офицеров фон Узедома. Однако немцы оказались не более искусны, чем турки, и Е-11 благополучно скрылась.

Во второй половине дня 6 августа Е-11 и Е-14 встретились в Мраморном море, и два капитана обсудили свои дальнейшие планы. Они почти сразу потопили турецкую канонерку «Пейк-и Шевкет». Е-14 осталась на поверхности, чтобы подманить неприятеля поближе. Е-11 из подводного положения метко нацеленной торпедой отправила канонерку на дно. «Пейк» затонул на мелком месте, при этом погибли 4 человека.

Уже на следующий день прибыли эсминцы «Гайрет», «Ярхисар» и «Мосул», которые начали патрулировать вокруг потопленного корабля. Вечером подошел эсминец «Султанхисар», ведя на буксире баржу с водолазной командой. На этой же барже прибыла аварийная партия с «Мидилли». На следующий день пришел спасательный буксир «Курт», и к вечеру «Пейк» был поднят. 9 августа канонерка была приведена в Константинополь и поставлена в сухой док на ремонт.

На следующий день обе подводные лодки направились в западную часть Мраморного моря, ближе к северному выходу из Дарданелл. Здесь, в Доган-Аслане, главное шоссе, ведущее на полуостров Галлиполи, проходило вплотную к берегу. По этой дороге турецкие армии на полуострове получали подкрепления и снабжение. Лодкам не пришлось ждать долго. Вскоре Е-11 заметила несколько колонн войск, идущих по дороге, и открыла огонь из своего 12-фн орудия, Е-14 присоединилась к обстрелу, хотя от ее орудия было мало проку.

8 августа обе лодки сменили позицию, но движение войск по шоссе почти прекратилось. Вдоль берега были установлены батареи полевых орудий, которые открывали точный огонь, как только лодка показывалась на поверхности. Для подводников это стало неприятной новостью, однако они могли утешиться тем, что эти орудия так и не попали на фронт, где они были гораздо нужнее.

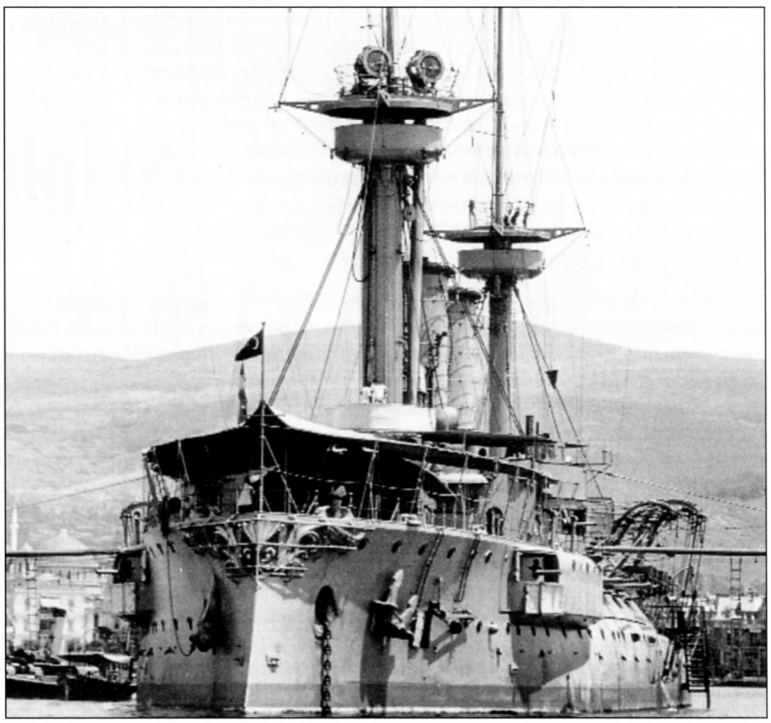
Но фортуна довольно быстро улыбнулась подводникам. Наступление союзников приняло настолько опасный характер, что туркам пришлось пойти на риск отправки подкреплений морским путем. Е-11 крупно повезло, возле Булаира она встретила броненосец в сопровождении эсминца «Басра». «Барбарос Хайреддин» пытался доставить на фронт крупную партию боеприпасов — 9600 ручных гранат, 4836 снарядов к полевым орудиям, 1791 снаряд к горным орудиям и 400 гаубичных снарядов. Нэсмит уклонился от эсминца и вышел в точку пуска торпед на правом траверзе броненосца. Торпеда попала в цель. «Барбарос Хайреддин» получил сильный крен на правый борт и направился к берегу, чтобы попытаться выброситься на мель. Но все усилия турок были напрасны. Через 20 минут броненосец вздрогнул от страшного взрыва — это сдетонировали боеприпасы. Корабль перевернулся и затонул. Из 700 человек экипажа погиб 21 офицер и 237 матросов, остальных спасли миноносцы «Сиврихисар» и «Басра».

Нэсмит попытался торпедировать эсминец, который занимался спасением экипажа броненосца, но промахнулся. Гибель броненосца во многом повлияла на ход сражения вокруг бухты Сувла, потому что парализовала действия турецких кораблей. Кстати, на нем также пошло на дно и жалование турецких аскеров. После этой атаки командование турецкого флота спешно отозвало «Тургут Рейс» из Дарданелл, и броненосец туда вернулся лишь в 1918 году и то при чрезвычайных обстоятельствах, о чем мы еще расскажем.

Именно после этого Е-11 присоединилась к обстрелу «Махмут Шевкет-паши» и потеряла орудие. Но моряки проявили чудеса изобретательности, чтобы исправить положение. Е-11 отошла в ту часть моря, где не было турецких судов, и ее механики принялись за работу. Они решили сделать новый орудийный станок. Молотками и зубилами они срубили верхнюю часть и напильниками подравняли остаток. Потом люлька ствола была установлена на оставшемся «пеньке» так, что орудие снова можно было наводить. Теперь огонь не мог быть точным, как прежде, но ведь орудие снова стреляло!

Командир подводной лодки Е-11 капитан-лейтенант Мартин Эрик Нэсмит

Приведя в порядок свою артиллерию, Нэсмит решил наверстать затраченное на ремонт время. 22 августа Е-11 встретила буксир «Дофен», который тащил 4 дау. Их сопровождал эсминец «Ярхисар». Лодка обменялась с ним парой выстрелов, после чего эсминец предпочел удрать. Нэсмит потопил артиллерийским огнем буксир и один парусник. В тот же день Е-2



Эскадренный броненосец «Барбарос Хайреддин», потопленный Е-11

встретилась с Е-11, обменялась новостями и кое-какими припасами, после чего направилась к острову Калолимно, чтобы отремонтировать орудие. Это заняло 2 дня, но даже после этого орудие не было полностью исправным. Во время эпизода у мыса Нагара пострадал прочный корпус лодки, а теперь каждый выстрел еще больше ослаблял заклепки вокруг пьедестала орудия.

25 августа Нэсмит направился к Константинополю в поисках серьезных целей и снова вошел в гавань. Там он обнаружил крупный угольщик «Исфаган», стоящий у железнодорожного причала. В городе ощущалась нехватка угля, и судно только что доставило 3000 тонн топлива. Рассказывают, что турецкие чиновники стояли на причале, обсуждая, как будут распределять уголь, когда судно взорвалось прямо у них на глазах. Торпеда Е-11 решила все их проблемы. Впрочем, повторилась обычная история — позднее турки подняли «Исфаган».

Из Константинополя Е-11 направилась в залив Измид. Нэсмит вспомнил о проходящей там железной дороге, особенно его привлекал виадук, который несколько недель назад Кохрейн обстрелял из своего крошечного орудия. Нэсмит опробовал свое 12-фн орудие, но массивная каменная кладка выдержала и это. Зато береговые батареи загнали его под воду раньше, чем он успел сделать дюжину выстрелов.

Этот виадук был важным связующим звеном в турецкой железнодорожной сети, и его уничтожение привело бы к хаосу. Но проблема казалась неразрешимой, пока старший помощник Е-11 лейтенант Д'Ойли-Хьюз не предложил новый план. Он ночью поплыл на берег и установил под виадуком импровизированную мину, цель была уничтожена. И здесь англичане опередили время! Кто там якобы первый использовал «морских котиков»?!

После этого состоялся боевой дебют Е-2 капитан-лейтенанта де В. Стокса. Ее прорыв через Дарданеллы тоже оказался сложным. Лодку остановил 3,5-дюймовый трос, который обмотался вокруг орудия. Пока лодка стояла на месте, ее атаковали бомбами патрульные суда.

Экипаж подводной лодки Е-11

Для британских подводных лодок это стало новым приключением. До сих пор патрульные суда представляли опасность, только если лодка была вынуждена подняться на поверхность. Теперь турки начали использовать бомбы на шестах, которые сбрасывались за борт. Этот снаряд должен был взрываться при ударе о корпус лодки. В некотором смысле это были предшественники глубинных бомб, хотя у них имелся серьезный недостаток — их нельзя было взорвать на заранее определенной глубине. В данном случае турки получили результат, противоположный ожидаемому. Вместо того, чтобы повредить Е-2, они помогли ей спастись. Взрыв проделал дыру в сети и оборвал трос. Это позволило Е-2 освободиться. Лодка благополучно вышла в Мраморное море, но прорыв сквозь сеть повредил орудие, и из него нельзя было стрелять.

Е-2 все-таки нанесла противнику кое-какие потери, в основном своим наполовину отремонтированным орудием. Все торпедные атаки завершились промахами. Попытка Стокса сделать то, что не удалось Е-11, и взорвать железнодорожный мост — тоже провалилась. Тогда Стокс выбрал одну из железнодорожных линий, связывающих Константинополь и Родосто. Рано утром 8 сентября Е-2 подошла к берегу. Стокс действовал так же, как ранее Нэсмит. Старший помощник лейтенант Лион поплыл на берег, толкая плотик с миной и мундиром. Е-2 ждала почти до самого рассвета, но взрыва так никто и не услышал. Когда поднялось солнце, лодка была обнаружена, ее обстреляли береговые батареи. Ночью Стокс снова вернулся в условленное место и попытался найти своего старпома, однако он пропал без вести.

4 сентября 1915 года E-7 начала свой второй поход в Мраморное море, который закончился для нее печально. Лодка попыталась форсировать сети на глубине 100 футов. Хотя она проделала в сети дыру, достаточно большую, чтобы протиснуться сквозь нее, один из тросов намотался на правый винт. Правый электромотор пришлось остановить. Течение развернуло лодку и бросило бортом на сеть.

Теперь лодка прочно запуталась и носом, и кормой. Все попытки капитан-лейтенанта Кохрейна освободить ее были напрасны. Борьба лодки с сетью привлекла внимание патрульных катеров, и они не замедлили пустить в ход новое оружие. Теперь это были подрывные заряды, которые взрывались на определенной глубине. От них до глубинной бомбы, самого смертоносного противолодочного оружия, оставался только один шаг. Впрочем, Кохрейн в своем рапорте назвал их минами. Первый взрыв прогремел в 08.30, хотя и слишком далеко, чтобы повредить лодку. E-7, надеясь, что взрыв повредил сеть, сделала новую попытку вырваться, и снова напрасно.

Через 2 часа был взорван второй заряд, на этот раз гораздо ближе. Он сильно встряхнул лодку, хотя прочный корпус опять не был поврежден. Снова Кохрейн попытался вырваться. Хватка сетей немного ослабла, но лодка все еще не могла двигаться. В течение 3 часов он давал попеременно передний и задний ход, но единственным результатом стали почти разряженные батареи.

Кохрейн решил, что лучшим выходом будет спокойно ждать на большой глубине, надеясь, что третий взрыв окончательно порвет сеть и освободит лодку. Попытки дальше использовать электромоторы лишь окончательно посадили бы батареи, а они еще могли понадобиться, когда E-7 освободится. Однако на всякий случай Кохрейн решил приготовиться к самому худшему и уничтожил секретные документы.

Еще 5 часов E-7 лежала в сетях, ожидая. В лодке царила тишина, и тишина царила наверху. Не было слышно шума винтов, и у англичан появилась надежда, что охота завершена. Если E-7 продержится до темноты, можно будет незаметно всплыть, очистить винт и удрать.

Однако около 19.00 страшный взрыв подбросил лодку. Это был новый заряд, и он взорвался всего в нескольких футах от корпуса E-7. Лампы погасли, в лодке стало темно, как в могиле. Мелкие предметы полетели в разные стороны. Кохрейн снова дал ход, надеясь, что сеть разорвана. Напрасно.

Теперь не осталось никаких шансов на спасение лодки, и Кохрейн решил спасать команду. Он установил подрывные заряды и приказал продуть цистерны. E-7 поднялась на поверхность и сразу попала под огонь береговых батарей. 3 катера стояли вокруг нее, и они сразу подошли к беспомощной лодке. Турки сняли весь экипаж, прежде чем подводная лодка начала тонуть. Когда лодка уже почти скрылась под водой, сработали подрывные заряды. Они окончательно разрушили E-7, сделав бессмысленными попытки поднять ее.

День 4 сентября 1915 года стал важной вехой в истории подводной войны, хотя прошло время, прежде чем ее значение было осознано. E-7 была потоплена совершенно новым противолодочным оружием. Впрочем, точно не известно, как именно турки подрывали свои заряды. Вероятно, их сбрасывали с борта патрульного судна, позволяли погрузиться до определенной глубины, а потом взрывали электрическим запалом. Кстати, операцией по уничтожению E-7 руководил командир UB-14 обер-лейтенант фон Хеймбург, специально прибывший в Булаир на катере.

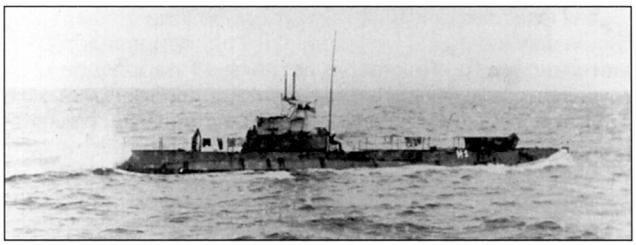
16 сентября во второй свой поход отправилась E-12 капитан-лейтенанта Брюса. Перед походом она побывала на Мальте, и во время ремонта на ней установили 102-мм орудие, пока это было самое крупное орудие на британских подводных лодках. E-12 использовала его для обстрела пороховой фабрики в Мудании, а также чтобы подавить несколько береговых батарей. Впервые англичане дали бой батареям, которые турки построили в различных местах побережья, и этот бой завершился скверно для турок.

При прорыве через Дарданеллы лодка торпедировала стоящий у азиатского берега австрийский пароход «Битиния». Он лег на дно, утащив с собой 2 парусника, пришвартованные к борту для защиты от подводных лодок. Однако пароход лег на борт на мелком месте и позднее был поднят.

Главные приключения E-12 начались на обратном пути. Лодка достаточно легко прошла сквозь сетевое заграждение. Но при этом она оторвала большой кусок этой самой сети, который обмотался вокруг ее носовой части и спутал носовые рули глубины. Они перестали двигаться, а дополнительный вес в носовой части заставил лодку постепенно идти в глубину. Когда E-12 прошла 100 футов, Брюс продул носовую балластную цистерну, но не смог остановить погружение. Рули были переключены на ручное управление, и 3 человека повисли на рычагах, чтобы заставить их двигаться. Лодка прошла 150 футов и продолжала погружаться. Она уже погрузилась глубже, чем любая из подводных лодок. Но в конце концов рули поддались усилиям троих матросов и начали медленно поворачиваться. Однако погружение продолжалось. Лодка прошла 200 футов, и начало сказываться давление воды. Стеклянные иллюминаторы в рубке треснули, и рубка была затоплена. E-12 еще больше потяжелела. Теперь носовые рули начали действовать, и E-12 выровнялась на глубине 245 футов. Корпус начал течь, и казалось, что лодка гибнет.

В течение 10 минут она оставалась на такой глубине, где давление воды могло раздавить ее, как яичную скорлупу. Потом она начала подниматься с угрожающей скоростью. Трое моряков попытались перевести носовые рули на погружение, но не успели. E-12 поднялась на глубину 12 футов, и ее рубка высунулась из воды, прежде чем удалось восстановить управление. Турки немедленно обстреляли лодку, но попаданий не добились.

Лодка снова погрузилась, и опять вес обрывков сети заставил ее полого идти вниз. Теперь она ушла на глубину 120 футов, но как только рули были поставлены на подъем, начался неуправляемый подъем. Именно так, то поднимаясь к самой поверхности, то уходя в глубину, E-12 форсировала минное заграждение возле Килид-Бахра. Вдобавок она еще запуталась в минрепах. Однако именно они помогли лодке спастись. Резко повернув руль, Брюс приказал дать полный ход. В результате минрепы сорвали большую часть опутавшей лодку сети.



Подводная лодка Н-1

Когда с носа лодки был сдернут большой груз, Е-12 стремительно вылетела на поверхность. Она оказалась прямо напротив береговых батарей и получила 3 попадания. Один снаряд попал в рубку, а два — в мостик. Однако прочный корпус не был пробит, и Е-12 осталась цела. 2 торпеды, выпущенные береговыми аппаратами, прошли мимо. Теперь Е-12 восстановила управление и сразу погрузилась на 60 футов. На этой глубине она была в безопасности. Так она добралась до мыса Хеллес. Там она всплыла и направилась на базу в Мудрос.

В октябре 1915 года первый поход совершила новая лодка типа Н-1 лейтенанта Пири, это была первая лодка канадской постройки в составе Королевского Флота. 5 октября она потопила артиллерийским огнем 3 маленьких парусника и торпедировала пароход «Эдремит». Хотя пароход затонул, его надстройки остались торчать из воды. Взрывом был поврежден стоящий рядом пароход «Рехбер», но уже к концу месяца оба судна были отремонтированы.

17 октября в заливе Измит Е-12 и Н-1 встретили канонерку «Ташкопрю». Торпеда Н-1 прошла мимо, и канонерка бросилась наутек в направлении Бандирмы. Лодки погнались за ней, и в 09.50 Е-12 открыла огонь из своего 102-мм орудия. «Ташкопрю» ответила, но пальба 47-мм пушчонок, стоящих на канонерке, была не более чем пустой трескотней. Брюс израсходовал около 200 снарядов, из которых половина не взорвалась. Наконец канонерка ушла под прикрытие береговых батарей.

20 октября Н-1 прибыла к рейду Саркёй, где нашла 3 транспорта и большое количество барж с продовольствием для турецкой 5-й армии. Стоящие на якоре пароходы были легкой целью, и Н-1 потопила «Плевне» и «Ханефие». Немного позднее произошел любопытный инцидент. Три дня подряд Н-1 атаковала пароход «Хюдавандигар», но лишь 29 октября с третьей попытки лодка попала торпедой ему в носовую часть. Увы, повреждения были невелики, и пароход вскоре был отремонтирован. Кстати, это было достаточно привычным явлением, так как слишком много турецких судов тонули рядом с берегом, что облегчало их последующий подъем. Так что настойчивость Пири не была вознаграждена.

Вторая попытка французов послать подводную лодку в Мраморное море закончилась еще хуже, чем первая. Если тогда лодка «Сапфир» погибла, но это не привело к другим последствиям, то «Тюркуаз» утащила за собой британскую лодку Е-20.

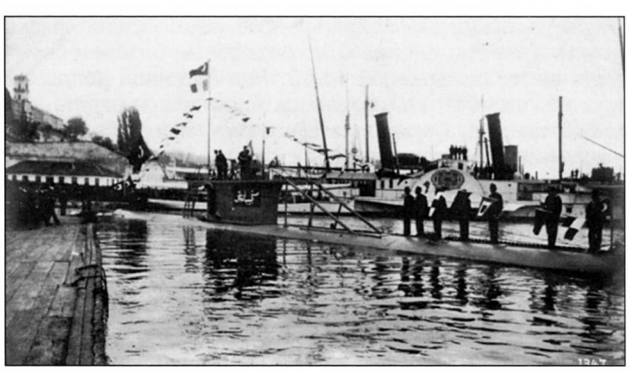
19 октября «Тюркуаз» покинула Мудрос, а в 03.00 на следующий день вошла в Дарданеллы. Она прошла под минными заграждениями, но у Чанака коснулась дна и всплыла. Турецкие корабли открыли по ней огонь, однако лодка погрузилась и двинулась дальше. На выходе из Дарданелл у французов случились первые неполадки с электромоторами, поэтому через Мраморное море «Тюркуаз» шла в надводном положении. 20 октября она встретилась с Е-12 и Е-20. На следующий день на «Тюркуаз» имел место небольшой пожар из-за короткого замыкания.

За все время патрулирования французская лодка не встретила ни одного парохода, а 2 парусника сумели удрать, так как французы стреляли на изумление неточно. 25 октября «Тюркуаз» снова встретилась с Е-20, а потом продолжила патрулирование. В тот же день она встретила канонерку «Бахр-и Сефид», которая открыла огонь по лодке, и та была вынуждена погрузиться. Попытка атаковать торпедами маленький парусник возле Текир-дага не удалась, обе торпеды прошли мимо. И это было к лучшему, так как, когда лодка всплыла, выяснилось, что на паруснике находятся только греки-беженцы.

30 октября «Тюркуаз» попыталась прорваться обратно через Дарданеллы. Возле Акбаша перископ лодки был замечен береговыми батареями, которые сразу открыли огонь. Маневрируя, чтобы обойти сеть, лодка ударилась о дно и вылетела на поверхность. 75-мм полевая батарея немедленно обстреляла ее и добилась попадания в рубку. Французы выбросили белый флаг, и экипаж поспешно бросил лодку. Экипаж был подобран турецким катером, а прибывшие германские офицеры с удивлением обнаружили, что капитан даже не попытался уничтожить секретные документы.

Сама лодка лежала на дне на глубине всего 4 метра, и весь ее корпус торчал над водой. Поэтому 2 ноября она была без труда поднята буксиром «Сана» и спасательным буксиром «Курт». Лодку отвели в Константинополь, отремонтировали и 10 ноября ввели в состав турецкого флота под названием «Мюстечип Онбаши». Однако использовать ее в боевых действиях турки не решились из-за неважного состояния. Она служила в качестве зарядной станции для германских лодок, находящихся в Константинополе.

21 октября в Мраморное море направилась Е-20. После того как Е-12 продемонстрировала эффективность 102-мм орудия, на этой лодке установили 152-мм гаубицу, однако ее полезность выяснить так и не удалось, потому что лодке не представилось случая



Бывшая французская подводная лодка «Тюркуаз» ставшая турецкой «Мюстечип Онбаши»

Британская подводная лодка E-20 с установленной армейской 152-мм гаубицей. Лодка была потоплена немецкой подводной лодкой UB-14

использовать это орудие в деле. Она должна была действовать вместе с французской лодкой «Тюркуаз», но ничего хорошего из этой затеи не получилось.

Увы, среди захваченных турками бумаг была записка с указанием координат и времени встречи с E-20. «Тюркуаз» на рандеву не прибыла, вместо нее 5 ноября в намеченную точку пришла германская субмарина UB-14 обер-лейтенанта фон Хеймбурга. В 16.45 она обнаружила стоящую на поверхности E-20, которая ждала французскую лодку. С дистанции 500 метров UB-14 выпустила торпеду. Промахнуться по такой цели было невозможно. Когда рассеялся дым, лодка просто исчезла. Немцы подобрали капитана, 2 офицеров и 6 матросов из экипажа E-20. Таким образом на счету фон Хеймбурга оказались две подводные лодки, причем первую он потопил глубинными бомбами с турецкого катера.

В ноябре третий поход в Мраморное море совершила E-11, и снова ей сопутствовала удача. Ее действия начались 7 ноября с потопления артогнем возле Кара-Бурну парусного судна «Эвлиядифис». 15 ноября капитан-лейтенант Нэсмит торпедировал австрийский пароход «Ариматеа», но тот затонул на мелководье и был позднее поднят. Вторая торпеда попала в германское судно «Лили Рикмерс» и запуталась в противоторпедных сетях. Поэтому судно было лишь повреждено взрывом и само ушло в Константинополь на ремонт. Возле Чанака E-11 торпедировала и потопила пароход «Деспина» с грузом пшеницы.

26 ноября E-11 подошла к Эрдеку, и Нэсмит обнаружил в порту несколько судов. В полдень лодка всплыла и обстреляла их, но береговые батареи вынудили ее погрузиться. В 16.00 Нэсмит снова всплыл и продолжил обстрел, пока весь берег не затянуло дымом пожаров. Пароход «Гелиболу» был потоплен, а «Эдремит» — поврежден.

Днем 3 декабря возле Яловы E-11 встретила миноносец «Ярхисар» и атаковала его. Взрывом корпус миноносца был переломлен пополам, при этом погибли 8 немцев и 28 турок. На следующий день E-11 атаковала большой германский пароход «Босфорус», шедший в сопровождении миноносца «Беркэфшан». Нэсмит дождался, пока миноносец скроется в полосе тумана, поднялся на поверхность и открыл огонь. Когда миноносец вернулся, пароход уже пылал от носа до кормы.

Как считают англичане, в этом походе Нэсмит добился выдающихся успехов. Он торпедировал турецкий миноносец «Ярхисар», потопил 11 пароходов и 35 дау. E-11 подожгла поезд и в очередной раз заглянула в гавань Константинополя. Именно там был потоплен один из 11 пароходов. Но именно это заставляет усомниться в истинности всего остального. Действительно, возле Хайдар-паши E-11 торпедировала пароход «Лерос», который турки приготовились ставить в сухой док. Он был поврежден, но к нему тут же подошли несколько буксиров и барж и сумели удержать «Лерос» на плаву. Так или иначе, но этот поход был для Нэсмита довольно удачным.

9 декабря в море на E-2 вышел капитан-лейтенант Беннет, чтобы действовать вместе с Нэсмитом. Это была последняя британская лодка, направленная в Мраморное море. Теперь E-2 тоже имела 102-мм орудие и хорошо использовала его в Мудании, где обстреляла железнодорожную станцию и подожгла склады. Беннет потопил несколько дау, но более крупных целей не встретил. Попытка перерезать подводный телеграфный кабель между Бандирмой и Константинополем не удалась. 1 января 1916 года E-2 побывала в Константинополе, но никаких целей не обнаружила.

22 декабря E-11 в последний раз покинула Мраморное море, проведя там 47 дней, это был самый продолжительный поход в турецких водах, а через 11 дней, 2 января 1916 года была отозвана E-2. Впервые за целый год в Мраморном море не осталось ни одной британской подводной лодки, все равно с окончанием боев на Галлиполи морские перевозки практически прекратились, и охотиться было не за кем. Нельзя всерьез считать за добычу парусное дау с грузом оливок и соли.

* * *

Подводные лодки сыграли заметную роль в ослаблении турецких войск. Они были использованы очень умело, и отважные экипажи сделали все, что от них зависело. Ко времени окончания боев на Галлиполи турецкий флот почти перестал существовать. Торговый флот сократился вдвое, при этом англичане делали все, чтобы сохранить жизнь гражданским морякам. Ну а всего с апреля 1915 по январь 1916 года лодки союзников совершили 19 походов в Мраморное море и Дарданеллы и потопили 2 старых броненосца, 1 миноносец, 5 канонерок, 9 войсковых транспортов, 7 транспортов, 35 пароходов и 188 мелких парусных судов. При этом успехов добивались только английские лодки. В свою очередь турки уничтожили 4 английские и 4 французские субмарины.

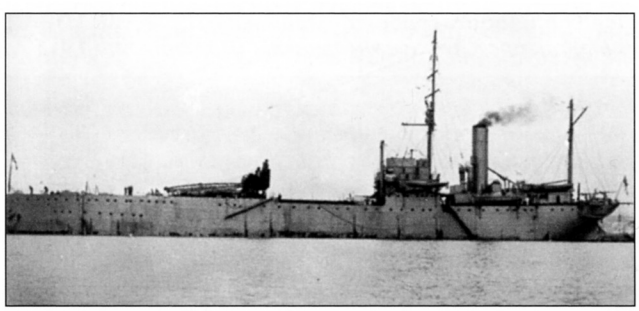
Дарданеллы показали, что существуют новые аспекты подводной войны, а Балтика позднее это подтвердит. Выяснилось, что подводные лодки могут иметь стратегическое значение. Они наносят врагу максимальные потери минимальными силами. Этот вывод не был в полной мере осознан в то время, некоторые адмиралы продолжали требовать от подводной лодки больше, чем она могла дать. Те, кто пытался на практике выполнить эти требования, лишь напрасно губили лодки и людей. Дарданелльская кампания британских подводных лодок заложила фундамент, на котором в последующие годы строились теория и практика действий британского подводного флота. История доказала, что это был крепкий фундамент.

Проливы — война в воздухе

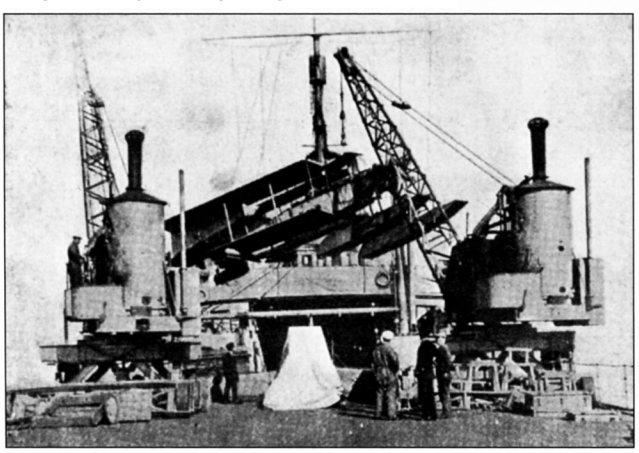
Морская война в Дарданеллах и вокруг них стремительно приобретала новые черты, пожалуй, даже быстрее чем на главном морском театре в Северном море. Мы уже рассказывали, как союзники активно использовали подводные лодки, но практически одновременно с этим война перешла и в другое измерение — в воздух.

Соединение британских гидроавианосцев начало действовать на Средиземном море в 1915 году. Только что построенный «Арк Ройял» был отправлен туда еще до начала Дарданелльской операции, и 17 февраля 1915 года он прибыл к острову Тенедос, находящемуся в 15 милях от входа в Дарданеллы. В качестве авиагруппы корабль имел на борту полный винегрет, гидросамолеты: 2 Сопвич «Таблоид», 1 Шорт, 2 Уайт и 3 Сопвич. Это были маломощные хрупкие машины, сильно зависящие от погоды, которые с трудом взлетали даже в полный штиль. На корабле также находились 2 радиостанции «Стерлинг», которые теоретически позволяли летчикам передавать радиограммы, но их вес создавал дополнительные проблемы пилотам. Уже через 2 часа после прибытия гидросамолет Уайт А1 (флайт-лейтенант Бромет, флайт-коммандер Уильямсон) вылетел на разведку. Они пролетели над проливом, осмотрели турецкие форты и даже сбросили макет 20-фн бомбы, после чего привели 7 пулевых пробоин.

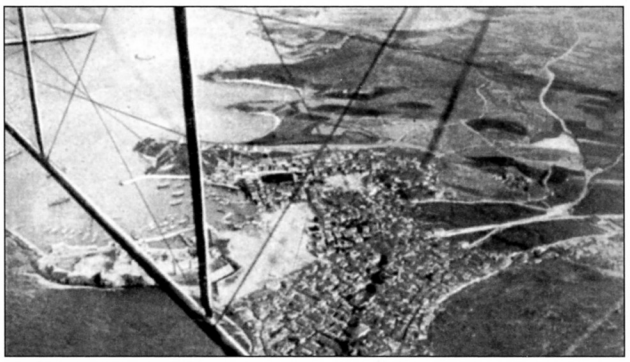
Главными задачами английских гидросамолетов были разведка и корректировка артиллерийского огня во



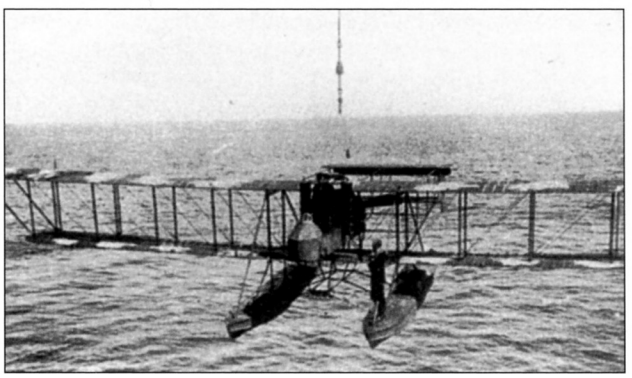
Гидроавиатранспорт «Арк Роял»



Гидросамолет Шорт тип 166 выгружаемый из ангара «Арк Роял». Фото сентябрь-ноябрь 1915 г.



Аэрофотосьемка Дарданелл

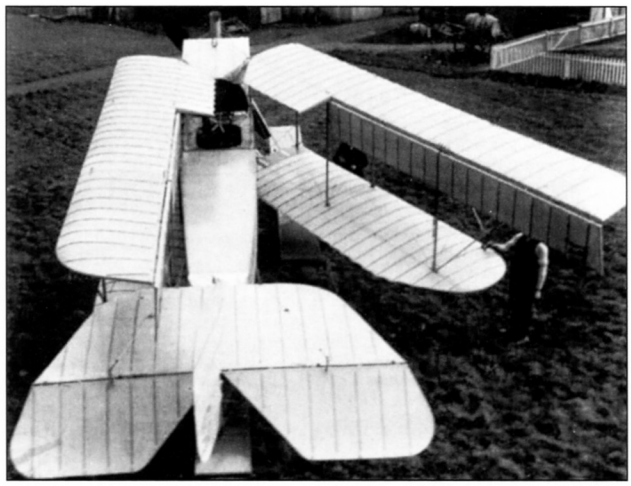


Гидросамолет Уайт А1 – первый английский самолет летавший над Дарданеллами

время обстрелов турецких позиций с моря, но получалось это пока что плохо. Наиболее наглядно проблемы проявились 5 марта, когда в воздух поднялся гидросамолет (первый флайт-лейтенант Гарнетт, флайт-коммандер Уильямсон), который должен был управлять огнем линкора «Куин Элизабет», обстреливающего турецкий форт. Самолет набрал высоту 3000 футов, и наблюдатель приготовился корректировать стрельбу с помощью беспроволочного телеграфа, когда внезапно оторвался пропеллер самолета. Машина села на воду под яростным огнем форта, но оба летчика были спасены, хотя и слегка пострадали при падении.

На замену ему взлетел другой гидросамолет (флайт-лейтенант Шолто Дуглас, флайт-лейтенант Даннинг). Едва они приготовились начать корректировать стрельбы линкора, как Шолто Дуглас (между прочим, будущий маршал авиации и глава Истребительного Командования в годы Второй мировой войны) получил в ногу турецкую пулю, пришлось возвращаться обратно на «Арк Ройял». Был вызван новый пилот флайт-лейтенант Кершо, и в 14.00 самолет снова взлетел. Наблюдатель даже успел дать несколько поправок артиллеристам линкора, но тут начало темнеть. Следующие попытки были сорваны плохой погодой.

Далее гидросамолеты занялись разведкой, тщательно осматривая перешеек Булаир. В порядке подготовки к злосчастной операции 18 марта даже были

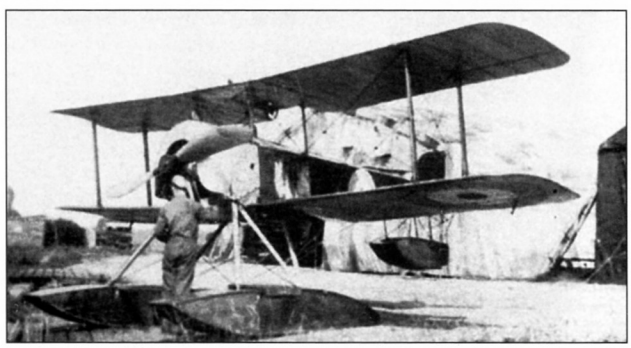


Гидросамолет Шорт тип 81 «Складной» (Folder). Первая разработка самолета для базирования на авиатранспортах

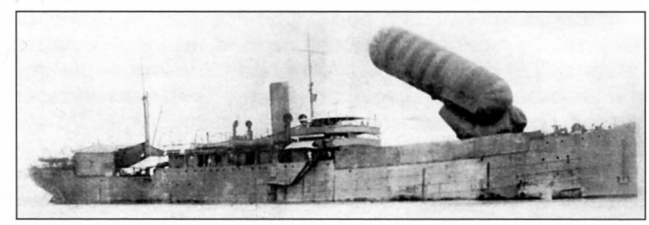
проведены эксперименты по обнаружению подводных мин. Для этого возле «Арк Ройяла» были специально поставлены несколько учебных мин на разной глубине. И действительно, потом гидросамолеты обнаружили несколько мин в районе мыса Кефез, вот только злосчастное заграждение, поставленное «Нушретом», они не нашли.

18 марта гидросамолеты держали под наблюдением турецкие форты. Они также нашли несколько гаубичных батарей и сообщили о них, но артиллеристы броненосцев были слишком заняты, и все эти донесения не принесли особой пользы.

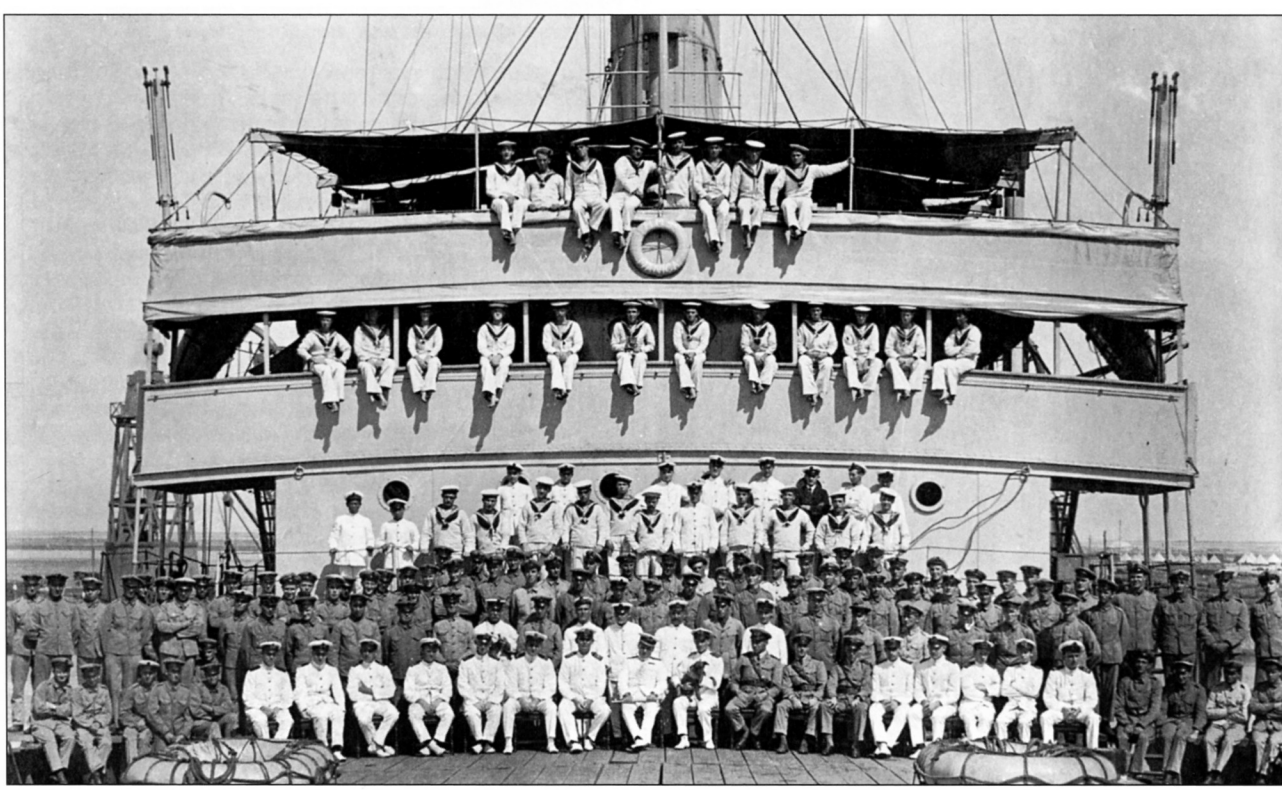
Гидросамолеты «Арк Ройяла» уступали по своим характеристикам колесным самолетам и не подходили для ведения разведки над сушей. Поэтому 24 марта на Тенедос прибыла 3-я эскадрилья Королевской Морской Воздушной Службы (Royal Naval Air Service) уинг-коммандера Сэмсона. При прибытии Сэмсон об-



Гидросамолет Сопвич «Таблоид»



Вверху: аэростатоносец «Манника»
Внизу: аэростатоносца «Маника», Дарданеллы 1915 г.



наружил, что из 30 самолетов, упакованных в контейнеры, исправны только 5! Однако они стала настоящим ужасом для турок. Самолеты летали над турецкими позициями днем и ночью, сбрасывали бомбы на лагеря и марширующие колонны, корректировали огонь кораблей. Большое значение имели полеты флайт-лейтенанта Батлера, который проводил фотографирование турецких позиций. Он сделал более 700 снимков турецких укреплений, не видимых невооруженным глазом во время обычных разведывательных полетов, которые, к сожалению, принесли очень мало пользы. Генералы не верили таким новшествам.

В ходе подготовки к высадке на Галлиполи «Арк Ройял» провел разведку более отдаленных участков побережья возле Смирны, Эноса и Ксероса, чтобы попытаться обмануть турок. Однако, как мы знаем, это не удалось. Добавим, что пока союзники не встречали никакого сопротивления в воздухе. Они сумели обнаружить лишь один примитивный аэродром в Чанаке, который 18 апреля разбомбили.

9 апреля в Мудрос прибыл транспорт «Маника», на котором базировались аэростаты, специально приспособленные для корректировки артогня. 19 апреля он были впервые использованы для корректировки стрельбы по берегу броненосного крейсера «Бекчент». Главным преимуществом аэростата было то, что он мог оставаться в воздухе неограниченно долго.

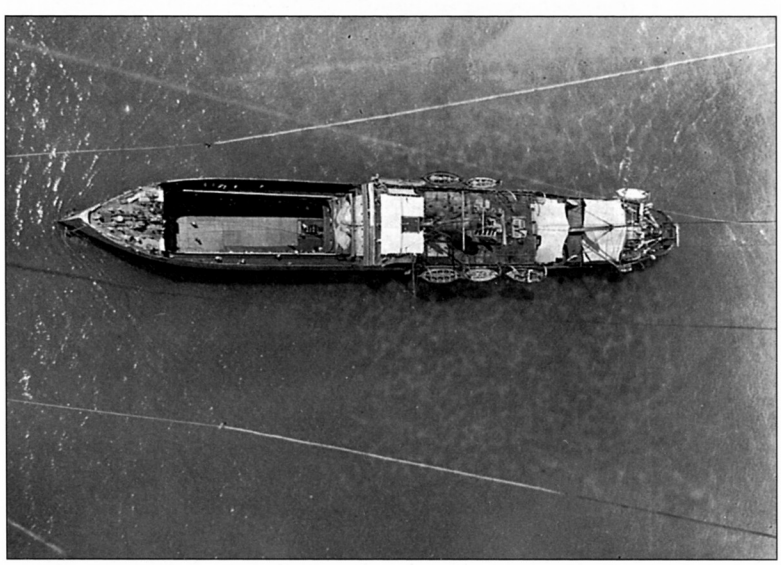
25 апреля во время высадки десанта аэропланы 3-й эскадрильи патрулировали в районе мыса Хеллес и Кум-Кале, тогда как «Арк Ройял» и «Маника» стояли возле участка Анзак. Английские самолеты находились в воздухе почти весь день и снова почти не сумели помочь артиллеристам, которые не обращали внимания на приходящие радиограммы. Сэмсон, который на своем Морис-Фармане находился над участком W, оставил отличное описание происходившего.

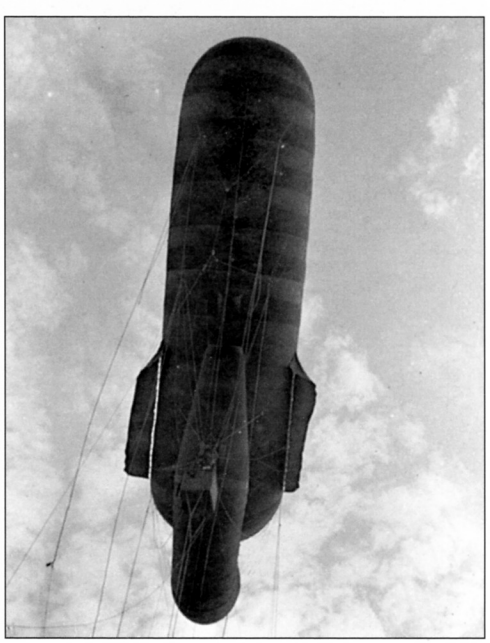
«Как раз перед тем, как были отданы буксирные концы, турки открыли огонь, и я увидел, как Ад вырвался наружу. Море буквально вскипело под градом пуль и мелких снарядов. Казалось невозможным, чтобы шлюпки прошли сквозь этот ураганный огонь, однако они все-таки прорывались, и я видел, как солдаты выскакивали на берег. Я видел, как люди падали в тот момент, когда оказывались на суше, но другие рвались вперед. Кто-то бежал прямо вверх по склону, другие устремились к скалам на левом фланге. Больше я ничего не видел, так как моей главной задачей было обнаружить турок и сообщить кораблям. Найти противника было нелегко, но мы сумели обнаружить несколько турецких орудий рядом с берегом. Осмонд сообщил их координаты, однако корабли проигнорировали наше сообщение и продолжали стрелять по целям в глубине полуострова. Когда я в следующий раз посмотрел на пляж, он был покрыт телами мертвых. Однако высадка все-таки была успешной».

Однако когда Сэмсон пролетал над участком V, он увидел совсем иную картину.

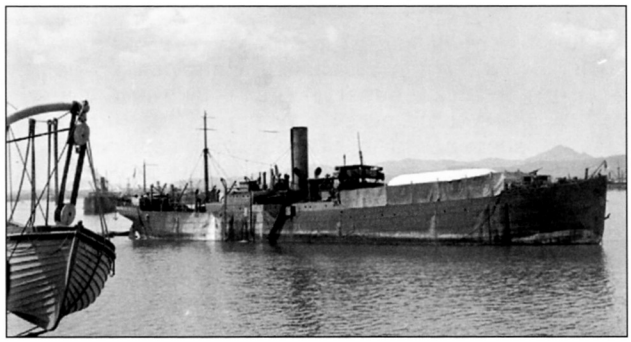
«Высадка задержалась. «Ривер Клайд» приткнулся к берегу, но лихтеры впереди него не заняли своих позиций. Были видны разрывы в сходнях. Лихтеры были полны трупов, пляж и вода рядом с берегом были покрыты трупами. Было просто ужасно смотреть на это с нашей безопасной позиции в воздухе. Море на расстоянии 50 ярдов от берега было совершенно красным от крови. Это было чудовищно».

На участке Анзак наблюдатель аэростата с «Маники» помогал стрелять броненосцу «Трайэмф». Когда на десантников обрушился огонь турецкого броненосца «Тургуд Рейс», стрелявшего от другого берега полуострова, наблюдатель сразу обнаружил его и передал сообщение. Несколько залпов «Трайэмфа» вынудили турецкий корабль отойти. 27 апреля наблюдатели уже отличились по-настоящему. Они обнаружили турецкий транспорт «Скутари», который направлялся в Майдос. Информация была передана на линкор «Куин Элизабет», который сразу открыл огонь с дистанции 70 кабельтовых. Получив 3 попадания, «Скутари» затонул.





Вверху: вид на «Маннику» с аэростата. Хорошо заметен ангар «баллонной палубы»
Справа: аэростат «Манники»



Аэростатоносец «Гектор», сменивший отбывшую на охоту за крейсером «Кенигсберг» «Маннику» у Дарданелл

А Сэмсона тем временем потянуло на новые подвиги. 27 мая он атаковал немецкую подводную лодку U-21, которая только что торпедировала броненосец «Маджестик». Когда у него закончились бомбы, Сэмсон принялся стрелять по лодке из винтовки. В июне на мысе Хеллес была сооружена временная полоса, и Сэмсон перебрался туда. Во время одного из вылетов он атаковал турецкий штабной автомобиль, но сумел лишь расколоть ему ветровое стекло пулей. А ведь в этом автомобиле ехал не кто иной, как знаменитый Мустафа Кемаль. Также Сэмсон не раз вылетал на бомбежку турецких позиций с 500-фунтовыми бомбами, которые в то время были самым мощным оружием авиации.

После того, как союзники закрепились на берегу, главной задачей самолетов становилась разведка. В частности, она серьезно помогла при планировании высадки в бухте Сувла. Но вот аэростаты стали настоящей занозой, постоянно беспокоящей противника. К тому же в июле к «Манике» присоединился еще один транспорт — «Гектор».

В июне 1915 года «Арк Ройял» покинул район боев, так как скорость 10 узлов делала его слишком заманчивой целью для вражеских подводных лодок. Вместо него в августе 1915 года в Эгейское море прибыл гидроавианосец «Бен-Май-Шри» (24,5 узла). 4 августа эскадрилья Сэмсона была переведена на Имброс и переименована в 3-е крыло. К ней присоединилось 2-е крыло, и командование авиацией союзников принял полковник Сайкс, которому присвоили звание уинг-кэптена. Были получены новые, более совершенные самолеты. Увы, системы связи по-прежнему оставляли желать лучшего и, несмотря на все эксперименты, оставались ненадежными.

«Для корректировки требуется двухместный аэроплан. Вы должны иметь наблюдателя. Мы имели передатчик беспроволочного телеграфа, который мог работать морзянкой. Вам приходилось каждый раз поворачивать назад к кораблю, потому что он выкладывал на палубе сигналы, чтобы сообщить вам, когда закончит, и вы можете возвращаться. Я приспособился летать кругами вокруг цели, а потом по широкой дуге к кораблю, чтобы увидеть, что они там выложили. В одном случае вместо того, чтобы описать широкую окружность вокруг корабля, я выполнил восьмерку и оказался прямо на линии огня. Я летел недостаточно высоко, потому что один 15-дюймовый снаряд пролетел прямо подо мной и создал такое завихрение, что моя машина камнем полетела вниз. Я думаю, что потерял около 500 футов», — вспоминал один из молодых пилотов.

Увы, пехота не ценила усилий летчиков и обстреливала их при каждом удобном случае, даже не пытаясь разобраться, чей это самолет — турецкий или английский, хотя турецкие появились очень не сразу. Сначала турки тоже ограничивались разведывательными полетами, но 22 июня состоялся первый воздушный бой, и капитан Коллет из 3-го крыла сбил немецкий самолет. Его наблюдатель Хогг, вооруженный всего лишь винтовкой, сумел попасть в мотор противника, и тот сел возле Ачи-Баба. После этого в дело вступила французская артиллерия, которая быстро уничтожила поврежденную машину.

Гидроавиатранспорт «Бен-Май-Шри» – переделка из быстроходного парома

Англичане довольно часто летали бомбить противника, но были вынуждены ограничиваться целями в прифронтовой полосе. Турецкие коммуникации были крайне уязвимы, однако самолеты несли совершенно ничтожную бомбовую нагрузку и не могли причинить особого вреда. Точно так же обстояли дела и у противника. Бомбежки воздействовали скорее психологически, а когда турки (ну, или немцы) попытались атаковать штаб генерала Гамильтона на Имбросе, то им пришлось использовать уже совсем экзотическое оружие.

Портрет Уинг-коммандера Сэмсона, командира 3-я эскадрильи Королевской Морской Воздушной Службы и первого летчика Британии взлетевшего 9 мая 1912 г. с палубы корабля

«Однажды утром во время бритья над нами пролетел самолет бошей, но мы не обратили на него внимания. Внезапно наш сержант-майор вылетел из палатки, крича: «Бомбы, копья, стрелы!» Этот парень действительно начал швырять стальные стрелы, которые падали повсюду, и бомбы. Сегодня мы посмеялись бы над этим, но тогда бомбы показались нам огромными, и одна упала совсем рядом с палаткой сэра Иена Гамильтона».

Впрочем, у страха глаза велики, сами немцы и турки оценивают результаты действий своей авиации гораздо более скромно. Дело в том, что они этой самой авиации на полуострове Галлиполи практически не имели. К началу высадки союзников в апреле 1915 года турецкая 5-я армия располагала всего 4 разведчиками — 3 «Альбатрос B.1» и «Румплер B.1». Первый полет был совершен как раз 18 марта, «Румплер» обозрел с воздуха огромную армаду, входящую в пролив, и поднял тревогу. И в дальнейшем туркам и немцам пришлось ограничиться в основном разведывательными полетами. 29 апреля немецкий пилот впервые использовал мелкие бомбы, сбрасываемые вручную, то есть, это были явно даже не английские 112-фн. Затем турецкий летчик сбросил 3 ручные гранаты на английский броненосный крейсер «Юриалес». 5 июля из Германии поступили первые 2 бомбардировщика «Гота», а устаревшие машины отвели в Стамбул. Немцы даже сформировали Специальную морскую авиационную группу под командованием лейтенанта Пройсснера, которого вскоре сменил турецкий капитан Тахсин. 13 июля прибыли еще 4 самолета, то есть увеличение численности было более чем скромным.

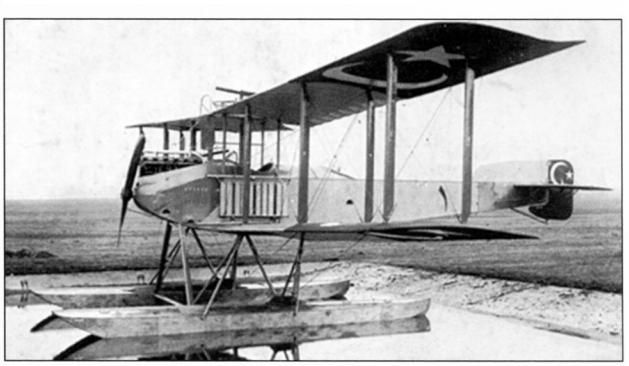
10 августа турецкие войска под командованием Мустафы Кемаля начали крупное наступление, в котором приняла участие и немецкая авиация — 1-й флигерабтайлунг. Однако его роль была ограничена, хотя капитан Кёрнер первым сообщил, что количество войск союзников на плацдарме сокращается. Упомянутый ранее налет совершили гидросамолеты Гота WD.2 с базы возле Чанака.

Но потом инициатива снова перешла к англичанам. После прихода «Бен-Май-Шри», которым командовал скуадрон-коммандер Л'Эстранж Мэлоун, с новыми самолетами было решено попытаться перерезать коммуникации турок в Мраморном море. Правда, по неофициальным данным авианосец получил задание торпедировать «Гебен» и «Бреслау».

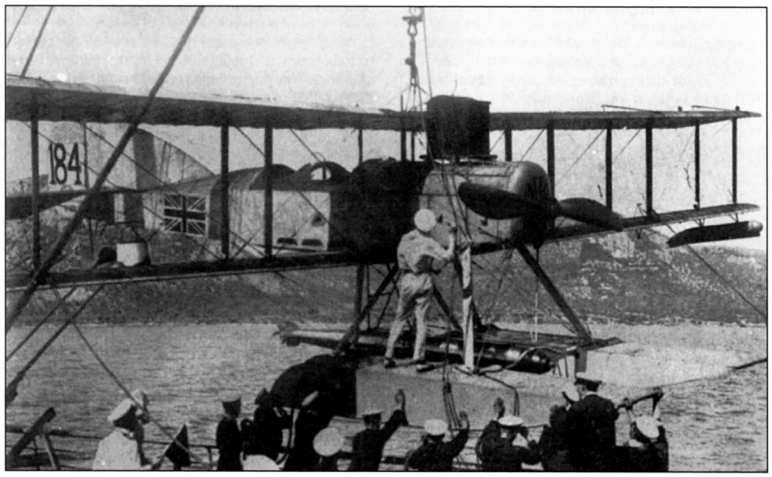
Сначала его самолеты использовались лишь для ведения разведки. 11 августа у северных берегов Мраморного моря был замечен турецкий транспорт. Он и должен был стать жертвой первой в мире воздушной торпедной атаки. 12 августа «Бен-Май-Шри» вошел в восточную оконечность залива Ксерос, и гидросамолет Шорт 184 с подвешенной торпедой был спущен на воду. Флайт-коммандер Эдмондс после относительно короткого разбега поднял тяжелый самолет в воздух. Машина набрала высоту 800 футов и направилась на север. Эдмондс заметил свою цель — большой транспорт, рядом с которым стояли несколько парусников и буксир, и вышел в атаку.

«Я скользнул вниз и сбросил торпеду с высоты 14 футов на расстоянии около 300 ярдов, имея солнце за спиной. Я заметил несколько вспышек на буксире, вероятно они стреляли по мне, и потому продолжил лететь на запад, быстро набирая высоту. Оглянувшись, я увидел след торпеды, которая попала в судно напротив грот-мачты в правый борт. Взрыв поднял столб воды высотой почти с мачту. Корабль водоизмещением около 5000 тонн, окрашенный в черный цвет, с одной трубой и четырьмя мачтами. Он стоял близко к берегу и потому не мог затонуть быстро, но сила взрыва была такова, что противник больше не мог его использовать», — писал он позднее.

Турецкие пилоты под Галлиполи



Турецкий гидросамолет Гота WD.2. Галлиполи 1915 г.

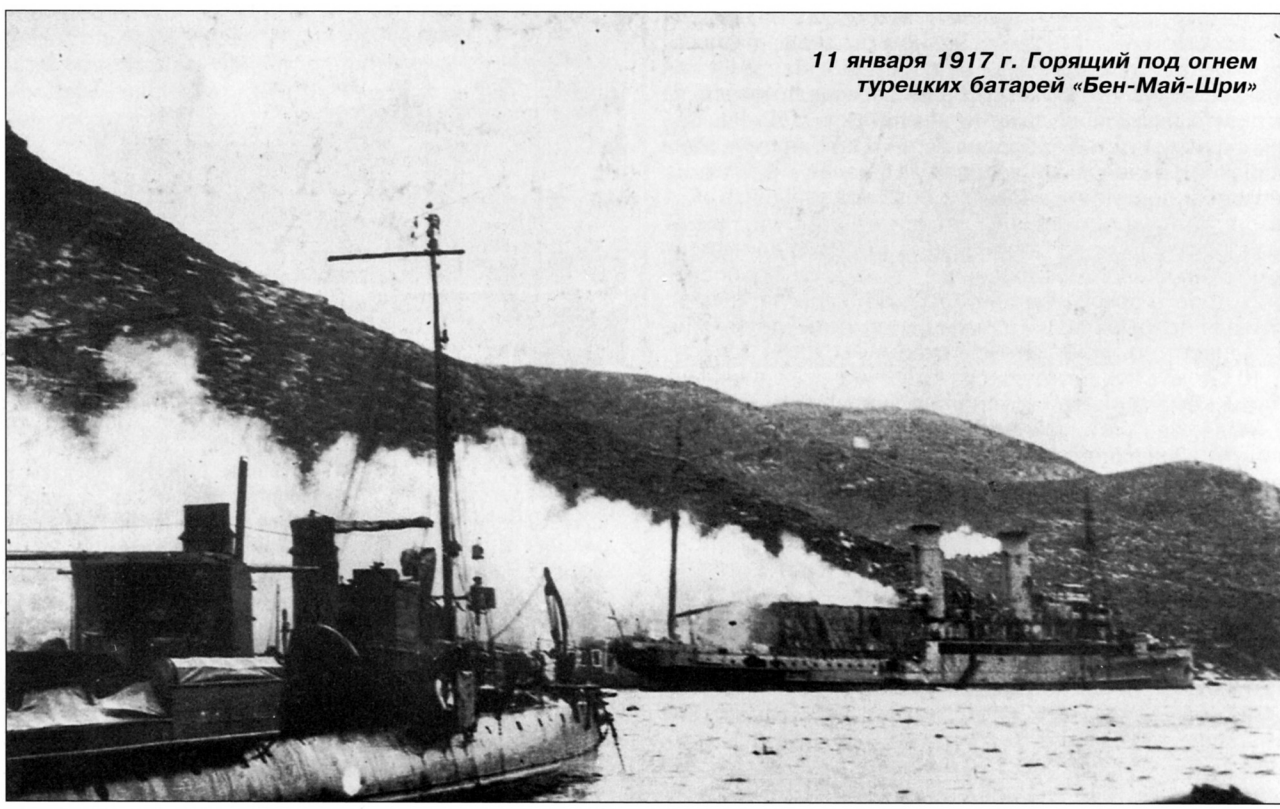


Торпедоносец Шорт тип 184, подготовка к старту

Победа морской авиации? Но тогда пилот не знал, что английская подводная лодка Е-14 атаковала это судно еще до появления гидросамолета. По утверждению командира лодки, транспорт торпедировал именно он.

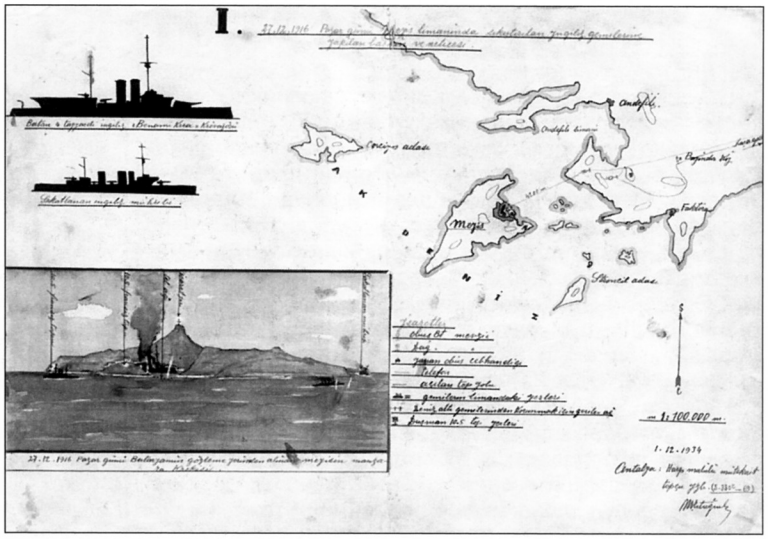
5 дней спустя была проведена еще одна торпедная атака турецких транспортов в Ак-Баши-Лимане, прямо в узостях Галлиполи. В этом налете участвовали 2 гидросамолета. Один из них пилотировал флайт-командер Эдмондс, он выполнил свою атаку безукоризненно, и торпедированное судно взорвалось. Другой самолет, который пилотировал флайт-лейтенант Дж.Б. Дэкр, из-за неполадок в моторе, возникших во время полета, был вынужден сесть на воду. Заметив вражеский буксир, Дэкр повел свой самолет к нему, скользя по воде. Он сбросил торпеду с близкого расстояния и добился попадания. Затем Дэкр повел самолет назад. Мотор начал набирать мощность, и облегченный гидросамолет сумел взлететь. Он благополучно вернулся на «Бен-Май-Шри». Корабельные самолеты потопили свои первые жертвы, но при этом англичане сделали совершенно очевидные выводы. Гидросамолет Шорт-184 в качестве торпедоносца может действовать только в идеальных погодных условиях, а потому более в этой роли он не использовался, только как бомбардировщик, хотя были построены 936 машин. Взамен был создан настоящий палубный торпедоносец Сопвич «Кукку», который не успел принять участия в боевых действиях.

В октябре Болгария вступила в войну и начала наступление на Сербию. Поэтому потребовалось нанести несколько ударов по железным дорогам на территории Болгарии. Это сделали гидросамолеты «Бен-Май-Шри». Они вместе с колесными машинами эскадрильи Сэмсона бомбили железнодорожный мост в Болгарии. Первым пришлось пролететь до цели 120 миль, а вторым — целых 200 миль с Имброса, что по тем временам считалось достаточно длинным полетом.



11 января 1917 г. Горящий под огнем турецких батарей «Бен-Май-Шри»

Схема боя 11 января 1917 г.



Решение завершить Дарданелльскую операцию прервало полную событий и боев главу истории воздушных сил Королевского Флота.

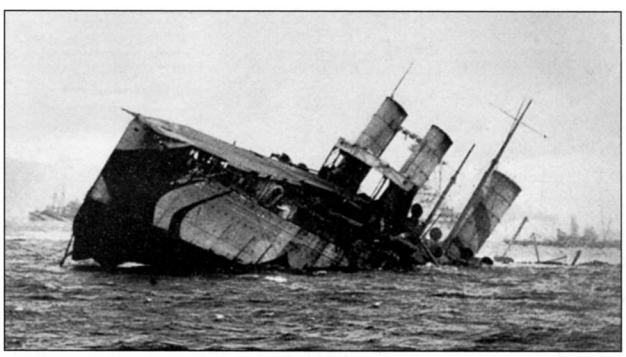
* * *

После Дарданелльской операции 14 мая 1916 года Сэмсон в звании капитана 2 ранга был назначен командиром «Бен-Май-Шри». Одновременно он командовал «эскадрой авианосцев», состоящей из «Бен-Май-Шри» и более мелких кораблей «Энн» и «Рэйвен II». Оба маленьких гидроавианосца ранее были германскими грузовыми пароходами и могли нести по 4 гидросамолета. Всего на кораблях эскадры базировались 14 гидросамолетов.

Трио действовало в Восточном Средиземноморье и в Красном море против турецких войск на Синае, в Аравии и Палестине, базируясь в Порт-Саиде. 2 июня Сэмсон провел свой корабли через Суэцкий канал в Аден, откуда лично в течение 6 дней водил самолеты на бомбежки. После этого «Бен-Май-Шри» действовал у берегов Палестины, и 26 июля Сэмсон уничтожил поезд, который перевозил 1600 турецких солдат.

В январе 1917 года корабль отправился к острову Кастелориццо у южного побережья Турции для совместных действий с французами, и это стало роковой ошибкой. 11 января замаскированные турецкие береговые батареи, которыми командовал капитан Мустафа Эртогрул, открыли по нему огонь. Турки сосредоточили там 4 — 155-мм и 12 — 77-мм пушек, так что судьба авианосца была незавидной. Уже четвертый снаряд попал в ангар на корме, самолеты, находившиеся там, вспыхнули. «Бен-Май-Шри» был буквально засыпан снарядами и запылал от носа до кормы. Через 40 минут команда покинула его, и вскоре он затонул на мелководье. Позднее капитан и стармех вернулись, чтобы спасти корабельного пса и кота, которые пережили обстрел. А капитан Эртогрул позднее сумел потопить французское авизо «Париж II» и траулер «Александра».

При этом «Бен-Май-Шри» стал вторым из трех британских гидроавиатранспортов, погибшим в этой войне, но единственным, принявшим в ней самое активное участие. Первым был «Гермес», однако он только и сумел, что доставить несколько гидросамолетов во Францию, прежде чем был потоплен 30 октября 1914 года U-27. Последним стал гидроавиатранспорт «Кампэниа», известный своим неудачным участием в Ютландском бою, а также тем, что именно для него Адмиралтейство заказало первый специальный корабельный самолет Фэйри «Кампэниа». 5 ноября 1918 года корабль стоял в заливе Ферт-оф-Форт, но 10-балльный шторм сорвал его с якорей и бросил прямо на таран линкора «Ройял Оук». Исход такой встречи для бывшего пассажирского лайнера мог быть только один.



Гибель гидроавиатранспорта «Кампания». 5 ноября 1918 г. Опыт войны не прошел даром – видна почти полноценная взлетная палуба

Галлиполи — позиционный тупик

После Второй битвы за Критию союзники выдохлись и какое-то время никаких активных действий предпринять не могли. В частности 11 мая генерал Гамильтон был вынужден отвести с линии фронта 29-ю дивизию, которая за время боев потеряла 11000 солдат и 400 офицеров, ее сменила 42-я дивизия. Однако генерал Хантер-Уэстон, заработавший к этому времени кличку «Мясник Хеллеса», не только не был снят, 24 мая Гамильтон назначил его командиром вновь созданного VIII корпуса в составе 29-й, 42-й, 52-й и Морской дивизий и 29-й индийской бригады. Одновременно «Мясник Хеллеса» получил звание генерал-лейтенанта. В общем, союзникам пока пришлось заниматься перевозкой подкреплений и оборудованием позиций. На плацдарм Анзак прибыла австралийская 1-я бригада легкой кавалерии, а батальоны Морской дивизии вернулись на мыс Хеллес. Турки тоже понесли в ходе боев потери и на какое-то время успокоились, хотя и ненадолго. Но неприятности продолжали преследовать союзников, 15 мая турецкий снайпер смертельно ранил командира 1-й австралийской дивизии генерал-майора Бриджеса.

Однако теперь настал черед турок наступать. Для удара был выбран плацдарм Анзак, который они надеялись ликвидировать. Атакой командовал Эсат-паша, он получил две свежие дивизии — 2-ю и 3-ю, переброшенный из Азии, и был совершенно уверен в успехе, так как создал значительное численное преимущество на участке атаки. Лиман фон Сандерс даже сумел наскрести кое-какую артиллерию для поддержки наступления, к артподготовке подключились форты Килид-Бахра.

Турецкие пополнения

Атаки на неподавленные пулеметы обычно заканчиваются примерно так

18 мая в 17.00 турецкая артиллерия открыла огонь по окопам Анзака, а потом в 03.30 густые цепи турецких солдат поднялись из окопов. Если турки и рассчитывали на внезапность, это была напрасная надежда. Авиаразведка предупредила союзников, поэтому австралийцы и новозеландцы заняли места в траншеях. 2-я дивизия наносила главный удар в центре, на флангах ее поддерживали потрепанные 19-я, 5-я и 16-я дивизии. Теперь уже турецким генералам предстояло убедиться, что атака в лоб на пулеметные гнезда ни к чему хорошему не приводит. Майор Соллсбери из 1-й австралийской дивизии вспоминал:

«Стрельба 9-го батальона была настолько быстрой и непрерывной, что раскаленные винтовки начало заедать, их приходилось поливать маслом для охлаждения. Когда закончилось ружейное масло, в ход пошли куски жирного бекона. Иногда стрелок на банкете был вынужден брать винтовку у подносчика патронов и класть свою, чтобы она остыла. Но это не всегда устраивало подносчика, который мог сказать: «Нет, ты отойди и пусти меня пострелять».

В нескольких местах численное превосходство турок позволило им подойти вплотную к траншеям, а в одном месте они даже ворвались в окопы австралийцев, но их встретили штыками и отбросили назад. К рассвету стало ясно, что турецкая атака полностью провалилась. Турки не только ничего не добились, но и понесли чудовищные потери — более 13000 человек, в том числе 3000 убитыми. 2-я дивизия фактически перестала существовать, потеряв около 9000 человек. Потом подсчитали, что в эту ночь австралийцы израсходовали 950 тысяч патронов! В первый и последний раз во время этой кампании британское командование согласилось на перемирие, чтобы турки могли убрать трупы, иначе вполне вероятной могла стать эпидемия. Говорят, что при этом сам генерал Лиман фон Сандерс, переодевшись санитаром, пытался получше изучить позиции австралийцев. Беспощадная мясорубка продолжала вертеться, с одинаковым равнодушием поглощая англичан, австралийцев и турок.

Это наступление поддерживал броненосец «Тургут Рейс», который выпустил 62 тяжелых снаряда, хотя это мало помогло. Сами турки признают, что атака превратилась в резню турецких солдат.

После 19 мая турки больше ни разу не пытались проводить подобные массированные атаки, они ограничивались мелкими выпадами с целью улучшить тактическую ситуацию. А у австралийцев родилась интересная идея. Народные умельцы начали приспосабливать перископы к винтовочным прицелам, чтобы стрелять, не высовываясь из-за укрытия.

Турецкий лейтенант Сефик писал: «Линия, которую они удерживали, была выгнутой с выступами и впадинами, которые прикрывали друг друга фланговым ог-

«Работа» снайперов

Последствия турецких атак 19 мая 1915 г. Уборка трупов

нем. Кроме огня с фронта, имелись траншеи, из которых можно было поддерживать первую линию. Сразу позади этой второй линии имелись подходящие места для безопасного размещения резервов. Это была превосходная оборонительная позиция с хранилищами для патронов и снарядов. Они имели достаточное количество пулеметов и солдат, а с тыла их поддерживали морские орудия».

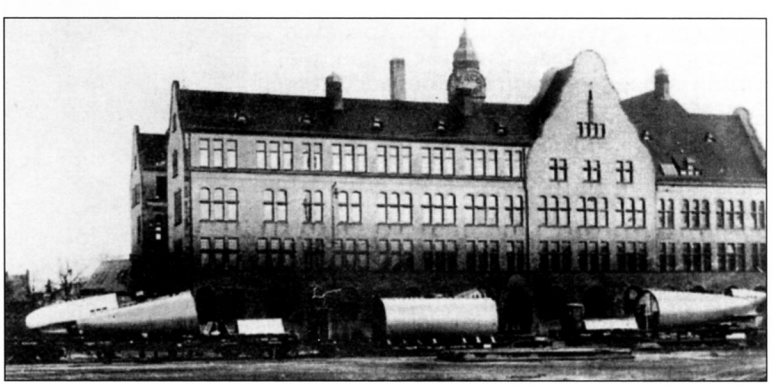
* * *

Вот эти «морские орудия» и требовалось убрать, если турки намеревались все-таки выбить союзников с Галлиполи. Однако было понятно, что турецкий флот с этим не справится, гибель «Голиафа» объяснялась только самоуверенностью и разгильдяйством англичан, и рассчитывать на повторение такого успеха не следовало. Точно так же вряд ли «Гебену» стоило пытаться вступать в бой с эскадрой броненосцев, которую вдобавок поддерживал линкор «Куин Элизабет». Оставалось только одно — подводные лодки, но у турок их не было, а на том, что имели австрийцы, было рискованно выходить в море. Оставалось лишь каким-то образом перебросить в Средиземное море немецкие субмарины.

Вариантов имелось всего два: либо послать малые лодки в разобранном виде по железной дороге в Полу, чтобы австрийцы там их собрали, либо суметь организовать переход большой лодки из Северного моря в Средиземное с промежуточными заправками. В результате было решено испробовать оба варианта. В Полу отправились UB-7 и UB-8, их сборку можно было начать 29 апреля, и завершиться она могла к 10 апреля. После этого требовалось провести испытания, и в последних числах мая лодки прибыли бы к берегам Малой Азии. После сборки на всякий случай немцы повторили трюк с «Гебеном», и лодки превратились в австрийские U-7 и U-8.

Выбор лодки для перехода вокруг Европы оказался не таким уж сложным, так как у немецкого Адмиралштаба в наличии имелось не слишком много субмарин. Выбор пал на U-21 капитан-лейтенанта Отто фон Херзинга. Предполагалось, что лодка сначала произведет дозаправку у северных берегов Испании, а потом у Балеарских островов. Организовать это поручили немецкому морскому атташе в Испании корветтен-капитану фон Крону.

На испытания малых лодок в Полу прибыл представитель Адмиралштаба, и когда все завершилось успешно, настало время отправить UB-8 в море. Но малая лодка не могла добраться до Дарданелл, ей элементарно не хватало дальности плавания, поэтому решили, что в море лодку выведет легкий крейсер «Новара». Затея была довольно рискованной, так как предполагалось пройти через Отрантский пролив, формально заблокированный французским флотом, но закончилось благополучно. 2 мая крейсер заправился в Курцоле, прошел пролив и только 6 мая возле острова Кефалония был замечен французами. Разумеется, буксир сразу отдали, крейсер вернулся, а



Вот так транспортировали немецкие подводные лодки типа UB в Полу

Немецкие подводные лодки в Киле. U-21 крайняя справа в переднем ряду

лодка проследовала дальше. 16 мая это повторилось, эсминец «Триглав» провел UB-7 через Отрантский пролив.

30 марта кайзер утвердил отправку U-21 в Средиземное море. Заметьте, пока это была отправка единичной лодки с конкретной целью, а не создание подводной флотилии, что было сделано позднее. 25 апреля лодка вышла в море и ночью 2 мая у северо-западного побережья Испании приняла топливо с парохода, отправленного фон Кроном. Но тут выяснилось, что оно не подходит для ее дизелей. Вероятно, путаница произошла потому, что на немецких лодках также использовались калильные моторы Кертинга. Заправка со второго парохода, зафрахтованного фон Кроном в Барселоне, сорвалась, так как испанские власти запретили вывоз нефтепродуктов. В результате U-21 пришлось самостоятельно добираться до австрийского порта, экономя буквально каждую каплю топлива. Когда она 13 мая прибыла в Каттаро, в цистернах осталось менее 2 тонн топлива. После дозаправки и мелкого ремонта 20 мая лодка отправилась дальше, ей предстояли великие дела.

Командир подводной лодки U-21 Отто Херзинг

Тем временем 15 апреля по железной дороге в Полу послали UB-3. Адмирал Тирпиц решил передать австрийцам лодки UB-1 и UB-15, было также решено послать на Средиземное море два малых подводных заградителя UC-14 и UC-15, но сохранить на них немецкие команды.

Обстановка постепенно накалялась не только на полуострове, но и вокруг него. Теперь уже британский флот был недоволен откровенной неспособностью армии добиться чего-то серьезного. Адмирал де Робек 10 мая телеграфировал в Лондон, предлагая повторить попытку прорыва морем. Главным аргументом де Робека и его начальника штаба Кийза было то, что теперь флот подготовился к тралению мин. Были опробованы специальные тралы для эсминцев, которые без труда справились бы с любым течением. Однако Черчилль в телеграмме 13 мая запретил им предпринимать хоть что-то, пока не будет получено согласие Совета Адмиралтейства. Вместо ушедшего линкора «Куин Элизабет» из Англии прислали броненосцы «Эксмут» и «Венерэбл», а также сразу 4 монитора с 356-мм орудиями. Они только что вошли в строй и предназначались как раз для действий против берега.

Именно в этот момент начали действовать немецкие субмарины. Впрочем, не-

Английский линкор «Альбион» на мели у Габа-Тепе, 23 мая 1915 г.

счастья англичан начались чуть раньше. 23 мая броненосец «Альбион» сел на мель возле Габа-Тепе. Вот что рассказывает об этом один из офицеров «Канопуса»:

«Так получилось, что «Альбион» сел на мель недалеко от вражеских позиций. «Канопус» пошел ему на помощь. Мы вытравили 165-мм трос и сумели подать его на борт «Альбиона», после чего приготовились к буксировке. Тем временем была отправлена радиограмма адмиралу на «Лорд Нельсон», и он пошел нам на помощь. В 6 утра турки открыли огонь по нам и «Альбиону». Немного позднее они подвезли новые орудия и открыли просто бешеную стрельбу, снаряды так и свистели у нас над головой. «Лорд Нельсон» подошел около 7 утра, и после этого дела стали налаживаться. «Альбион», «Лорд Нельсон» и «Канопус» открыли огонь по турецким позициям из 305-мм и 152-мм орудий. В 10.30 мы сумели сдвинуть «Альбион» с места. В 10.45 он сошел с мели, и мы вышли из-под обстрела, хотя не так быстро, как хотелось бы. «Альбион» получил 40 попаданий, на нем были убиты 2 человека и ранены 9. Каким-то чудом «Канопус» попаданий не получил, хотя снаряды сыпались вокруг нас градом».

* * *

После прибытия к берегам Галлиполи 24 мая Херзинг в море заметил крейсер «Аскольд», и лодка спешно погрузилась. Он мог атаковать крейсер, однако решил не выдавать преждевременно своего присутствия. 25 мая U-21 прибыла к Дарданеллам. В это время у мыса Хелес стоял на якоре броненосец «Свифтшур», флагманский корабль контр-адмирала Никольсона, который теперь командовал отрядом поддержки. Тут же находился «Агамемнон», который собирался войти в пролив и помочь французским кораблям, обстреливающим гаубичные батареи на азиатском берегу. «Трайэмф» медленно крейсировал в районе Габа-Тепе с поставленными противоторпедными сетями.

У северного фланга позиций Анзака находился «Канопус».

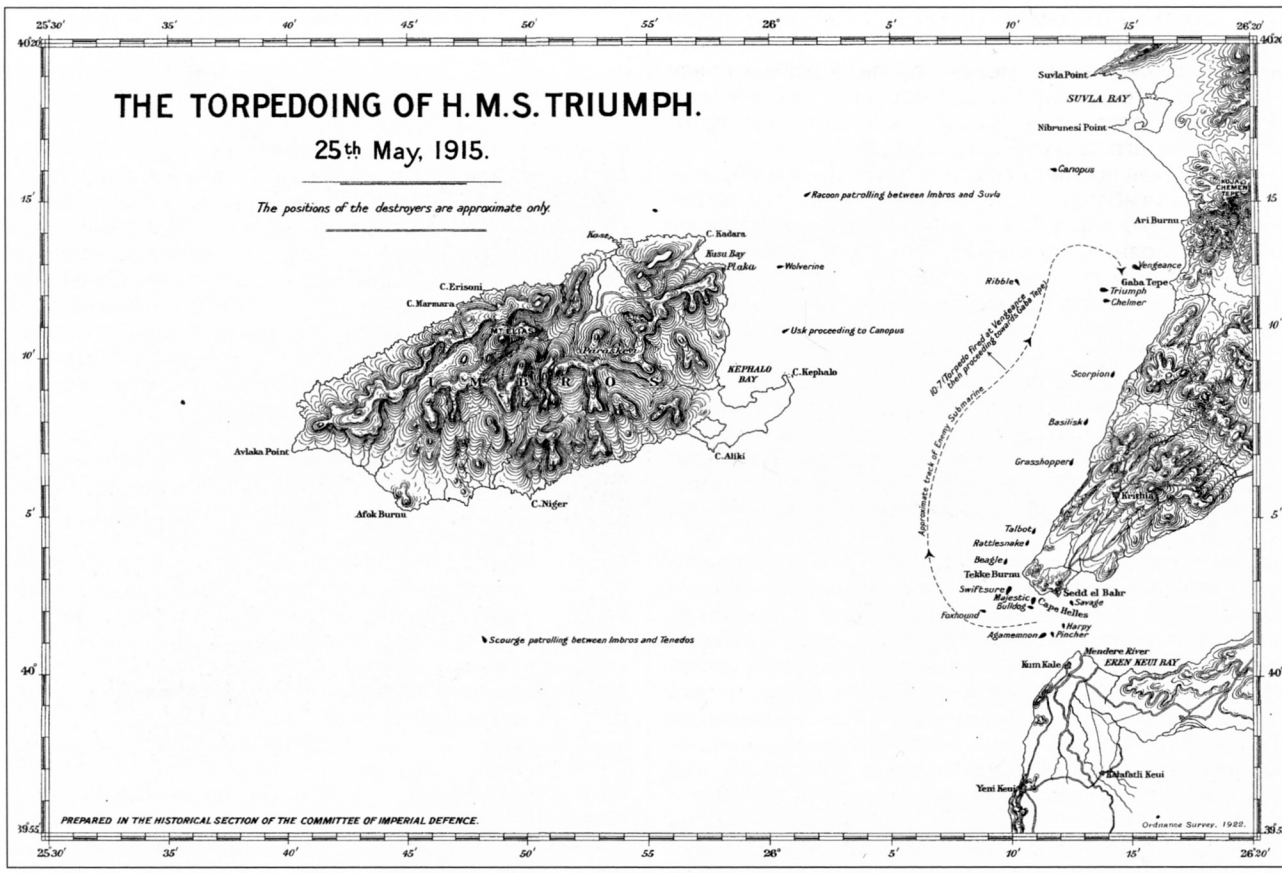
Херзинг говорит, что в 06.30 попытался атаковать корабли, стоящие возле мыса Хеллес, но атака сорвалась, так как море было слишком тихим, и перископ лодки был сразу обнаружен. Некое госпитальное судно попыталось таранить ее. По английским данным, лодка была замечена траулером «Минору», который свистком (других средств связи этот «военный» корабль не имел!) подал сигнал. Эсминец «Харпи», услышав сигнал, поднял тревогу и погнался за лодкой.

Вскоре между «Свифтшуром» и «Агамемноном» снова был замечен перископ. «Свифтшур» открыл огонь, и лодка скрылась. Херзинг собирался атаковать броненосец, но не сумел, зато он выпустил торпеду в только что пришедший из Мудроса броненосец «Винджженс». Быстро положив руль на борт, броненосец увернулся от торпеды. Эсминцы и тральщики попытались атаковать лодку, но тоже не преуспели. Херзинг решил атаковать корабли, стоящие у Габа-Тепе, надеясь, что там он встретит меньше помех.

«Трайэмф» (капитан 1 ранга Фицморис) находился в 6 милях юго-западнее Габа-Тепе. Англичане утверждают, что броненосец имел ход, но по мнению Херзинга он стоял на месте. Вокруг него 15-узловым ходом крутился эсминец «Челмер». Его присутствие никаких трудностей командиру лодки не создало. Противоторпедные сети на броненосце были поставлены, водонепроницаемые двери задраены, прислуга мелкой артиллерии находилась при орудиях. Англичане, вероятно, полагали, что после этого броненосцу ничто не угрожает. В 12.23 с дистанции 1,5 кабельтовых U-21 выпустила из носового аппарата торпеду с ножницами для прорезания сетей. Вскоре экипаж лодки услышал звонкий металлический удар, а потом раскатистый взрыв. Рассказывает капрал морской пехоты Брукс:

«Я отдал приказ своим двум орудиям стрелять, но снаряды легли перелетами. Я уменьшил дистанцию, но прежде чем мы успели выстрелить второй раз, к

Английский эскадренный броненосец "Трайэмф". Потоплен подводной лодкой U-21 25 мая 1915 г.



Так по английским предположениям был атакован эскадренный броненосец «Трайэмф»

нам помчалась торпеда. Мое переднее орудие опустило ствол и попыталось поразить торпеду, но напрасно. Торпеда ударила как раз под ним. Взрыв встряхнул корабль, и он накренился на правый борт, но выпрямился, а потом снова повалился направо и через 12 минут перевернулся. Взрыв выбил крышки угольного бункера, и все на правом борту покрылись угольной пылью. Столб воды, поднятый взрывом, обрушился на нас, и я ухватился за тумбу лафета, чтобы не оказаться смытым. Потом я прыгнул в море и поплыл подальше от корабля. Я видел, как корабль перевернулся и выстрелы сетей левого борта торчат вверх, и сети свисают с них. Люди, захваченные сетями, пытались спуститься пониже».

Лодка отошла, опасаясь контратаки миноносца. Но эти опасения были излишни, «Челмер» снова никак себя не проявил. Лишь в 15.20 командир рискнул поднять перископ, чтобы осмотреться, но ни одного корабля не было видно. Если Херзингу не удалось проследить за результатами своей атаки, то из турецких окопов это видели прекрасно.

«Как раз этот корабль в последние дни особенно часто обстреливал 190-мм и легкой артиллерией Майдос, Килию, Маль-Тепе и турецкие позиции и батареи. Он производил обстрел почти по расписанию: утром, в полдень и вечером. Около полудня я услышал глухой звук. В окопах — большое волнение. Эсминцы, рыболовные пароходы, корабельные шлюпки спешат на помощь, в то время как все большие корабли уходят самым полным ходом. «Трайэмф» сделал еще несколько выстрелов на север, где, по-видимому, находилась подводная лодка, а также 1 выстрел на юг. Снаряд попал в пароход. На броненосце поднялась суета, я слышал звуки горна, громкие голоса, команды, спускались шлюпки, какие-то предметы выбрасывались за борт. Через несколько минут корабль накренился на борт, скоро мачты и трубы легли на воду, шесты сетевых заграждений торчали вверх. Имея ход вперед, корабль опрокинулся и лег килем вверх. Дикая суматоха — эсминцы, пароходы, шлюпки, люди в воде, а посередине — красное тело умирающего гиганта. Корабль опрокинулся через 12 минут после взрыва. Через 21 минуту его корма поднялась высоко вверх, и корабль погрузился носом в глубину, оставив целое кладбище обломков. В окопах началось громкое ликование и крики «ура». Стрельба прекратилась, друг и враг смотрели на воду, переживая незабываемые минуты».

Торпеда прорвала сети, как паутину, и попала в самый центр корпуса. Необычайной силы удар заставил броненосец буквально подпрыгнуть. Когда облако брызг рассеялось, «Трайэмф» уже имел крен 10 градусов. На мгновение корабль замер, но уже через 5 минут крен увеличился до 30 градусов. Стало ясно, что опрокидывание неизбежно, и командир отдал приказ покинуть корабль. Броненосец перевернулся, еще полчаса продержался на воде днищем вверх, а потом затонул носом вперед, провожаемый криками матро-

сов: «Прощай, «Трайэмф»! Прощай, старина!» Погибли всего 3 офицера и 75 матросов, так как поблизости находилось множество мелких судов, которые сразу начали спасательные работы. Особенно тяжелым ударом гибель броненосца стала для австралийцев, которые считали его своим близким другом.

День 26 мая прошел спокойно. Французский броненосец «Жоригиберри» у самого входа в пролив встретил подводную лодку, успешно уклонился от торпеды и едва не таранил противника. Это очень странно, потому что 26 мая Херзинг был довольно далеко от этого места, скорее всего, можно говорить об обычной панике.

* * *

Зато 27 мая к немцам пришел новый успех. Было ясно, что задачей немецких подводных лодок является уничтожение броненосцев, огонь которых более всего мешал действиям турецких войск, поэтому союзники решили обезопасить свою главную ударную силу. Броненосцы получили приказ отстаиваться среди транспортов. Поэтому «Маджестик» (капитан 1 ранга Талбот) бросил якорь среди транспортов, выгружающих припасы для войск на южном плацдарме. Место стоянки было выбрано как можно ближе к берегу, однако с таким расчетом, чтобы держать под обстрелом турецкие позиции. За линией транспортов держались дозорные эсминцы, а у входа в пролив — тральщики. Казалось, что приняты все меры предосторожности. Однако следует учитывать, что ни гидролокаторов, ни даже гидрофонов в то время не существовало. Поэтому, если наблюдатели не замечали перископ, командир подводной лодки мог не волноваться. И в 06.45 на левом траверзе броненосца перископ был замечен. Но это значило, что лодка уже готова произвести торпедный залп.

Вот как описывает свою атаку сам Херзинг:

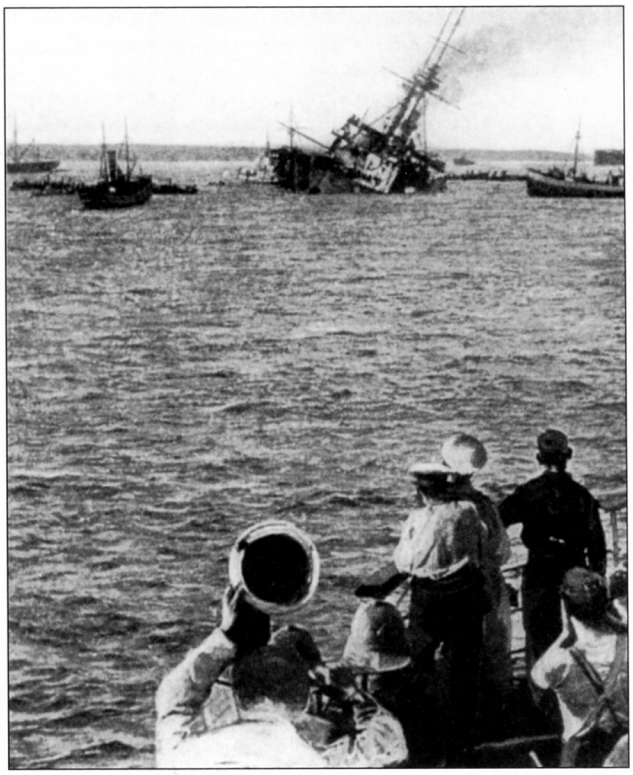
«05.15. Маневрирую для выхода в атаку сначала курсом W, потом курсом O. Условия для незаметного наблюдения слегка лучше, чем 25 мая (волнение 1 — 2 балла).

06.38 — выпустил торпеду из носового аппарата между 2 пароходами с дистанции 600 — 700 метров, угол встречи торпеды с целью 120 градусов. Слышен взрыв. После выстрела подводная лодка несколько погружается. Находящиеся поблизости эсминцы приближаются к подводной лодке и несколько раз проходят над ней. Погружаемся на 20 метров.

07.15 — идем на глубину 10 метров. Между двумя пароходами над водой виден корпус опрокинувшегося корабля. Вокруг много кораблей: 8 — 10 эсминцев и несколько рыболовных пароходов систематически обыскивают водный район между Имбросом и Галлиполи. Чтобы не показать, куда отходит лодка для зарядки аккумуляторов, продолжаем идти на глубине 20 метров».

Как только перископ был замечен, броненосец открыл огонь, хотя это было бесполезно. Торпеда проскочила между транспортами и попала в броненосец. Англичане утверждают, что лодка выпустила еще одну торпеду, которая также попала в цель, Херзинг об этом не говорит ничего. Вот как это выглядело на броненосце:

«Меня разбудили пробегавшие люди, и кто-то хлопнул меня по груди. Я вскочил и крикнул: «Что случилось?» Откуда-то долетел ответ: «Торпеды идут!» Я едва успел подняться, как прогремел глухой взрыв. Попадание пришлось куда-то далеко внизу, поэтому на палубе толчок не ощущался. Старый «Маджестик» немедленно накренился на левый борт, да так и замер с сильным креном. Затем долетел странный звук, словно содержимое всех буфетов в мире разом полетело на пол. Я никогда еще не слышал такого бряканья и стука. Теперь можно было твердо сказать, что корабль смертельно ранен. Море было заполнено людьми, кричавшими и звавшими на помощь. Я подумал, что старые резервисты, составлявшие большинство экипажа, уже забыли как надо плавать, или кто-то уже потерял веру в собственные силы».



Вверху: гибель английского линкора «Маджестик» 27 мая 1915 г.
Внизу: корпус опрокинувшегося эскадренного броненосца «Маджестик»

Так или иначе, через 7 минут «Маджестик» перевернулся. Спаслась почти вся команда, погибли около 40 человек, которые запутались в противоторпедных сетях. Из-за малой глубины мачты корабля уперлись в дно, и он не затонул. После этой успешной атаки прекратилась доставка снабжения на плацдармы с помощью транспортов, теперь для этой цели использова-

лись только малые корабли. Парадокс — именно флот затеял эту операцию, а теперь именно флот первым от нее и отказался, едва не бросив армию на произвол судьбы. Для артиллерийской поддержки войск англичане далее старались использовать только крейсера и миноносцы. U-21 благополучно вернулась 5 июня в Константинополь, где Херзингу предстояло решить сложную проблему: найти запасные торпеды, ведь те, что имелись на «Гебене» и «Бреслау», для аппаратов лодки не подходили.

А вскоре заявили о себе и малые лодки. 17 мая UB-8 прибыла в Смирну, а 30 мая во время первого же похода потопила возле Мудроса транспорт «Мерион». Она пришла в Константинополь 4 июня. UB-7 безуспешно атаковала какой-то транспорт и прибыла туда же 21 июня. А вот UB-3, которую австрийцы тоже провели до Отрантского пролива, во время перехода пропала без вести.

* * *

4 июня, получив подкрепления, генерал Хантер-Уэстон уже в должности командира VIII корпуса начал Третий бой за Критию. Правда, теперь даже британские генералы поняли, что война перешла в тягучую позиционную форму, поэтому Гамильтон категорически потребовал отбросить фантазии в стиле Шлиффена и ограничиться скромным продвижением этак на 800 ярдов. Причем даже эти 800 ярдов предполагалось преодолеть в два приема: сначала 300 ярдов до турецкой траншеи, потом еще 500 ярдов — и окапываться! Против 29-й, 42-й и Морской дивизий и 29-й индийской бригады, а также 1-й и 2-й французских дивизий турки имели только 9-ю и 12-ю дивизии, а 7-я дивизия находилась в ближнем тылу в качестве резерва.

Англичане для наступления на фронте 5,5 километров сосредоточили 17000 человек, еще 7000 находились в резерве. Даже при планировании артподготовки было решено использовать необычные методы. Обстрел турецких позиций начался в 08.00, как это делалось всегда, но первый общий налет планировалось провести в 11.20, после чего пехота должна была изобразить атаку. Когда турки займут места в траншеях, в 11.30 артиллерия снова начинала стрельбу. Генерал Гуро для этого передал англичанам 6 батарей знаменитых «семидесятипяток» с фугасными снарядами. И только в 12.00 начиналась настоящая атака, причем пехоту должны были прикрывать бронеавтомобили Роллс-Ройс. Да, к июню месяцу на Галлиполи появилась бронетехника, целых 8 пулеметных бронеавтомобилей. Саперы даже проложили специальную дорогу к передовой, чтобы броневики не застряли раньше времени.

Наступление индийской бригады на крайнем правом фланге быстро захлебнулось по вполне понятной причине. Например, 14-й сикхский полк, наступавший вдоль лощины Гулли (мы еще услышим это название), очень быстро потерял три четверти личного состава. Пытавшаяся поддержать индийцев 29-я дивизия тоже не добилась успеха. Сводные группы ее бригад (от самих бригад к этому времени остались только номера)

Третий бой за Критию. Французские 75-мм орудия, прозванные в 1914-м «косой смерти»

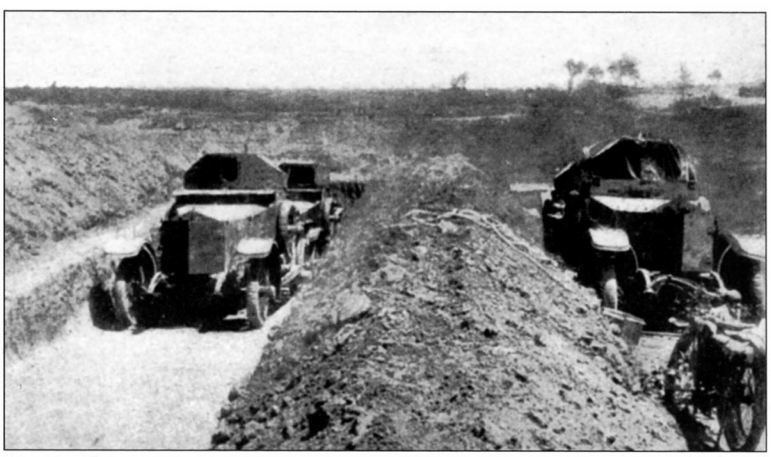
захватили первую траншею, но как выяснилось, вторая совершенно не пострадала во время обстрела. Ее наступление попытались поддержать броневики.

«Бронеавтомобили шли с ними, раскачиваясь и фыркая дымом. Ничего такого же уродливого и неуклюжего я не видел нигде, кроме как в зоопарке! Мне повезло, что обслуживавший их инженер стоял рядом со мной. С машиной было покончено. Сначала она катила по настилу, но потом заднее колесо соскользнуло в сторону и сорвалось с оси. Ничего нельзя было сделать. Командовавший броневиком морской офицер и стрелок выбрались наружу, при этом унтер-офицер был серьезно ранен».

Да, броневик это не танк, но по оврагам Галлиполи не прошли бы даже танки. Вскоре застрявший броневик привлек внимание турок, которые обстреляли его из пушек и разбили.

В центре наступала 42-я дивизия. Это была территориальная, а не кадровая дивизия, поэтому от нее многого не ждали. Дивизия высадилась на мысе Хеллес всего 4 недели назад, солдаты боялись темноты, шарахались при свисте пуль, падали в обморок при виде трупов. Однако именно эта дивизия добилась самого большого успеха. Она захватила турецкие траншеи и продвинулась более чем 1000 ярдов, прорвав позиции турецкой 9-й дивизии. При этом были захвачены 217 пленных, а 127-я бригада даже вышла на окраину заветной деревни Крития.

Морская дивизия, наступавшая левее, захватила турецкую траншею, но попала под огонь с фланга и застряла на месте. Это произошло потому, что французы вообще не сумели двинуться с места.



Вверху: третий бой за Критию. Английские 60-фунтовые (127-мм калибр) пушки на мысе Хелес
Внизу: бронеавтомобили «Ролс-Ройс» Королевской морской авиационной службы перед атакой 4 июня 1915 г.

Судьба сражения повисла на волоске. Хантер-Уэстон бросил в бой резервы, чтобы сдвинуть с места фланги, но это не удалось. В результате выдвинутая вперед 127-я бригада 42-й дивизии была атакована с трех сторон и отступила. Битва завершилась тем, что англичане продвинулись примерно на 250 ярдов, заплатив за это 6500 солдатами. В общем, это было типичное сражение позиционной войны — много крови и почти никаких результатов.

После этого крупные столкновения прекратились, генералы ждали новых подкреплений, чтобы швырнуть их в топку. Правда, французы захватили одну из турецких траншей, которые никак не удавалось взять ранее, и тем слегка улучшили свое положение, но потеряли около 2500 человек. Зато Гамильтон дождался прибытия двух бригад 52-й дивизии генерал-майора Эгертона и сразу начал готовить новое наступление, хотя третья бригада дивизии еще была в пути. При этом генерала совершенно не смущала нехватка артиллерии и снарядов даже к имеющимся немногим пушкам и гаубицам. При этом его дивизии имели всего восемь устаревших 50-фн гаубиц (по 2 штуки на дивизию!), которые уже были сняты с вооружения. Полевая артиллерия состояла из таких же ископаемых 15-фн пушек, одна из которых, по слухам, была вообще взята из музея. Британские генералы полагали, что для турок и такого хватит, а платили за все своей кровью солдаты.

После двух дней обстрела, к которым подключился крейсер «Талбот» и эсминцы «Вулверин» и «Скорпион» (броненосцами адмирал де Робек больше рисковать не хотел) 28 июня в 10.45 англичане перешли в наступление. 87-я бригада начала наступление по обоим краям лощины Гулли и добилась некоторого успеха. Но наступавшая правее 157-я бригада 52-й дивизии попала под массированный огонь пулеметов и была перемолота, потеряв 1400 человек, из которых 800 погибли. Штыковыми контратаками турки восстановили положение, но понесли при этом серьезные потери. В период с 28 июня по 5 июля 5-я армия потеряла в боях до 16000 человек. Это привело к замешательству среди командиров. Непосредственно командовавший войсками генерал Фаик-паша (ранее командовал II корпусом) утром 30 июня прекратил контратаки. Командовавший южной группой немецкий генерал Вебер начал рассматривать варианты отхода и даже сдачи господствующих высот Ачи-Баба.

Вверху: французские подкрепления на мысе Хеллес
Внизу: французский солдат в Галлиполи

Это привело в бешенство Лимана фон Сандерса, который перебросил на юг 1-ю дивизию подполковника Джафер Тайяра. Вечером 2 июля она пошла в атаку, но была остановлена в 30 метрах от британских окопов, понеся огромные потери. Фаик-паша приказал солдатам окапываться, и тогда Лиман фон Сандерс снял его и назначил генерала Мехмет Али-пашу. Из Азии была переброшена 3-я дивизия, но союзники, видевшие эти приготовления, хорошо подготовились. 5 июля турки попытались атаковать, но были встречены таким плотным пулеметным огнем, что перед британскими траншеями выросли целые горы трупов. После долгих и нервных переговоров между Мехмет Али-пашой, Лиманом фон Сандерсом и Энвером атаки были прекращены. Линия фронта стабилизировалась, и высшее командование решило, что больше нет нужды в бессмысленных атаках.

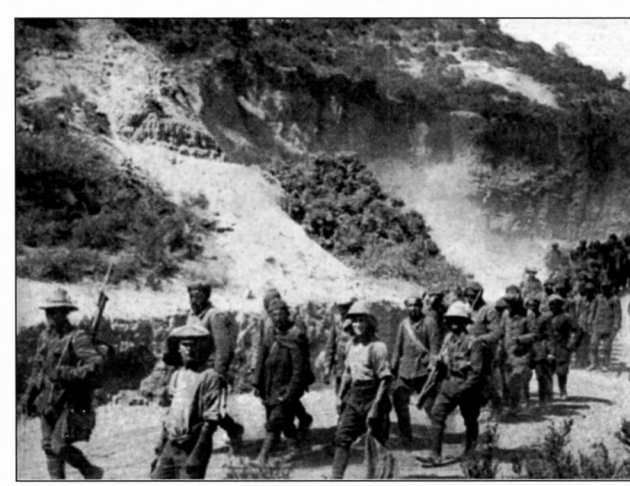
И если турки успокоились, то Хантер-Уэстон нет. У него ведь еще оставались две практически целые бригады 52-й дивизии, поэтому на 12 июля он назначил атаку центра вражеских позиций, намереваясь прорваться к Ачи-Баба. Почему-то генерал решил, что турки не смогут сопротивляться после понесенных потерь. Его новый план был вполне достоин предыдущих: одна бригада атакует утром в 07.35, а вторая в 16.50. Впервые перед атакой турецкие траншеи были подвергнуты бомбежке с воздуха.

Обе атаки начались и закончились совершенно одинаково — небольшой первоначальный успех, потери, замешательство и отступление. Но Хантер-Уэстона это не остановило. «Почему я вообще должен думать о потерях?» На следующий день к атакам подключилась Морская дивизия, которая потеряла еще 600 человек. Линия фронта не сдвинулась с места.

К концу битвы 52-я дивизия потеряла треть личного состава, что заставило генерала Эгертона резко раскритиковать планы Гамильтона и Хантер-Уэстона.

«Мне кажется, что битва была начата совершенно преждевременно. Это хуже чем просто ненужно, я полагаю это жестоким и убийственным. Войска на Полуострове устали и понесли потери. Только две пехотные бригады, 155-я и 157-я, не участвовали в серьезных боях. Верховное командование прекрасно знало, что из Англии прибывают крупные подкрепления, и в бухте Сувла будет проведена грандиозная атака. Поэтому было совершенно очевидно, что измученному гарнизону на мысе Хеллес следует дать передышку в пару недель, а новую атаку с этих позиций нужно провести одновременно с атаками в Сувле и Анзаке. Я не уверен, что атака 12-13 июля была проведена на основании трезвой оценки ситуации. Если идея атаки была ошибочной, то выбранная тактика просто чудовищной. Атака двумя бригадами на узком фронте в два приема с интервалом более 9 часов была просто гибельной».

В июле Хантер-Уэстон покинул Галлиполи и отправился в Англию под предлогом болезни. Что крылось за этой отставкой на самом деле — не известно. Во всяком случае современный историк не без яда пишет: «Что именно произошло с Хантер-Уэстоном, никогда не было известно. Объяснения давали самые разные: от солнечного удара и переутомления до тифа и от дизентерии до полного упадка сил. Гамильтон видел, как его тащили на госпитальное судно». Однако через год генерал снова возглавил VIII корпус, теперь уже во Франции. И снова солдаты очень дорого заплатили за это назначение.



Лощина Гули. Турецкие пленные

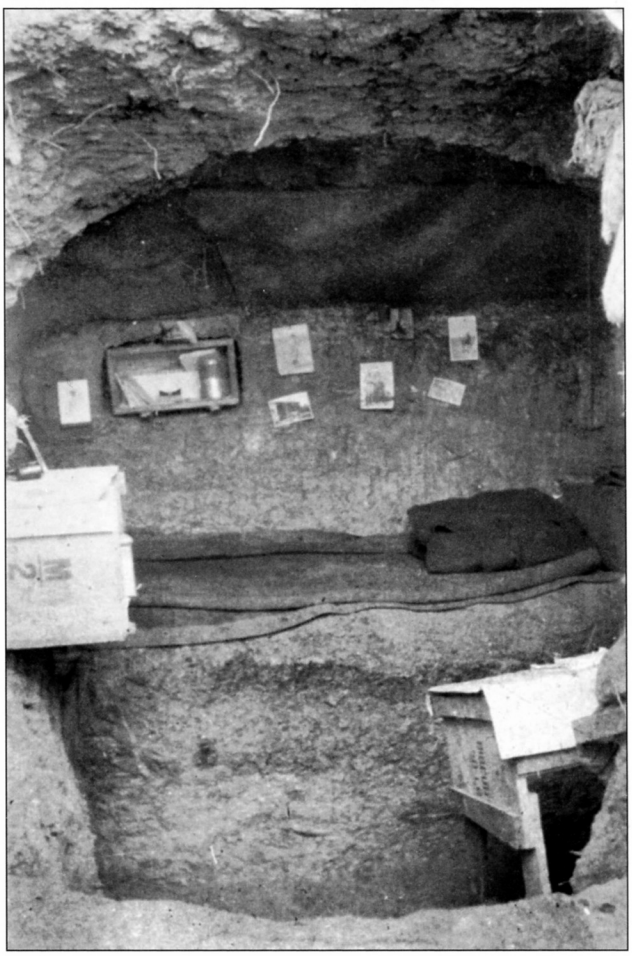
Галлиполи — последняя попытка

После окончания июльских боев снова наступила долгая пауза. Разумеется, мелкие стычки и вылазки продолжались, люди гибли каждый день, но при всем при том — «На Западном фронте без перемен». Это название романа Ремарка вполне можно было отнести и к фронту на Галлиполи. Командование союзников лихорадочно искало выход из тупика и нашло его. Если у нас имеются две тяжелые проблемы в виде двух плацдармов, давайте решим их, создав третью проблему, то есть третий плацдарм. Как мы уже говорили, генерал Гамильтон ожидал прибытия из Англии крупных подкреплений, точнее, IX корпуса в составе 3 дивизий. Однако сначала он затеял совершенно бессмысленное наступление 12-13 июля, а потом запланировал высадку еще одного десанта, чуть севернее Анзака. Идея была прежней: захватить массив Сари-Баир, а оттуда выйти на плато Килид-Бахр, только с запада, а не с юга, как ранее намечалось.

Ну, прежде чем перейти к описанию очередного десанта и связанных с ним событий, нам придется вернуться немного назад. И это возвращение по сути является очередным пунктом обвинительного приговора британским генералам.

Итак, в феврале 1915 года фирма «Поллок и сын» отправила адмиралу Фишеру предложение строить

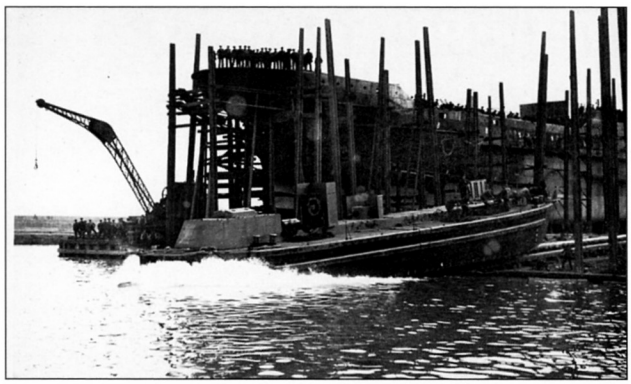
В Дарданеллы требуются подкрепления. Австралийский плакат



Позиционная война. Пещеры АНЗАК

любые суда для любых нужд. Фишер ответил, что ему требуется 200 специальных судов **для десантной операции в Дарданеллах**. Это были так называемые «Х-лихтеры». Фирма сработала оперативно, и уже через 4 дня представила проект. Впрочем, Уильям Поллок не слишком заморачивался и взял за основу уже готовые баржи, работающие на Темзе. В результате получилась мелкосидящая самоходная плоскодонная баржа водоизмещением 135 тонн, способная взять на борт до роты солдат или соответствующее количество «техники» в виде лошадей и мулов. Главное же — баржа получила опускную носовую рампу для быстрой выгрузки солдат. Сами солдаты до последнего момента были укрыты стальными бортами, которые хоть и не могли защитить от снарядов, от пуль защищали прекрасно.

Лихтеры были оснащены моторами шведской фирмы «Болиндер». Кстати, баржи-болиндеры плавали и в России. Дело в том, что Поллок уже 20 лет представлял в Англии интересы фирмы «Болиндер». Большинство лихтеров получило один винт, но так как использовались и маломощные моторы, то часть барж имела



Спуск на воду очередного Х-лихтера

Тренировки личного состава в посадке высадке на Х-лихтер. Мудрос. 1915 г.

Х-лихтер Х.044 доживший до 1977 г. в качестве торгового судна

два мотора и два винта. Они могли развивать скорость до 7 узлов. Конечно, Х-лихтеры нельзя было сравнить с LCI или LCVP периода Второй мировой войны, но для своего времени это был революционный проект. На них даже были предусмотрены места для установки пулеметов, хотя это делалось очень редко, так как пулеметов не хватало.

Но мы не отказываемся от прежнего заявления, что в данном конкретном случае эльпидифоры были бы все-таки лучше, хотя они не являлись специализированными десантными судами. Зато эльпидифоры были вооружены пушками, а у берегов Галлиполи это имело важнейшее значение. Впрочем, как мы уже сказали, даже Х-лихтеры были огромным шагом вперед. Если бы господа адмиралы дождались их прибытия на Средиземное море, не было бы кошмарного зрелища шлюпок, набитых трупами и дрейфующих по воле волн.

В общей сложности 30 верфей получили заказ на постройку 200 Х-лихтеров, что и было сделано в течение 1915 года. Разумеется, продукция каждой конкретной верфи имела свои особенности, но в целом Х-лихтеры получились достаточно одинаковыми.

Сначала построенные лихтеры отправляли в устье Хамбера, а оттуда на буксире в Девенпорт. В июне 1915 года опять на буксире угольщиков и торговых судов (баржи явно не годились для самостоятельных переходов) они отсылались на Мальту и далее в Мудрос. Как ни странно, почти все переходы прошли благополучно, только Х-130, шедшая на буксире транспорта «Бэрсфилд», была потоплена 5 октября 1915 года на траверзе мыса Матапан подводной лодкой U-33. Топили немцы, разумеется, судно, оно просто утащило лихтер на дно следом за собой. Переход из Девенпорта занимал в среднем 25 дней. Вот эти лихтеры и были использованы в следующей десантной операции в бухте Сувла. За свой низкий профиль и черную окраску Х-лихтеры были прозваны «жуками», так что «Битлз» не только популярный ансамбль!

Чтобы закончить рассказ об Х-лихтерах, добавим, что 9 лихтеров погибли у берегов Галлиполи по различным причинам. В 1919 году несколько штук были отбуксированы в Архангельск и обеспечивали действия британских войск во время Гражданской войны в России. 5 лихтеров поработали во время эвакуации Дюнкерка в 1940 году. Последним закончил службу в 1966 году Х-178, проданный наконец на слом.

* * *

Итак, генерал Гамильтон решил нанести мощный удар на фронте плацдарма Анзак, где турки вряд ли этого ожидали. Но наступление планировалось совместить с высадкой десанта, в котором участвовали бы 5 новых дивизий: IX корпус в составе 10-й, 11-й и 12-й дивизий, а также приданные ему 53-я и 54-я дивизии. И снова все уперлось в личность генерала, которому предстояло командовать операцией. Гамильтон просил прислать ему какого-нибудь генерала, уже имеющего опыт боев на Западном фронте, однако все они были младше по выслуге, чем генерал-лейтенант сэр Брайан Магон, командир 10-й дивизии. В те далекие времена было просто немыслимо, чтобы командир, прославившийся в боях и увешанный орденами, как рождественская елка, был поставлен **выше**, чем тыловой вояка, произведенный в генералы на три дня раньше. И вот Китченер отыскал пронафталиненного в запасе генерал-лейтенанта сэра Фредерика Стопфорда, который имел выслугу больше, чем Магон. Ну а то, что Стопфорд уже был подвержен припадкам склероза и старческого маразма, никого в военном министерстве не волновало. Говорить о том, что он ни разу не командовал не то что корпусом, но хотя бы дивизией, было просто неприлично. Главное, священный принцип выслуги был соблюден.

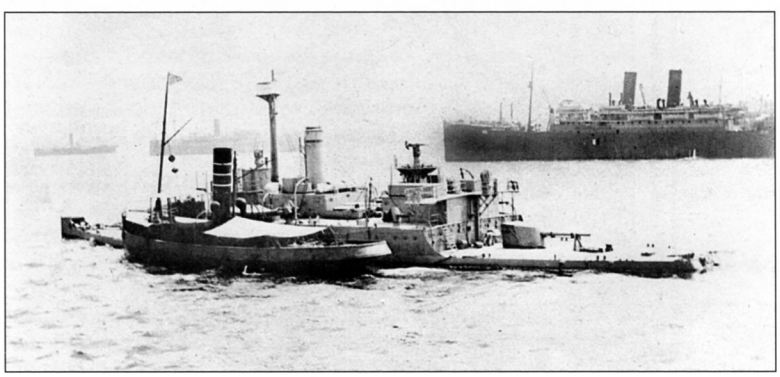
Гамильтон в очередной раз задумал довольно сложный план, предусматривавший наступление на суше на высоты Сари-Баир и одновременную высадку

десанта. Генерал решил начать операцию с серии обманных ударов, но, как это часто бывает, в результате обманул только сам себя. Первый отвлекающий удар наносили войска на мысе Хеллес, точнее 29-я и 42-я дивизии. Вообще-то уже само название, которое историки дали этой вылазке, прекрасно характеризует масштаб событий — «Бой за виноградник Критии». Но если вы полагаете, что ничтожные цели подразумевают минимальные жертвы, вот тут вы сильно ошибаетесь, в бою за этот проклятый виноградник англичане потеряли более 4000 человек.

Наступление началось в пятницу 6 августа в 16.00, и турки встретили наступающих массированным огнем. Лишь один батальон 88-й бригады 29-й дивизии добрался до турецких траншей, остальные не сумели даже сдвинуться с места. Зато потери в этот день составили 3469 человек! Но так как 7 августа был критическим днем в бухте Сувла и на плацдарме Анзак, наступление было приказано продолжать. Теперь в 09.40 в атаку пошли 125-я и 127-я бригады 42-й дивизии. Они сумели захватить вожделенный виноградник, хотя проку от этого было мало. Турки начали контратаки и отбросили англичан назад. В результате этих боев временно командовавший VIII корпусом генерал-майор Дуглас (командир 42-й дивизии) заслужил себе такую же репутацию, как «Мясник Хеллеса» Хантер-Уэстон, и был смещен. Турки по инерции еще продолжали свои атаки 9 августа, однако это привело лишь к тому, что их потери достигли 7000 человек.

Генерал-лейтенант сэр Фредерик Стопфорд

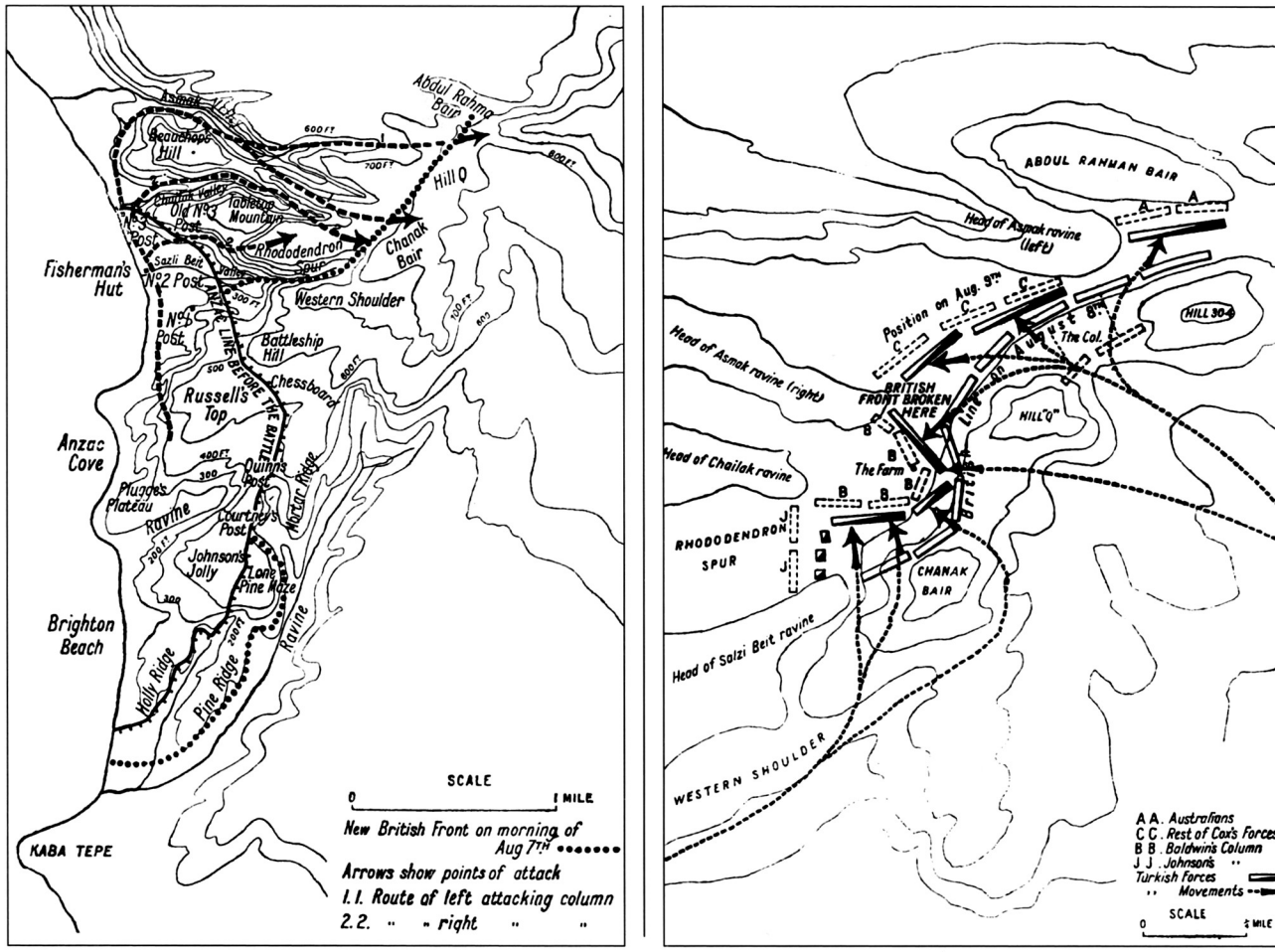
Следующий отвлекающий удар был нанесен на фронте Анзак силами 1-й австралийской бригады. Эта атака на высоту Лон Пайн (Одинокая сосна) началась 6 августа в 17.30, когда уж понемногу начало смеркаться. В 16.00 по турецким позициям открыли огонь броненосный крейсер «Бекчент» и речной монитор «Хамбер», через полчаса к ним присоединились батареи австралийцев, однако получилось не более эффективно, чем всегда, то есть практически никак. В 17.30 австралийцы пошли в атаку, причем бригаде был выделен участок всего 150 метров по фронту. Когда они прорвались к цели, то столкнулись с крайне неприятным сюрпризом. Оказалось, что турки перекрыли свою первую траншею бревнами и досками, засыпали поверху землей, превратив в нечто вроде капонира.



Английский монитор «Хамбер» – поддерживавший огнем атаку на «Высоту одинокой сосны»

Захват «Высоты одинокой сосны». С диорамы

Захваченные турецкие окопы



7 августа 1915 г., первая (слева) и вторая (справа) фазы боя у Сари-Баир («Бой за Перевал»)

В результате пехотинцам против своей воли пришлось бежать дальше ко второй траншее, где их уже ждали турки. Завязалась жестокая рукопашная схватка, и все-таки австралийцам удалось закрепиться. Однако около 19.00, когда уже стемнело, турки начали контратаки. Однако у них тоже царила изрядная неразбериха. В контратаках участвовали отдельные роты и батальоны 47-го и 57-го полков. Ночью с позиций у Хеллеса была снята 9-я дивизия, которую тут же вернули обратно, но при этом 15-й полк 5-й дивизии (тоже от Хеллеса) все-таки пошел к Лон Пайну. Контратаки продолжались несколько дней, и в результате с обеих сторон на пятачке 300 метров на 150 погибли и были ранены более 10000 человек!

А рано утром 7 августа начался бой, который и привел к созданию фильма «Галлиполи», так называемый «Бой за Перевал», его вела 3-я легкоконная бригада. Причем это снова был не более чем отвлекающий маневр! Хотя, с другой стороны, именно этот перевал длиной около 80 метров и шириной 100 метров вел к основному массиву Сари-Баира с позиций австралийцев, и если бы его удалось захватить, то можно было подумать и о решении конечной задачи.

Один из бойцов 3-й легкоконной бригады

В 04.00 начался обстрел турецких позиций, который завершился через 23 минуты, и турки благополучно вернулись в свои траншеи, так как лишь в 04.30 по сигнальному свистку первая волна солдат 8-го легкоконного полка поднялась из окопов. Командир полка подполковник Уайт шел во главе своих солдат. В результате получилась, наверное, самая показательная бойня всей войны. Солдаты не сумели пробежать и 30 метров, как все были перебиты. Однако в 04.35 звучит новый свисток, и из окопов поднимается вторая волна, которая не продвинулась ни на шаг дальше.

«Они ждали нас и просто поставили перед нами стену свинца. Я был в первой шеренге, и мы не прошли и 10 ярдов. Каждый падал, словно кусок мяса. Все парни, с которыми ты провел последние месяцы, были изуродованы пулями до неузнаваемости. Я получил практически сразу, как только поднялся на бруствер, словно молот в миллион тонн обрушился на мое плечо. Мне крупно повезло, пуля прошла чуть ниже ключицы и вышла через спину», — вспоминал сержант Пиннок.

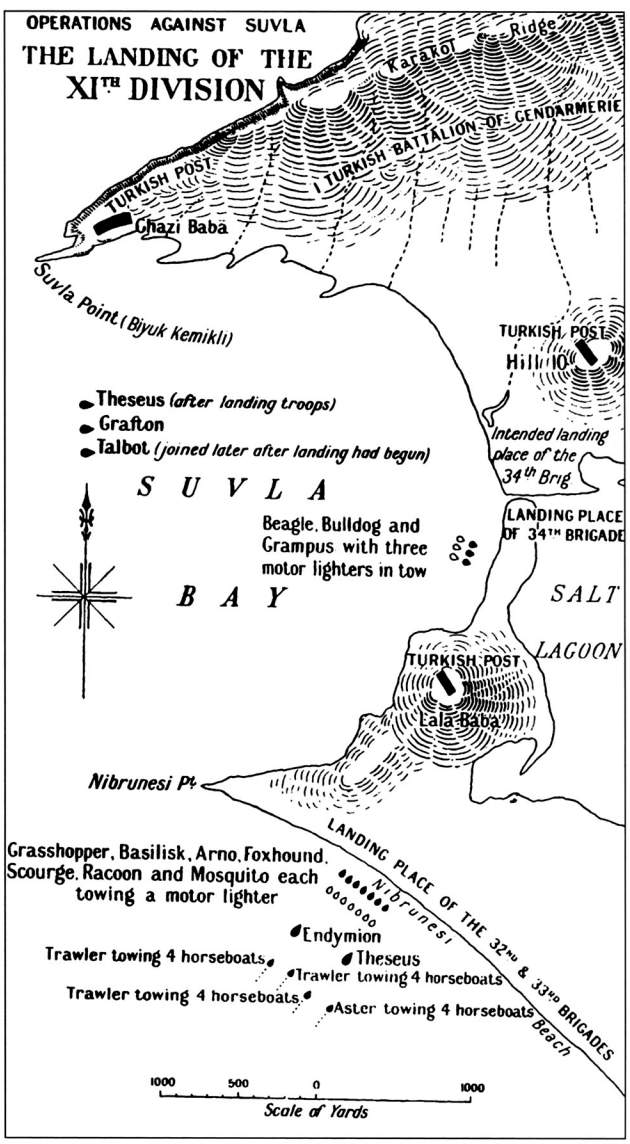
Турки взяли австралийцев под перекрестный обстрел. Вопрос о наличии пулеметов остался открытым, но перевал и так был буквально нашпигован пулями. Подполковник Уайт и его офицеры, шедшие в первой цепи, погибли в считаные секунды. Дальше произошел довольно странный инцидент. Кому-то померещилось, что он видит сигнальные флаги, которые должны были известить об успехе атаки. Кто это был — выяснить не удалось, если этот человек и остался жив после атаки, он наверняка молчал как камень, так как именно это ложное сообщение стало причиной продолжения атаки и новой бойни.

«Грохот винтовочных выстрелов, пулеметов, разрывов гранат. На бруствере перед нами сверкал двойной ряд турецких штыков, винтовки палили по нам. Я вскоре получил две пули в грудь и был контужен в голову. Я не мог двигаться, и меня утащили обратно в траншею, когда турки сделали паузу на пару минут, сообразив, что отбили атаку», — писал лейтенант Кроуфорд.

Атака совершенно очевидно провалилась, но 04.40 — очередной свисток, и теперь на бруствер поднимаются солдаты 10-го легкоконного полка. Командир полка подполковник Бразьер отчаянно пытается убедить начальника штаба бригады полковника Антилла отменить бессмысленное кровопролитие, но тот непоколебим, как скала. Имеется план атаки, его нужно выполнять. Третья волна скошена турецкими пулями. Бразьер пытается дозвониться до командира бригады, но только напрасно теряет время. В 05.15 четвертая и последняя волна австралийцев идет в безумную атаку. Потери во время атак Лон Пайн и Перевал достигали 75 процентов личного состава! По некоторым данным, турки потеряли в бою на Перевале всего **восемь** человек. Вот так выглядела позиционная война в 1915 году. И что дальше? 3-я легкоконная бригада фактически перестала существовать, Джон Макуайр Антилл благополучно дослужился до генерал-майора, а австралийцам только и осталось снимать художественный фильм.

* * *

Ну а теперь мы можем перейти к описанию событий в бухте Сувла, которые также прекрасно характеризуют британских командиров. Гамильтон не учитывал, что высадка сама по себе будет очень сложной, так как войска приходилось подвозить из разных исходных пунктов. Часть сил 10-й дивизии прибывала к месту высадки из Митилены на Лесбосе, часть — из Мудроса на Лемносе. 11-я дивизия находилась на Имбросе. Правда, теперь высадку облегчало то, что солдаты грузились на Х-лихтеры, они же «жуки». Командовать этим отрядом поручили, естественно, герою «Ривер Клайда» капитану 1 ранга Анвину. Но командовать морской частью десантной операции поручили еще одному достойному человеку — контр-адмиралу Артуру Кристиану. Более всего он прославился тем, что осенью 1914 года так здорово организовал патрулирование 7-й эскадры крейсеров в Северном море, что немецкая подводная лодка U-9 за полтора часа



План высадки XI дивизии в бухте Сувла

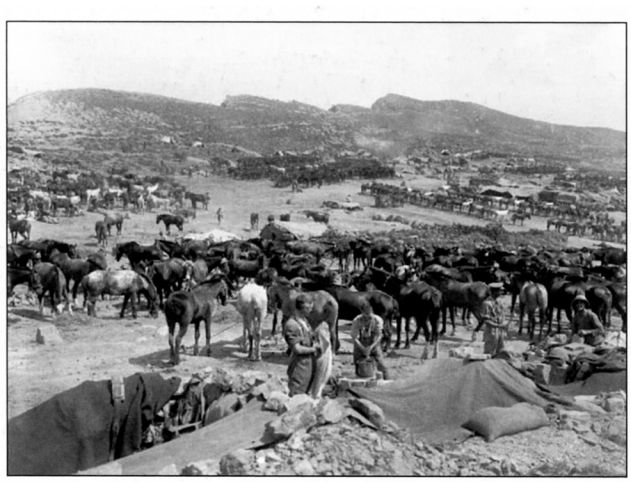
потопила 3 броненосных крейсера, на которых погибли 150 человек. Адмирала сгоряча даже отправили в позорную отставку, но потом вернули на службу, так как нельзя обижать бывшего адъютанта короля. При этом снова было сделано все, чтобы затруднить взаимодействие сил. Кристиан вместе с генералом Стопфордом находился на яхте «Джонквил», адмирал де Робек — на легком крейсере «Чатам», начальник артиллерии бригадный генерал Смит — на крейсере «Талбот». О качестве связи мы уже говорили, поэтому операция развивалась сама по себе, без всякого руководства.

Сначала Гамильтон планировал высадку только южнее мыса Нибрунези (южная оконечность бухты Сувла), чтобы по возможности быстрее соединиться с плацдармом Анзак. В этом месте большие глубины у берега позволяли проводить высадку с эсминцев. Однако Стопфорд захотел часть сил высадить севернее, прямо в самой бухте. Всего было решено высадить в первой волне десанта около 25000 человек из состава 10-й и 11-й дивизий.

Лиман фон Сандерс примерно представлял, где союзники могут нанести удар, но ему приходилось прикрывать слишком много разных пунктов. Прежде всего 3 дивизии стояли на азиатском берегу в Кум-Кале, 3 дивизии генерал Фейзи-бея прикрывали перешеек Булаир, 3 дивизии Эсат-паши блокировали плацдарм Анзак, а еще 5 дивизий Вехиб-паши — плацдарм у мыса Хеллес.

Разумеется, все планы Гамильтона полетели кувырком с самого начала, причем, как выяснилось, британские генералы и адмиралы в принципе не способны ничему научиться даже на собственном опыте. Прежде всего, Гамильтон решил провести высадку ночью, что даже сегодня, при современном уровне развития средств связи и техники, является задачей довольно сложной. А уж в 1915 году... И, тем не менее, по плану высадка должна была начаться 7 мая в 01.30 на двух участках южнее мыса Нибунези (В и С) и внутри самой бухты Сувла (А).

Напуганный предыдущими событиями Гамильтон запретил лобовой штурм господствующих высот на юге. Вместо этого бригада, высадившаяся в бухте, должна была обойти пересохшее Соленое озеро, которое разделяло плацдарм пополам и ударить с тыла. Войска с участка С должны были наступать вдоль берега, чтобы соединиться с ними. Десант на самом южной участке В должен был создать линию обороны и прикрывать все перемещения, а также служить резервом на случай необходимости.



Высадка лошадей в бухте Сувла

Английские войска в бухте Сувла

32-я и 33-я бригады 11-й дивизии высадились на участках В и С с 10 эсминцев и 10 лихтеров без всяких помех. Они сразу начали окапываться, хотя их никто не атаковал, но при этом даже не попытались двигаться вперед. Зато высадка 34-й бригады на участке А закончилась неприятностями, причем виноваты в этом только командиры. Эсминцы были вынуждены остановиться примерно в километре от берега, так как никто не удосужился проверить глубины в бухте, и встреча с мелями стала совершенной неожиданностью. Вдобавок моряки ошиблись с местом и подошли не к северному, а к южному берегу протоки, соединявшей Соленое озеро с бухтой. А тут еще десант попал под огонь турок, и почти сразу командир бригады получил пулю в голову, после чего высадка окончательно превратилась в хаос.

Лучше всего характеризует британских генералов то, что командир IX корпуса генерал Стопфорд, отправив десант штурмовать вражеский берег, сам пошел спать. То же самое сделал командир 11-й дивизии генерал-майор Хаммерсли, заявив, что он слишком утомлен.

Отличились и моряки, впрочем, их не следует особо винить, потому что опыта обращения с десантными судами тогда еще не было ни у кого. Но в результате лихтеры, высаживающие 34-ю бригаду, действовали очень оригинально. Приткнувшись носом к отмели, они высаживали часть солдат, после этого их осадка уменьшалась, и лихтеры ползли дальше. К утру все они безнадежно застряли в песке, не в силах двинуться ни вперед, ни назад. Поэтому несколько батальонов 34-й бригады, оставшиеся на эсминцах, снова пришлось доставить на берег в шлюпках.

В результате всего этого бардака план операции рассыпался окончательно. Когда в бухте Сувла появились корабли с войсками 10-й дивизии, они должны были высадить солдат на участке А, чтобы подкрепить 34-ю бригаду, но подкреплять было некого. В итоге 31-я и часть 30-й бригады отправились на участок С следом за 32-й бригадой, то есть к югу от Нибрунези. Зато моряки совершенно неожиданно обнаружили подходящее место на северном берегу бухты Сувла

(кстати, всего в километре или около того от намеченного участка A) и высадили там остатки 30-й бригады. Дивизия оказалась разобранной на составляющие, и генерал-лейтенант Магон потерял даже шанс управлять ею.

Почти случайно англичанам удалось захватить важную высоту 10 на северном берегу Соленого озера, мешавшую соединению южных плацдармов и отряда, высадившегося на мысе Сувла. Однако все важные высоты перед плацдармами B и C остались в руках турок. Управление войсками было потеряно, части перемешались, и если бы турки нанесли серьезный удар, с десантом было бы покончено. Однако у них также царила неразбериха.

Лиман фон Сандерс уже в 01.40 приказал пехотному полку сняться с позиций на перешейке Булаир и форсированным маршем двигаться на юг. Потом, немного поколебавшись, в 07.00 он посылает на юг 7-ю и 12-ю дивизии под командованием Фейзи-бея, после чего турецкое командование теряет управление частями. Считалось, что они прибудут к бухте Сувла только вечером 8 августа, но 7-я дивизия оказалась там 7 августа в 22.00, а через несколько часов подошла и 12-я дивизия. Фейзи-бей начал готовить контратаку, однако его внезапно смещают и командование передают Мустафе Кемалю, командовавшему северным сектором турецкого фронта у Анзака. Теперь уже турки дарят англичанам целые сутки до утра 9 августа.

Это пришлось очень кстати, потому что Хаммерсли и его командиры бригад продемонстрировали просто вопиющую неспособность командовать. Они занимались лишь укреплением своих позиций на берегу, и максимальной их активностью стало робкое продвижение вдоль берега Соленого озера, чтобы соединиться с батальонами, высаженными на мысе Сувла. Если дивизии и удалось занять кое-какие высоты, то лишь те, на которых не было турок. Точно так же бездействовала и 10-я дивизия.

Совершенно неожиданно солдаты начали страдать от нехватки воды. Командование решило, что воду войска будут брать на берегу в деревнях, и не позаботилось о доставке бидонов с водой, как это было сделано 25 апреля. Приводя в порядок войска и тылы, англичане потеряли двое суток. Генерал Гамильтон пишет:

«8 августа Стопфорд торопил своих дивизионных командиров, иначе все преимущества неожиданной высадки будут потеряны. Но командиры дивизий считали, что они не в состоянии двигаться. Они говорили, что люди изнурены трудностями, перенесенными в ночь с 6 на 7 августа, и боем 7 августа. К этому прибавился еще недостаток воды. Наконец, имелось только 3 батареи, из которых 2 горные. Стопфорд доказывал, что при отсутствии достаточной поддержки сухопутной артиллерии можно было рассчитывать на содействие корабельной артиллерии, но возражения командиров дивизий были сильнее, чем приказание командира корпуса».

Гамильтон, до которого наконец дошла суть происходящего, во второй половине дня лично примчался в бухту Сувла, чтобы попытаться убедить Стопфорда атаковать. Заметьте нюанс: убедить, но не приказать! Он по-прежнему цеплялся за старый принцип — только планировать, но ни в коем случае не командовать. Увиденное было настолько вопиющим, что Гамильтон

Солдаты батальона Веллингтонских конных стрелков 6 августа 1915 г. Пока все спокойно. Через несколько дней батальон потеряет 711 человек убитыми и ранеными из 760

лично приказал 32-й бригаде начать атаку. Но ее батальоны и роты оказались настолько разбросаны, что атаки толком не получилось. Одна рота таки сумела добраться до высоты Текке-Тепе, которая господствовала над всем северным берегом бухты, но была выбита оттуда турками. И все-таки стараниями Гамильтона удалось сомкнуть северный и южный плацдармы вокруг бухты. Однако дальнейшее наступление вглубь полуострова захлебнулось, едва начавшись.

Положение англичан на 9 августа было сложным, так как в результате беспорядочных странствий отдельных батальонов в линии фронта снова образовалась брешь. Солдаты были измучены, моральный дух падал. А вечером 8 августа началась выгрузка частей 53-й дивизии, которая прибыла на Галлиполи **без артиллерии**. Как ни странно, это решение приняло военное министерство в Лондоне, поскольку именно там решено было отправить дивизионную артиллерию во Францию, а не в Дарданеллы! Поэтому когда утром 10 августа дивизия получила приказ идти в атаку, началась бойня. Единственное, что ей удалось, так это консолидировать позиции вдоль берега Соленого озера, заткнув ту самую брешь.

За время боев на полуострове турецкие артиллеристы научились замечательно маскировать позиции

10 августа в мясорубку была запущена 54-я дивизия, которой вечером 12 августа предстояло атаковать холм Текке-Тепе, так бездарно упущенный два дня назад. Вспоминает лейтенант Уолтон из 163-й бригады:

«Внезапно в 15.30 мы получили приказ через полчаса выступать. У нас не было воды и почти не было еды, подвезли какие-то крохи и каплю рома. Это было здорово. Затем начался марш нашего полка к линии фронта. Никто не знал, что происходит справа или слева, скоро всякая связь был утеряна. Сначала нас во взводе было немного, но постепенно к нам присоединялись отставшие от других полков. Мы уже должны были увидеть цепь наших шлемов, как заработали два пулемета. Под плотным огнем все были холодны, как огурцы, по кругу пошли пачки сигарет и фляжки, так как под вражескими пулями офицеры и солдаты были равны. Все было прекрасно. Я едва уцелел. Надо мной разорвалась шрапнель, и одна пуля пробила носок правого ботинка, только порвав носок. Она также царапнула палец, который начал кровоточить, но этим все и кончилось. Я никогда не устану благодарить бога за избавление. В результате нам пришлось окопаться, чтобы укрыться от шрапнели, которая могла обрушиться на нас утром».

Так прошли несколько дней, Стопфорд оправдывал свое бездействие тем, что «турки ведут себя агрессивно». Следующая крупная атака была проведена лишь 15 августа силами 10-й дивизии при поддержке одной бригады 54-й дивизии, но тоже не дала результата. Взбешенный Гамильтон телеграфировал Китченеру, что командование IX корпуса непригодно, на что фельдмаршал ответил: «Если вы полагаете необходимым заменить Стопфорда, Магона и Хаммерсли, есть ли у вас компетентные генералы на их место? Из вашего рапорта я понял, что Стопфорда нужно отправить домой. Это война для молодых, и мы должны ставить командирами офицеров, которые сумеют использовать столь редко выпадающие возможности. Если какой-то генерал не справляется, действуйте быстро, не колеблясь. Я пошлю вам любого генерала, который окажется здесь».

В результате 15 августа был снят Стопфорд, ему на смену из Франции выехал уже отличившийся генерал-лейтенант Джулиан Бинг. Временно Стопфорда заменил командир 29-й дивизии генерал майор Де Лисли. Генерал-лейтенант Магон оскорбился нарушением

Солдаты Империи: гуркхи 6-го полка, 8 августа 1915 г.

Турецкая артиллерия. Шрапнельный огонь сыграет решающую роль в боях за высоту 60

священного принципа старшинства и просто бросил свою дивизию, которая в этот момент вела бой за Киреч-Тепе. Его пришлось заменить бригадным генералом Дж. Хиллом, но никто даже не подумал отдать под трибунал дезертира в генеральских погонах. Командир 53-й дивизии генерал-майор Линдли сам подал в отставку. Были также сняты командир 11-й дивизии генерал-майор Хаммерсли и командир 13-й дивизии Шоу, а вместе с ними полетели со своих постов и многие командиры бригад IX корпуса. Да, все они действовали не лучшим образом, но главными виновниками провала были военный министр Англии фельдмаршал Китченер и командир Средиземноморского экспедиционного соединения генерал Гамильтон.

Впрочем, в личной храбрости британским генералам не откажешь. Только в августе погибли бригадные генералы: командир 38-й бригады Болдуин (10 августа), командир 2-й конной бригады лорд Лонгфорд (21 августа) и командир 3-й конной бригады Кенна (30 августа). Были ранены бригадные генералы: командир 32-й бригады Хаггард (7 августа), начальник артиллерии 11-й дивизии Гранет (13 августа), командир 86-й бригады Уолли-Дод (13 августа), 158-й бригады Коуэнз (14 августа), командир 162-й бригады де Винтон (15 августа), командир 158-й бригады Ллойд (17 августа), командир 163-й бригады Бранкер (18 августа), командир 160-й бригады Хьюм (31 августа). Но, к сожалению, в списке требований к генералу личная смелость стоит далеко не на первом месте.

Одновременно с высадкой в бухте Сувла и ложными атаками чуть ли не по всему фронту обоих плацдармов генерал Гамильтон решил в очередной раз попытаться прорваться с плацдарма Анзак к хребту Сари-Баир, нанеся удар левым флангом корпуса Бирдвуда. Атаки 6 и 7 августа особого успеха не принесли, и главный удар был нанесен 8 августа, началась так называемая Битва за Чунук-Баир — одну из западных высот хребта Сари-Баир. Наступали новозеландские батальоны и часть сил 13-й дивизии, как мы видим, даже собрать целую бригаду англичане уже не могли, приходилось наспех сколачивать сводные отряды из отдельных батальонов и рот.

Наступление велось двумя колоннами, и, редкий случай, новозеландцам мог сопутствовать успех. Незадолго до рассвета они подошли к подножию Чунук-Баира и могли взять высоту, на которой находилось не более взвода турок. Командир бригады Джонстон имел в этот момент 3 батальона, но в состав бригады входил еще и

четвертый батальон, который в темноте сбился с дороги и где-то заплутал среди холмов и оврагов. Джонстон решил его дождаться, и благоприятная возможность была упущена. А в это время австралийцы бесполезно гибли на Перевале, пытаясь отвлечь внимание турок.

Увы, они не отвлеклись, командир турецкой 9-й дивизии немецкий подполковник Ганс Каннегиссер начал спешно стягивать силы к угрожаемому участку. Стрельба турок становилась все сильнее, однако командир Австралийской и новозеландской дивизии генерал Годли все-таки приказал Джонстону атаковать.

Джонстон решил, что раз у него есть целых четыре батальона, значит, он может нанести четыре последовательных удара. К чему это приводило, мы уже видели, увидели и еще раз. Турки спокойно перестреляли Оклендский батальон. Когда Джонстон приказал атаковать Веллингтонскому батальону, его командир подполковник Мэлоун просто отказался вести солдат на убой, заявив, что спокойно возьмет Чунук-Баир ночью. Днем новозеландцы получили подкрепление — 2 батальона 13-й дивизии.

8 августа примерно в 03.00 после короткого обстрела с моря новозеландцы практически без сопротивления взошли на Чунук-Баир. Дело в том, что каменистая почва высоты фактически не давала возможности окопаться, и защитники понесли серьезные потери от огня корабельных орудий. Но теперь с той же самой проблемой столкнулись новозеландцы. Высоту мало было захватить, ее требовалось удержать, что оказалось гораздо труднее. Солдатам приходилось кое-как выскребать мелкие гнездышки среди обломков скал, в то время как турки могли взять вершину под перекрестный обстрел с нескольких направлений. К обстрелу подключился и старый броненосец «Хайреддин Барбарос», стоявший в проливе. Однако здесь помогли моряки, так как именно 8 августа корабль был потоплен английской подводной лодкой Е-11, унеся с собой и большое количество боеприпасов, которые требовалось доставить войскам на Галлиполи.

Когда рассвело, турки пошли в контратаку. Ружейный огонь новозеландцев не смог их остановить, и в конце концов дело дошло до рукопашной. Отчаянный штыковой бой продолжался весь день. К туркам подошла 8-я дивизия, снятая с фронта у Хеллеса. Ну, и как мы говорили, Лиман фон Сандерс назначил Мустафу Кемаля командующим на этом участке. Когда стемнело, генералу Джонстону пришлось менять Веллингтонский батальон, который к этому времени потерял 711 человек убитыми и ранеными из 760.

Генерал Годли предпочитал следить за всем этим издалека, с побережья, а потому имел весьма отдаленное представление о происходящем. Он решил 9 августа развить «успех» и захватить высоту Q рядом с Чунук-Баиром. Для этого был сколочен еще один сводный отряд под командованием бригадного генерала Болдуина. Болдуин командовал 38-й бригадой 13-й дивизии, но его отряд состоял из одного батальона 38-й бригады, двух батальонов 39-й бригады и батальона 40-й бригады. Ему также передали два батальона 29-й бригады 10-й дивизии. Вот такая сборная солянка получилась, естественно ни о каком взаимопонимании и взаимодействии не могло быть и речи. Одновременно ту же самую высоту должна была атаковать 29-я индийская бригада.

Мустафа Кемаль-паша со своим автомобилем. Галлиполи. 1915 г.

Хотели как-нибудь, а получилось как всегда. Батальоны сбились с пути в темноте и никуда не попали. Единственным успехом можно считать то, что остатки новозеландцев, выдержавших еще один день турецких атак, вечером сменили два батальона из отряда Болдуина.

Утром 10 августа Мустафа Кемаль погнал своих солдат в атаку, чтобы отбросить противника. Дело в том, что известие о потере Чунук-Баира странным образом трансформировалось в известие о крахе всего фронта, и в тылу началась паника. Это требовалось пресечь максимально быстро, поэтому Мустафа Кемаль принял действенный, но жестокий план — задавить англичан численностью, не обращая внимания на потери. 10 августа он лично повел своих солдат в атаку. Рассказывают (как часто повторяются такие истории!), что он получил пулю в грудь, но его спасли часы в нагрудном кармане. Удар был страшным, турки ворвались на позиции и просто перекололи штыками несколько батальонов до последнего человека, хотя это им дорого стоило. Попытка развить успех не удалась, так как турок остановили новозеландские пулеметы на исходных позициях. Но, что гораздо хуже, перепуганные пулеметчики стреляли буквально по всему, что движется, и уничтожили немало отступавших англичан. В общем, после этого боя сводная бригада Болдуина перестала существовать, причем сам генерал также погиб 10 августа в этом бою.

Австралийские санитары, сбор раненых

Потеря Чунук-Баира фактически означала окончание всей кампании на Галлиполи. У англичан не оставалось более надежды захватить хребет Сари-Баир и выйти на плато Килид-Бахр, то есть успешно завершить кровопролитную операцию. Атаки с южного плацдарма также были сочтены бесперспективными. Впрочем, бои продолжались. Дело в том, что между позициями в бухте Сувла и на плацдарме Анзак имелся небольшой промежуток фактически ничейной земли. Турки не собирались упорствовать, обороняя его, но в то же самое время и отдавать без боя не хотели.

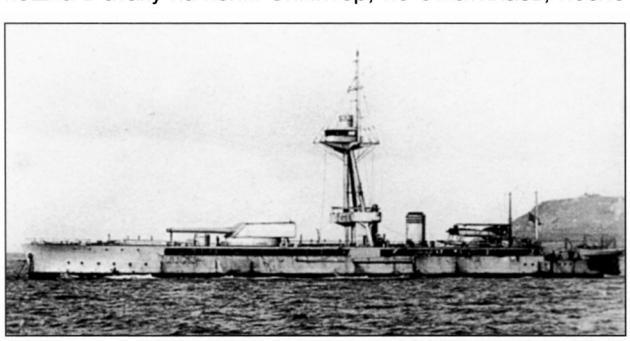
После небольшого отдыха 21 августа англичане нанесли одновременные удары с севера и юга по этому промежутку. Турки этому не препятствовали, зато когда англичане и австралийцы попытались было повернуть вглубь полуострова, то натолкнулись на ожесточенное сопротивление и плотный огонь.

* * *

Для наступления с плацдарма в бухте Сувла генерал Де Лисли (временный командир IX корпуса) использовал переброшенные с мыса Хеллес 2-ю конную и 29-ю дивизии, а также 11-ю дивизию своего корпуса. По плану предполагалось атаковать высоту Симитер и высоту W, чтобы расширить плацдарм. Как и во всех предыдущих случаях артобстрел практически ничего не дал, артиллеристы не видели целей и даже не подозревали где они находятся, а плотность огня была не такова, чтобы перепахать турецкую оборону.

Атака 11-й дивизии провалилась, так как солдаты натолкнулись на систему опорных пунктов. Когда один батальон все-таки сумел подняться на вершину холма, турецкая артиллерия открыла по ним массированный огонь. Кустарник на холме вспыхнул, и англичанам пришлось отойти, бросив своих раненых на верную смерть.

Дальнейшее объяснить вообще сложно. Когда 2-я конная дивизия получила приказ выдвинуться к линии фронта, она пошла чуть ли не церемониальным маршем. Бригады двигались в полковых колоннах, которые представляли просто идеальную цель для турецкой артиллерии, которая открыла огонь шрапнелью. В результате дивизия понесла потери, еще не выйдя на рубеж атаки. Лишь 2-я Южно-мидлендская бригада пошла в атаку на холм Симитер, но откатилась, после того, как был убит ее командир бригадный генерал лорд Лонгфорд.



Английский монитор «Робертс» с самолетом Шорт тип 166 на борту

Один из погибших 10 августа 1915 года английских офицеров – ушедший на фронт доброволь-цем физик Генри Мозли у него в руках созданная им электрическая бата-рея на бета-распа-де. Фото 1913 г.

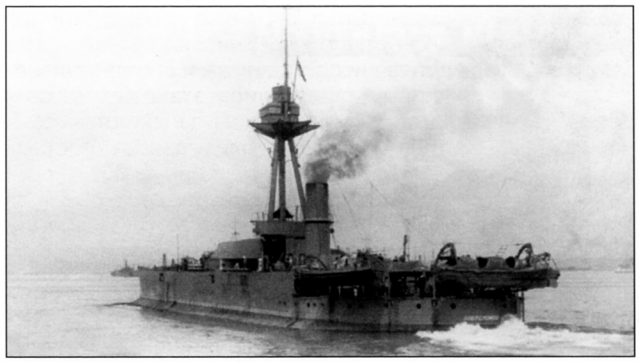
Во второй половине дня 21 августа и австралийцы попытались атаковать высоту 60, расположенную неподалеку от высоты W. И снова для атаки удалось собрать лишь отдельные разрозненные батальоны, которые, попав под огонь, отступали. На следующий день к ударной группе был добавлен батальон только что прибывшей 2-й австралийской дивизии, и атака повторилась с прежним результатом, хотя солдаты 29-й индийской бригады сумели подобраться к подножию холма.

27 августа атаки повторились, вероятно, командование за что-то невзлюбило 3-ю легкоконную бригаду и решило ее добить после сражения на Перевале. Двинувшийся в атаку полк в темноте сбился с дороги и вышел прямо на турецкие пулеметы, погиб командир полка и несколько десятков солдат. Однако австралийцам не удалось хотя бы улучшить тактическое положение, так как все господствующие позиции, с которых просматривалась и простреливалась бухта Сувла, остались в руках турок. После этого на Галлиполи воцарилось относительное спокойствие, даже британские генералы осознали бесплодность попыток новых атак, и до эвакуации с полуострова в декабре 1915 года ничего не происходило.

* * *

Королевский Флот принимал самое активное участие в августовских боях, да и позднее его корабли не оставались бездеятельными, тем более, что это им почти ничем не грозило. Дело в том, что до конца кампании лишь подводные лодки UB-8 и UC-15 совершили по одному походу в Эгейское море, но не одержали ни одной победы. Правда, англичане почти полностью заменили корабли, которые начали кампанию. Огромные, но уязвимые броненосцы покинули район Дарданелл, однако оставить войска без поддержки было нельзя, и тогда Адмиралтейство отправило в Эгейское море корабли, строившиеся вообще-то для действий в Дуврском проливе. Это были не только 4 больших монитора с 356-мм артиллерией, носившие имена прославленных английских генералов, но и малые номерные мониторы с 234-мм и 152-мм орудиями, хотя, как и Х-лихтеры, эти тихоходные корабли пришлось тащить на буксире. Самой наглядной демонстрацией отвратительных мореходных качеств мониторов стало возвращение «Раглана» в Англию в начале 1916 года. В Бискайском заливе его командир, пришедший в отчаяние от тихоходности корабля, приказал поставить импровизированные паруса! Монитор развил целых 3,5 узла... К ним добавились старые бронепалубные крейсера типа «Хок», оснащенные противоторпедными булями.

Первым в бой вступил 12 июля «Аберкромби», но это была скорее пробная стрельба, хотя корабль даже получил в ответ один 150-мм снаряд. Именно на «Аберкромби» поднял свой флаг командир эскадры поддержки контр-адмирал Николсон. К августовскому наступлению в Дарданеллах находились 4 больших монитора, один малый с 234-мм орудием, 3 малых со



Английский монитор «Аберкромби»

152-мм орудиями и прибывший из Восточной Африки речной монитор «Хамбер» тоже со 152-мм орудиями. Во время высадки в Сувле большие мониторы за два дня израсходовали 138 снарядов калибра 356-мм, после чего разрешение на их стрельбу давал лично адмирал де Робек, так как этих снарядов не хватало.

Англичане постепенно отрабатывали методы корректировки, и на больших мониторах даже появились «бортовые» гидросамолеты, хотя когда тот же «Шорт 166» находился на борту «Робертса» или «Аберкромби», стрелять приходилось с большой осторожностью, чтобы не повредить хрупкую полотняную конструкцию.

После прибытия новых кораблей была сформирована Специальная эскадра. В состав 1-й дивизии вошли 4 монитора с 356-мм орудиями; в состав 2-й — 10 малых мониторов с 234-мм орудиями, от М-15 до М-23 и М-25; в состав 3-й — 6 мониторов со 152-мм орудиями, от М-29 до М-33, а также речной монитор «Хамбер»; в состав 4-й — бронепалубные крейсера «Эдгар», «Эндимион», «Графтон» и «Тезеус». Хотя Черчилль и намеревался отправить к Галлиполи мониторы «Ней» и «Сульт» с 381-мм орудиями, эта идея не была реализована. Такой состав эскадры окончательно похоронил идею прорыва через Дарданеллы, которая продолжала периодически возникать в записках адмирала де Робека, а особенно его начальника штаба Кийза. Тихоходные, плохо маневрирующие мониторы были бы совершенно беспомощны в проливе под огнем турецких батарей. Однако со своими обязанностями по поддержке войск они справлялись хорошо. Например, 16 ноября штаб VIII корпуса передал:

«Командир корпуса поручил мне выразить благодарность за великолепную вчерашнюю стрельбу мониторов и крейсеров («Эдгар», «Аберкромби» и «Хейвлок»). Она в значительной мере облегчила положение наших войск, которые сумели захватить две важные позиции во вражеских линиях. Стрельба произвела огромный моральный эффект и нанесла противнику серьезные потери. Все, кто ее видел, признают меткость и действенность огня мониторов, но самым главным является взаимодействие во время атаки, которое сейчас стало реальностью. Созданная система при дальнейшем развитии станет важным фактором и при атаке, и при обороне».

Позднее в Галлиполи были еще два монитора — «Эрл оф Питерборо» и «Сэр Томас Пиктон» — вооруженные 305-мм башнями, снятыми с броненосцев типа «Маджестик». Да, если броненосцы больше не участвовали в боях, их орудиям еще пришлось пострелять, хотя главной задачей мониторов стало прикрытие эвакуации. Во время этих боев турецкие береговые батареи сумели несколько раз добиться попаданий в мониторы, но по большей части это были мелкие снаряды, которые не наносили серьезных повреждений. И все-таки большие мониторы предпочитали стрелять с больших дистанций. Особенно отличились они при отражении атаки турок 7 января на плацдарм у Хеллеса во время эвакуации. После окончания боев на Галлиполи часть кораблей осталась в Эгейском море, чтобы поддерживать недавно возникший Салоникский фронт.

Состав сил на август 1915 года

Союзники

Англия: Средиземноморское экспедиционное соединение (генерал Иен Гамильтон)

VIII корпус — 29-я, 42-я, 52-я, Морская дивизии; IX корпус — 10-я, 11-я, 13-я дивизии, приданы 53-я, 54-я, 2-я конная дивизии; Анзак — 1-я австралийская, 2-я австралийская дивизии, Австралийская и Новозеландская дивизия, придана — 29-я индийская бригада.

Франция: Восточный экспедиционный корпус (генерал Баллу)

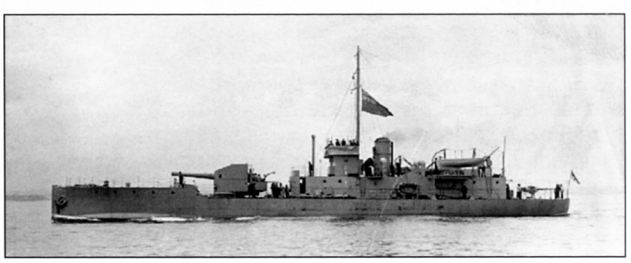
1-я и 2-я дивизии

Турция

5-я Армия (генерал Отто Лиман фон Сандерс)

I корпус — 2-я, 3-я дивизии; II корпус — 4-я, 5-я, 6-я дивизии; III корпус — 7-я, 8-я, 9-я, 19-я дивизии, IV корпус — 10-я, 11-я, 12-я дивизии; V корпус — 13-я, 14-я, 15-я дивизии.

Дарданелльский укрепленный район (генерал Джеват-паша)



Вверху: английский монитор М-21 с 234-мм орудием
Внизу: английский бронепалубный крейсер "Эндимион", участник боев в Дарданеллах. Снабжен противоторпедными булями и фортралом

Галлиполи — эвакуация

К осени 1915 года фронт на Галлиполи окончательно и бесповоротно окостенел, последняя атака была проведена 29 августа, когда индийцам и австралийцам удалось захватить невысокий холмик, не имеющий особого значения. Потери росли, а успехов не предвиделось. В боях были ранены будущий премьер-министр Клемент Эттли и будущий фельдмаршал лорд Слим. К тому же резко осложнилась общая военная обстановка. Командование Центральных держав решило ликвидировать один из нарывов — Сербский фронт. Так как Австрия доказала, что неспособна сделать это самостоятельно, для участия в наступлении, кроме австрийской 3-й Армии, были привлечены немецкая 11-я Армия и болгарская 1-я Армия. Немцы и австрийцы нанесли удар 7 октября, и вскоре сербский фронт рухнул, а 14 октября начали наступление болгары. Руководство Антанты вырвало у Греции согласие на высадку экспедиционного корпуса в Салониках, но для этого еще требовалось найти войска, и часть сил была вывезена с Галлиполи. Однако англичане и французы не стали задерживаться в Сербии и довольно быстро отступили обратно на территорию Греции. Фельдмаршал Макензен, командовавший наступлением Центральных держав, не рискнул перейти границу, и образовался довольно странный Салоникский фронт, где обе стороны в равной степени не рвались проявлять активность. И, тем не менее, у Антанты возникла новая проблема.

Фельдмаршал лорд Китчнер. Рассел-топ, высота захваченная в октябре 1915 г.

В том же самом октябре начались перемены и на Галлиполи. 15 октября был снят генерал Гамильтон, его заменил генерал сэр Чарльз Монро. Ему предстояло решить, что делать дальше: эвакуировать полуостров или наоборот, перебросить туда новые войска и все-таки захватить Галлиполи. Монро посетил оба участка и быстро пришел к неутешительному выводу. Наступление невозможно, турки отобьют его малыми силами, войска по-прежнему плохо подготовлены, следовательно, единственным разумным решение будет эвакуация. Для Гамильтона эта отставка стала концом военной карьеры, нового назначения ни на фронте, ни в тылу он не получил.

Генерал Чарльз Кармайкл Монро сменивший генерала Гамильтона на посту командующего Средиземноморскими экспедиционными силами

В Англии хватало сторонников прекращения операции, и они встретили мрачный доклад Монро с восторгом. Чисто английская специфика — министры начали вместо генералов решать, как именно дальше вести войну. После долгих споров на Галлиполи отправился фельдмаршал Китченер, чтобы лично проверить, так ли уж плохи дела. Сам Китченер был категорически против эвакуации, он считал обязательным оставить саднящую занозу в боку Турции. Проводить новые наступления не следовало, нужно было только связать как можно больше турецких дивизий. Что может произойти в противном случае, показали события в Кут-эль-Амаре в апреле 1916 года, вдобавок снова становилась реальной угроза Египту. Однако в Мудросе Китченер встретил только сторонников эвакуации.

И все-таки Китченер не сразу принял окончательное решение, сначала он посетил оба плацдарма. По странному стечению обстоятельств в эти дни турки практически не стреляли. Опытный военный сразу оценил все невыгоды позиций союзников, но ему предстояло принять во внимание и последствия крушения Сербского фронта. Вернувшись в Мудрос, Китченер приказал генералу Монро принять командование всеми английскими войсками к востоку от Мальты, за исключением Египта. Естествен-

Фельдмаршал лорд Китчнер и генерал Бирдвуд на позициях АНЗАК.

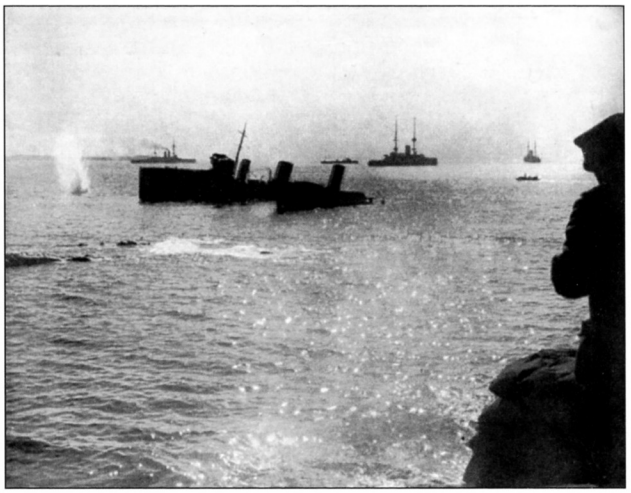
но, что Монро тут же создал два независимых командования: Армию Салоник под командованием генерал-лейтенанта Магона и Армию Дарданелл под командованием генерал-лейтенанта Бирдвуда.

Монотонность позиционной войны нарушали разве что события на море. 28 октября тральщик «Хайф» столкнулся с войсковым транспортом «Сарна» и затонул, причем погибли 155 человек. 31 октября в шторм эсминец «Луис» был выброшен на берег в бухте Сувла, и турецкая артиллерия расстреляла его. Еще раз подтвердилась старая примета: не следует переименовывать корабль. Эсминец был заложен под названием «Талисман», но накануне спуска на воду переименован.

А затем на союзников обрушилось новое несчастье, к которому турки не имели совершенно никакого отношения. До конца ноября погода на полуострове была вполне сносной, если не считать редких холодных дождей. Однако 27 ноября разразилась настоящая буря, началась сильнейшая метель, вперемешку с ледяным дождем. Очень быстро буря превратилась в настоящий ураган. Все легкие пирсы и временные причалы на мысе Хеллес и в бухте Сувла были уничтожены, окопы были залиты ледяной водой, которая хлынула вниз по лощинам. Хуже всего пришлось войскам вокруг бухты Сувла, там с хребта Киреч-Тепе вниз хлынул настоящий поток, в котором гибли и турки, и англичане. Затем ветер зашел с севера, дождь прекратился, но повалил густой снег. Помните картину Верещагина «На Шипке все спокойно»? С англичанами произошло то же самое, солдаты на своих постах превращались в ледяные статуи, один только IX корпус потерял 200 человек замерзшими до смерти. С полуострова пришлось эвакуировать 10000 обмороженных и простуженных. Вот так четыре дня метели вывели из строя целую дивизию! То, что туркам, которые не имели ни теплых одеял, ни хороших шинелей, пришлось еще хуже, служило слабым утешением.

Но не менее жестокий шторм разразился и в Лондоне. 15 ноября ушел в отставку главный инициатор Дарданелльской операции Уинстон Черчилль. Он ничуть не сожалел о том, что затеял эту бессмысленную операцию, открыто восхищался генералом Гамильтоном и кровавой мясорубкой 25 апреля. Но решения теперь принимал уже не он. 30 ноября в Лондон вернулся Китченер, который приказал немедленно эвакуировать северный плацдарм, однако пока подождать с эвакуацией мыса Хеллес. 8 декабря генерал Монро приказал Бирдвуду начать готовить эвакуацию Сувлы и Анзака, и 12 декабря этот приказ был доведен до войск. План эвакуации готовился совместно с контр-адмиралом Уэмиссом, так как уже второй командующий флотом убыл по болезни.

Чтобы забрать армию с открытых пляжей, которые вдобавок просматривались противником, требовалась продуманная организация операции и строжайшая секретность. В идеальном варианте сначала требовалось разгромить противника, но об этом не могло быть и речи. В некоторых местах вражеские траншеи находились всего в 10 ярдах от английских. На северном плацдарме находились 83000 солдат, почти 5000 лошадей и мулов, около 2000 повозок и 200 орудий, запасы продуктов на месяц, медикаменты, саперные припасы. И командование совсем не желало оставлять все это туркам в качестве трофеев. Им противостояли до 120000 турок.

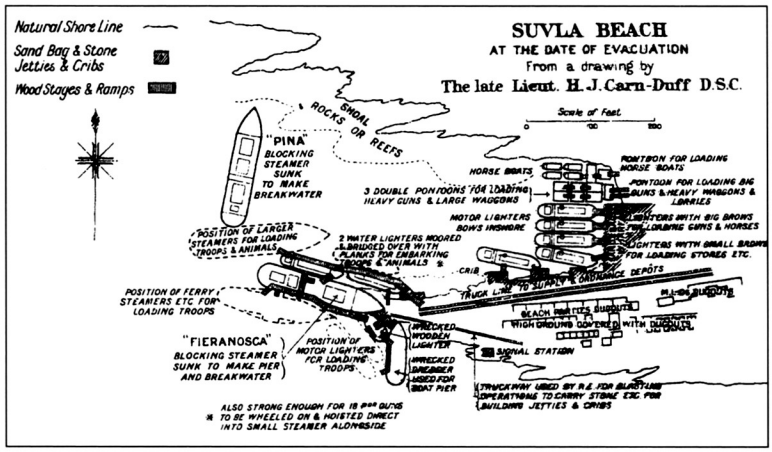


Английский эскадренный миноносец «Луис» выброшенный в бухте Сувла штормом на берег и расстрелянный турецкой артиллерией. 31 октября 1915 г.

Солдаты шотландского батальона в шторм конца ноября 1915 укрываются брезентом от ледяного дождя

Впрочем, туркам приходилось ничуть не лучше. 5-я Армия удерживала господствующие высоты на обоих плацдармах, и это компенсировало нехватку артиллерии и пулеметов. Командование также затеяло организационные перестройки, чтобы улучшить управление войсками. Были созданы четыре отдельные группы: группа Анафарта (полковник Мустафа Кемаль) в районе бухты Сувла, группа Ари Бурну (Эсат-паша) в секторе Анзака, группа Седд-уль-Бахр (Вехип-паша) в районе мыса Хеллес, Азиатская группа (Мехмет Али-паша) на азиатском берегу. В августе на полуостров были переброшены значительные подкрепления: штаб I корпуса, VI корпус в составе 24-й и 26-й дивизий, XVII корпус в составе 15-й и 25-й дивизий, а также почти весь штаб 1-й Армии под командованием фельдмаршала фон дер Гольца.

В сентябре, когда после крушения Сербии открылось прямое железнодорожное сообщение с Берлином, на полуостров прибыли батарея австрийских 240-мм гаубиц и батарея немецких 150-мм гаубиц, а вместе с ними около 500 квалифицированных немецких и австрийских специалистов.



План бухты Сувла на момент эвакуации плацдарма

Вдобавок неизвестно откуда появилась информация, что готовится отправка итальянских войск на Галлиполи, поэтому из Смирны на полуостров была переведена 20-я дивизия, и теперь союзникам противостояла 21 турецкая дивизия, хотя оборона азиатского берега была серьезно ослаблена. В ноябре начали поступать боеприпасы из Германии, и Энвер начал подумывать о решающем наступлении, чтобы сбросить войска Антанты в море. Так что разговоры об эвакуации начались вовремя.

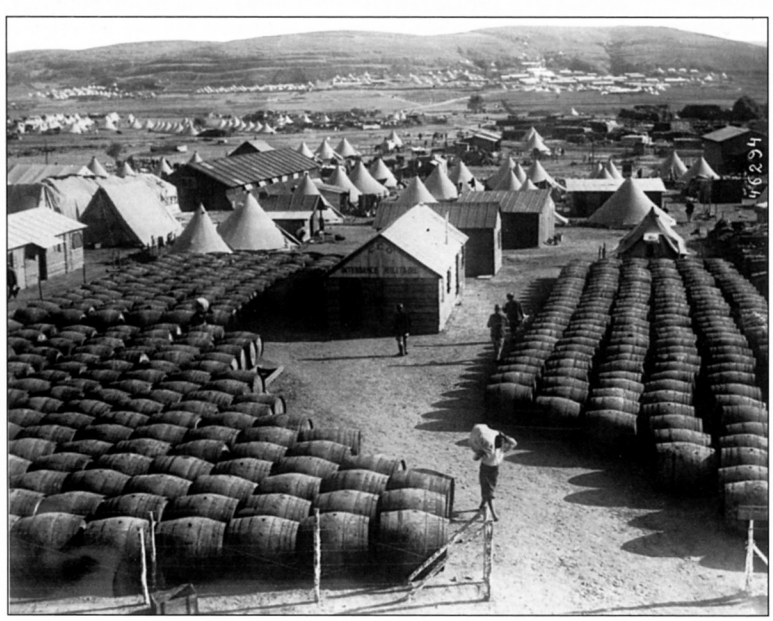
Но ее перспективы выглядели далеко не обнадеживающе. Даже самые большие оптимисты в штабе Бирдвуда предполагали, что потери составят до 15 процентов имеющихся войск, пессимисты говорили о 50 процентах. В Мудросе приготовили госпиталь на 10000 человек, но при этом подразумевалось, что многих раненых бросят на поле боя.

Линия фронта англичан в бухте Сувла тянулась на 11000 ярдов от залива Ксерос вдоль холмистого кряжа, заболоченной равнине Биюк Анафарта и соединялась с позициями Анзак. Ее занимали дивизии IX корпуса. Задуманное облегчалось тем, что после дождя и снегопада Соленое озеро в центре сектора заполнилось водой, его уровень поднялся, и теперь его можно было не оборонять. На правом фланге болотце превратилось в непролазную хлябь, которую достаточно было прикрыть колючей проволокой. Это было важно потому, что эвакуацию сектора планировалось проводить с северного и южного мысов бухты Сувла, и они были прикрыты от возможных фланговых атак самой природой.

Сначала до 10 декабря были вывезены все войска, без которых можно было обойтись в ходе зимней кампании, если бы такая состоялась. С северного мыса первой вывезли 53-ю дивизию. Погрузка производилась на плоты и лихтеры, то есть методика не слишком изменилась за прошедшие полгода. Затем ночью 14/15 декабря была вывезена 86-я бригада 29-й дивизии. Остались 11-я, 13-я и Морская дивизии, а также 88-я бригада 29-й дивизии. 11-ю дивизию, 88-ю бригады и одну бригаду 13-й дивизии предполагалось вывезти с северного мыса. Остальные войска планировалось эвакуировать с бывших участков высадки С и В.

Как ни странно, англичанам удалось провести незаметный отход войск и артиллерии. Правда, в последние дни перед эвакуацией, чтобы обмануть противника, артиллеристы устраивали долгие периоды молчания, иногда по три дня подряд. Повозки усиленно катались к линии фронта и обратно. Удалось также вывезти практически все припасы. К утру 18 декабря были вывезены 44000 человек, 3000 лошадей и 130 орудий, а следующей ночью удалось забрать еще 20000 человек. Теперь на плацдарме находились всего 12000 солдат и 16 орудий, менее четверти первоначального состава. Турки иногда обстреливали побережье, но практически без толку.

День 19 декабря прошел спокойно, на закате орудия расстреляли последние снаряды и к 21.30 были вывезены с позиций. Затем с северного и южного мысов в бухте корабли забрали по 6000 человек, они отходили последовательно на подготовленные вторую и третью линии обороны, где в случае атаки противника можно было дать бой. Саперы натягивали колючую проволоку и устанавливали мины. В конце концов на четвертой линии вдоль самого берега остались только 200 отчаянных солдат, которые должны были прикрывать пляжи и погибнуть, если это потребуется. Но турки ничего не заподозрили, так как вдоль окопов были расставлены винтовки, стрелявшие через нерегулярные промежутки времени — свеча пережигала веревку, освобождая курок, и винтовка стреляла.



Французские склады на мысе Хеллес. Почти все эти запасы будут уничтожены при эвакуации

20 декабря в 03.30 корабли забрали оставшихся 200 солдат, причем последними на борт корабля взошли генерал Бинг и его начальник штаба бригадный генерал Рид. К 07.00 окончательно рассвело, и турки принялись обстреливать костры, в которых догорало то имущество, которое не удалось забрать. Затем они перенесли огонь на пляжи, которые были пусты. На это ответил броненосец «Корнуолис», обстреляв главным калибром турецкие батареи, а из 152-мм орудий уничтожив причалы. В 09.00 броненосец торжественно развернулся и ушел на остров Имброс.

Эвакуация корпуса Анзак была проведена так же умело и скрытно. Здесь проблема заключалась в другом — линия фронта имела причудливую изломанную форму, причем во многих местах берег находился слишком близко. Прежде всего требовалось отвести растянутые фланги, но при этом просто не имелось места для создания промежуточных рубежей, как в бухте Сувла. Особенно уязвимым был выдвинутый левый фланг австралийцев, но внимание противника было приковано к войскам IX корпуса. Погрузку предполагалось вести с нового пирса к северу от Ари Бурну, а также со старого в бухте Анзак.

Из 40000 человек, находившихся здесь, половина была вывезена в Мудрос к 18 декабря. В ночь 18/19 декабря эвакуировались еще 10000. Удалось спасти всю артиллерию, кроме 9 вконец расстрелянных орудий, 2 из которых стояли буквально в пехотных окопах. Кстати, авиация союзников все время эвакуации держала воздушный зонтик над плацдармом, иногда патрулировали до 5 истребителей сразу. Они не позволили вражеским разведчикам даже приблизиться, не то что увидеть происходящее.

Утром 19 декабря оставшиеся орудия открыли беглый огонь, расходуя последние снаряды. Турки приняли это за признаки подготовки атаки и ответили живым огнем своих батарей. К вечеру в траншеях остались 6000 человек, разделенные на три равные группы. Первой отошла северная группа, которая к 22.00 покинула плацдарм с нового пирса. В полночь вторая группа собралась в бухте Анзак. На позициях остались только 2000 австралийцев, которые начали отход в 01.30. Лишь 800 человек оставались там, где траншеи австралийцев сходились вплотную с турецкими, однако и они в 03.30 незаметно исчезли с позиций. В этот момент прогремел ужасный взрыв — саперы заложили 3,5 тонны тротила в лощине, которая прорезала линию траншей. Этот готовый проход, которым при желании могли пользоваться и те, и другие, был засыпан землей и щебнем. Кроме того начали стрелять оставленные винтовки — здесь был использован тот же трюк, что и в Сувле. Перепуганные турки открыли сильный огонь по опустевшим траншеям, но не посмели двинуться с места. Австралийцам пришлось оставить 9 орудий и кучку мулов. Как и в Сувле последними покинули плацдарм командир корпуса генерал-майор Годли и его начальник штаба бригадный генерал Уайт.

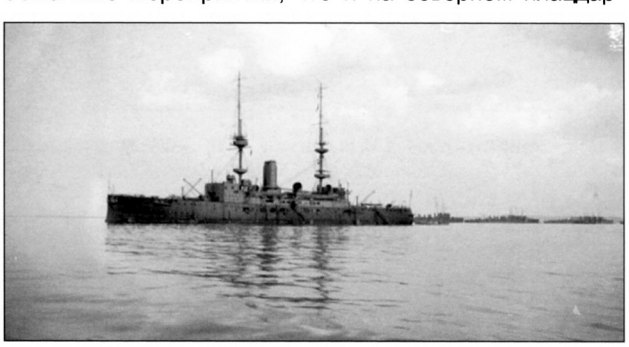
Только в 04.00 один из турецких офицеров, капитан Али Ремзи, проявил бдительность и сообщил по телефону в штаб 5-й Армии, что вражеские траншеи выглядят пустыми. На это ему приказали пойти и проверить собственное донесение. Капитан отправился в британские траншеи и не нашел никого, кроме нескольких чучел, изображающих часовых. После этого штаб 5-й Армии сообщил Лиману фон Сандерсу потрясающую новость, на что генерал непроизвольно ответил: «И слава богу!»

Всего с 10 по 19 декабря флот вывез 83000 солдат, 196 орудий, 1700 повозок и 4700 лошадей и мулов. В последний раз хорошо поработали старые броненосцы типа «Маджестик». Дело в том, что в марте-апреле 1915 года «Магнифишент», «Марс» и «Ганнибал» были разоружены, а их 305-мм башни были поставлены на новых мониторах типа «Лорд Клайв». На броненосцах остались по 4 — 152-мм орудия, и они превратились в блокшивы. Но мирно отстояться в портах не получилось, в сентябре 1915 года старички отправились на Средиземное море к берегам Галлиполи, где им предстояло участвовать в эвакуации. И все-таки 34 орудия и некоторое количество снаряжения и припасов было брошено.

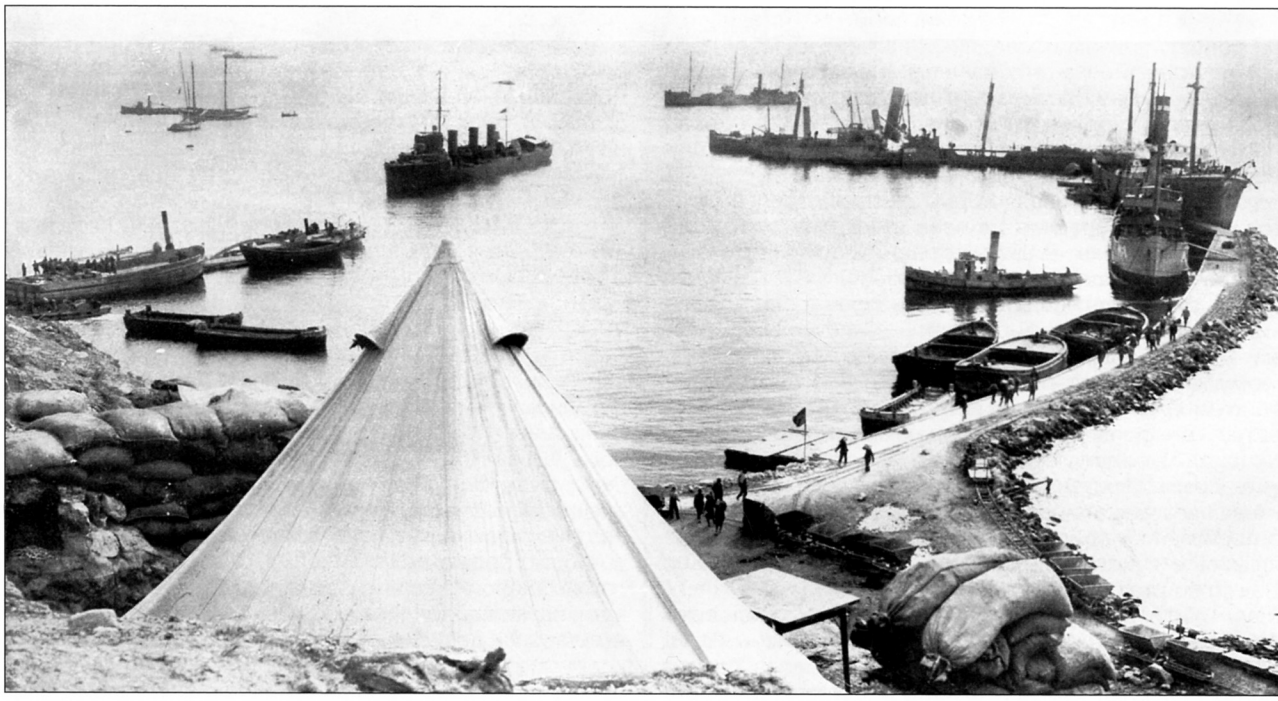
Лиман фон Сандерс решил разделаться с плацдармом на мысе Хеллес, тем более, что теперь у него имелась 21 дивизия против 4 английских дивизий VIII корпуса, оставшихся там, тем более, что у турок наконец-то появилась тяжелая артиллерия. А у англичан в это время произошла очередная смена командования. Генерал Монро 30 декабря отправился командовать 1-й Армией на Западный фронт, и войска на Галлиполи возглавил генерал Бирдвуд. Произошла также частичная смена войск на плацдарме. Туда вернулась 29-я дивизия, а 13-я сменила 42-ю. Кроме них на плацдарме осталась 52-я дивизия, а Морская дивизия заняла бывший французский сектор. Последние французские солдаты покинули Галлиполи в ночь на 2 января, правда они оставили свою артиллерию, передав ее VIII корпусу.

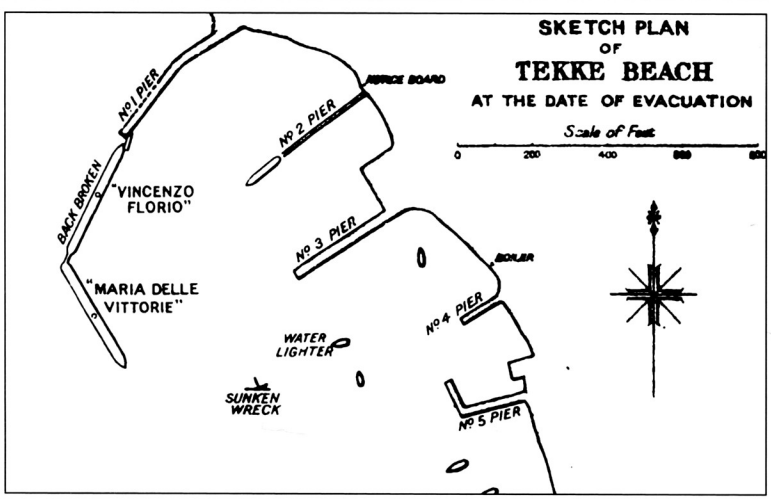
Однако перед началом наступления турки начали интенсивные обстрелы позиций англичан, причем эти обстрелы были во много раз сильнее, чем раньше. Возможно, с помощью корабельной артиллерии и можно было нейтрализовать эту угрозу, но теперь требовались значительно более серьезные усилия, хотя мониторы с этим справились. 29 декабря генерал Бирдвуд принял окончательное решение об эвакуации плацдарма. Сейчас на мысе Хеллес находились около 35000 солдат, 4000 мулов и лошадей, 110 орудий и около 1000 тонн различных припасов.

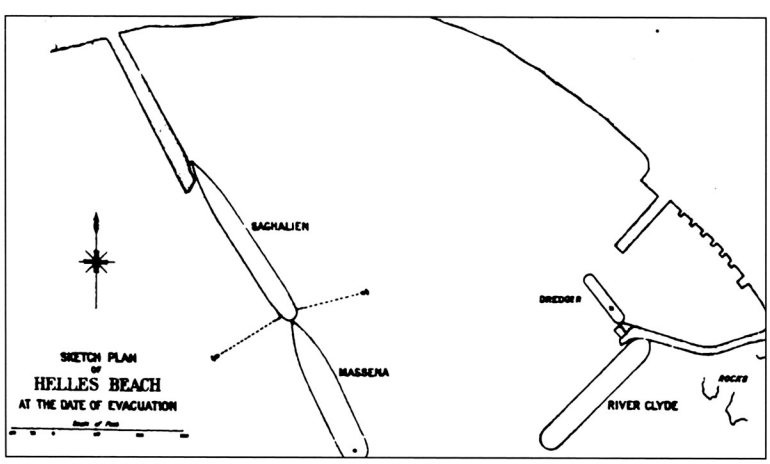
На мысе Хеллес повторились практически все те же обманные мероприятия, что и на северном плацдар-



Войсковой транспорт «Принс Джордж» (бывший эскадренный броненосец) принимавший участие в Дарданелльской эвакуации







Участок эвакуации V

ме, и что самое удивительное, они опять сработали. Например, британская артиллерия совершенно демонстративно молчала с 20.00 до 02.00, и в это время орудия потихоньку вывозили с позиций. На всякий случай поперек полуострова были построены 4 оборонительных позиции, прикрытые мощными проволочными заграждениями. После этого началась эвакуация войск с южной части полуострова. Первая фаза ее прошла спокойно, и 29 декабря началась вторая.

Однако 7 января, буквально накануне начала эвакуации, турки неожиданно предприняли сильный обстрел позиций 13-й дивизии и даже попытались атаковать их в районе лощины Гулли. Интересно, что Лиман фон Сандерс хотел провести эту атаку на два дня раньше, но Энвер отказал и распорядился вывести с полуострова 9 дивизий. Тогда немецкий генерал пригрозил отставкой, и XIV корпусу все-таки приказали атаковать. Впрочем, атака быстро захлебнулась, отбить ее помогли корабли, стоящие у западного берега полуострова.

На следующий день турки уже ничего не делали, и началась погрузка 13-й дивизии на участках V (3 причала и «Ривер Клайд») и W (4 причала). 8 января в 17.00 английские корабли начали сильнейший обстрел турецких позиций и батарей. Немного позднее, около 19.00 начали отход

Участок эвакуации W

и остальные войска. Совершенно неожиданно задул сильный ветер, и прибой вынудил приостановить погрузку. А тут еще в 23.00 турецкие батареи с азиатского берега начали обстрел участка V, но, к счастью, их стрельба была очень неточной.

На прощанье произошел непонятный эпизод. Когда броненосец «Принс Джордж» уже следовал в Мудрос, имея на борту 1500 солдат, его команда услышала глухой удар по корпусу. Все решили, что в корабль попала торпеда, выпущенная подводной лодкой, но не взорвалась. Но немцы не подтверждают этой атаки. А ведь последствия потопления броненосца с таким количеством людей на борту могли быть самыми катастрофическими.

В 23.30 траншеи покинули последние арьергарды (по 60 человек от каждой дивизии), которые при отходе постарались произвести как можно больше шума. Снова прибой задержал погрузку, но все-таки 9 января в 03.30 Дарданелльская операция была завершена, последним покинул залитый кровью берег эсминец «Колн». Турки обстреливали пустые траншеи до 06.30, и лишь потом сообразили, что их снова провели. 9 января 1916 года в 08.45 Лиман фон Сандерс торжественно сообщил Энверу, что полуостров Галлиполи очищен от противника.

Турки начали немедленно переброску войск во Фракию, и уже к 20 января полуостров покинули 11 дивизий. 5-я Армия оказалась слабее чем была, в ней остались 2 корпуса, то есть 4 дивизии. 15 января уехал Лиман фон Сандерс. Англичане оставили небольшую эскадру на близлежащих островах для наблюдения за проливами, и в этом районе воцарилось сонное спокойствие, которое было нарушено только полтора года спустя...

* * *

А сейчас самое время подвести итоги операции. Прежде всего следует отметить, что обе стороны понесли большие потери. Англичане потеряли 205 тысяч человек, из них убитыми и пропавшими без вести 43 тысячи. Французы потеряли 47 тысяч человек, из них 10 тысяч убитыми. Потери турок остаются точно не известными, и цифры разнятся от 180 до 280 тысяч человек. Раньше наиболее достоверными считались данные Лимана фон Сандерса, который полагал, что турки потеряли 218 тысяч, из них 66 тысяч убитыми. Однако современные турецкие историки Гончю и Алдоган после тщательного анализа документов увеличивают эту цифру до 101279 погибших. Безвозвратные потери союзников они определяют как 62086 человек. Интересно, что до четверти безвозвратных потерь приходится на пропавших без вести, необычайно высокий процент, не характерный для других театров. На море союзники потеряли 6 броненосцев, 1 эсминец, 8 подводных лодок. Но главным было другое — сначала катастрофическое поражение на море потерпел прославленный Королевский Флот, а затем на суше были разбиты англо-французские войска.

Эта операция была проведена союзниками и в первую очередь англичанами крайне неудачно. Буквально все действия проводились несвоевременно и вяло, продемонстрировав полную неадекватность командного состава британской армии и флота. Даже эвакуация, хотя и была проведена успешно, имела самые тяжелые последствия. Все-таки на полуострове Галлиполи были скованы крупные силы турецкой армии, которые теперь освободились. В Месопотамию отправился фон дер Гольц, который возглавил 6-ю Армию, осадившую 6-ю индийскую дивизию в Кут-эль-Амаре на реке Тигр. Теперь турки могли перебросить в Месопотамию свежие подкрепления, и они отбили все попытки деблокировать осажденные войска. 29 апреля генерал Таунсенд капитулировал, в плен попали 13 тысяч человек. И эта капитуляция, которая стала самой крупной в истории британской армии до капитуляции Сингапура 15 февраля 1942 года, считается прямым последствием неудачи на Галлиполи.

Победители. Кайзер Вильгельм II и Энвер-паша в Галлиполи. Октябрь 1917 г.

Дарданеллы — последний выход «Гебена»

Германский линейный крейсер «Гебен» начал эту историю в августе 1914 года, он же ее и закончил в январе 1918 года. К этому времени Дарданеллы, где в 1915 году на суше и на море кипели кровопролитные бои, превратились в задворки Великой войны. Союзники увели практически все корабли, хотя в Мудросе все-таки оставалась Эгейская эскадра, которая состояла из английских броненосцев «Лорд Нельсон», «Агамемнон», французского броненосца «Республик», легкого крейсера «Лоустофт», мониторов «Раглан» и М-28, 8 эсминцев и нескольких мелких судов. Эти корабли должны были предотвратить выход «Гебена» из Дарданелл, хотя совершенно непонятно, как это могли сделать тихоходные броненосцы, орудия которых по дальнобойности уступали немецким.

По мнению командующего Эгейской эскадрой контр-адмирала Сиднея Фримантла, выход «Гебена» из Дарданелл мог преследовать 3 цели:

1. Соединиться с австрийским флотом в Адриатике.
2. Совершить набег на коммуникации между Дарданеллами и портами Смирны.
3. Атаковать британские базы в Мудросе или Салониках, или даже в Порт-Саиде и Александрии.

Фримантл постарался принять необходимые меры предосторожности. На островах Тенедос и Мавро были созданы наблюдательные посты. Гидросамолеты с базы на Имбросе совершали ежедневные разведывательные полеты над Дарданеллами. Между Галлиполи и Имбросом были поставлены минные заграждения, от 4 до 6 эсминцев постоянно патрулировали перед выходом из пролива, броненосцы «Лорд Нельсон» и «Агамемнон» стояли в часовой готовности к выходу в Мудросе. И все-таки в результате англичане проспали такую вылазку и состоялся первый и последний за всю войну морской бой в возле Дарданелл.

* * *

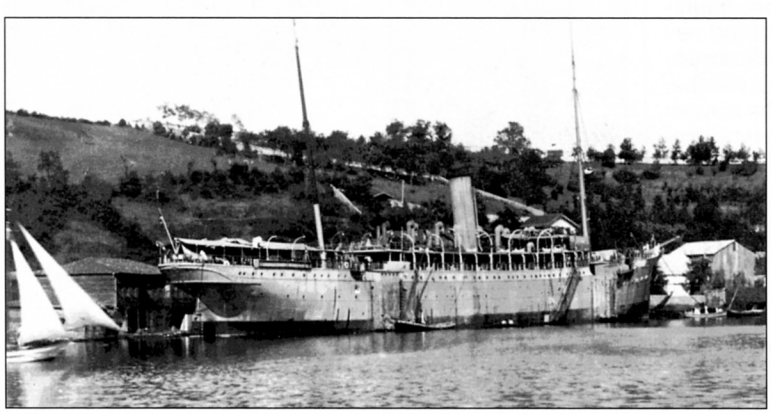
В 1917 году Адмиралтейство предложило попытаться уничтожить немецкие корабли прямо на якорной стоянке в бухте Золотой Рог с помощью воздушных налетов. Ведь к этому времени у англичан появились двухмоторные бомбардировщики с большой дальностью полета.

Последнее время «Гебен» стоял в маленьком заливчике Стения Крик. Туда же он привел русский пароход «Ольга», захваченный во время одной из вылазок в Черное море, и этот пароход стал плавучей казармой. На нем жили германские экипажи эсминцев, когда их корабли находились в порту. Теперь известно, что на верфи Стения работали несколько германских инженеров. Там же были поставлены несколько барж, между которыми были натянуты сети заграждения, предохранявшие «Гебен» от атак подводных лодок, турки не забыли дерзкие походы английских подводников. «Ольга» стояла у пирса верфи вне сетевого заграждения. «Бреслау» и турецкие эсминцы тоже стояли внутри сетей, но их стоянки все время менялись. Рядом с «Гебеном» обычно находился угольщик, на котором находилось около 4000 тонн кардиффа. Этот высококачественный уголь адмирал Сушон берег на случай особо важной операции.

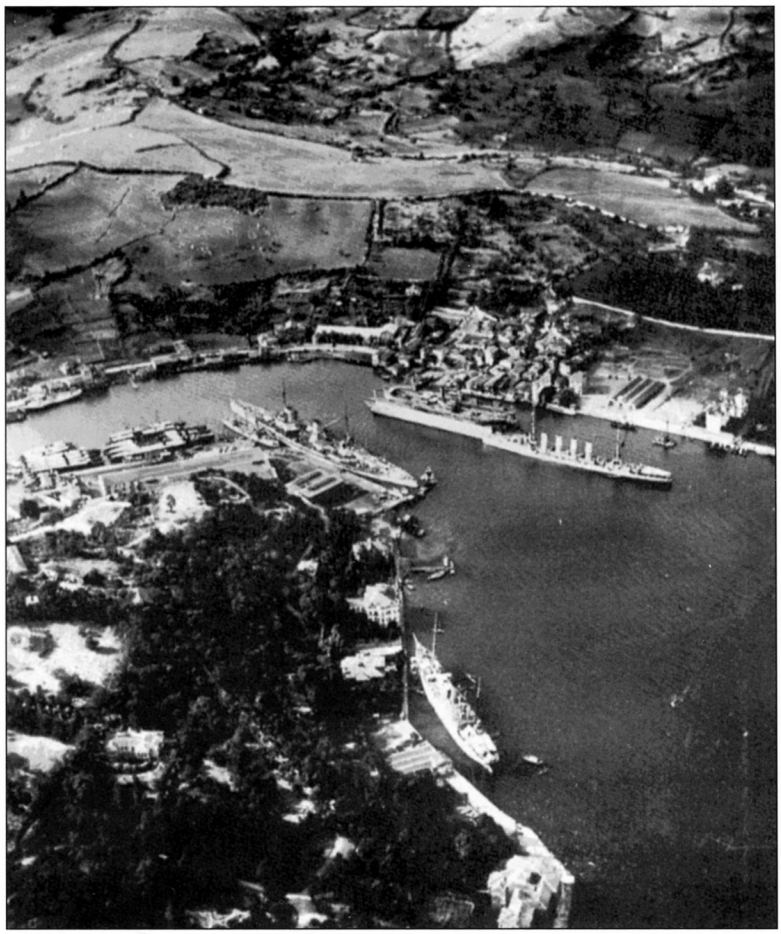
Предложение флайт-коммандера Сэйвори, командовавшего авиацией на Мудросе, было принято, и он для подготовки операции отправился обратно в Англию. Там он получил новый двухмоторный бомбардировщик Хэндли-Пейдж О/100/Н.Р.11, оснащенный моторами Роллс-Ройс «Игл II» мощностью 250 ЛС. Они позволяли самолету развить скорость целых 120 км/ч! Для проведения этого смелого налета требовались исключительная отвага и большие технические знания. Сэйвори обладал и тем, и другим. Весной 1917 года план операции был утвержден, и с самого верха поступило указание предоставить Сэйвори «все необходимое».

В мае он провел последние испытания своего огромного самолета и завершил подготовку. В состав экипажа Сэйвори входили: инженер лейтенант Роулингс, второй пилот лейтенант МакКлелланд и двое рядовых в качестве механиков. Но кроме этих 5 человек самолету предстояло нести все их пожитки, инструменты, 3 запасных колеса, боеприпасы, 2 запасных пропеллера и многое другое, ведь им предстояло жить практически на самообеспечении. Самолету предстояло пролететь около 2000 миль, причем часть маршрута пролегала над территориями, где ранее самолетов не видели. Поэтому перелет был сопряжен с довольно серьезным риском. Бомбардировщик был слишком крупным для погрузки на корабль.

На всякий случай англичане приложили колоссальные усилия для соблюдения секретности. В приказе командира авиабазы флота в Гендоне говорилось, что 3 офицера выедут с вокзала Чаринг-Кросс в Булонь, где и встретятся с Сэйвори, хотя на самом деле все они вместе вылетели на Хейндли-Пейдже из Гендона. Маршрут



Блокшив «Урла» – бывший русский пароход «Ольга». Служил плавказармой для экипажей «Гебена» и «Бреслау»



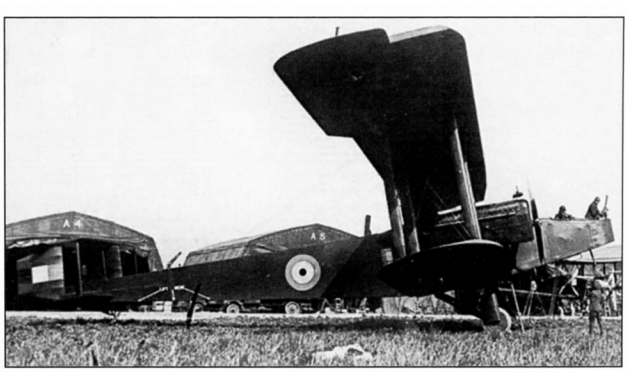
«Гебен» и «Бреслау», внизу «Урла» – фотография сделана с немецкого дирижабля SL 10 16 июня 1916 г.

Сэйвори пролегал через Париж, Лион, Марсель, Тулон, Фрежюс, Пизу, Рим, Неаполь, Отранто и Салоники. Конечным его пунктом являлся Мудрос. Во Фрежюсе полет едва не закончился, бомбардировщик при посадке на песчаную полосу чуть не перевернулся. Чтобы вытащить его на относительно твердую землю, понадобились усилия сотни человек, но пока летчики ждали благоприятного ветра, чтобы взлететь, тяжелый бомбардировщик снова утонул по самые оси колес. Только 29 мая Сэйвори сумел вылететь из Фрежюса. Чтобы пересечь Адриатику, пришлось облегчить самолет на 650 фунтов. Однако самая опасная часть маршрута пролегала над горами Албании. Сэйвори не имел никаких карт, ему приходилось облетать кругом горные пики, поднимающиеся на 9000 футов, и молиться, чтобы не отказал мотор. Наконец, 9 июня бомбардировщик приземлился в Мудросе, и Сэйвори отправился к адмиралу Тэрсби за свежей информацией о германских кораблях. Бомбардировщик был слишком велик, чтобы его можно было погрузить на корабль, пришлось добираться самостоятельно.

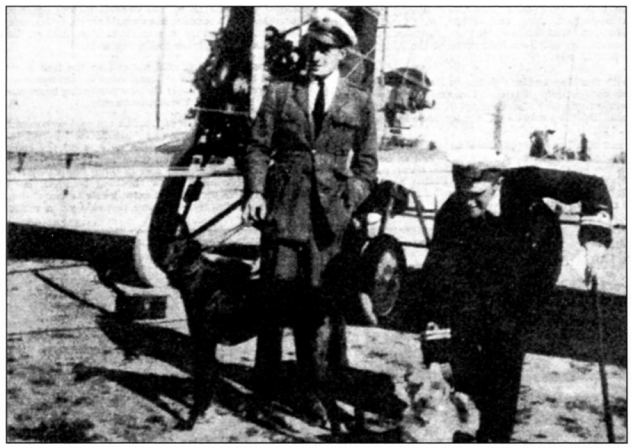
Уже сам этот перелет протяженностью 1995 миль в то время являлся рекордным достижением по дальности, продолжительности, поднятому весу, но Сэйвори было не до этого. Последние данные указывали, что «Гебен» и «Бреслау» все еще находятся в Стения Крик. Рядом со зданием военного министерства в Константинополе были установлены 4 зенитных орудия, еще несколько были установлены на берегах бухты Золотой Рог. Сэйвори начал учения по бомбометанию. Он атаковал цель с размерами «Гебена» с высот от 200 до 1500 футов. К своему разочарованию, пилот обнаружил, что в Мудросе нет ни бомб, ни взрывателей, хотя они были отправлены из Англии на пароходе еще 2 месяца назад. Время шло. Сэйвори хотел атаковать «Гебен» ночью, используя полную луну, поэтому первым удобным днем являлось 3 июля, а последним — 12 июля. Он планировал взлететь примерно в 20.30. Полет до Константинополя, который находился в 210 милях от Мудроса, и обратно при скорости 60 миль/час должен был занять около 7 часов.

Главной целью Сэйвори являлся «Гебен», на который он собирался сбросить по крайней мере 10 бомб весом 50 кг. Остальные планировалось сбросить на пароход «Генерал», на котором находился штаб адмирала Сушона. Сегодня можно лишь удивленно спросить: на что рассчитывали англичане? Серьезно повредить линейный крейсер с помощью снарядов калибра 152 мм? Ведь именно столько весит этот средний снаряд. В конце концов все приготовления завершились, и 9 июля в 20.47 скуадрон-коммандер Сэйвори (теперь он имел это звание) поднял свой Хэндли-Пейдж с аэродрома Мудроса. Кресло бомбардира занимал МакКлелланд, Роулингс был наблюдателем.

Моторы бомбардировщика работали нормально, и в 21.45 он пролетел над Сувлой. Примерно через 2 часа залитый лунным светом Константинополь оказался перед ним. Сэйвори быстро нашел бухту Стения Крик и описал над ней 3 круга, чтобы точно определить место стоянки «Гебена». После этого он сбросил на линейный крейсер 4 бомбы с высоты 800 футов. Бомбы



Самолет Handley Page O/100 / H.P.11. С использованием подобной машины предполагалось атаковать «Гебен» прямо на якорной стоянке



Флайт-командер Кеннет Сэйвори

не попали в «Гебен», хотя легли всего в нескольких футах от его борта, где стояли турецкие миноносцы. Во время второго захода были сброшены 2 бомбы, и Сэйвори увидел разрыв в носовой части корабля. Разрывы первых бомб вызвали большие пожары, и турецкие орудия открыли беспорядочный огонь. Потому Сэйвори повернул на запад и с высоты 1300 футов сбросил 2 бомбы на «Генерал», который получил попадание в корму. 2 бомбы попали прямо в здание военного министерства. Сэйвори израсходовал все бомбы, и больше у него не было причин задерживаться над Константинополем.

В течение 35 минут, пока самолет находился над турецкой столицей, его обстреливали из орудий всех калибров, даже из пулеметов. Однако турки почему-то не использовали прожектора. «Гебен» оставался в темноте, но зато Сэйвори отчетливо видел «Бреслау», освещенный береговыми огнями. Маяки в Мраморном море тоже не были погашены. Поэтому определение обратного курса оказалось детской задачей, и уже в 3.40 самолет сел в Мудросе. При осмотре выяснилось, что в бомбардировщик попали 26 пуль, но ни один из летчиков не получил ни царапины.

Каковы же были реальные результаты этого дерзкого налета?

Английская разведка решила, что «Гебен» и здание военного министерства получили повреждения, хотя броневые палубы линейного крейсера защитили его, он по-прежнему оставался серьезной угрозой флоту союзников. Хуже пришлось маленьким и хрупким миноносцам. Бомбы, сброшенные во время первого захода, не попали в линейный крейсер, зато отправили на дно 2 миноносца. По крайней мере, именно так думала британская разведка. Турецкие источники рисуют нам несколько иную картину.

Самолет Сэйвори был замечен и опознан во время пролета над Дарданеллами. Однако из-за неразберихи в системе связи это сообщение потерялось по дороге в Константинополь, поэтому воздушная тревога была объявлена только с разрывами первых бомб. Но даже после этого не все части столичного гарнизона получили извещение о налете. 2 бомбы разорвались во дворе военного министерства и причинили зданию незначительные повреждения. Одна бомба упала в бухте Золотой Рог рядом с базой подводных лодок. На «Гебене» никто не подозревал о появлении англичан, поэтому летящий над Стения Крик самолет никого не заинтересовал. 2 бомбы упали вне бухты, а третья, нацеленная в «Гебен», попала в носовую часть эсминца «Ядигар-и-Миллет», который стоял у борта линейного крейсера. Эсминец получил пробоину, на нем начался пожар. Потушить огонь не удалось, так как котлы эсминца были погашены и противопожарная система не работала. Через полтора часа «Ядигар» затонул, на нем погибли 29 человек. Кажется, это был первый военный корабль, потопленный в собственной базе вражеской авиацией. У стоящего рядом эсминца «Нумуне» осколками была изрешечена вся носовая часть, но с течью удалось справиться. На нем были ранены 17 человек. В результате налета туркам пришлось рассредоточить корабли по бухте, устанавливать дополнительные зенитные орудия, налаживать действия системы наблюдения и связи. Сэйвори был награжден пряжкой к Кресту за летные заслуги, и в представлении говорилось о попадании в «Гебен». Кроме ордена он, в лучших английских традициях, получил еще 350 фунтов стерлингов за уничтожение миноносца.

Адмиралтейство решило начать систематические бомбежки Константинополя, но практически сразу отказалось от своих планов. Для этого требовались 36 самолетов, тогда как в наличии на Западном фронте имелись всего 20 машин, и нового поступления не приходилось ждать ранее марта 1918 года. Англичане продолжали налеты до сентября 1917 года, когда этот самолет был подбит и сел на воду. В этом полете его пилотировал флайт-лейтенант Олкок.

* * *

После этого снова воцарилась сонная тишина. В сентябре 1917 года Сушон сдал командование эскадрой вице-адмиралу Ребейр-Пашвицу и отбыл в Германию. В начале ноября генерал Фалькенгайн, командовавший турецкими войсками в Палестине, обратился к Ребейр-Пашвицу с просьбой о помощи. Проще всего было направить несколько подводных лодок в Константинополь, чтобы держать в постоянном напряжении морские коммуникации союзников в Восточном Средиземноморье, но немецкий Адмиралштаб отказал. Вероятной причиной могли стать отвратительные условия базирования в Константинополе. Тогда Ребейр-Пашвиц решил совершить стремительный набег на острова Имброс и Лемнос, чтобы оття-

Турецкий эскадренный миноносец «Ягидар-и-Миллет», потопленный 9 июля 1917 года Кеннетом Сэйвори

нуть на себя флот союзников, кроме того, он хотел поднять моральный дух турок, пошатнувшийся после падения Иерусалима 10 декабря 1917 года. Энвер-паша согласился с его предложением, но подчеркнул, что эти два корабля имеют для Турции такое же значение, как для Англии ее Гранд Флит, поэтому следует избегать ненужного риска.

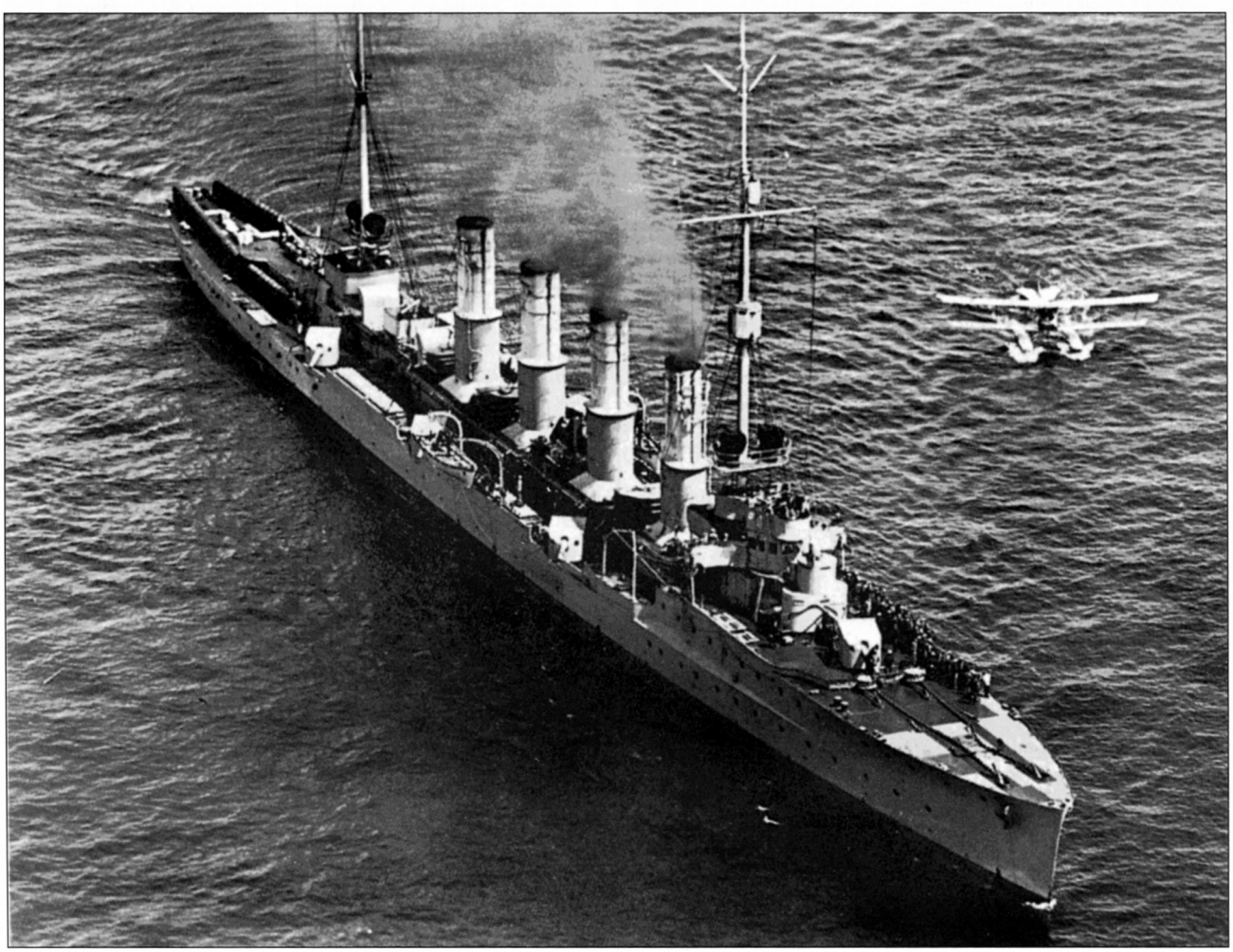
Увы, даже такую вылазку провести оказалось совсем непросто. Немецкие корабли слишком долго стояли в гавани и постепенно превращались в некое подобие турецких. Поэтому 4 декабря Ребейр-Пашвиц обратился в Берлин, чтобы ему прислали матросов для укомплектования команд. Главным ограничением действий германо-турецкой эскадры была снизившаяся за годы войны скорость кораблей. «Гебен» мог развить 22 узла, а «Бреслау» сейчас с трудом выжимал 20 узлов. Адмирал затеял крупную операцию, в которой должны были участвовать «Гебен», «Бреслау», миноносцы «Муавенет», «Нюмунэ», «Самсун», «Басра» и подводная лодка UC-23. Она должна была поставить мины перед гаванью Мудроса и жать выхода кораблей союзников, чтобы атаковать их.

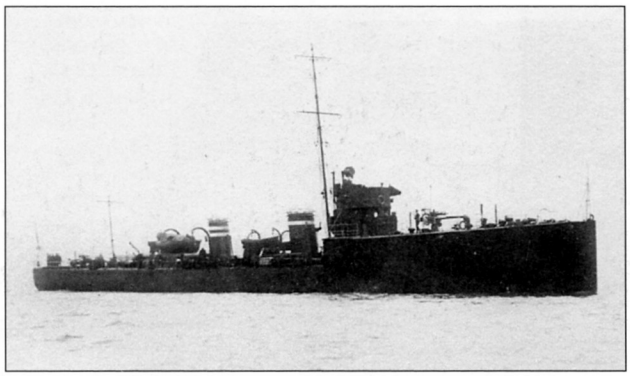
Контр-адмирал Хуберт фон Ребейр-Пашвиц – командующий объединёнными болгаро-турецкими военно-морскими силами с апреля 1917 г. (По непонятной причине портрет Ребейра Павшица часто выдается за портрет адмирала Сушона)

Главной опасностью считались мины. Немцы попытались разведать английские минные поля с помощью самолетов, но не особо в этом преуспели. Генерал Лиман фон Сандерс передал морякам карту, захваченную на британском пароходе, севшем на мель у берега Галлиполи. В результате Ребейр-Пашвиц пришел к выводу, что минные поля наглухо закрывают выход из Дарданелл, но решил махнуть на это рукой.

Время шло, и бдительность англичан ослабевала. 12 января 1918 года Фримантла сменил контр-адмирал Артур Хейес-Садлер, который был капитаном «Оушена» в день его гибели 18 марта 1915 года. Это был «хороший средний офицер, не имеющий ничего выдающегося». 16 января он должен был прибыть в Салоники и

Крейсер «Бреслау» перевооруженный в 1917 г. на 150-мм орудия





Английский эскадренный миноносец «Лиззард», вид на 1916-й год

избрал для этой цели броненосец «Лорд Нельсон», хотя мог использовать любой из эсминцев или штабную яхту «Триад», специально стоящую в Мудросе для таких целей. Французский броненосец в это время стоял в доке, в порту остался один «Агамемнон». Его командир назвал такие действия своего командующего форменным безумием.

Более того, Хейес-Садлер на прощанье ухитрился раздробить свою небольшую эскадру на целых **шесть** отрядов, разбросанных по всему морю. «Гебен» без большого труда мог уничтожить любой из них или даже все поочередно. В результате выход немцев, к отражению которого готовились несколько месяцев, застиг англичан врасплох. Хейес-Садлер надеялся, что немцы будут тралить выходные фарватеры, что позволит англичанам спокойно сосредоточить силы. Он ошибся.

Рано утром 19 января 1918 года «Гебен» и «Бреслау» вышли из Босфора якобы для проведения учений в Мраморном море. Союзники на выходе из Дарданелл поставили плотные минные заграждения, которые представляли серьезную опасность. Однако немцы полагались на карту, найденную на разбившемся английском пароходе, решив, что на ней показаны вражеские минные заграждения. Для сохранения секретности операции контрольное траление не велось. В 05.41 немецкие корабли вышли из пролива. Наблюдатели союзников на острове Мавро из-за плохой видимости и тумана противника не заметили. В 06.10 «Гебен» подорвался левым бортом на мине, но повреждения оказались незначительными, и операция продолжалась. На месте подрыва был сброшен буй, и в 06.32 отряд взял курс на Имброс. Так как якорная стоянка Алики была пустой, германские корабли повернули на север вдоль восточного берега Имброса. Первым в 07.20 их заметил эсминец «Лизард», патрулирующий северо-восточнее Имброса. «Бреслау» шел впереди «Гебена». Так как немецкие радисты глушили радиопередачи, эсминец лишь через несколько минут установил визуальный контакт с «Рагланом» и передал прожектором условный сигнал «ГОБЛО». Почти одновременно противника заметил «Раглан». В 07.45 монитор сумел по радио сообщить о выходе немцев «Агамемнону», стоящему в бухте Мудрос. Тот передал сообщение Хейсе-Садлеру в Салоники, куда адмирал ушел на «Лорде Нельсоне» 4 дня назад. Мы приведем свидетельство одного из очевидцев этих событий, командира эсминца «Лизард» лейтенанта Оленшлагера:

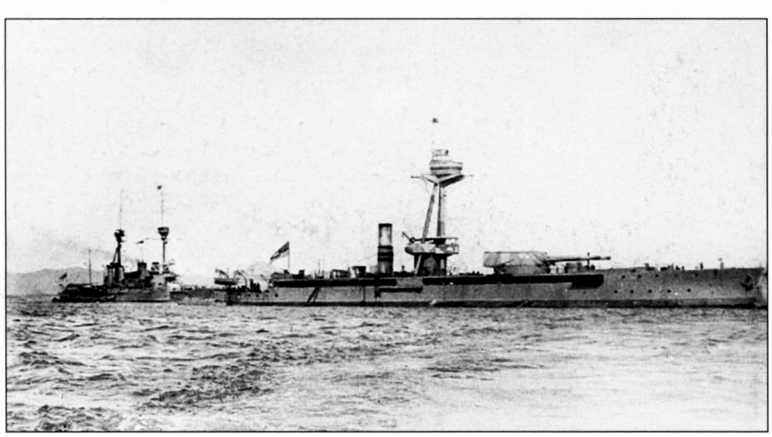
«В момент выхода «Гебена» и «Бреслау» из Дарданелл вблизи пролива патрулировали только 2 британских эсминца. Первоначально патруль был гораздо сильнее, однако эсминцы требовались для сопровождения конвоев, и их отзывали один за другим. Поэтому силы патруля постоянно сокращались.

Днем один из эсминцев оставался севернее Имброса — это называлось Северным патрулем. Другой эсминец отвечал за проход между Тенедосом и Имбросом. Этот корабль носил титул Главного патруля. Ночью оба эсминца крейсировали севернее Имброса.

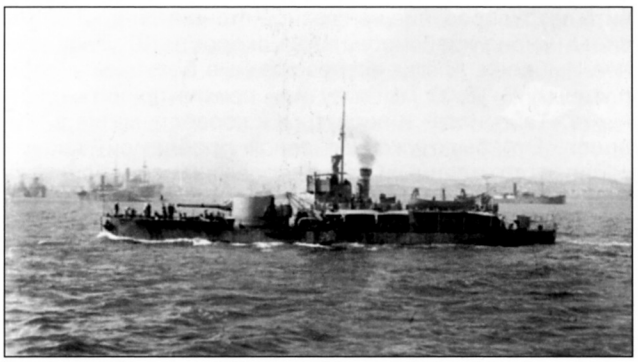
Нам было запрещено переходить с главной позиции на северную восточнее Имброса из-за опасности попасть под огонь береговых батарей. В результате нам приходилось обходить кругом большой остров для того, чтобы соединиться с товарищем, находящимся на расстоянии всего 15 миль.

Воскресным утром 20 января эсминец «Тайгрисс», на котором находился командир отряда, в 06.30 отделился от нас и повернул на запад, чтобы обойти Имброс и занять место на главной позиции. В 07.20, когда я зашел в штурманскую рубку, мой вахтенный офицер сообщил, что видит возле выхода из Дарданелл крейсер и считает, что это «Бреслау». После эвакуации наших войск с полуострова все эсминцы ждали именно такого случая. Но недели превращались в месяцы, те плавно перетекли в год, и вероятность столкновения казалась нам все более сомнительной. Мы начали думать, что выход «Гебена» и «Бреслау» из Дарданелл еще менее вероятен, чем выход Флота Открытого Моря из своих баз для генерального сражения с Гранд Флитом в Северном море.

Откровенно говоря, когда я услышал это сообщение, то не сразу понял, что настал долгожданный час. Но я быстро поднялся на мостик, чтобы отчитать своего вахтенного начальника за глупую ошибку и выяснить, кого же он принял за германский крейсер. В это время «Лизард» находился в 2 милях от мыса Уэлкам. Утро бы-



Английский монитор «Раглан», на заднем плане эскадренный броненосец «Лорд Нельсон»



Однотипный монитору М-28 монитор М-15, вооруженный 234-мм орудием

ло тихим и солнечным. Находившиеся восточнее берега полуострова Галлиполи казались черными на фоне голубого неба. В бухте Кусу 2 монитора стояли на якоре, предаваясь обычному воскресному отдыху. Единственные признаки жизни подавал дрифтер «Супернал», медленно ползущий вдоль линии сетей. Мыс Кефало выглядел как обычно. Но там, где мы привыкли видеть чистую морскую гладь, все всяких сомнений находился «Бреслау» И он шел прямо на нас!

Загремели звонки боевой тревоги, защелкали створки прожекторов, посылающих срочные сообщения. По трапам зазвенели каблуки матросов, разбегающихся по боевым постам. Лязгнули замки орудий, глотая снаряды. Эсминец задрожал, увеличивая ход до полного. Мы еще не успели ничего сделать, как огоньки пробежали вдоль борта «Бреслау» и «Гебена», который виднелся в миле за кормой своего маленького товарища. Невероятное в конце концов случилось!

Наша рация еще не успела передать сигнал общей тревоги, как с глухим ревом снаряды «Бреслау» подняли столбы воды у нас под бортом. Снова замигали прожектора, мы пытались предупредить мониторы в бухте Кусу. Противник все еще был скрыт от них скалами. После показавшейся бесконечной задержки мы сумели привлечь их внимание и сообщили, что видим противника, идущего на север. Командир отряда эсминцев не раз повторял нам, что в случае подобного выхода наша главная задача — поддерживать контакт с противником и сообщать о его передвижениях. Поэтому мы не должны были без крайней необходимости подставляться под огонь вражеской артиллерии. Я вспомнил это наставление не без облегчения. Решив, что немцы пытаются под прикрытием берега прорваться на север, я повернул на север и дал полный ход, чтобы оказаться впереди них и поддерживать контакт.

Залпы «Бреслау» начали ложиться в неприятной близости от нас. Расчет кормового орудия даже обдало водой, когда снаряд лег у нас под бортом. Хотя противник находился слишком далеко от нас, я приказал старшему помощнику открыть огонь, чтобы хоть как-то занять матросов. Наши орудия, как я помню, имели прицелы, рассчитанные только на 7000 ярдов, а противник находился в 5 или 6 милях от нас, поэтому наш огонь просто не мог быть эффективным. «Бреслау» накрыл нас 2 или 3 раза, но попаданий не добился. Я приказал идти зигзагом, поворачивая на место падения предыдущего залпа. Поэтому, если только не случится несчастье, мы могли считать себя в полной безопасности от попаданий.

Мой суб-лейтенант, который отвечал за торпедные аппараты, настаивал на немедленной торпедной атаке. Он с затаенной надеждой сообщил, что его люди находятся в полной готовности к немедленному пуску торпед. Но я все еще думал, что германские корабли пытаются сбежать, поэтому решил сберечь наши драгоценные торпеды до наступления ночи. Тем временем противник заметил наши мониторы и завязал бой с ними.

Я не слишком беспокоился за мониторы, полагая, что они смогут постоять за себя. Поэтому с огромным удивлением я увидел, что бой завершился уже через несколько минут. Оба корабля пылали, прекратив стрельбу. Я решил попытаться укрыть их дымовой завесой, нажал кнопку сигнала «дым» и направился к бухте Кусу. За нами тянулся хвост жирного черного нефтяного дыма. Когда мы подошли ближе к бухте, то увидели, что вся она усеяна всплесками падающих снарядов. Я понял, что прикрывать мониторы мы сможем пару минут, после чего сами погибнем. Мы прекратили ставить дымзавесу, и почти в тот же момент немцы прекратили огонь. В этот момент показался «Тайгрисс», который перехватил наш сигнал тревоги. Эсминец шел на большой скорости прямо под берегом. Я продолжал идти к Кусу и обрезал корму командиру. Кранцы были вывалены за борт, и экипаж вельбота стоял наготове возле шлюпки. Когда мы прошли сетевое заграждение и вошли в бухту, нашим глазам открылось печальное зрелище. «Раглан» затонул, над водой возвышался только мостик и развороченный марс. М-28 был весь объят огнем.

Я уже был готов послать на помощь вельбот, когда увидел, что возвращается патрульный дрифтер. В этот момент «Тайгрисс», по которому открыл огонь «Бреслау», приказал присоединиться к нему. Когда я развернулся, чтобы выйти из бухты, со страшным грохотом взорвался М-28. Обломки и изуродованные тела падали вокруг нас. Когда дым рассеялся, от монитора не осталось и следа.

Я соединился с «Тайгриссом» примерно в 08.45 северо-восточнее мыса Кефало. Командир взял курс на юго-восток, чтобы догнать противника, который скрылся из вида, обогнув мыс. Как только мы снова увидели немцев, «Бреслау» немедленно открыл огонь. Однако продолжалось это недолго. Вскоре после 09.00 мы увидели высокий столб дыма и воды, взметнувшийся у него над кормой. Через несколько минут мы заметили еще несколько взрывов. Сначала я подумал, что он попал под огонь каких-то кораблей, находящихся южнее Имброса. Лишь потом я понял, что он попал на наше минное заграждение. «Гебен» повернул назад и несколько минут шел на юг. Мы находились примерно в миле на северо-восток от мыса Кефало, а «Гебен» находился в 10000 ярдов на юг.

Я начал опасаться, что следующую пару дней мы проведем, гоняясь за ним по всему Средиземному морю. Поэтому я послал вниз за стюардом и приказал подать завтрак на мостик. Но прежде, чем завтрак был готов, мы снова ввязались в бой. 5 маленьких кораблей в 9.20 вышли из Дарданелл. 4 явно были маленькими миноносцами, а пятый я принял за старый крейсер. Головной эсминец значительно оторвался от

остальных. «Тайгрисс» просигналил: «Приготовиться к бою» и увеличил ход до полного, повернув на юг. Мы находились на правой раковине командира.

Чтобы атаковать противника, мы прошли прямо над тем местом, где полчаса назад взорвался и затонул «Бреслау». Море было усеяно обломками. Сотни людей пытались вскарабкаться на плотики и бревна. Вероятно, они думали, что мы собираемся подобрать их. Представляю их горькое разочарование, когда мы промчались мимо, несмотря на их отчаянные крики. Полагаю, что перед ними предстало прекрасное зрелище — идущие в атаку эсминцы с развернутыми на борт орудиями и торпедными аппаратами, дым валит из труб, огромные стеньговые флаги развеваются на мачтах, за кормой кипит высокий белый бурун!

Через 5 минут с дистанции 6000 ярдов мы открыли огонь. Оба эсминца обстреляли головной эсминец. Весь отряд противника немедленно развернулся на 16 румбов и помчался назад. Головной эсминец почти сразу получил попадание и начал ставить дымовую завесу. Он пытался отстреливаться, но его снаряды летели мимо. Как только мы открыли огонь, береговые батареи с мыса Хеллес обстреляли нас. Их огонь был достаточно жарким и точным, хотя нам повезло, и оба эсминца избежали попаданий. Мы уже находились в опасной близости от линии наших мелкосидящих мин, поэтому «Тайгрисс» предпочел прекратить бой. Мы повернули на запад, и стрельба береговых батарей прекратилась. Мы снизили скорость. По какой-то загадочной причине «Гебен» не пришел на помощь атакованным нами эсминцам. Все это время мы находились в неприятной близости от него. Позднее мы узнали, что линейный крейсер тоже подорвался на мине, хотя взрыв почти не причинил ему вреда. Когда мы вышли за пределы дальности стрельбы береговых батарей, «Гебен» проследовал за своими эсминцами в Дарданеллы, поэтому нам не оставалось ничего иного, как «вернуться и подобрать обломки». Мы вернулись на минное поле, где погиб «Бреслау», и спустили шлюпки.

Мотор моего моторного катера в лучших традициях миноносных катеров отказался заводиться, поэтому пришлось отправить только вельбот. Как ни странно, катер «Тайгрисса» сумел отвалить от борта эсминца вместе с вельботом. Мы видели в прозрачной воде пару мин, поэтому команда была выстроена вдоль борта с баграми в руках, чтобы отталкивать их, если корабль сдрейфует на мины. Сегодня я с ужасом вспоминаю свой легкомысленный оптимизм! Спасательные работы заняли у нас около часа, к 12.30 все оставшиеся в живых немцы были подобраны. «Тайгрисс» подобрал 110 человек, «Лизард» — 62 человека. К несчастью, многие погибли от разрыва сердца, когда мы пролетели мимо них, чтобы атаковать вражеские эсминцы. Количество трупов было значительно больше, чем число оставшихся в живых. Следует отметить, что после спуска шлюпок мы стояли без хода совсем недалеко от береговых батарей, которые еще недавно вели по нам достаточно меткий огонь. Но сейчас они не сделали ни единого выстрела.

Во время последней вылазки катер «Тайгрисса» сообщил, что его преследует подводная лодка. Поэтому я на большой скорости обошел район, но ничего не заметил. Тем временем мы получили приказ возобновить патрулирование на главной станции, и в 13.30 мы снова мирно крейсировали на скорости 10 узлов южнее Имброса, слегка встревоженные большим числом пленных. В 18.00 мы получили приказ принять пленных с «Тайгрисса» и вернуться к кораблю-матке в Мудросе. Это было уже серьезной проблемой, так как количество пленных втрое превысило численность экипажа! Однако мы загнали их в кубрики под полубаком и направили на двери пулеметы. На всякий случай туда же нацелили ракетницы. Эти бедняги во время путешествия на Мудрос на своей шкуре испытали, что чувствуют сардинки в банке.

Я испытал легкий шок, когда один из германских офицеров потребовал встречи со мной и сообщил, что утром вход в бухту Мудроса заминирован подводной лодкой! Как мне помнится, позднее тральщики подтвердили, что это была чистая правда, но в тот день мы вошли прямо в гавань и подошли к борту «Бленхейма», чтобы передать пленных. В памяти остался приятный казус. Один германский старшина, покидая эсминец, провозгласил троекратное «Ура» — или «Хох»? — в честь «Тайгрисса» и «Лизарда». И остальные немцы поддержали его! После этого я насладился горячей ванной и бритьем в каюте командира флотилии эсминцев».

Теперь вернемся на мониторы. На «Раглане» сыграли боевую тревогу и начали разводить пары. Башня и 152-мм орудие развернулись на левый борт, однако огня пока не открывали. Англичане надеялись, что противник не заметит их на фоне береговых утесов. Но это была напрасная надежда. «Бреслау» несколькими залпами отогнал «Лизард», помешав ему выйти в торпедную атаку. В 07.44 «Бреслау» дал первый залп по «Раглану», а в 07.49 к нему присоединился «Гебен». Ответный выстрел «Раглана» лег за кормой легкого крейсера. М-28 тоже вступил в бой, используя свое 234-мм орудие.

Четвертый залп «Бреслау» попал в цель. Был разрушен фор-марс, убит старший артиллерист, ранен командир монитора капитан 2 ранга виконт Брум. «Бреслау» пристрелялся и открыл беглый огонь. 152-мм орудие «Раглана» успело дать 7 выстрелов. Английские наблюдатели говорят, что монитор добился одного попадания в «Бреслау» и одного в «Гебен», но немцы этого не подтверждают. Когда башня «Раглана» уже была готова открыть огонь самостоятельно, 280-мм снаряд с «Гебена» пробил броню барбета и воспламенил заряды на элеваторе. Хотя пожара в погребе не возникло, часть расчета башни погибла, и создалось впечатление, что взорвалось одно из орудий. Видя, что положение безнадежно, Брум приказал команде покинуть корабль.

Дав 9 залпов по «Раглану», «Бреслау» перенес огонь на М-28. Уже второй залп попал в среднюю часть маленького монитора, который вспыхнул, как факел. Новая попытка «Лизарда» атаковать немцев торпедами была отбита. Немецкие корабли подошли на расстояние всего 20 кабельтов и расстреливали мониторы, как на полигоне. Вскоре на «Раглане» взорвался погреб 76-мм снарядов, и в 08.15 монитор затонул на глубине чуть более 10 метров. Его мачта и труба торчали над водой. К счастью, монитор затонул раньше, чем пожар добрался до 356-мм погреба, иначе жертв было бы очень много. Командир М-28 капитан-лейтенант МакГрегор приказал спустить вельбот,

чтобы спасти команду «Раглана». Сам М-28 успел дать только 2 выстрела из своего тяжелого орудия, после чего оно было разбито снарядом с «Бреслау». При этом погиб и МакГрегор. В 08.27 М-28 взорвался, засыпав обломками подходящий «Лизард». Позднее шлюпки и дрифтеры подняли из воды 132 человека из 2 экипажей. Уничтожив мониторы, фон Ребейр-Пашвиц повернул на юг, чтобы атаковать гавань Мудроса. По ходу дела немцы потопили в гавани Имброса еще и 2 транспорта.

Хейес-Садлер получил сигнал тревоги на борту «Лорда Нельсона» около 08.00. Мы приведем радиограммы, переданные эсминцами.

«Лизард» в 7.35: «Особо срочно. «Вижу «Гебен» и «Бреслау».

«Лизард» в 8.10: «Гебен» и «Бреслау», курс северо-запад, скорость 20 узлов».

Адмирал немедленно вышел из Салоник. Он приказал «Агамемнону» с «Форсайтом» и 2 эсминцами следовать для встречи с «Лордом Нельсоном» в 14.00 в точке в 10 милях южнее мыса Палиури. Однако «Форсайту» понадобилось время, чтобы развести пары. Монитор М-18 проводил ремонт и был вынужден передать адмиралу: «Сожалею, но могу развести пары только через 24 часа, так как моя труба находится на борту «Рилайэнса». Легкие крейсера «Лоустофт» и «Скирмишер», стоявшие в Мудросе на острове Лемнос, тоже развели пары. Однако поздно! Задолго до того, как фон Ребейр-Пашвиц добрался до Мудроса, он поплатился за свою дерзость.

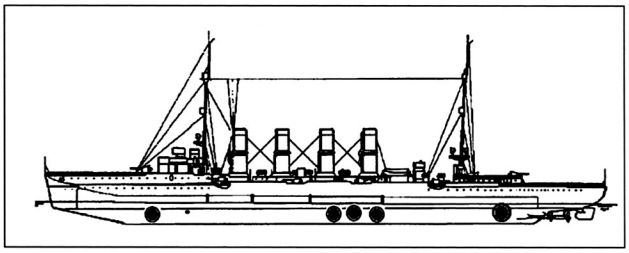
В 08.26 германские корабли были атакованы британскими самолетами. «Бреслау», шедший в кильватер «Гебену», получил приказ выйти вперед, для того, чтобы «Гебен» мог использовать свои зенитные орудия, расположенные на кормовой надстройке. Выполняя этот маневр и пытаясь одновременно уклониться от бомб, в 08.31 «Бреслау» кормой подорвался на мине у мыса Кефало. Из строя вышло рулевое управление и турбина правого борта, легкий крейсер остановился. Пока «Гебен» маневрировал, чтобы взять его на буксир, он сам в 08.55 подорвался на том же минном поле. Наблюдатели сообщили адмиралу, что в воде видны многочисленные мины. Трофейная карта подвела немцев! Самое интересное, что это не была хитроумная ловушка противника. Немцы обманули сами себя, приняв пометки капитана парохода за указания координат минных полей.

«Бреслау» все-таки сумел дать задний ход и попытался выйти с минного поля, но в 09.00 подорвался левым бортом сразу на 2 минах. Крейсер полностью лишился хода и начал дрейфовать с сильным дифферентом на корму. Через несколько минут «Бреслау» подорвался еще на 2 минах и начал быстро тонуть. Команда бросилась в воду, но так как ее температура была очень низкой, британские эсминцы «Лизард» и «Тайгрисс», подошедшие через полтора часа, сумели подобрать только 162 человека. Среди погибших был и командир крейсера.

В 09.06 «Тайгрисс» радировал: «Бреслау» тонет».

В 10.15 он же передал: «Гебен» и эсминцы вернулись».

«Агамемнон», «Лоустофт» и «Скирмишер» вышли в море и услышали стрельбу. За ними последовал «Форсайт». Однако прежде чем эти корабли подошли к месту событий, все закончилось, и они получили приказ возвращаться.



Места подрывов на мине крейсера «Бреслау»

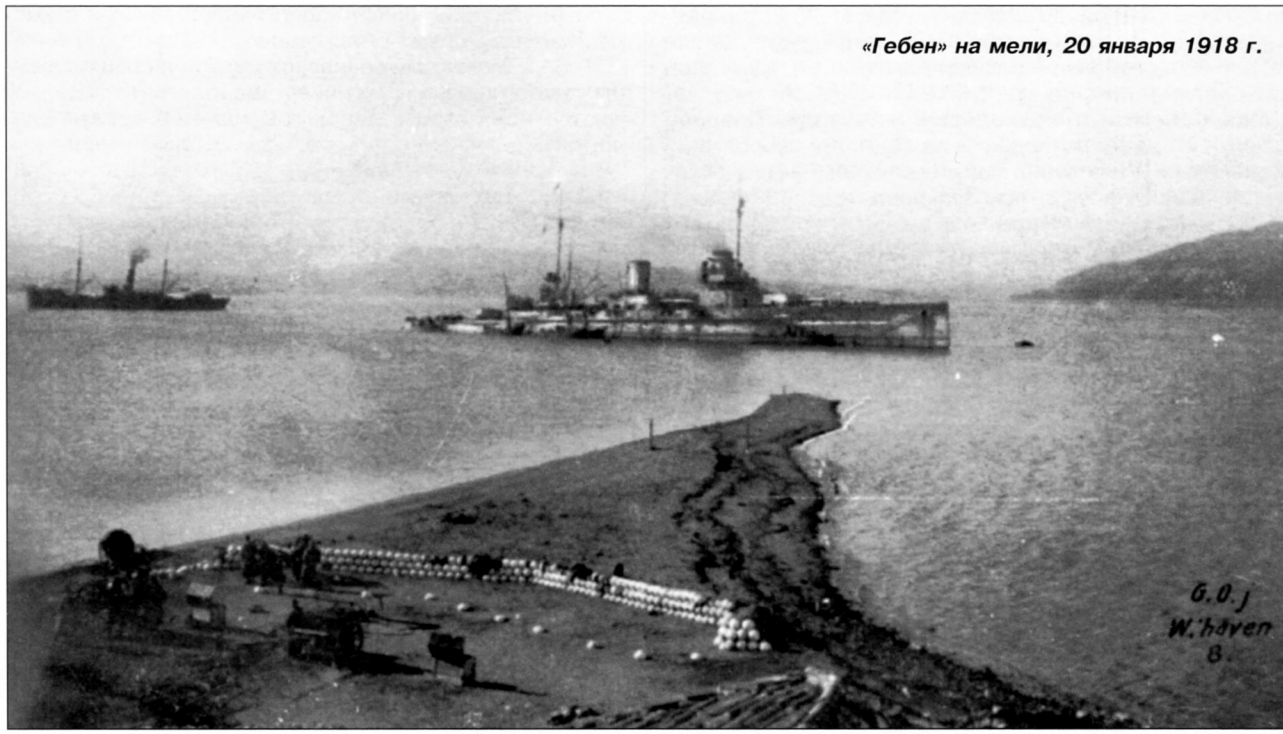
Капитан «Гебена» сумел вывести корабль с минного поля и направился обратно в проливы, бросив «Бреслау» тонуть. Но обратный путь оказался таким же опасным. Немцы не сумели найти поставленные ими буи, и в 09.48 линейный крейсер подорвался уже на третьей мине за день. Но испытания «Гебена» не закончились. В 10.30 он вошел в Дарданеллы, эсминцы следовали за ним. Им тоже досталось. В ходе перестрелки с англичанами миноносец «Басра» получил 2 попадания в корму снарядами калибра 102 мм. Был затоплен кормовой отсек, но в целом повреждения оказались невелики.

В 11.00 линейный крейсер прошел последнее минное заграждение, и лоцман был отпущен. Кренясь на левый борт, «Гебен» добрался до мыса Нагара, где капитан спутал буи и отдал неверный приказ рулевому. В 11.32 «Гебен», имея ход 15 узлов, крепко сел на мель. Он оказался в довольно опасном положении. Неприятель мог обстреливать корабль перекидным огнем из залива Сарос, атаковать его с помощью подводных лодок и самолетов. Поэтому туркам пришлось привлечь все наличные миноносцы, чтобы организовать ПЛО. Сюда же были подтянуты все свободные зенитные орудия и самолеты. На берег с «Гебена» была послана группа корректировщиков под командой старшего артиллериста линейного крейсера. Предполагалось организовать стрельбу «Гебена» по вражеским кораблям в заливе Сарос.

Хейес-Садлер вернулся 21 января, но решил немного подождать, занявшись организационными вопросами. Лишь вечером 24 января англичане провели нерешительный обстрел «Гебена». Судя по всплескам, они использовали орудия калибра 102 — 152 мм. Турецкие береговые батареи ответили на огонь, но в темноте никто из противников успеха не добился.

На «Гебене» началась перегрузка боезапаса с носа в корму. Для стягивания с мели в помощь машинам завели 2 адмиралтейских якоря, однако попытка провалилась. Из Константинополя прибыли почти все корабли турецкого флота. 21 января в 18.15 пришел броненосец «Тургут Рейс», который тоже пытался стянуть линейный крейсер с мели. Но тяжелый корабль не двигался.

Англичане начали интенсивные бомбардировки «Гебена» с воздуха. Налеты проводились и днем, и ночью. Особенно неблагоприятны для немцев были утренние часы. Мачты «Гебена» торчали над пеленой тумана, ползущего над водой, но артиллеристы не видели ничего. Команде оставалось лишь напряженно вслушиваться в жужжание моторов и ждать разрыва бомбы. В этих атаках участвовали сухопутные самолеты с Лемноса и гидросамолеты «Арк Ройяла» и «Манк-



«Гебен» на мели, 20 января 1918 г.

смэна». Хотя англичане сбросили огромное количество бомб (немцы насчитали 180 штук), в целом операция закончилась провалом. В «Гебен» попали только 2 бомбы. 22 января в 11.48 одна бомба попала в заднюю трубу и сделала в ней пробоину диаметром 3 метра. 23 января вторая бомба попала в ящик противоминных сетей левого борта. Согласно сообщению газеты «Таймс» от 30 марта 1918 года, англичане провели 276 налетов и сбросили 15,4 тонны бомб. Особенно сильные налеты имели место 23 января. Боевой дневник «Гебена» говорит:

«С 10.00 до 10.18 воздушная тревога, 6 самолетов сбрасывают бомбы. С 10.20 до 10.30 — 2 самолета сбрасывают бомбы. С 11.00 до 11.11 — 4 самолета сбрасывают бомбы. С 11.45 до 12.0 — 8 самолетов сбрасывают бомбы. С 14.40 до 15.05 — 8 неприятельских самолетов сбрасывают бомбы. В 14.45 неприятельский самолет сбит германским истребителем. С 17.07 до 17.21 — 4 самолета сбрасывают бомбы. С 20.08 до 20.43 — 3 самолета сбрасывают бомбы. С 21.00 до 22.02 — 1 самолет сбрасывает бомбы».

Все эти атаки были напрасными. 65-фн и 112-фн бомбы не могли пробить корабельную броню в принципе, а вдобавок летчики и попасть не могли. Возникло предложение использовать в качестве бомб боеголовки 456-мм торпед, но реализовать его англичане не успели. Гидроавианосцы попытались было применить против линейного крейсера торпедоносцы, но эта попытка была сорвана плохой погодой. Как мы помним, гидросамолеты могли взлетать с торпедой лишь при полнейшем штиле.

21 января пришел броненосец «Тургут Рейс» и попытался стащить «Гебен» с мели, но огромный корабль сидел слишком плотно. После первых неудачных попыток он 24 января ушел в Константинополь для пополнения запаса угля. Немцам крупно повезло, что «Гебен» сел на песчаную банку и почти не повредил днище. Было решено размыть песок работой винтов, для чего к линейному крейсеру пришвартовали буксир. 25 января «Тургут Рейс» вернулся. Его поставили кормой у правого борта «Гебена» и запустили обе машины, чтобы размыть банку. Несмотря на сильный ветер и течение, броненосец к 23.00 закончил швартовку. Машины «Тургут Рейса» работали всю ночь. Промеры показали, что глубина под килем «Гебена» постоянно увеличивается.

26 января в 10.00 была сделана еще одна попытка стащить линейный крейсер с мели, его тащили «Тургут Рейс» и несколько буксиров. «Гебен» дал полный ход назад, но его лишь развернуло на 13 градусов в сторону и накренило на правый борт. Это показывало, что песок начал разрыхляться. «Тургут Рейс» снова пришвартовался у борта «Гебена» и начал работать винтами. В 16.00 наблюдатели сообщили, что струя от правого винта броненосца пробила проход под килем «Гебена» и видна с противоположного борта. Тогда по 2 буксира пришвартовались с каждого борта «Гебена», а броненосец начал тянуть в направлении правой раковины. «Гебен» несколько раз дернулся, повернулся на месте и в 17.47 наконец сошел с мели. После этого он сразу направился в Константинополь. 27 января оба корабля с развевающимися стеньговыми флагами встали на якорь в Босфоре.

А попытки уничтожить линейный крейсер все продолжались. Их возглавил командующий Средиземноморским флотом вице-адмирал Гью-Калторп, прибывший на Лемнос 25 января. 27 января он отправил в пролив вызванную с Корфу подводную лодку Е-14, однако «Гебен» уже улизнул. Лодка ничего не нашла и вместо этого атаковала турецкий транспорт. Одна из

Бомбардировка сидящего на мели «Гебена». Картина времен Первой мировой войны

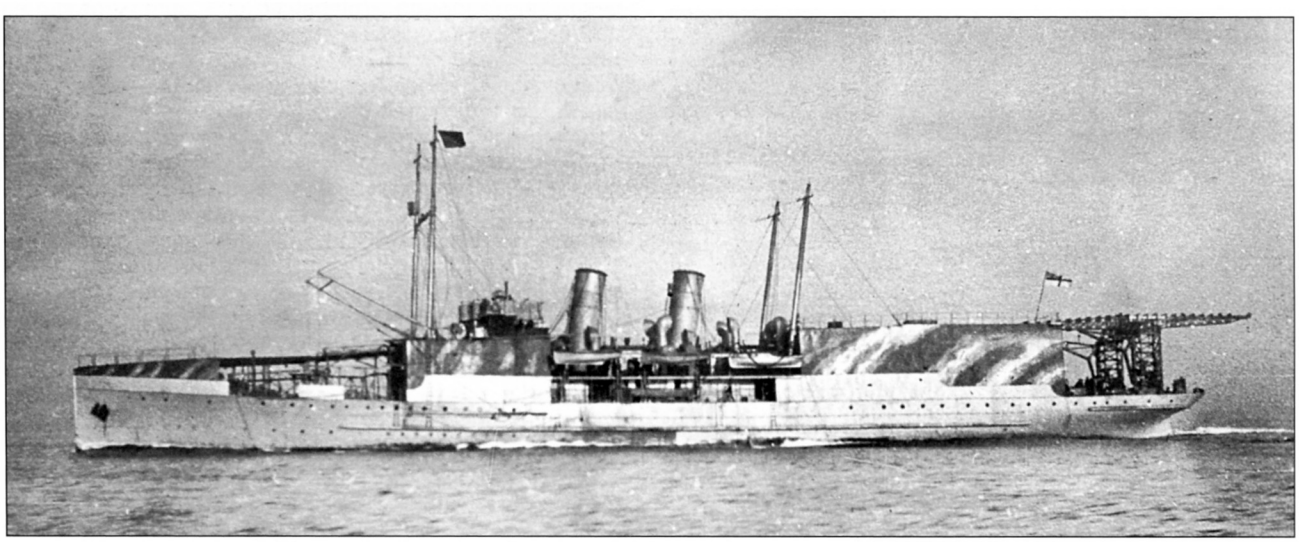
торпед взорвалась преждевременно и повредила Е-14, которая была вынуждена всплыть. После этого ее обстреляла турецкая береговая батарея, и лодка затонула. Спастись сумели только 9 человек, которые попали в плен.

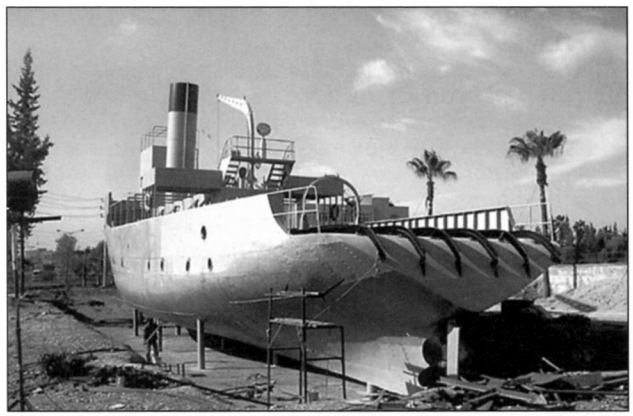
Командующий итальянским флотом адмирал Таон ди Ревель предложил прислать два торпедных катера с опытными экипажами под командой лейтенанта Берардинелли, но уже было поздно.

Теперь можно было подвести итоги операции. Немцы потеряли легкий крейсер «Бреслау» и около 400 человек, англичане потеряли 2 монитора, подводную лодку и около 200 человек. Оргвыводы последовали незамедлительно. Адмиралтейство 16 марта отстранило от должности Хейес-Садлера, который прокомандовал Эгейской эскадрой лишь месяц. Его заменил контр-адмирал Сесил Ламберт, занимавший до этого пост Четвертого Морского Лорда. Хотя эта новая неудача Королевского Флота была не менее оскорбительной, чем знаменитое бегство в 1914 году, на сей раз пресса отреагировала достаточно спокойно, гораздо больше вспоминали именно события начала войны. Теперь ее исход был уже предрешен, и волноваться попусту не имело смысла. Операция по большому счету оказалась безрезультатной. Для предотвращения повтора подобной вылазки Гью-Калторп предложил заменить броненосцы двумя старыми дредноутами с 305-мм орудиями, а также усилить минные заграждения. Но после непродолжительной паники англичане успокоились и не стали вызывать к Дарданеллам дополнительные корабли.

Тем не менее, «Гебен» был так тяжело поврежден, что до конца войны совершил лишь один выход в море. Корабль отправился в оккупированный германскими войсками Севастополь для большого ремонта и 6 июня 1918 года впервые с начала войны стал в сухой док. Три минные пробоины получили временные заплатки, и 12 июля корабль вернулся в Константинополь для более серьезного ремонта. Первую пробоину с помощью бетонного коффердама капитально заделали к 19 октября, а тут и война закончилась. Ребейр-Пашвиц 2 ноября передал линейный крейсер туркам, а немецкая команда на пароходе отправилась в Одессу, хотя союзники снова потребовали ее интернировать. «Гебен» предполагалось передать англичанам в качестве репарации, но турки возмутились унизительными условиями Севрского договора, и началась так

Английский гидроавиатранспорт «Манксман», самолеты которого безуспешно пытались уничтожить «Гебен»





Турецкий минный заградитель «Нушрет» в процессе реконструкции. Видны минные скаты. Корабль установлен как мемориал в Тарсусе

Реплика заградителя «Нушрет» в Морском музее Чанаккале. Видны макеты мин Герца состоявшие на вооружении ВМФ Турции в Первой мировой войне

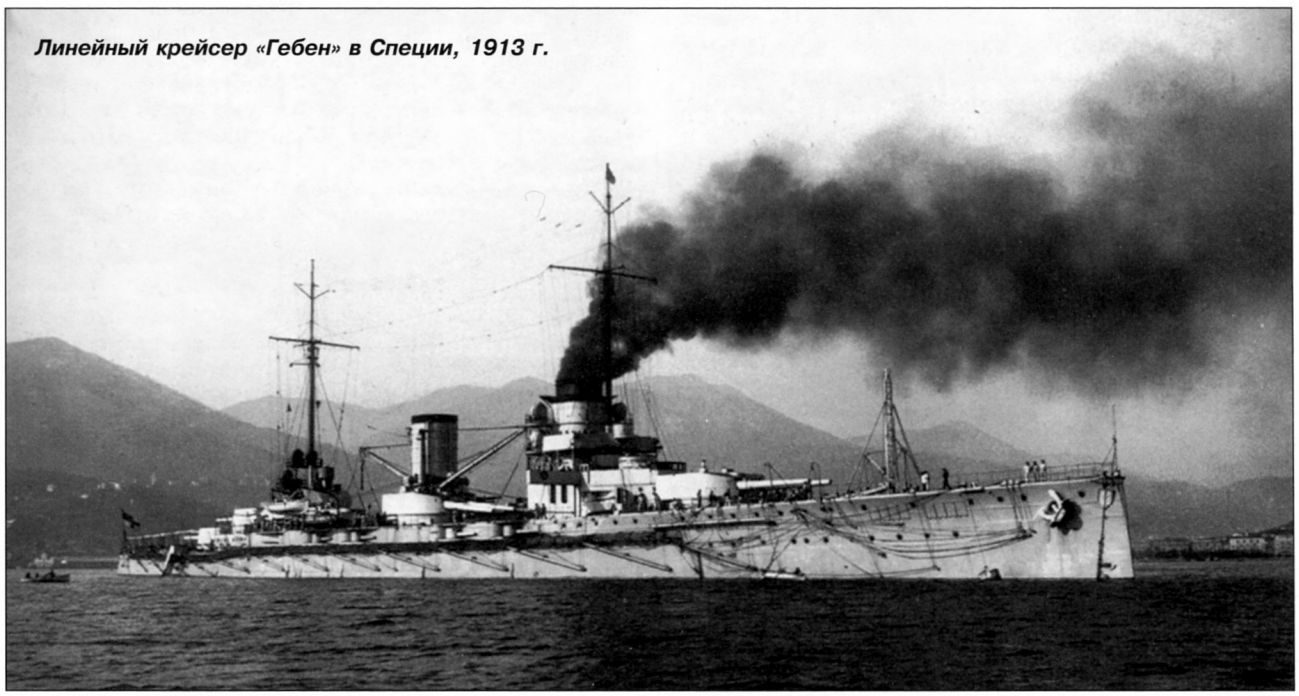
называемая «Война за независимость». Она продолжалась 4 года и завершилась ликвидацией Османской империи в 1922 году и подписанием Лозаннского договора в 1923 году. «Гебен» остался турецким, впрочем, англичане вряд ли сильно настаивали на передаче старого и потрепанного корабля. Так была поставлена точка в затянувшейся истории битвы за Дарданеллы.

Интересна судьба «Ривер Клайда». Хотя корабль постоянно обстреливала турецкая артиллерия, в 1919 году его сняли с мели и отремонтировали на Мальте. После этого он был продан испанской судоходной компании и под разными именами проплавал до 1965 года, когда англичане попытались выкупить его, чтобы превратить в мемориал. Однако испанцы не согласились, и в 1966 году корабль был разобран на металл.

Другой корабль, который стоил так много крови всем участникам этой трагедии, имеет не менее интересную биографию. Минный заградитель «Нушрет» простоял на приколе в Константинополе до 1927 года (город был официально переименован в Стамбул только в 1930 году!), после чего снова вошел в строй. В качестве вспомогательного корабля он прослужил до 1955 года. Попытка превратить его в музей сначала сорвалась, его продали частным владельцам, и все кончилось тем, что корабль в апреле 1989 года затонул возле Мерсина. Но в 2002 году затонувший корабль был куплен муниципальными властями, поднят, вытащен на берег и все-таки перестроен в музей, который открылся в 2008 году как памятник десяткам тысяч солдат, которых он погубил.

Приложение 1

Линейный крейсер «Гебен»



Линейный крейсер «Гебен» в Специи, 1913 г.

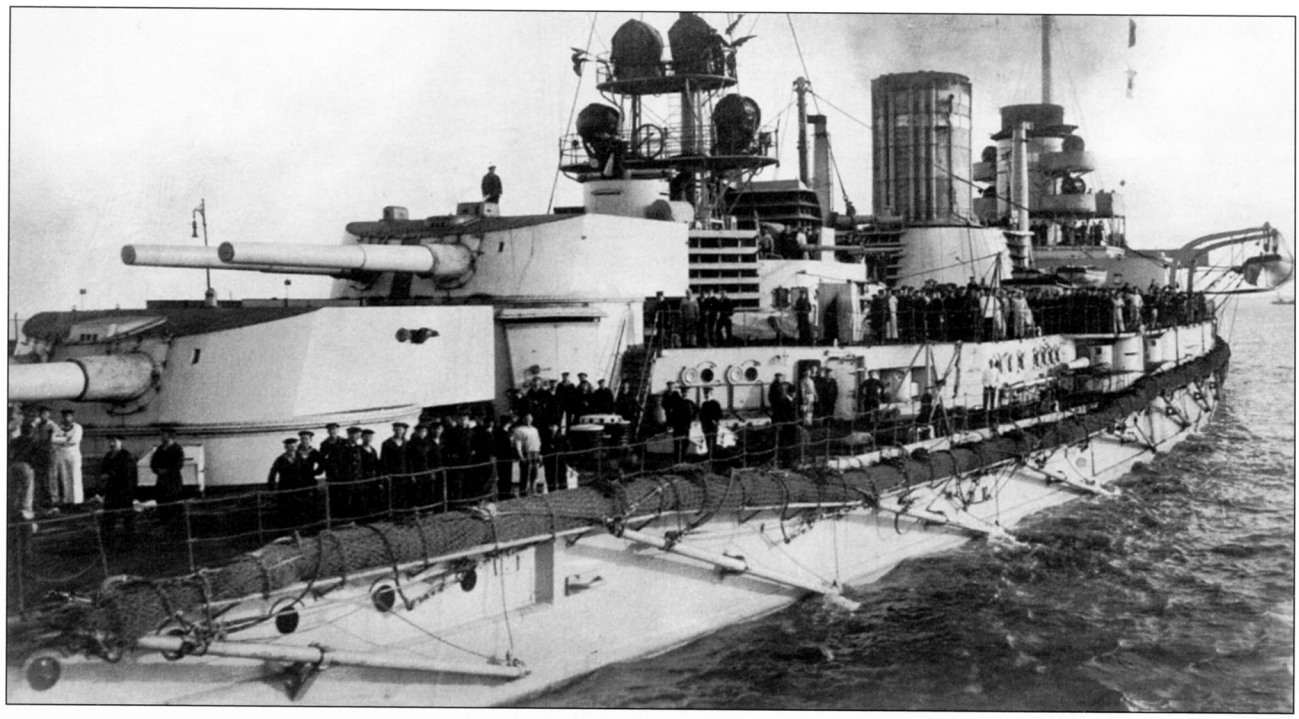
Проектирование

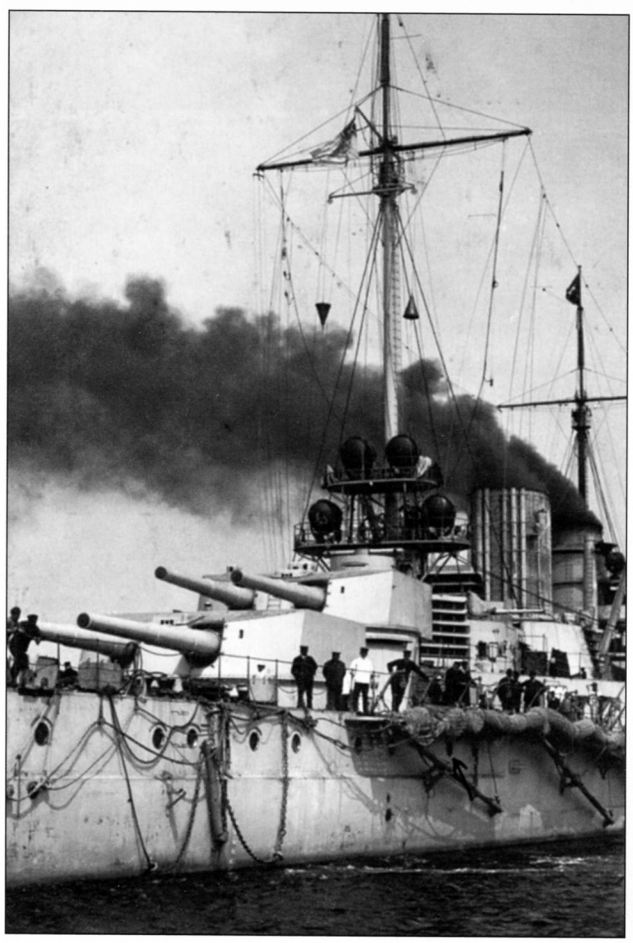
В 1910 г. Турция приступила к обновлению своего флота, приняв кораблестроительную программу, согласно которой предусматривалась постройка двух дредноутов. Первый из них, получивший название «Reshad V» (впоследствии переименованный в «Reshadiye»), заказали в Англии в июле 1911 г. От постройки второго, «Reshad-i-Hammiss», отказались, поскольку появилась возможность выкупить строившийся для Бразилии «Rio de Janeiro», приобретенный Турцией в январе 1914 г. и переименованный в «Sultan Osman-i Evvel». В апреле 1914 г. турки заказали в Англии третий дредноут, «Fatih Sultan Mehmed», однако ни один из этих кораблей так и не попал к заказчику. С началом Первой мировой войны «Reshadiye» и «Sultan Osman-i Evvel» были конфискованы английским правительством и вошли в состав Гранд-Флита под названиями «Erin» и «Agincourt». Постройку «Reshad-i-Hammiss» прекратили. Турция осталась без дредноутов.

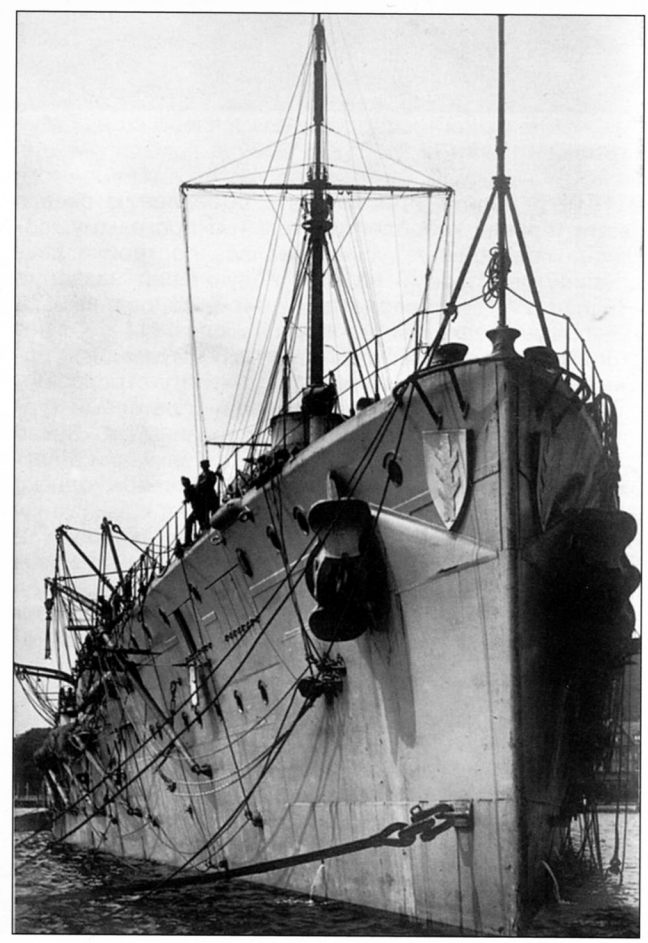
В то же время Германия с 1912 г. имела на Средиземном море два боевых корабля – линейный крейсер «Goeben» и легкий «Breslau». По ряду причин, они не присоединились к союзному австро-венгерскому флоту (чего ожидали представители Антанты), а прошли в Дарданеллы. Чтобы избежать возвращения их в Средиземное море или интернирования в пока еще нейтральной Турции, германский посол предложил турецкому правительству в течение 24 часов решить вопрос о фиктивной покупке обоих кораблей, что и произош-

Тактико-технические характеристики линейного крейсера «Yavyz» (по состоянию на сентябрь 1939 г.)

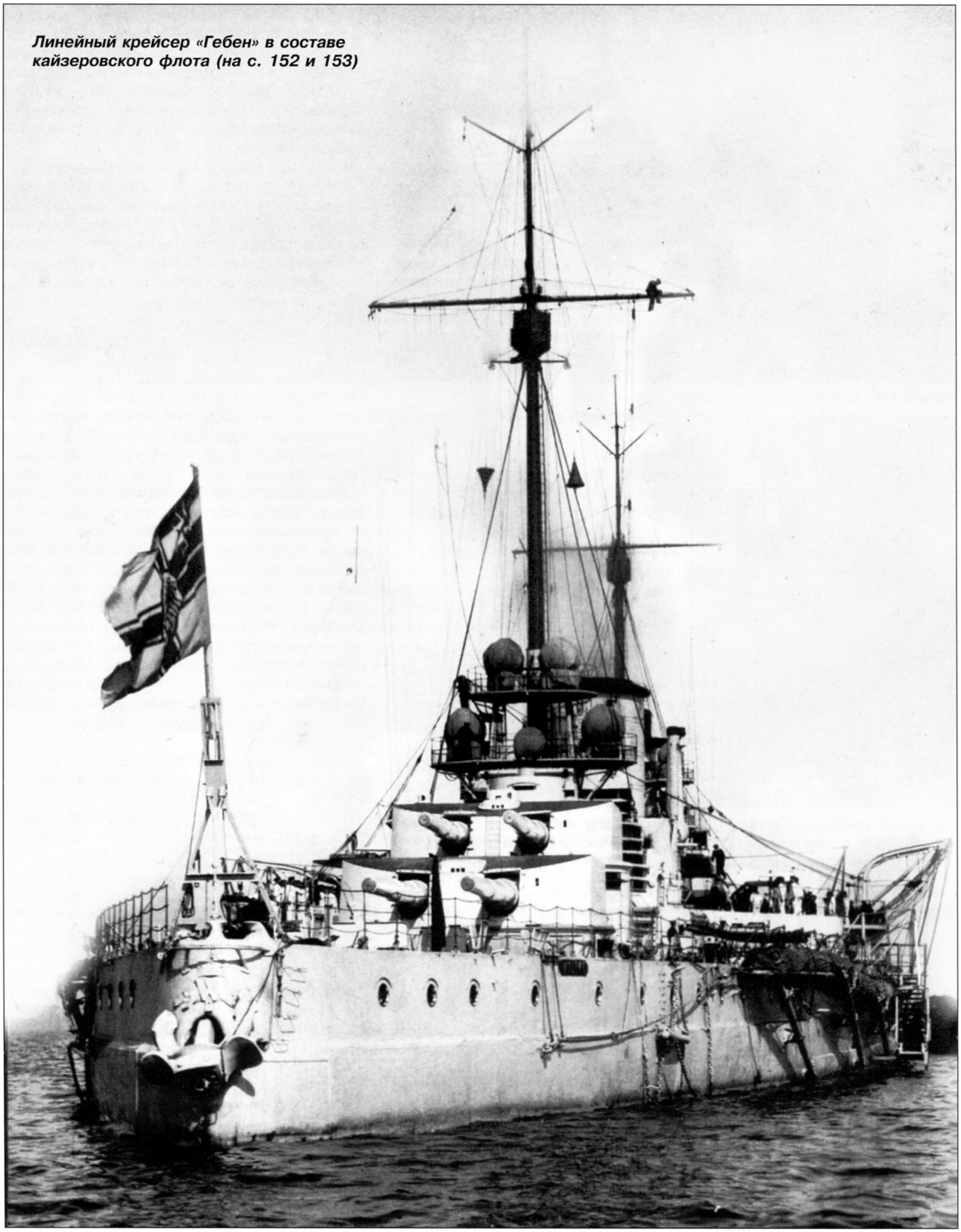
Место постройки	«Blohm & Voss», Гамбург
Заложен	12.8.1909
Спущен на воду	28.3.1911
Вошел в строй	8.1912
Водоизмещение:	стандартное 22 616 т
	полное 25 300 т
Размерения:	185,9 x29,5x8,7 м
Энергетическая установка:	4 ПТУ «Parsons», 24 ПК «Marine-Schulz-Thornycroft»
	52 000 л.с.
	3100 т угля и 200 т нефти
Скорость:	25,5 уз.
Дальность плавания:	5300 (10) миль
Бронирование:	главный пояс 270 мм
	верхний пояс 200 мм
	траверсы 200 мм
	противоторпедная переборка 30 – 50 мм
	палуба 50 мм (главная), 25 мм (верхняя)
	башни 230 мм
	барбеты 265 мм
	рубка 350 мм (носовая), 200 мм (кормовая)
Вооружение:	5 x 2 – 283-мм/47
	12 x 1 – 150-мм/45
	4 x 1 – 88-мм/45
	10 x 1 – 40-мм
	4 x 1 – 20-мм
	2 – 500-мм ТА
Экипаж:	1300 человек

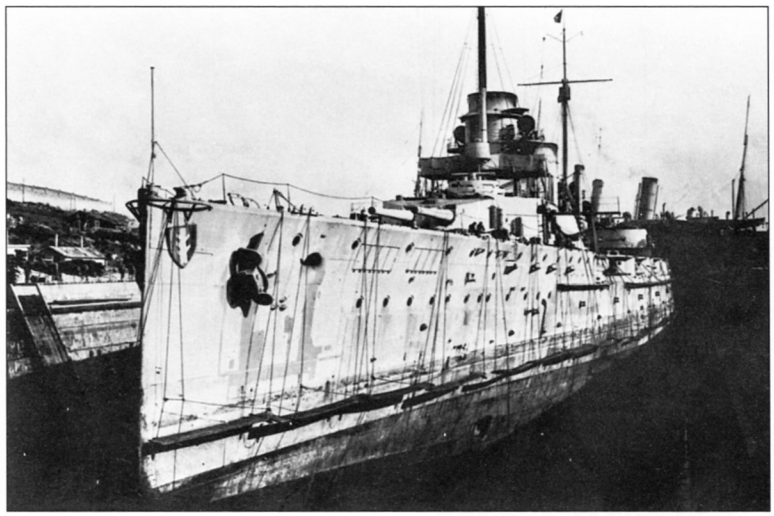






Линейный крейсер «Гебен» в составе кайзеровского флота (на с. 152 и 153)





Линейный крейсер «Гебен» в доке

Линейный крейсер «Гебен». Вид на среднюю часть корпуса (вверху, обратите внимание на частично разобранный самолет) и кормовые башни главного калибра (внизу)

ло 16.8.1914. «Goeben» поднял турецкий флаг и получил название «Yavuz Sultan Selim», хотя весь экипаж на нем остался германским. Иностранным посольствам турецкие власти заявили, что купили «Goeben» и «Breslau» взамен реквизированных Великобританией строившихся турецких дредноутов.

Решение о постройке линейного крейсера «H» (будущего «Goeben») было принято в конце 1908 г. Заказ верфь «Blohm & Voss» получила 8.4.1909. Корабль представлял собой развитие предшественника – «Von der Tann» – и соответствовал германской концепции линейного крейсера, обладая хорошей защитой, но относительно слабой артиллерией ГК.

Конструкция

По компоновке «Goeben» имел много общего с первым германским линейным крейсером «Von der Tann», отличаясь большими размерами и дополнительной пятой башней ГК.

Главный 270-мм броневой пояс тянулся между барбетами концевых башен и замыкался 200-мм траверсами. В нос и корму от траверсов он утоньшался 100 мм. Над главным располагался верхний 200-мм пояс, поднимавшийся до верхней палубы. Выше располагались 130-мм казематы противоминной артиллерии.

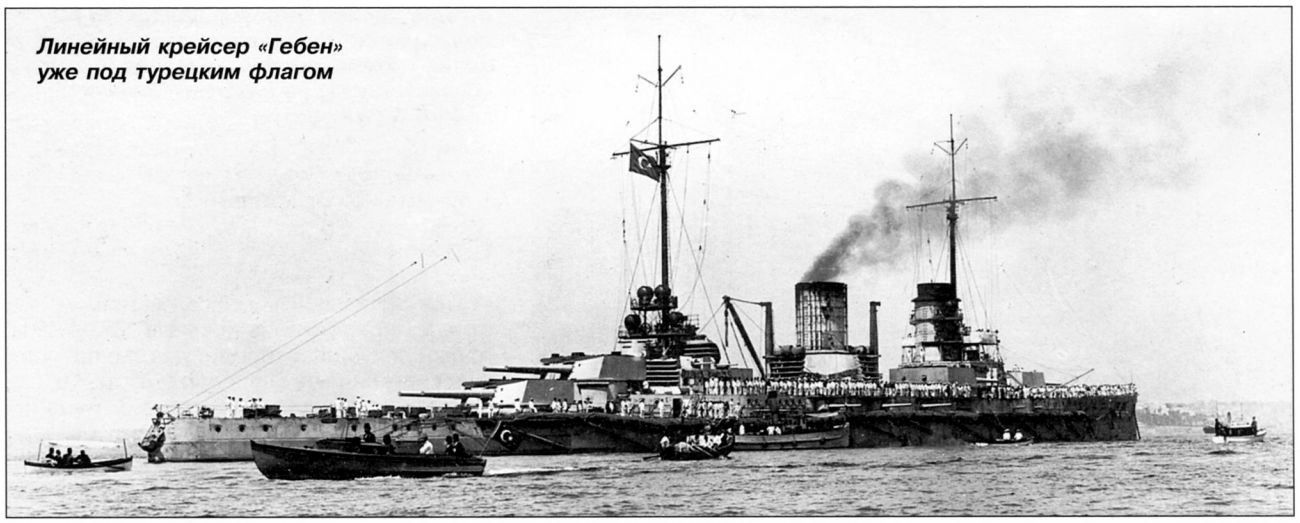
Главная броневая палуба со скосами имела толщину 50 мм, скосы опускались к нижней кромке бортового пояса. Выше располагалась еще одна 25-мм палуба (верхняя), примыкающая к верхней кромке 200-мм пояса.

Башни имели бронирование лобовой плиты 230 мм, крыши 90 мм. Барбеты – 265 мм.

Носовая (главная) боевая рубка: стенки 250 – 350 мм, крыша 80 мм. Кормовая рубка: стенки 200 мм, крыша 50 мм.

Противоторпедная переборка толщиной 30 мм (в районе погребов – 50 мм) опускалась от излома главной броневой палубы до поверхности второго дна. По длине она простиралась от носового до кормового траверса.

Вооружение крейсера состояло из десяти 283-мм/47 орудий в пяти башнях: трех в диаметральной плоскости (кормовые – линейно-возвышенно) и двух в средней части корпуса со смещением к бортам. Обе эти башни имели сектор обстрела 180° на ближний борт и 125° на противоположный. Угол возвышения орудий составлял 13,5° , что обеспечивало дальность стрельбы 299-кг снарядом 90 кбт. Противоминная артиллерия насчитывала 12 150-мм/45 орудий в казематах. Кроме того, имелось 12 88-мм/45 скорострель-



Линейный крейсер «Гебен» уже под турецким флагом

ных пушек и четыре подводных 500-мм ТА: два траверзных, установленных перед башней № 1, а также кормовой и носовой.

Энергетическая установка состояла из 2-х турбоагрегатов «Parsons» (производства фирмы «Blohm und Voss») с прямой передачей на вал, расположенных в трех МО. Турбины высокого давления располагались в двух носовых отделениях и вращали внешние гребные валы. Турбины низкого давления занимали кормовое МО и вращали внутренние валы. Пар вырабатывали 24 ПК «Marine-Schulz-Thornycroft» (16 атм) с угольным отоплением. Проектная мощность ЭУ составляла 52 000 л.с., что должно было обеспечивать скорость хода 25,5 уз. На испытаниях корабль развил 28 уз. при мощности 85 661 л.с.

Наибольший запас топлива составлял 3050 т угля.

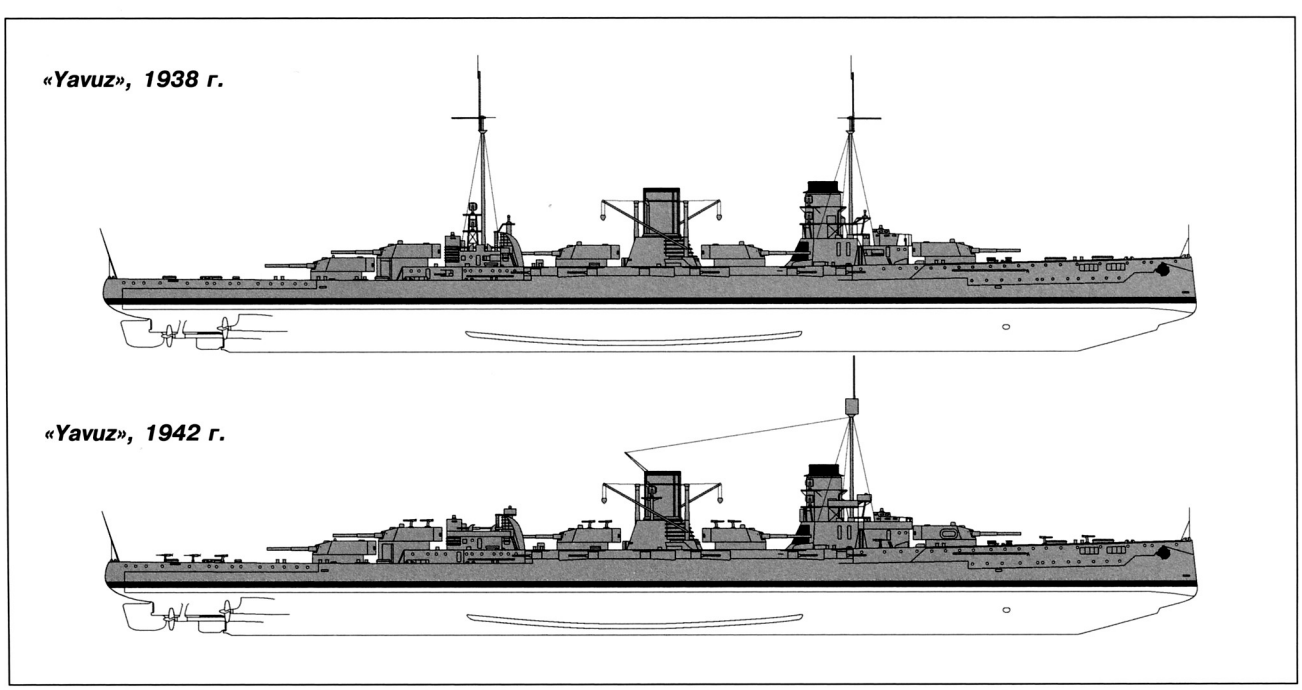
Модернизации

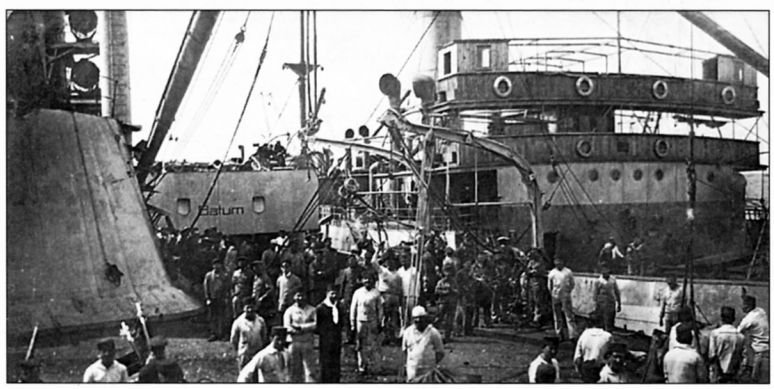
В 1915 г. с корабля сняты два 150-мм орудия и 8 88-мм скорострелок. Установлены 8 х 1 88-мм/45 зенитные пушки. Угол возвышения орудий ГК увеличен до 22,5°.

С октября 1928 по март 1930 г. в Измите прошел ремонт, в ходе которого котлы переведены на смешанное угольно-нефтяное отопление. Сняты оставшиеся 88-мм скорострелки, носовой и кормовой ТА, число зенитных 88-мм орудий сокращено до 6. Установлена французская система управления огнем. На испытаниях развил скорость 27,1 уз.

В 1938 г. зенитное вооружение усилили, установив 10 х 1 40-мм «пом-помов» и 4 х 1 20-мм автомата.

В 1941 г. с корабля демонтировали грот-мачту и увеличили число 40-мм автоматов до 12, а 20-мм – до 6.





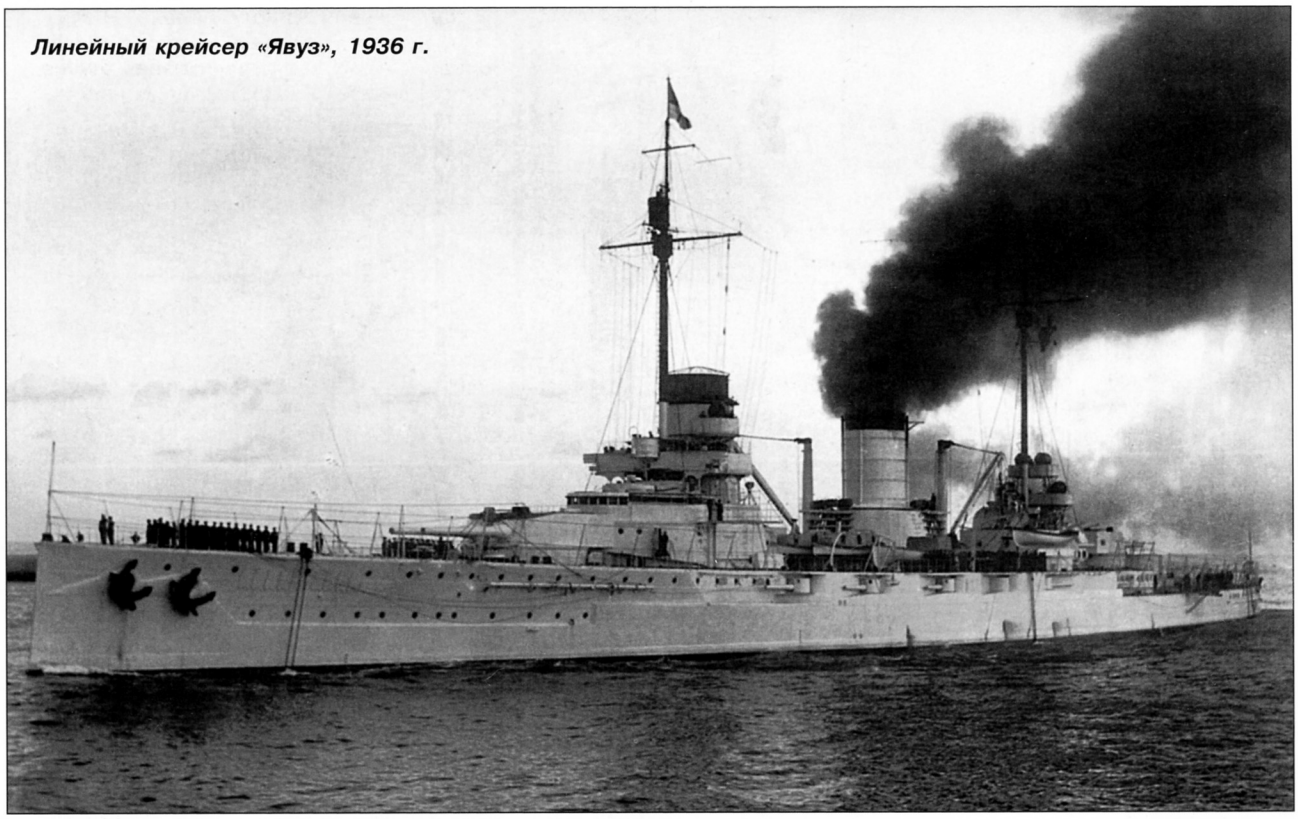
В годы Первой мировой башни «Явуза» получили собственные имена. На фото слева – кормовая возвышенная башня «Севастополь», на нижнем – башня левого борта «Батум»

К середине 1940-х гг. корабль нес 22 х 1 40-мм и 24 20-мм автоматов.

Служба

«Yavuz Sultan Selim» принял активное участие в Первой мировой войне. 29.11.1914 обстрелял Севастополь, затем потопил русский минный транспорт «Прут» и повредил миноносец «Лейтенант Пущин». 18.11.1914 в бою у мыса Сарыч получил попадание 305-мм снаряда с броненосца «Евстафий» в каземат 150-мм орудия (по немецким данным, погибло 16 человек). 26.12.1914 подорвался на двух русских минах у Босфора, получил серьезные повреждения, но был отремонтирован. Участвовал в бою с русской эскадрой 10.5.1915. В январе 1918 г. переведен в район Дарданелл, 20.1.1918 потопил британские мониторы М-28 и «Raglan», но сам подорвался на трех минах, а при возвращении сел на мель. В течение последующих дней английские самолеты произвели около 60 атак неподвижного корабля, сбросив более 180 бомб, из

Внизу: «Явуз» в Босфоре, октябрь 1933 г.



Линейный крейсер «Явуз», 1936 г.

которых в цель попали лишь две, причинившие незначительные повреждения.

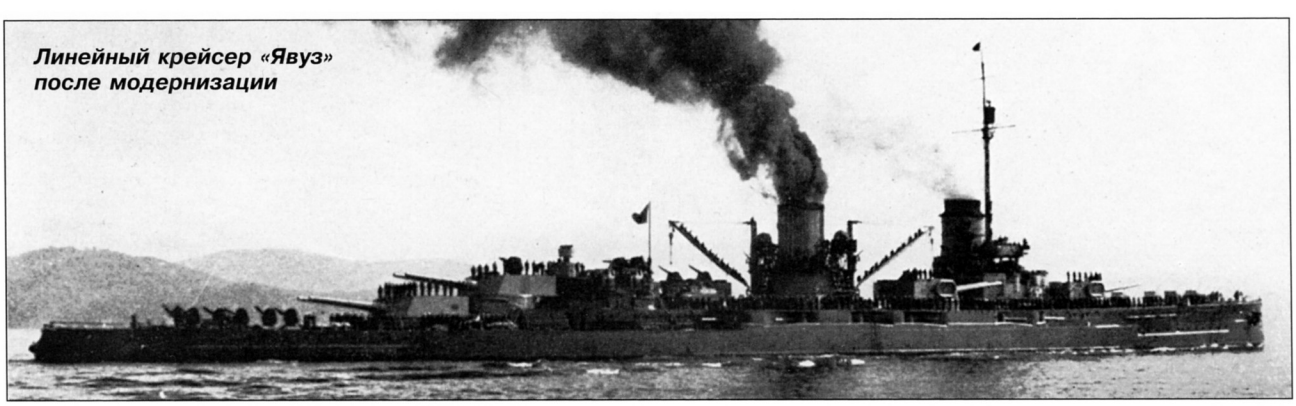
Заключение Брестского мира дало линейному крейсеру возможность 2.5.1918 прибыть в Севастополь и пройти докование.

После подписания 1 ноября перемирия между Турцией и странами Антанты немецкая команда сошла с корабля. В течение следующих 9 лет корабль стоял на приколе в Стении.

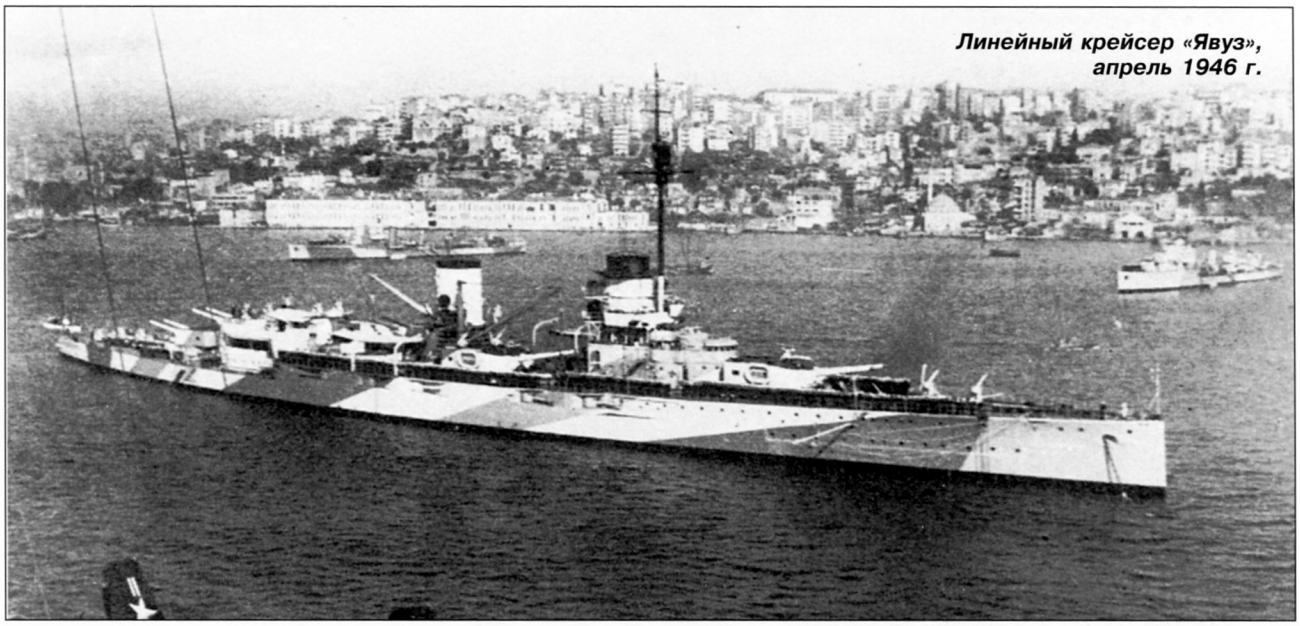
В 1925 г. турецкое правительство заключило договор с немецкой фирмой «Flenderwerft» из Любека о постройке плавучего дока грузоподъемностью 25 000 т, специально для ремонта линейного крейсера. Док установили в Измите, куда 20.12.1926 г. привели «Yavuz Sultan Selim». В декабре с турецкой фирмой «T.C.Deniz Kuvetlari Golcuk Tersane» был заключен контракт на проведение восстановительного ремонта корабля. Помощь в проведении работ оказывала французская фирма «Penhoet St. Nazaire».

По завершении ремонта в марте 1930 г. под названием «Yavuz Selim» корабль вошел в строй турецкого флота. В 1936 г. название было изменено на «Yavuz».

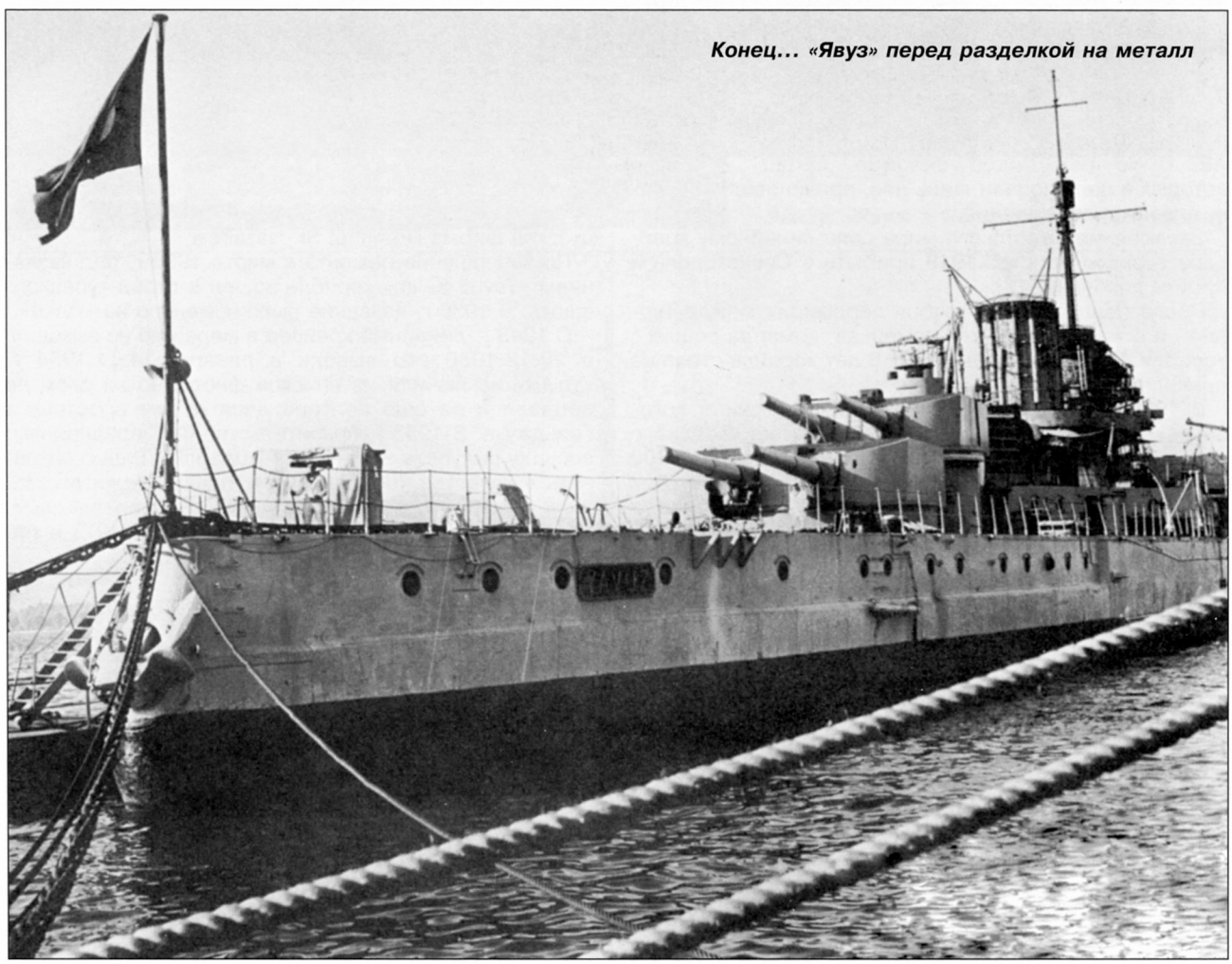
С 1948 г. линейный крейсер в море уже не выходил, а 20.12.1950 его вывели в резерв. 14.11.1954 г. «Yavuz» исключили из списков флота, но на слом не продали и он еще полтора десятка лет простоял в Гельджуке. В 1963 г. правительство ФРГ предприняло попытку выкупить знаменитый корабль с целью сохранить в качестве корабля-музея, однако турки отказались и в 1970 г. продали бывшего «Goeben» на слом. На судоразделочный завод он прибыл 7.6.1973 и разобран с июля 1973 по февраль 1976 г.



Линейный крейсер «Явуз» после модернизации



Линейный крейсер «Явуз», апрель 1946 г.



Конец... «Явуз» перед разделкой на металл

Библиография

Коленковский А. «Дарданелльская операция», СПб, 2001
Корбетт Ю. «Операции английского флота в мировую войну», том 2, М-Л, 1941
Лорей Г. «Операции германо-турецких морских сил в 1914-1918 гг.», СпБ, 2004
Ниланс Р. «Генералы Великой войны», М, 2005

Basarin, V., Basarin, H. «Beneath the Dardanelles», Crows Nest, 2008
Basarin, V., Basarin, H. «Gallipoli — The Turkish story», Crows Nest, 2003
Berkely Milne «The flight of the 'Goeben' and the 'Breslau'», London, 1921
Buxton I. «Big gun monitors», Annapolis, 1978
Chambers S. «Gully Ravine — Gallipoli», Barnsley, 2003
Erickson E. «Ordered to die», London, 2001
Erickson E. «Ottoman army effectiveness in World War I», London, 2007
Fromkin D. «A Peace to end all Peace», NY, 2001
Garrier G. «L'odyssee technique et humaine du sous-marin en France. A l'epreuve de la Grande Guerre», Bourg-en-Bresse, 2002
Halpern P. «Naval war in Mediterranean», Annapolis, 1987
Halpern P. «The Mediterranean naval situation», Cambridge, 1971
Hart P. «Gallipoli», London, 2011
Haythornthwaite P. «Gallipoli 1915», Barnsley, 1991
Keyes R. «The naval memoirs», vol. 1, London, 1934
Langensiepen B., Guleruz A. «The Ottoman Steam Navy 1828-1923», London, 1995
Liman von Sanders O. «Funf Jahre Turkei», Berlin, 1919
MacLeod J. «Gallipoli», London, 2004
Marder A. «From Dreadnought to Scapa Flow», vol. 2, London, 1965
Massie R. «The castles of steel», NY, 2003
Moseley S. «The truth about the Dardanelles», London, 1916
Nevinson H. «The Dardanelles campaign», London, 1918
Oran E. «Canakkale Savaslari'nda denizalti harekati», Istanbul, 2007
Price W. «With the fleet in the Dardanelles», London, 1915
Roskill S. «Churchill and the admirals», London, 1977
«Selcuk Universitesi Turkiyat Aractirmalari Dergisi, 2004», Konya, 2004
Uyar M., Erickson E. «A military history of the Ottomans», Oxford, 2009
Van der Vat D. «The ship that changed the world», London, 1985

Больных Александр Геннадиевич

Дарданеллы 1915: Самое кровавое поражение Черчилля

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 123308, Москва, ул.Зорге, д. 1
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86,8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. +7(495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: www.**kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.11.2013.
Формат 84x1081/16. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8 Тираж 1 800 экз.
Зак. № 4256.

ISBN 978-5-699-68984-2

9 785699 689842 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Первая книга о Дарданелльской катастрофе 1915 года, основанная не только на британских, французских, немецких, русских, но и на турецких источниках. Всё о самом кровавом и позорном поражении Черчилля и провале первого стратегического десанта в истории.

С юности склонный к опасным авантюрам и напрочь лишенный военного таланта, сэр Уинстон в марте 1915-го вознамерился одним ударом выбить Турцию из войны, с боем прорвавшись через Дарданеллы к Константинополю и заставив «османов» капитулировать. Но отвратительно спланированная и бездарно проведенная операция завершилась трагедией – всего за день англо-французский флот потерял на минах и под огнем береговых батарей три броненосца, еще несколько кораблей получили серьезные повреждения и спаслись лишь чудом. Еще худшей бойней обернулся десант на полуостров Галлиполи, где наступление также захлебнулось и союзники положили в позиционной мясорубке 150 тысяч человек с нулевым результатом. Этот провал был тем более унизительным, что в зоне высадки турки не имели даже пулеметов, а косили наступающих из многоствольных картечниц, в других армиях давно снятых с вооружения. Последней каплей стала гибель еще трех броненосцев, потопленных немецкой подлодкой и турецким миноносцем, и провал второго десанта в бухте Сувла, после чего было решено эвакуировать галлиполийские плацдармы.

Эта книга восстанавливает все обстоятельства крупнейшей военной катастрофы в британской истории и самого постыдного фиаско в карьере Черчилля, после которого он вынужден был уйти в отставку с поста Первого Лорда Адмиралтейства (военно-морского министра). Коллекционное издание на мелованной бумаге высшего качества иллюстрировано сотнями редких карт, схем и фотографий.

ЭКСМО
ЯУЗА
ISBN 978-5-699-68984-2
9 785699 689842 >